

Пишет вам ваш сын и брат...

*Пишет вам
ваш сын и брат...*

Человек, общество, армия
в работах российских школьников

Человек, общество, армия
в работах российских школьников

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»
Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева
Союз краеведов России
Кафедра региональной истории и краеведения
Российского государственного гуманитарного университета

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век»

пишет вам ваш сын и брат...

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, АРМИЯ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса
исторических исследовательских работ старшеклассников
«Человек в истории. Россия — XX век» 2000–2013 годов

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
ПЗ6

Издательская программа Международного общества «Мемориал»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонд Фридриха Науманна за свободу» (Германия) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера (ФРГ)

Издание осуществляется в рамках проекта «ОБЩЕСТВО И АРМИЯ — международная сеть правозащитных организаций в поддержку призывников, военнослужащих и альтернативнослужащих: действия по обеспечению верховенства права», при финансовой поддержке программы «Европейская инициатива по демократии и правам человека Европейского Союза»

Мнения и позиции авторов работ, опубликованных в сборнике, могут не совпадать с официальными позициями поддерживающих организаций и программ

Редакционная коллегия: Александр Даниэль, Лариса Еремина, Елена Жемкова, Татьяна Касаткина, Никита Охотин, Ян Рачинский, Арсений Рогинский (председатель)

Редактор-составитель: Ирина Щербакова

Подготовка текста: Николай Гладких, Оксана Михайлова

Дизайн обложки: Игорь Яворский

В оформлении обложки использованы фотографии Наталии Медведевой

ПЗ6 Пишет вам ваш сын и брат...
Человек, общество, армия в работах российских школьников: Сборник работ лауреатов Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» 2000–2013 годов
М.: Мемориал; 2014. — 246 с.

ISBN 978-5-9902341-1-6

В сборник вошли работы российских школьников — лауреатов Всероссийского исторического конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» 2000–2013 годов. Работы, основанные на воспоминаниях, письмах, дневниках и альбомах советских и российских военнослужащих, рассказывают о службе в советской и российской армии в мирное время и в периоды вооруженных конфликтов в Афганистане и на Северном Кавказе.

УДК 94(47)
ББК 63.39(2)6

ISBN 978-5-9902341-1-6

© Международное общество «Мемориал»

Содержание

Ирина Щербакова. Предисловие 7

ДМБ — 60–90-е

Дарья Гальцова, Софья Кароборчева, Илья Новиков.

Аты-баты, шли солдаты. Аты-баты, за кордон 13

Антонина Столбовская.

«Куба — рядом!» Участие моих земляков в советско-кубинских отношениях в 60-е годы XX века 35

Александр Ковалев.

ДМБ–87, или Как служилось в армии во времена моего папы и как в ней служится сейчас (размышления допризывника) 48

Станислав Рожнев.

Дембельский альбом, или 100 дней до приказа 75

От Кабула до Кандагара

Сергей Предко.

«Афганский синдром»: история русистики в Кабуле 91

Руслан Павлов.

«...И лишь памяти тонкая нить нас уводит в туманное прошлое, где случайно нам выпало жить...»

(Быт солдат Афганской войны 1979–1989 гг.

по воспоминаниям ее участников) 103

Галина Сафонова. Судьба «афганца» 123

Чеченский синдром

Анастасия Бондаренко, Ольга Селина, Ольга Шищенко.

Сто писем рядового Зайцева (письма из Чечни) 141

Валерия Швец. Служили в Чечне три товарища 175

Маргарита Барыкина. Командировки на войну

(письма папы из Чечни) 183

Надежда Данилова. «Тише! Я сына встречаю...» 193

Татьяна Смирнова. Подвиг матери 213

Ольга Попова. «Расскажи мне боль свою, солдат...» 219

Алексей Кулябин. Мадонны России 228

Предисловие

Ирина Щербакова

Сборник «Пишет Вам ваш сын и брат» — пятнадцатый в серии публикаций работ победителей конкурса «Человек в истории. Россия — XX век». 14 работ, составивших эту небольшую книжку, в разные годы участвовали в номинации «Человек, общество, армия», которую поддерживала Международная сеть правозащитных организаций в поддержку призывников, военнослужащих и альтернативнослужащих «Общество и Армия».

Тема службы в советской и российской армии, отношение к этой службе, память о ней стала одной из наиболее трудных для участников нашего конкурса. Вероятно, потому, что она еще слишком актуальна и неоднозначна. Для сегодняшних школьников — это часть их повседневной жизни. Для некоторых армейская служба — реальная перспектива ближайших лет, другие в быту и в разных сферах жизни постоянно сталкиваются с теми, кто уже получил опыт этой службы. Герои этого сборника — не деды и прадеды, а отцы и старшие братья юных авторов. Большинство старших не слишком охотно говорит о пережитом с младшими. Поэтому братья за тему «Человек, общество, армия» школьникам было нелегко.

Трудности возникали уже с самого начала: на что опираться, откуда добывать информацию? Ведь из государственных архивов ее получить невозможно. Поэтому главными источниками стали собранные нашими авторами устные воспоминания родственников и знакомых, письма, посланные из армии родным и близким, в редких случаях дневниковые записи. Но, как правильно сказано в одной из работ, *«армия во многом закрытая сфера общества, поэтому она ограничивала солдата в документировании своей жизни. Дневники вести было нельзя, письма проходили через цензуру, присяга запрещала разглашение военной тайны»*.

Но свидетельства, устные и письменные, не только трудно добыть. Их еще очень нелегко интерпретировать. Ведь тут подростки непосредственно сталкиваются с крайне травматичным опытом — плохо изученным, и слабо отрефлексированным не только самими свидетелями, но и обществом. Тем не менее, в своих работах ребята старались описать этот опыт и понять, как повлиял он на жизнь их героев.

Что же более всего заинтересовало школьников, обратившихся к этой теме? Что нового они для себя открыли? Прежде всего — то, о чем сегодня едва ли можно прочитать в учебнике: в каких странах проходили службу, находились с «ограниченным контингентом» советских войск их родственники, соседи, земляки. Оказывается (к их удивлению!), что таких мест было очень много — призывники только из одной деревни Воронежской области оказывались в ГДР и Чехословакии, Венгрии и Афганистане. А в других работах возникают, например, Вьетнам и Куба. Это рождает вопросы — не только о том, как в этих местах несли свою службу их собеседники, но и для чего там находились?

Мы видим, что ответы, оправдывающие необходимость «выполнения интернационального долга», весьма критически воспринимаются сегодняшними школьниками, и когда речь идет о введении советских войск в Чехословакию, и во многих других случаях. Далекие и абстрактные события холодной войны наполняются реальным содержанием, когда в них втянуты не только главы ядерных держав, но и простые солдаты и моряки, рискующие своей жизнью.

Так звучит записанный школьницей рассказ очевидца, который вспоминает, как их, вместе с ракетами, в самый разгар Карибского кризиса везли на «Остров свободы». Спрятанные в трюмах, страдающие от жары, мучимые неизвестностью, они лишь на полпути догадываются, куда направляются со своим смертельным грузом:

«Только в Средиземном море нам сказали, что мы плывем на Кубу. Проплыли мы Средиземное море, вышли в Атлантический океан. Все люки задрали, выходили на палубу только ночью. Обедали в 12 часов ночи, ужинали в 6 утра. Сидели в темноте, лампочка под потолком, а жара под 50 С. Над нами летали самолеты НАТО, и все знали, что сразу выведем ядерное оружие. Мы были готовы ко всему. Поход длился 22 суток, хватило и еды, и воды. Ни в один порт не заходили. Перед самым концом выдали спасательные пояса, высота от борта крейсера до воды — от 17 до 20 м, инструктировали, что если придется прыгать — руки к себе прижимать, а то оторвет спасательным жилетом, и ногами вперед. Еще дали автоматы, но что они значат в тех условиях! Но всё обошлось».

И хотя в тот раз всё обошлось, и рассказчик с юмором описывает, как их на Кубе маскировали под «гражданских» на время увольнительной, одевая всех в одинаковые клетчатые ковбойки (что сразу выдавало советских моряков), но ощущение того, что человек был заложником политических игр, пешкой, которую можно отправить куда угодно, заставить вторгнуться в чужую мирную жизнь, — возникает вполне отчетливо.

Эта тема: человек — пешка, а армейских условиях пешка вдвойне, пожалуй, самая важная и объединяющая разные сюжеты и истории, помещенные в этом сборнике. Особенно остро она звучит в работах, посвященных личному опыту тех, кто оказался в Афганистане и в Чечне. В связи с этим возникает и другой ключевой вопрос, который, может быть, и не всеми молодыми авторами сформулирован достаточно определенно, но, несомненно, их серьезно волнует. Это тема бесправия человека, оказавшегося в армии, унижений, которым многие подверглись во время службы, и возникающие в связи с этим психологические и нравственные проблемы.

Речь идет не только о скверных бытовых условиях, которые существовали в армии всегда, но особенно остро ощущались теми, кто служил в 80-е — 90-е годы. Солдат у нас десятилетиями плохо одевают (неудобная, старомодная, уродующая форма, скверное белье, грубые сапоги, до недавнего времени портянки), плохо и невкусно кормят. В 90-е они и вовсе оказывались на грани голода.

«Больше всего помнится надоедавшее пюре на ужин. Картофель был отвратительного качества, как клейстер. К нему неизменно, в течение длительного времени, подавали консервированный минтай в томатной пасте. Калорийность питания даже близко не соответствовала нормам. Один из солдат добыл где-то бочонок с жиром и перед столовой успевал зачерпнуть оттуда содержимое ложкой, что мы и добавляли в еду. Постоянно ощущали себя голодными. Хлеб выпекали сами из отвратительной муки. Он был как камень, неприятный на вкус, но когда мучило чувство голода брали на вечер его и положенную банку сгущенки — “напорешься” на ночь и немного полегче. Сгущенка тоже не всегда была нормального качества, попадались и ржавые банки, и всякое такое. Из того же минтая варили суп. Мясо в рационе было редкостью».

Описаниями этого унижительного и скудного армейского быта полны и письма, которые приводят в своих работах школьники. Это рассказы о бессмысленной

муштре, эмоциональном и умственном отупении. Очень мало кто рассказывает о приобретенных в армии профессиональных или спортивных навыках.

«На первом полугодии службы, да и некоторое время потом все мои желания были поспать побольше — и побольше и получше поесть. Сейчас же появляются и другие потребности. Правда, всё это время я ничего не читал, даже газет. Телевизор смотреть не было ни времени, ни желания».

Но всё это — лишь фон, на котором происходит унижение личности, когда описывается дедовщина, начавшаяся в 70-е и расцветшая в нашей армии в 80–90-е годы прошлого века. В той или иной форме эту тему затрагивают все, кто служил в это время, хотя, конечно, даже годы спустя, лишь немногие готовы откровенно рассказывать своим детям о том, что им пришлось испытать:

«Мне кажется, что дедовщина — это страшное явление, в основе которого унижение одного человека другим. Папа рассказывал, что старослужащие могли приказать “слонам”: “Нам нужны бутылка водки и килограмм шоколадных конфет. До утра достать хоть из-под земли!” Денег, конечно, никаких не выдавалось. Или заставляли бегать с шестнадцатикилограммовой гирей с первого этажа здания казармы на третий и обратно, а потом еще и отжиматься на кулачках. “Дембеля” со злорадством смеялись: когда-то и им приходилось делать то же самое».

Этот страх перед бесконтрольным унижением и насилием со стороны своих старших сослуживцев приводит к тому, что традиционно уважительное отношение к службе в армии стало исчезать, потому что привычная схема «отец служил, и я тоже пойду» для многих обернулась тяжелым разочарованием. А для подростков вопрос о всяком бессмысленном насилии над личностью очень болезнен, что, к сожалению, не всегда осознают взрослые:

«Считается, что армия делает из мальчиков мужчин (вот и моя мама так сказала), но тогда мужчина — это мальчик, потерявший собственное “я”».

Однако самые тягостные и трагические моменты в работах это сборника (а их большинство) связаны с попытками ребят выяснить, что происходило с теми, кто оказался во время службы в «горячих точках», в Афганистане, в Чечне. Здесь молодые авторы в полной мере сталкиваются с умолчаниями, недоговоренностью, вытеснением мучительных воспоминаний. На самом деле лишь очень немногие готовы поделиться с ними своей трудной памятью. Потому что, несмотря на все попытки героизировать эти события в фильмах, мемориальных досках и т. д., вопрос о бессмысленности больших потерь, о неоправданности жертв, о дегуманизации и жестокости, которые порождает война, возникает со всей неизбежностью. И в том числе на бытовом и семейном уровне — когда речь идет о близких людях, которые не могут справиться с прошлым, подорвавшим их физически и нравственно. В нашем сборнике есть примеры, когда подростки не просто сталкиваются с последствиями пережитого, но и сами становятся в какой-то степени жертвами войны, потому что их отцы приносят свои физические и психические травмы в семейную жизнь.

Тем более поразительно, что ребята нашли в себе мужество рассказать об этих травмах, приоткрыв взрослым дверь в тот мир, в который им не очень-то хочется заходить.

Именно поэтому мы решились собрать эти работы в один сборник. Нам кажется, что это важный сигнал для общества, напоминающий об опасных последствиях неизжитой травмы, о необходимости принципиальных перемен, в которых нуждается этот важнейший треугольник взаимоотношений между человеком, обществом и армией.

ДМБ — 60–90-е

Аты-баты, шли солдаты Аты-баты — за кордон

Дарья Гальцова
Софья Караборчева
Илья Новиков

с. Новый Курлак, Воронежская обл.
научный руководитель Н. А. Макаров

Дарья Гальцова:

На стене перед входом в нашу школу висит мемориальная доска, на которой написано: «Здесь учился воин-интернационалист Лукьянов С. М., погибший в Афганистане 24.06.1980». Мы видим эту доску каждый день, поэтому сами собой возникают вопросы. Что значит — воин-интернационалист? Почему он погиб в Афганистане, далеко за пределами нашей страны?

И вообще — почему наши солдаты служили за границей? Раньше я не особо об этом задумывалась: были наши военные части за рубежом — значит, так было нужно. Но чем дальше шло наше исследование, тем больше я стала сомневаться — действительно ли нужно?

Я разговаривала с И. И. Михеевым, который во время Второй мировой войны оказался в Иране. Тогда я посчитала, что введение советских войск в Иран было в какой-то степени оправдано, чтобы сдержать агрессию фашистов на востоке.

Потом я исследовала судьбу погибшего в Афганистане Сергея Лукьянова. Многое прочитала, что-то поняла, что-то не совсем. Там, в Афганистане, шла гражданская война, нужно ли было вмешиваться в чужие дела? Тем более, в течение десяти лет. За это время погибли тысячи советских солдат.

Затем, как я узнала, были конфликты в Венгрии, Чехословакии, Польше. И наши солдаты, в том числе мои односельчане, оказались в этих точках. Зачем всё это происходило? Кто посылал туда наших солдат, решал за них их судьбу? Понятно, что власть, те, кто руководил тогда государством, ведь армия — один из государственных рычагов. Говорят, что это была помощь тем странам, а солдаты просто выполняли свой долг. Я думаю, что не надо было лезть в чужую жизнь, ведь долг солдата — охранять рубежи своей страны.

Все эти размышления повлияли на выбор темы нашего исследования. Мы втроем (с моей одноклассницей Соней Караборчевой и десятиклассником Ильей Новиковым) выяснили, что многие наши односельчане проходили военную службу за границей. Так получилось, что мы учимся в одной школе, но живем в трех разных селах. Поэтому мы и разделили наши обязанности по «территориальному» признаку. В основе нашей работы лежат интервью с теми, кто служил «за кордоном».

Я раньше думала, что тема армейской службы интересна только для мальчишек, но после того, как занялась этим исследованием, поняла, что это очень интересно всем. Я даже по-другому стала относиться к папиной службе. Может, следующую работу напишу о нем.

Мои соавторы во многом согласны со мной, просто эту часть было поручено написать мне.

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ В ДАЛЕКИЕ КРАЯ

Да, мы против войн, но, к сожалению, история часто рассматривается как история именно войн и сражений. История России — с самых давних пор — связана с завоеваниями, которыми мы, по идее, должны гордиться. Так «прорубались окна в Европу», а еще раньше в Азию, за Урал и в Сибирь, так расширялись южные границы. Уже тогда русские (или российские) солдаты бывали за границей.

Но это время войн. А вот так, чтобы проходить регулярную военную службу за рубежом, — такое было распространено лишь в XX веке.

Хотя один забавный случай из истории наших сел показывает, что российские войска выступали в качестве оккупационных, например, в Польше. До сих пор одна из улочек села Моховое в народе называется «Варшава». Вернее, на местном говоре это превратилось в «Аршаф». А происхождение названия таково. Моховской крестьянин, которого звали Иван Калаев, в конце XIX века проходил военную службу в Варшаве. Вернувшись домой, он не мог нахвалиться, что видел «красивую жизнь», по-настоящему европейскую, говорил о Варшаве днями и ночами. За ним закрепилось прозвище — «Варшавец». Потом он открыл небольшую лавку, где продавал разную снедь. Пойти в его лавку означало пойти к Варшавцу. Вскоре и улицу, где он жил, стали называть Варшавой.

Конечно, официально часть современной Польши, в том числе и Варшава, входила тогда в состав Российской империи, но разве справедливым было препятствовать независимости этой страны?

Так и в XX веке под видом «помощи братским странам» СССР, по существу, насаждал там коммунистические или близкие СССР режимы. Нам было интересно выяснить в беседах со служившими за границей земляками, как они себя там ощущали, как относилось к ним местное население. Но нам было также важно узнать, какой была повседневная жизнь военнослужащего за границей.

Вначале мы составили списки по нашим селам тех, кто служил за границей. Наверное, мы выявили не всех: кто-то об этом предпочитает умалчивать, о ком-то мы просто не узнали.

Для удобства мы составили таблицу:

	Новый Курлак	Старый Курлак	Моховое	Итого
Абхазия	1	–	–	1
Афганистан	2	3	4	9
Германия (ГДР)	5	7	2	14
Венгрия	2	4	–	6
Вьетнам	–	1	1	2
Иран	–	1	–	1
Куба	–	1	–	1
Монголия	1	–	–	1
Польша	1	1	–	2
Чехословакия	2	1	–	3
Итого	14	19	7	40

Уже эта таблица может служить неким «зеркалом». Все страны (за исключением Ирана, Афганистана и Абхазии) — из бывшего «социалистического лаге-

ря». Больше всего служило в Восточной Германии, что понятно: именно здесь проходила главная линия «холодной войны». На втором месте по численности Афганистан, что тоже понятно: там шла по существу не «холодная», а «горячая» война. Наши земляки были практически во всех странах, затронутых «холодной» войной.

Далеко не все откликнулись на нашу просьбу о беседе, причем причины были самые разные.

В некоторых случаях причиной было то, что данный человек сильно подвержен алкоголю. Чаще всего это так называемые «афганцы».

Другие были очень заняты по работе.

Были и такие, кто, как нам показалось, отказался от интервью из-за того, что боялся: вдруг об этом где-то напечатают или напишут? Они ссылались на то, что им некогда, откладывали разговор на «завтра», которое так и не наступило.

Но и то, что нам рассказали те, с кем удалось побеседовать, произвело на нас очень сильное впечатление.

Вначале мы хотели «разбить» «заграничников» по селам, в которых они сейчас живут, но потом поняли, что гораздо логичнее распределить их по странам, где они служили.

В некоторых случаях указаны имена, в других — только инициалы (так пожелали собеседники).

Дарья Гальцова

ИРАН

К Ивану Ивановичу Михееву я отправилась по заданию краеведческого кружка накануне 65-летия Победы.

Я немного побаивалась. Но наша беседа завязалась быстро: Иван Иванович долгие годы работал учителем, был директором Старокурлакской школы. Всего я беседовала с ним трижды. Из его рассказов я узнала такие сведения о войне, каких нет в художественных книгах и школьных учебниках.

Иван Иванович родился в селе Верхняя Тишанка нынешнего Таловского района 9 октября 1921 года. Там же окончил ШКМ — школу крестьянской молодежи. Поступил в железнодорожный техникум города Воронежа. Проучился два года, но тут выяснилось, что всех студентов будут забирать в армию.

Это был 1939 год. В то время не хватало учителей, поэтому он отправился на курсы учителей начальных классов. Закончив их в 1940 году, Иван Иванович получил направление на работу учителем истории в село Липовка Бобровского района. Но учительствовать довелось чуть больше месяца: 5 октября 1940 года его призвали в армию.

И. И. Михеев оказался в узбекском городе Термез на самой границе с Афганистаном, служил в стрелковом полку артиллерийской батареи. Был наводчиком. Через три месяца (в январе или феврале 1941 года) в их часть приехал младший лейтенант из Средне-Азиатского военного округа и по приказу отобрал 80 человек в Ашхабадский артиллерийский полк. Это была уже Туркмения.

Так Иван Иванович стал курсантом полковой школы гаубичного полка. Там проучился четыре месяца. Тут и началась Великая Отечественная война.

Часть И. И. Михеева в августе 1941 года в составе других советских войск была введена в Иран.

Меня очень заинтересовал этот факт. Известно, что Советский Союз воевал с Германией и ее союзниками на западном направлении. Но почему были отправлены войска в Иран?

Я просмотрела имеющиеся источники о «неизвестной войне» в Иране. Узнала оттуда, что Иранская операция была совместно спланирована Советским Союзом и Великобританией. Ее кодовое название было «Согласие». Великобритания и СССР стали союзниками во Второй мировой войне. Ввод войск начался 25 августа 1941 года. Британцы наступали с юга, советские войска — с севера. Иранская армия оказывала вялое сопротивление, а вскоре сложила оружие.

В Википедии говорится:

«8 сентября 1941 г. было подписано соглашение, определявшее расположение союзнических войск на территории Ирана. Соглашение вступило в силу 9 сентября 1941 г.

В 1942 г. суверенитет Ирана был восстановлен, власть перешла к сыну шаха Реза Пехлеви — Мохаммеду. Тем не менее, Советский Союз, опасаясь возможной агрессии со стороны Турции, держал свои войска в северном Иране до мая 1946 г.».

И. И. Михеев попал в город Мешхед, который располагается в 180 км от Ашхабада. Сражений в Иране не было: немцы не решились направить в Иран свои войска. Советские части проводили учения в горах, так как предстояло воевать в горных условиях. Полк Ивана Ивановича назывался 76-й горно-вьючный полк горно-стрелковой дивизии. В качестве транспортного средства в основном использовались лошади, так как именно они и могли пройти по трудным горным дорогам и тропам. Солдат учили в течение одной минуты разобрать пушку, погрузить на лошадей, передислоцироваться на другую точку и затем в течение минуты собрать орудие.

В памяти Ивана Ивановича остались воспоминания о чужой южной стране. Там была очень своеобразная природа: горы, синее небо. Из своей части, располагавшейся на окраине города, он носил пакеты с документами в штаб, находившийся в центре. Посредине главной площади Мешхеда протекал арык — огромный, по ширине как наша речка Курлак. По его краям росли деревья. И везде, даже на окраине, цветы необыкновенной красоты. Иван Иванович сказал мне, что таких за всю жизнь он больше нигде не видел.

Это приятные воспоминания. Но были и страшные. Иран был нищей страной. Там мог человек идти по улице и вдруг упасть и умереть от голода.

В начале октября 1941 года советские войска стали постепенно выводить из Ирана. Оставалась небольшая часть, а основные силы уходили на Кавказ, куда уже рвались фашисты. 9 октября у Ивана Ивановича день рождения, но в тот день он даже не вспомнил о нем, не понял, что стал на год взрослее, что перешагнул порог двадцатилетия.

Через Ашхабад, Красноводск, Каспийское море подошли к фронту. Их часть присоединили к 18-й приморской группе, которая стала называться 18-й армией.

Бои проходили под городом Туапсе. Они шли в горах, а это не то, что на равнине. Казалось, что каждый камень стреляет. Немцы находились в 12 км от Туапсе. Страшное сражение завязалось за высоту Семашка.

Иван Иванович был корректировщиком огня батареи. В его задачу входило вести с биноклем наблюдение, отмечать на карте огневые точки противника и передавать по радиации данные. Артиллеристы вели по его указанию огонь.

Так каждый день, каждую ночь — более года. После взятия Туапсе часть перебросили к высоте Аргинка. Иван Иванович видел много убитых и раненых, как немецких, так и советских.

А 30 января 1943 года рядом с ним разорвалась мина. Он был сильно контужен. Потерял сознание и долгое время лежал на морозе. В горах было очень холодно, —25°, хотя внизу шел дождь. Пока его нашли, он обморозил ноги. Очнулся в деревне, лежащим на полу в соломе. Ног не чувствовал, думал, что их отгорвало миной.

Для Ивана Ивановича фронтовой путь был закончен. Он лечился в нескольких госпиталях. Он помнит, как на Кубани встречали санитарный поезд местные жители. Сами голодные, они несли последнее раненым. 5 августа 1943 года Иван Иванович был окончательно выписан. На левой ноге ему отрезали все пальцы, на правой — один. К военной службе он стал не годен.

После возвращения с фронта И. И. Михеев работал в школе, с 1953 по 1976 год — бессменно в Старом Курлаке. У него учились мои дедушки и папа.

Дарья Гальцова

ВЕНГРИЯ

В октябре 1956 года в Венгрии произошло народное восстание, направленное против коммунистического режима. Оно стало одним из важнейших событий во времена «холодной» войны. Советские войска участвовали в подавлении этого восстания.

Мне удалось найти земляка, который служил в Венгрии вскоре после этой «заварушки», как он сказал. Виктора Митрофановича Грошева призвали на военную службу 28 сентября 1958 года. Срок службы тогда был трехгодичный, но его отпустили позже — 25 февраля 1962 года. Задержка связана тоже с «холодной» войной. Тогда, видимо, уже шла подготовка к операции на Кубе по транспортировке ядерного оружия. Солдат специально придерживали в частях, думали, что понадобятся дополнительные войска.

В Венгрии в 1958 году всё было уже тихо и мирно. Только следы от пуль на зданиях напоминали о восстании. Солдат не выпускали за ворота КПП, округу они видели только из кузова машин, когда их возили на учения.

С местным населением они не общались, потому что не позволяли. Лишь один раз ему довелось работать в котельной, и там он увидел, как ему показалось, мадьяра (венгра), но потом выяснилось, что это русский, оставшийся в Венгрии сразу после войны. Он получил ранение, его спасла венгерская женщина, на которой он и женился.

Виктору Митрофановичу во время службы пришлось съездить в Советский Союз. Один из солдат совершил самострел (прострелил себе руку). Видно, и тогда служить было не таким уж и легким делом. Его надо было переправить в Минск в дисбат (дисциплинарный батальон). Вот В. М. Грошева и определили в сопровождающие. Ехал и офицер, конечно. Но на вокзале в Минске тот солдат сбегал. Офицер сильно горевал: теперь их самих могли осудить. С горя он купил водки и напился, налил и Виктору Митрофановичу. Он тогда первый раз попробовал, что такое водка. На их счастье, солдат вернулся сам, да еще принес бутылку водки.

Виктор Митрофанович сказал, что ему хотелось служить за границей, но во время службы он ее, по сути, не увидел.

Дарья Гальцова, Софья Караборчева

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Советские войска были введены в Чехословакию в ночь на 21 августа 1968 года. Тогда руководство СССР испугалось, что проводившиеся в ЧССР демократические преобразования могут повредить «делу социализма». ЧССР входила в социалистический лагерь, являлась членом Восточного военного блока, но после Второй мировой войны советские военные не располагались на ее территории. События 1968 года вошли в историю под названием «Пражская весна». Политическое руководство не отказывалось от социализма, но оно хотело строить «социализм с человеческим лицом». Это лозунг ставил под сомнение социализм в СССР — то есть он оказывался не с человеческим лицом.

В итоге в Чехословакии была отменена цензура, введена настоящая свобода слова, что очень не понравилось в СССР.

В августе Чехословакия была оккупирована войсками стран Варшавского договора (СССР, ГДР, Польша, Венгрия, Болгария), но самый большой по численности была, естественно, группировка советских войск.

«Пражская весна» была подавлена военной силой. Боевых действий не велось, так как армия ЧССР не оказывала сопротивления, но случались столкновения с мирными жителями. Ведь посягнули на их свободу. Они шли навстречу танкам, бросали в них подручные предметы. Поэтому были жертвы. В Википедии мы нашли информацию, что всего за месяц со стороны местного населения погибло 108 человек. Тот же источник указывает, что со стороны СССР было 84 погибших по разным причинам. В интернете можно даже найти список этих погибших советских военнослужащих в алфавитном порядке.

Но в этом списке нет нашего земляка П., хотя его могила на старокурлякском кладбище является веским доказательством. Да и живы еще многие из тех, кто его помнит. Он был не рядовым, а прапорщиком. После «командировки в Чехословакию» он собирался жениться на местной девушке, даже купил ей на заработанные за «операцию» деньги свадебное белое платье, но домой его привезли в цинковом гробу. Сейчас те, кого мы спрашивали, ссылаются на то, что уже забыли подробности причины гибели П., да их не сообщали даже родственникам, утверждали, что якобы он разбился в Чехословакии на мотоцикле «Ява».

Нам жаль своего земляка, мечтавшего о мирной семейной жизни, но нас не оставляет мысль о том, что погиб он в чужой стране, участвуя в операции по подавлению свободы.

В ЧССР был оставлен контингент советских войск, который назывался ЦГВ (Центральная группа войск). Окончательно все советские войска были выведены из Чехословакии лишь в июне 1991 года. Мы нашли тех, кому довелось там служить, но, к сожалению, нам так и не удалось встретиться ни с одним из них. А потом мы случайно узнали, что наша учительница технологии Т. Н. Малахова — жена офицера, проходившего там службу. Татьяна Николаевна любезно согласилась с нами побеседовать, и этот разговор позволил нам взглянуть на пребывание советских войск за границей с необычной стороны. Ведь жена офицера не была ограничена воинскими уставами, она могла наблюдать жизнь не только из-за высоких стен и от ворот КПП.

Т. Н. Малахова попала в Чехословакию в 1974 году. Ее муж только что окончил с красным дипломом военное училище в Тамбове, и его как отличника учебы поощрили службой за границей.

Значит, сделали мы вывод, служить в СССР было гораздо хуже. Это подтвердила и Татьяна Николаевна. Она сказала, что почувствовала перемену сразу, как только они пересекли на поезде границу. Как-то на глазах стало чище, даже поля выглядели непривычно — аккуратно и ровно.

В служебные дела мужа Татьяна Николаевна никогда не вмешивалась, ее задачей было ведение домашнего хозяйства.

Они жили в городе Ческа-Тршебова, причем квартиру им выделили в доме, населенном в основном местными жителями. Ее тут же вызвала на собеседование старшая по дому и предъявила определенные требования, которые надо было неукоснительно соблюдать. Во-первых, мусорные баки были для совершенно разных видов отходов, так что отходы необходимо было перед выбрасыванием тщательно сортировать. Во-вторых, нельзя было вывешивать сушить выстиранное белье на балкон. В-третьих, запрещалось готовить борщ из квашеной капусты: чехи считали, что запах от такого борща портит весь подъезд. Татьяну Николаевну всё это, конечно, поразило, но она неукоснительно следовала правилам. Еще больше ее удивило то, что электрический свет в подъезде включался и выключался автоматически.

Очень сильно ощущалось, что к русским в Чехословакии относились как к непрошенным гостям. Это чувствовалось и в магазинах, и, например, в парикмахерских. Однако люди уживаются везде, главное — самому быть хорошим человеком и вести себя соответственно. Татьяна Николаевна вспомнила и о случаях искренней помощи со стороны чешских соседей.

А магазины поначалу просто оглушили ее своим изобилием после пустых прилавков в СССР.

В СССР завидовали «иностранцам», постоянно делали разные заказы, забывая, что зарплата советского офицера была не слишком большой, тем более что работал только муж Татьяны Николаевны. Вот и приходилось идти в уцененный магазин. Но в СССР товары оттуда шли за высший сорт.

Все-таки как-то удавалось собирать потихоньку деньги. За четыре года в Чехословакии семья Малаховых приобрела красивый ковер, чайные сервизы, чешский хрусталь, который очень ценился. Всё это сохранилось до сих пор. По словам Татьяны Николаевны, они вернулись в СССР «богатыми и знаменитыми».

Женам офицеров разрешалось свободно ходить по городу, однако существовало негласное указание «не шататься». Досуг «русские» семьи обычно проводили вместе: ходили на ближайшее озеро загорать, собирали в лесу грибы.

Все панически боялись границы, ее пересечения. Советским гражданам разрешалось провезти с собой и обменять в банке ограниченную сумму денег (30 рублей), но «неофициально» можно было обменять и больше, поэтому везли все, но старались надежнее спрятать. Татьяна Николаевна сказала, что однажды она так запрятала перед границей 25 рублей (достаточно крупная сумма по тому времени), что так и не смогла потом найти.

Вообще, уезжать из Чехословакии обратно в СССР не хотелось. Там у Малаховых родился сын, причем в чешской больнице.

Татьяне Николаевне навсегда запомнились чешские кнедлики с печеночной подливой и необычайно вкусные сардельки. Единственное, по чему скучали, — по черному хлебу (в Чехословакии был распространен белый) и щам из квашеной капусты. В отпуске они с мужем набрасывались на эти продукты и ели их в течение целого месяца.

Сейчас в Чехии всё еще стоят и постепенно разрушаются разные объекты советских военных частей. Они напоминают о годах «холодной войны» и «железного занавеса».

Софья Караборчева

«ПРИВЕТ С ГСВГ!» (ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА)

«Привет с ГСВГ!

Здравствуй, Галя!

С огромным приветом и массой самых наилучших пожеланий к тебе Валера, с города Галле.

В первых строках своего письма хочу пожелать тебе всего самого наилучшего в твоей молодой, ярко-цветущей жизни.

Погода у нас стоит неважная, идут дожди.

Писать больше нечего, да и времени особо нет. На этом буду заканчивать свое письмо.

5.11.86 г. Валера. ГСВГ».

ГСВГ — это Группа советских войск в Германии. Там служил мой папа, Валерий Иванович Караборчев. Это его письмо к моей маме.

Мой папа гордится, что ему довелось служить два года в Германии, он искренне считает, что принес большую пользу Родине, очень расширил свой кругозор, обогатил мировоззрение.

Но подробнее о службе папы я расскажу позднее, вначале — о Василии Федоровиче Веретине, который, к сожалению, недавно ушел из жизни.

Советские войска сразу же после окончания Второй мировой войны заняли свою, восточную, зону оккупации в Германии. Части стояли буквально в каждом городке.

Василий Федорович служил в армии целых семь лет. Он сказал, что эта мера была предпринята руководством, чтобы компенсировать огромные человеческие потери во время войны. Шесть из семи лет В. Ф. Веретин служил в ГДР, в 1950–1956 годы.

Однако и за это короткое время в стране, которая подвергалась сокрушительным бомбардировкам и была сильно разрушена, навели порядок. Василий Федорович отметил, как и все, кто когда-либо бывал в Германии, необыкновенную чистоту: «Там никто никогда не бросит мусор мимо урны».

Он (В. Ф. Веретин) был первым, от кого я услышала, что до последнего момента он не знал про отправку за границу. То есть это держалось втайне от солдат, им сообщали об этом внезапно.

Василий Федорович, когда я с ним разговаривала, был уже тяжело болен, но всё же с теплотой вспоминал годы службы. Он рассказал, что сумел привезти из-за границы много красивых вещей, каких в Моховом в то время не было: два баяна, немецкую одежду для своей будущей жены.

Я пришла к выводу, что жизнь в СССР была очень скудной, так как даже баян воспринимался как большое богатство.

С местными жителями, по словам В. Ф. Веретина, удавалось находить общий язык. Немцы чувствовали свою вину за войну и с пониманием относились к тому, что на их территории находятся войска другого государства, которое победило фашизм. К тому же в ГДР стали строить социализм по типу СССР. Повсюду висели лозунги: «ГДР и СССР — навеки вместе». Этот век продлился около сорока лет, но в 1950-е годы казалось, что это действительно навсегда.

Так казалось и моему папе, хотя он служил в ГДР уже на закате социализма, в 1985–1987 гг. Но точно так же, как и В. Ф. Веретин, папа до последней секунды не знал, куда попадет служить. Из района их (призывников) привезли в Воронеж на так называемый пересыльный пункт. Ему сообщили лишь, что он в команде «20-А». Что это такое, папа не мог расшифровать, и никто ему не объяснял. Время от времени появлялись «покупатели» — так называли представителей из военных частей, где требовалось пополнение. Когда папа говорил, что он в команде «20-А», то покупатели от него буквально шарахались. А потом их (всех из команды 20-А) посадили в самолет и отправили в Харьков, а оттуда в Москву. В Москве снова самолет. Летели ночью, так как всё держали в секрете. Папа начал смутно догадываться, что тут что-то не то. Только когда подлетали к месту, объявили, что предстоит служить в Германии.

Я спросила у папы о том, была ли в армии дедовщина, то есть неуставные отношения, и он откровенно сказал, что вначале она просто процветала. Одежду (чистую), в которой прибывал новобранец, у него сразу же отбирали. Папе тоже, как он выразился, «начистили морду», потребовали отдать зубную пасту, тетради, авторучки, потом украли ремень.

В газетах и учебниках того времени писали, что межнациональных проблем в СССР не существует, что все национальные вопросы давно решены. Но в армии, даже за границей, эти проблемы чувствовались на каждом шагу.

В самом начале службы ему пришлось постоять за себя. Его завели в кубрик (так называли комнату, где выдавали разные вещи — одежду, сигареты и т. п.) чеченец, два белоруса, узбек и казах и стали «воспитывать». Конечно, противостоять пятерым одному не под силу, но всё же папа, несмотря на синяки, сумел дать достойный отпор. Кто-то прошипел ему: «Придешь из карантина — вешайся».

Вообще, в роте верх держали чеченцы, а «гоняли» русских, башкир, молдаван. То есть никакой идиллии в межнациональных отношениях не было.

В качестве примера дедовщины папа привел обряд перевода. В армии срок службы (два года) делился на разные этапы, которые очень странно назывались. Например, дух, слон, черпак — первый год службы, когда было особенно трудно. Переводили, например, в «черпаки»: солдат забирался на перевернутый стул (то есть на тонкие ножки) руками и ногами, и его били сзади.

Офицеры не вмешивались в отношения солдат. Они находились в части только днем, ночью же, в основном, и творился беспредел. То есть офицерам было выгодно, что поддерживался «порядок».

Я ужасаюсь такой жестокости. Папа сказал, что ему удалось прекратить эту варварскую церемонию перевода. Но, скорее всего, потом она возобновилась.

Папу выбрали комсоргом роты. Комсорг — это комсомольский организатор, то есть часть политического руководства, ведь комсомол был молодежным отделом правящей коммунистической партии. Потом получил и повышение в служебной должности: стал замкомвзвода и заместителем старшины роты. Он получал в месяц 60 марок ГДР.

Простому солдату полагалось 25 марок, ефрейтору — 28 марок, сержанту — 50 марок. Это не слишком большие деньги. Папа сказал, что марки менялись к советскому рублю в соотношение 1 к 3,2, то есть 60 марок — это приблизительно 19 рублей. Эти деньги чаще всего отбирали дембеля. Но всё-таки солдаты каким-то образом пытались откладывать, чтобы купить подарки родственникам. У папы — большая семья (кроме него, две сестры и четыре брата). Он каждому купил какую-то вещь. Моя мама сказала, что они тогда еще не были парой, только переписывались. Она очень завидовала сестрам папы, когда видела, какую косметику он им привез.

Папа смог использовать свое положение комсорга для того, чтобы поучаствовать во многих экскурсиях по городам ГДР. Вот только в Берлине папа не был. Незабываемым для папы стало посещение бывшего фашистского концлагеря Бухенвальд, который расположен вблизи города Веймар.

А вот в увольнение за границей ходить было нельзя, поэтому чтобы что-то увидеть, приходилось бегать в так называемую самоволку, т. е. отлучаться из части без разрешения начальства. «Всем, кто служил в армии, известно, что солдат — самый голодный человек на планете, — сказал папа. — Вот я как-то выбрал момент и решил сбегать в самоволку. У меня было несколько пфеннежек [то есть мелких монет — К. С.], я решил зайти в кафе. Там было всего навалом, просто глаза разбегались. В Советском Союзе такого изобилия я никогда не видел. Я заказал себе бутерброды, мороженое и чай, но когда подошел к кассе расплачиваться, то оказалось, что у меня хватило денег только на один чай. С того времени я понял, что нашему брату солдату нечего делать в кафе, приходилось довольствоваться солдатской столовой».

Да и на самом деле, солдатам нельзя было выйти за территорию части. И папа, служа в городе Галле, практически его не знал. Он расположен на большой реке Заале, а папа ни разу не видел реки, не помнит ее, потому что их часть стояла на окраине, в районе Галле-Нойштадт.

Местное население относилось к советским солдатам по-разному, кто-то гостеприимно, кто-то с презрением. Уже не было того почтения, которое было сразу после окончания Второй мировой войны. Для этого были причины, потому что советские военные порой вели себя очень грубо и бесцеремонно. Особенно возмущало местное население то, что наносился огромный ущерб окружающей среде, потому что советские люди по-другому не могли с ней обращаться, они так привыкли. А Германия, как думает папа, — самая чистая страна в мире.

У моего отца есть замечательный дембельский альбом, который постоянно напоминает ему о службе в армии. Этот альбом знаком мне с детства. Я очень люблю перелистывать его. Мне нравится, как он сделан. Он обернут в красную бархатную бумагу с орнаментом. На форзаце нарисован целый армейский эпизод: машина ЗИЛ выезжает из ворот КПП. Внизу написано: два года по дорогам DDR.

Папа очень тщательно делал этот альбом. На фотографиях, во-первых, его ближайшие родственники, то есть братья и сестры. Во время его службы у него рождались племянники и племянницы, братья женились, сестры выходили замуж, и все эти моменты отображены в альбоме. Эти фото присылали ему из дома. Такие снимки делались в основном в торжественной обстановке в ателье. Но есть и другие, любительские фото.

Вот папа принимает присягу. Позади — большой бюст Ленина. На лозунге, расположенном справа от Ленина, можно прочесть: «Партия армию нашу взрастила. В верности партии — армии сила».

А вот фотография, сделанная в Ленинской комнате. Папа сказал, что это было что-то вроде святилища. На стенах здесь висели огромные портреты лидеров государства, причем, когда служил папа, эти лидеры часто менялись. То есть он-то ушел служить, когда страну возглавил М. С. Горбачев, а до этого руководители очень часто умирали — Брежнев, Черненко, Андропов. Но они все висели в Ленинской комнате. Кроме того, были развешаны разные политические плакаты и информация. На одном из стендов я прочитала: «Итоги социалистического соревнования». Однако солдаты, снятые здесь (папины друзья), как-то не слишком чувствуют ответственность за то, что находятся в «святой святых». Кажется, их совсем не интересуют итоги социалистического соревнования.

Еще один интересный лист-вставка. На нем цифры, так много значащие для советского солдата: «2 года, 24 месяца, 730 дней, 104 недели, 17 520 часов, 1 051 200 минут, 63 072 000 секунд в сапогах».

На самой последней странице — коллаж из открыток с видами разных городов ГДР, в том числе и Берлина, где он никогда не был.

В свободное от работы время я прошу папу, чтобы он рассказал мне о своей службе и прокомментировал дембельский альбом. Он никогда не отказывает. Мы с ним садимся рядом, и тогда он начинает мне рассказывать о своих солдатских буднях. У него загораются глаза, будто он снова становится юным, он вспоминает своих сослуживцев, офицеров и всё то, что связано со службой за границей.

Папа подвел такой итог: «Я был очень рад, что меня послали служить в Германию, так как я посмотрел другую страну, совершенно других людей, поглядел на достопримечательности, даже чуть-чуть научился разговаривать по-немецки».

Совсем недавно папе позвонил его сослуживец, который нашел его телефон в социальной сети ВКонтакте. Как же был счастлив папа — прямо как ребенок! Этот сослуживец (его зовут Григорием) живет в Молдове. Он до сих пор помнит, как папа как-то заступился за него, защитил от дембелей.

Я очень горжусь своим папой и рада, что он служил за границей и посмотрел мир. С другой стороны, он служил в армии, которая должна была занимать территорию чужой страны.

Дарья Гальцова

ТОЖЕ ПРО ГСВГ

Из моего села Старый Курлак многие служили в ГСВГ, но мне удалось побеседовать с двумя односельчанами.

Николай Александрович Кочедыков (служил в 1983–1985 гг.) сразу же сказал, что он давным-давно, с юности, мечтал служить за границей. Как и в других случаях, солдатам ничего об этом не сказали. Их переправили в Калининград и выдали новое обмундирование. Среди прочего и юфтевые сапоги, полушерстяное белье. Юфтевые — значит, из чистой кожи, тогда как в Советском Союзе солдаты довольствовались кирзовыми, которые были очень неудобными и с непривычки новобранцы растирали ноги до кровавых мозолей. Такое обмундирование должно было продемонстрировать, что у советских солдат — всё самое лучшее.

Николай Александрович сказал, что как только увидел юфтевые сапоги, сразу смекнул, что повезут за границу. Он очень обрадовался.

Я сделала вывод, что в Советском Союзе многое скрывалось и что люди должны были догадываться по каким-то моментам, что их ожидает.

Николаю Александровичу повезло еще и в том, что он служил в Берлине — городе, закрытом для других советских военнослужащих. Он попал в Берлинскую гвардейскую бригаду ордена Богдана Хмельницкого II степени. Был командиром танка. Их часть выполняла еще послевоенные договоренности между странами-крепости Шпандау, где содержался нацистский преступник Рудольф Гесс. Солдаты четырех стран охраняли его по очереди. Существовал целый ритуал: англичан меняли русские, русских — американцы. Николай Александрович слышал по рассказам других, что Гесс якобы говорил: «Как увижу советского солдата — дрожь берет».

Кроме того, из их части возили смену караула в Западный Берлин, за знаменитую стену, чтобы охранять в парке Тиргартен памятник советскому солдату.

Вообще, жизнь в тогдашней ГДР была неплохой. У власти долгое время находился Эрих Хонеккер. Тогда ГДР называли «витриной социализма». Я прочитала, что наибольшую экономическую помощь СССР оказывал именно ГДР, чтобы показать: при социализме можно жить. И всё-таки, как сделал вывод мой собеседник, все люди в ГДР смотрели в сторону ФРГ, где жилось намного лучше.

Местное население относилось к советским войскам, можно сказать, с пониманием, то есть они считали, что должны терпеть их присутствие из-за фашизма. Но, конечно, ощущалась и настороженность. Николай Александрович помнит, например, такой случай. Они возвращались с учений в сопровождении ВАИ (военная автоинспекция). Почему-то колонна остановилась. По улице шли родители с детьми. Ребятишки кинулись к танку. Солдаты посадили их на танк, включили для них приборы на «инерцию». Дети радовались, крутили всё, лазали везде. А родители со страхом наблюдали из-за угла: не обидят ли их?

Еще Николай Александрович рассказал о таком забавном случае. Их бригаду послали на две недели на учения. Ехали ночью, впереди был мост, построенный как-то зигзагом. В итоге водитель танка поехал по нему не вдоль, а поперек, и танк перевернулся в реку. В этом танке везли материалы из Ленинской комнаты (их возили даже на учения). Подбежавший генерал спросил: «Жертвы есть?» — «Нет», — ответили ему. На танк он махнул рукой. Лозунги, плакаты, портреты Ленина, руководителей СССР поплыли дальше по реке.

Вообще, Николай Александрович любит вспоминать службу в армии. Благодаря ей, он посмотрел мир. В последние полгода он стал получать 84 марки ГДР. Товары в «витрине социализма» были несравнимы с теми, что продавались в СССР, можно было приобрести одежду европейской моды (например, джинсы-«варёнки»). При случае можно было даже позвонить с почты любимой девушке в Советский Союз всего за 5 марок.

Казармы в Германии были еще из эпохи Гитлера и более ранних времен, отличались добротностью.

В те же самые годы (1983–1985) служил в ГДР и Валерий Александрович Коновалов. Он числился в топографических войсках геодезистом, но что это такое, он не знает до сих пор, потому что два года прокрутил баранку военного автомобиля. Ему пригодились то, что еще до армии он выучился на шофера.

Часть Валерия Александровича дислоцировалась в пограничном с Польшей городе Франкфурте-на-Одере, но он исколесил почти всю ГДР, от Востока до Эрфурта. Своими глазами видел Берлинскую стену. Но даже и в мыслях у него не возникало оказаться по другую сторону стены.

Валерий Александрович (это приходится повторять каждый раз) не знал до последней секунды, что судьба занесет его в Германию. Сначала из Воронежа их отправили почему-то в Тамбов, искупали в бане, переодели. А в самолете он услышал голос стюардессы: «Высота полета 10 тысяч метров, за бортом минус 50, летим в ГДР». Когда он прилетел и сошел на землю, то испугался: «Господи! Куда же я попал?» Потом была пересылка во Франкфурт, в часть. Служил недалеко от знаменитых Зееловских высот.

От ГДР у Валерия Александровича остались самые замечательные впечатления. И с местными жителями никаких инцидентов не случалось. Были, конечно, недоразумения, без них в жизни не обойдешься. Вот однажды солдат-водитель въехал прямо в дом одной немки-старушки, кое-что разрушил. Но она даже не устроила скандала, только взяла плату за ущерб. Тогда сослуживцы проявили солидарность, устроили складчину и тем самым помогли тому водителю. А вообще-то, даже не зная языка, с простыми гражданами ГДР всегда можно было договориться — жестами. Они с удовольствием покупали бензин, и для водителя это был неплохой приработок.

Однажды во время поездки в Дрезден машина Коновалова за какое-то нарушение была остановлена ВАИ. Экипаж задержали, сдали в комендатуру. Валерия Александровича посадили с другом в разные помещения, причем холодные. Был февраль месяц. Сутки солдаты сидели полураздетые, без еды. В окнах не было стекол, снег падал прямо на волосы.

Я была поражена таким бесчеловечным отношением к солдатам. Придаться к автомобилисту всегда можно, но я уверена: Валерий Александрович не мог совершить ничего, за что можно так наказать. Хотя сейчас он об этом рассказывает с улыбкой, но чувствуется, что это событие оставило след в его душе.

Довелось ему побывать в Потсдаме, и майор сводил их в парк дворца Сан-Суси. Красота там неопиcуемая: золоченые статуи, фонтаны, беседки. Майор сказал: «Смотрите, ребята, больше вы такого нигде не увидите». Он оказался прав.

А как-то в рамках укрепления дружбы с немецкими рабочими солдаты их части пригласили на дискотеку железнодорожники. Начальники долго обсуждали кандидатуры тех, кто пойдет, потом долго инструктировали «избранных», чтобы вели себя скромно. Их одели в парадную форму, которую они почти никогда не носили. Всё это происходило в красивом Доме культуры. Были накрыты столики, на которых стояли фрукты и пиво. За каждым столом сидело по три немца и по три советских солдата. Понимали друг друга плохо, но атмосфера царилa всё равно комфортная. Некоторые солдаты как-то умудрились заказать спиртного, так что некоторых пришлось потом почти что выносить.

Валерий Александрович мечтал сходить в отпуск, и мечта его сбылась. Однако вышла незадача. Дело в том, что отпуск ему дали за две недели до увольнения. Его уверили, что возвращаться в часть не надо, что его документы перешлют в районный военкомат, где ему нужно только отметиться. Конечно, он был страшно рад. Весело отгулял отпуск, поехал в военкомат, а там никаких документов не получали. Приехал еще раз, потом еще, а результат тот же. Тогда он не на шутку испугался: в части его могут посчитать дезертиром, судить и отправить

в штрафной батальон. В итоге он взял билет на поезд и опять поехал в ГДР. Когда же прибыл туда, то выяснилось, что его уже сняли с довольствия, ему негде было спать, и еда на него не была рассчитана. Начальство бранилось, но всё-таки похвалило за патриотизм.

Когда Валерий Александрович покидал ГДР навсегда, то даже прослезился. Сейчас он время от времени встречается с бывшим сослуживцем, живущим недалеко от Воронежа: «бойцы вспоминают минувшие дни».

Софья Караборчева

ВЬЕТНАМ

Мой дядя Вова (муж моей тети Лиды) проходил службу во Вьетнаме. Как там оказался житель Мохового Владимир Владимирович Денисов?

Дядя Вова — человек малоразговорчивый, на все мои вопросы он отвечал односложно: «И что такого? Вьетнам и Вьетнам. Ничего особенного». Но всё-таки нам удалось его разговорить, когда на помощь пришел наш научный руководитель, Н. А. Макаров. Дело в том, что они — одноклассники.

В присутствии Николая Александровича дядя Вова оживился и стал рассказывать про свою службу. Хотя, как мне кажется, он не до конца «раскрыл карты», потому что чувствовал, что у него «берут интервью».

Дядя Вова был моряком, или, как он выразился, «мореманом». Это было знаком отличия: моряки служили три года, в отличие от «сухопутных», которым был положен двухлетний срок.

Это было несчастливым решением. После окончания школы В. В. Денисов устроился учеником токаря на одном из воронежских заводов. Там ему предложили поступить учиться в морскую школу ДОСААФ. Он согласился: три дня в неделю он был освобожден от работы на заводе. А в школе их несильно напрягали. Дядя Вова сказал, что они чему-то там обучались, у них даже был специальный бассейн, куда они погружались в специальном снаряжении. А так, «пивка поьем — и домой». Но ему выдали удостоверение о прохождении курса «моторист-электрик». Он понимал, что ему придется служить в армии три года, но сознательно пошел на это.

И всё-таки дядя Вова не мог предположить, что окажется на Камчатке. Это стало известно в Москве, где он был на пересыльном пункте.

На самолете их отправили на Камчатку. Там был пересыльный пункт, на котором матросы проходили медицинскую комиссию. Вообще-то дядя Вова должен был служить на подводной лодке, но его кардиограмма оказалась не очень хорошей.

Он остался в Петропавловске-Камчатском, при военных складах. Просто работал грузчиком, но только в матросской форме. А потом, по словам дяди Вовы, с ним случился «залет». Во время одной из погрузок «дед» (тот, кто отслужил два с половиной года на флоте) заметил, что у одного контейнера в порту раскрылись двери и оттуда вывалились бутылки с коньяком. «Дед» приказал ему пролезть между контейнерами и добыть хоть одну бутылку. Тут его заметили и доставили в милицию. Но офицер их части его «отмазал». Дядя Вова получил пять нарядов вне очереди на кухне и, как он понял, после этого попал в «черный список». Так ему показалось, потому что замполит части вызвал его на беседу и стал уговаривать «отправиться в командировку». «Ты там прослужишь год, потом вернешься сюда и дослужишь», — говорили ему. Дядя Вова понял, что служить придется

где-то за границей, но его успокаивало то, что он вернется в СССР дослуживать. И он дал согласие.

Морем с другими «добровольцами» он был переправлен во Владивосток («Владик» — назвал его дядя Вова). Там им выдали гражданскую одежду: костюм, брюки, рубашку, плащ. Всё это было как бы не старым, но каким-то старомодным, 60–70-х годов.

Этим хотели показать, что во Вьетнам едет гражданское население. Официально они числились инструкторами. До Вьетнама добирались на военном судне около 10 суток. Почти всё это время они просидели в трюме, лишь несколько раз их выпускали на палубу подышать воздухом.

Во Вьетнаме их высадили на полуострове Камрань. Это была покинутая американцами военная база. Как оказалось, надо было обустроить советскую военную базу, чтобы защитить социализм.

Здесь моряк Владимир Денисов стал строителем, их так и называли: рота стройотряда. Они строили казармы для будущих солдат. Им выдали специальную военную форму (она называлась морская тропическая): шорты, рубашка, пилотка с козырьком, сланцы.

Бананы и кокосы росли рядом с частью, как у нас растут тополя и клены в лесопосадках. Но жаркий климат тропиков был непривычен для русских матросов. Однако деваться было некуда: сюда их послала Родина. Причем его обманули: через год его не вернули дослуживать «домой», он служил во Вьетнаме два года (1983–1985).

Дядя Вова сказал, что «залетчиков», то есть нарушителей распорядка дня, обычно отправляли в песчаный карьер. Матросы предпочитали быть залетчиками: тогда над ними почти не было никакого контроля со стороны офицеров.

«Залетчики» — это те солдаты, которых уличили в употреблении спиртных напитков. Но дядя Вова рассказал, что добыть такие напитки было не так уж и сложно. «Надо было только свистнуть, и тут же вьетнамец висел на заборе». Местная рисовая водка стоила 20 донгов. Донг — это вьетнамская валюта.

Я спросила у дяди Вовы: «А как вы договаривались с вьетнамцами, ведь ты же не знал вьетнамского языка?»

Главные слова дядя Вова помнит и сейчас: «зео» — водка, «кео» — конфета, «хунто» — плохо, «затот» — хорошо.

Дядя Вова показал одну фотографию, которую ему прислал сослуживец уже после увольнения. На задней стороне написано: «Вова, вспомни Вьетнам, страну «чудес»».

В этой стране пытались строить социализм, поэтому туда и послали советских солдат. «Мы два года просидели за колючей проволокой», — такой итог подвел В. В. Денисов.

Дарья Гальцова

АФГАНИСТАН

15 февраля 1989 года генерал Б. Громов последним покинул Афганистан. «За его спиной не осталось ни одного советского солдата», — писала газета «Комсомольская правда». Так официально закончилась война в Афганистане. За десять лет войны СССР потерял там 13 833 человека, а афганский народ — 1,24 млн человек, что составляет 9% населения страны.

Во имя чего были принесены эти жертвы? Мой земляк Сергей Лукьянов, в честь которого установлена мемориальная доска на школе, — всего лишь капля в этом море жертв.

Мне сейчас не совсем понятно, зачем было советским войскам вмешиваться во внутренние события другого государства. Это означало отправлять своих молодых людей — солдат, офицеров — на смерть. Свою смерть нашел в Афганистане и мой земляк Сергей Михайлович Лукьянов.

Он родился 10 августа 1959 года в селе Старый Курлак Аннинского района Воронежской области.

Учился в Старокурлакской восьмилетней школе. В 1976 году закончил Новокурлакскую среднюю школу. Поступил в Московский монтажный техникум. Закончил его с отличием, вернулся домой.

В октябре 1977 года был призван в ряды Советской Армии в звании рядового. Службу проходил в городе Калининграде и после демобилизации остался там служить сверхсрочно. Полгода проходил обучение на звание прапорщика в Латвийской ССР. В феврале 1980 года Сергей был послан в Афганистан.

В апреле–мае того же года находился в отпуске в родном селе. Женился. После отпуска, вернувшись в Афганистан, прослужив 10 дней, был смертельно ранен и отправлен в Ташкент. 30 июля Сергей скончался. Похоронен на родине, в селе Старый Курлак.

Воспоминания матери Сергея: «Отслужив в армии и оканчивая школу прапорщиков, Сергей все полгода мечтал попасть в свою часть, но его вместо обещанного отпуска послали в Афганистан. Целых два месяца тревог и волнений... и Сергей опять дома, в отпуске. Какое счастье! Жив, здоров! В отпуск Сережа пришел повзрослевшим, возмужавшим, понюхавшим, как говорят, и пороху, и вражьего дымка. Советовался со мной по поводу женитьбы на Наде. И вот они поженились. Всего месяц прожили Сережа с Надей, а потом опять Афганистан... и страшное известие... Невосполнимое горе...»

Вдова Сергея подарила нашему школьному музею дембельский альбом Сергея Лукьянова. Самый обыкновенный дембельский альбом, с фотографиями друзей с автоматом в руках на фоне огромного портрета Ленина, любимой девушки и родственников, с различными коллажами из открыток. Этот альбом он делал, когда служил еще в Калининграде. Кстати, до конца он не заполнен: на верное, не хватило фотографий. А на последней странице вложены страшные фото: похороны Сергея. В цинковом гробу сделано маленькое стеклянное окошечко и туда скорбно смотрят мать и молодая жена.

Илья Новиков

ТОЖЕ ПРО АФГАНИСТАН

Я беседовал с N, проходившим службу в Афганистане в 1982–1984 годах. Хотя он согласился на разговор и вроде бы отвечал на вопросы откровенно, но чувствовалось, что рассказывает он без всякой охоты. Он сразу же попросил не называть его имени.

N сначала тоже не сообщили, что отправят за границу, хотя за эту границу мало кто хотел попасть. Но он оказался в «учебке» в Туркмении, и «солдатское радио», по его выражению, тут же сообщило, что отсюда путь ведет в «Афган». Перед отправкой с ними провели разъяснительную беседу: «На нас прет НАТО,

мы должны защищать южные рубежи нашей Родины». Еще им объяснили, что Афганистан встал на социалистический путь развития и скоро вольется в состав СССР как шестнадцатая республика.

Но действительность в Афганистане показала, что афганцы совсем не хотят ни к кому присоединяться, а значит, их надо было завоевывать. «Этот народ никогда не завоюешь, там 80 % ландшафта — горы», — сказал N.

N служил в пехоте, их главной задачей было сопровождать различные грузы. Ездили на БМП (боевая машина пехоты). Бывало, что подобьют первую машину колонны. Тогда ребята из следующей машины выскакивали и сталкивали эту машину прямо в пропасть — она же мешала дальнейшему продвижению. «Ох, если сейчас там по дорогам проехать, столько будет металлолома!» — воскликнул N.

Еще в их задачу входила так называемая зачистка кишлаков, где находились моджахеды. Сначала переводчик-таджик (таджикский язык очень похож на местное наречие) кричал в громкоговоритель, чтобы выходили мирные жители. Потом действовала авиация, потом артиллерия, и только тогда пускали в действие пехотинцев, которые должны были обезвреживать «врагов социализма». Очень часто, бросив гранату в окно дома и зайдя внутрь, солдаты обнаруживали целую погибшую семью: женщин, детей.

Немало гибло и его сослуживцев, причем мнение N такое: «Большинство гибло по тупости офицеров. Пока отзвонят артиллеристам: квадрат такой-то, афганцы поднимутся, ручками нам помашут и пошли. А через полчаса наша пушка как бахнет — а там давно никого нет, иногда и своих накрывали».

Я спросил у N и о том, как их кормили. Он ответил, что довольствовались в основном сухим пайком: банка тушенки, банка гречки, риса, булка, сухарики. Такая еда надоедала, и тогда поступали так: «Пойдем в соседнюю деревню. Калашом [автомат Калашникова — *Н. И.*] шпок — курочек пару подстрелим». А иногда поступал приказ от командира: «Обеспечить роту свежим мясом!» Тогда ехали на БМП к ближайшей отаре, брали 5–6 овец. Устраивался пир: и целиком овцу на вертеле жарили, и шашлыки делали.

Можно было достать и спиртное, и даже «травку». Таким образом, солдаты «расслаблялись» после боя. Некоторые солдаты не выдерживали, убежали из расположения части. Так, в роте N бесследно исчезли два солдата.

N сказал, что не считает себя героем, да и не бывает героев на войне: «Вся эта оккупация Афганистана была просто авантюрой чистой воды, из-за чего были загублены человеческие жизни. Меня вот ни разу не ранило, не цапнуло, а однажды рядом со мной, прямо впритык шел офицер, наш ротный, и его убило наповал». Но даже тот, кто оставался невредимым, возвращался с той войны искалеченным душевно. Это видно сейчас и по N. Он находится, можно сказать, на дне социальной лестницы. У него распалась семья, живет он в маленькой тесной хибарке на полторы тысячи в месяц, которые государство платит ему как «воину-интернационалисту». Весь этот небогатый капитал быстро расходуется на спиртное.

Илья Новиков

ПОЛЬША

Еще одной страной, где размещались советские войска, была Польша. Я узнал, что СГВ (Северная группа войск) была создана в Силезии и Померании — бывших

провинциях Германии, которые по решению Ялтинской конференции (1945 г.) вошли в состав Польши. Существовала СГВ вплоть до 1993 года, когда даже уже распался Советский Союз.

И наш односельчанин, с которым я беседовал, служил там как раз в то время, когда рушился социалистический лагерь восточно-европейских стран.

А. А. Л. (это инициалы, полностью имя собеседник просил не указывать) тоже вначале был не слишком разговорчив и откровенен. Он более-менее разговорился, когда мы стали рассматривать его армейский альбом. Но всё равно многого он не сказал. Дело в том, что он служил в ДШБ ГВ — десантно-штурмовой бригаде госбезопасности. По его словам, он давал подписку о том, что в течение 15 лет не будет разглашать того, что с ним происходило и где он был. 15 лет давно прошли, но и сейчас А. А. Л. не хочет раскрывать подробностей службы.

Как и все предыдущие наши собеседники, А. А. Л. не знал, что в итоге попадет за границу. Это было лето 1989 года. В районном военкомате им сказали: «Вы в команде 20-А». Военком добавил: «Ребята, вам повезло». В чем повезло, не объяснили. Потом пришлось ждать 5 суток на пересыльном пункте в Воронеже «покупателя». Там уже началась дедовщина. Дедовщина присутствовала и потом, уже в Польше. Но в Воронеже было всё-таки повольнее, потому что там находились лишь будущие солдаты, так как они еще не приняли присяги. Поэтому они бегали в соседний магазин за водкой и «дурковали».

До места постоянной службы в городе Бялогард А. А. Л. прошел еще множество пересыльных пунктов. Сначала под Москвой, где через трое суток их посадили в поезд. Только по виду польских пограничников и их характерному произношению (« пше- пше») все поняли, куда их везут.

Потом пришлось поколесить и по Польше. Там тоже были «покупатели», которые выясняли, кто на что способен: у кого есть за плечами прыжки с парашютом, кто имеет разряд по лыжам и т. д.

Так и попал А. А. Л. в ДШБ ГВ. Еще одно сокращение: ОБМО (отдельный батальон материального обеспечения). И — взвод обеспечения разведроты. У них были погоны темно-синего цвета.

Им сразу же дали почувствовать, где оказались: слова не скажи, в увольнение ни в коем случае.

Обучали как десантников. А. А. Л. на всю жизнь запомнил майора Красноюка: много он выпил у них крови. Конечно, боялись сначала прыжков из самолета. Когда прыгал первый раз, то забыл обо всем на свете и снова почувствовал себя, только когда его рот был полон земли.

Но десантники не только обучались прыжкам и боевому искусству, часто их отвлекали на разные хозяйственные работы. Негласно их разведбат называли «стройбат за границей».

Польша показалась ему серой и сырой страной. Да и некогда было любоваться природой. «В армии есть одна мечта — поесть и поспать», — признался А. А. Л. Но он отметил, что кормили их в Польше хорошо: всегда была жирная пища и разнообразная зелень.

Оказывается, тогда в Польше котировались советские рубли. А. А. Л. их присылали в конвертах с письмами, предварительно намазав зубной пастой, чтобы на свету невозможно было различить купюры. Иначе конверты вскрывались.

Я всё-таки рискнул спросить, в чем же заключалась их военная задача, и А. А. Л. кое-что рассказал: «Нам ничего не объясняли. Просто объявляли “го-

товность № 1” и перебрасывали в те точки, которые считались наиболее напряженными».

В апреле–мае 1990 года их перебросили в какой-то лес в Германии, где они находились в течение нескольких недель. Потом дали отбой.

Из Польши часть А. А. Л. вывели весной 1991 года. Тогда уже постепенно стали расформировывать Северную группу войск. Бросали всё: здания, имущество. Офицеры, по словам А. А. Л., «хватали, кто что мог».

Вот так наш герой отслужил в Польше. Сейчас это, может, звучит круто — как же, за граница. Но он оказался там в очень сложное время. Да и вообще — не надо вмешиваться в чужие дела.

Софья Караборчева

ЛИТВА

Литва — сейчас за граница. Ее называют ближним Зарубежьем, так как в течение почти полувека (1940–1941, 1944–1991) она входила в состав СССР. Теперь же это член НАТО и Европейского Союза.

Мой односельчанин Владимир Петрович Денисов проходил там военную службу. Это было в 1976–1978 годах, когда Литва была частью СССР. Казалось бы, это совсем не за кордоном, но сам Владимир Петрович сказал, что резкие отличия от России бросались в глаза. Это климат — морской и сырой. Это и архитектура. Город Шяуляй, в котором располагалась его часть, выглядел как иллюстрация из учебника по истории Средних веков: узкие улочки, величественный католический собор, старинные памятники. Еще можно было сразу же заметить, что снабжение разными товарами в Прибалтике лучше. Это В. П. знает, так как в армии он познакомился с будущей женой. Она была вольнонаемной (то есть служащей) в роте связи их авиаполка. На праздники, скопив денег, он мог купить ей французские духи, что считалось шиком.

Местное население относилось к солдатам по-разному, но многие всё же бросали косые взгляды. А в Западной Украине, где В. П. Денисов был полгода в «учебке» (учебное подразделение), местное население с советскими солдатами даже не здоровалось.

В. П. рассказал также, что из учебки их, механиков самолетного оборудования, отправляли кого куда, в основном за границу. Тогда у Советского Союза существовали особые отношения с Сирией, поэтому многие служили там. Сирия вроде бы хотела идти по социалистическому пути. Сирийские солдаты приезжали на обмен в СССР, в том числе были они и в Литве, в их части.

Мой собеседник считает, что ему повезло служить в Литве — он увидел совсем другой мир. Оккупантом он себя назвать не может.

Но я думаю, что советские войска воспринимались многими в Литве именно как оккупационные. Ведь СССР зашел на территорию независимого государства после подписания пакта Молотова — Риббентропа. А после разгрома фашизма, вместо того, чтобы вернуть прибалтийским странам свободу, СССР снова сделал их своей частью. Именно поэтому снабжение здесь было другим: власти из центра хотели задобрить местное население, боясь открытых выступлений. Но всё-таки удержать насильно народ, который мечтает о независимости, невозможно. Это доказали события конца 80-х годов XX века в СССР. В январе 1990 года литовцы смогли противостоять советским танкам,

а когда в марте 1991 года проводился референдум о сохранении СССР, то Литва игнорировала его, проведя опрос в республике, по результатам которого большинство жителей высказалось за выход из советской империи.

Илья Новиков

АБХАЗИЯ

Когда рушится империя, на ее окраинах непременно происходят кровавые конфликты. СССР тоже был империей, и когда эта сверхдержава стала разваливаться, то сразу появились «горячие точки». Наверное, одним из самых жестоких конфликтов на обломках империи стало грузино-абхазское столкновение. Известно, что эта проблема не решена и сейчас, хотя после исчезновения Советского Союза прошло уже двадцать лет.

Абхазия является вроде бы независимым государством. Это признала Россия и еще несколько стран: Никарагуа, Венесуэла, Науру, Вануату и Тувалу (о трех последних я никогда не слышал, честно сказать). Но большинство государств мира считает Абхазию территорией Грузии.

Я пытался разобраться, в чем заключается суть конфликта и каковы его этапы. Суть, как я понял, заключается в этнических разногласиях, а корни уходят вглубь веков. Ведь территория Абхазии — это райский уголок на побережье Черного моря, и многие на него имеют виды.

Сложность ситуации еще и в том, что уже при СССР Абхазия вначале являлась как бы самостоятельной, но потом волевым решением Сталина (который, как известно, был грузином) была включена в состав Грузии на правах автономной республики.

Я читал о том, какой ужас царил в Абхазии в 1992–1993 гг., о бесчисленных жертвах с обеих сторон, о бесчеловечных расправах на национальной почве, и всё это никак не может уложиться у меня в голове.

Российские (уже не советские) войска выступили как миротворцы. Но, я думаю, России такая роль была нужна, прежде всего, для того чтобы утвердить свое влияние на данной территории. Впрочем, я не могу категорично судить об этом.

Российские миротворцы, по официальным данным, вошли в Абхазию 26 июня 1994 года. Именно в то время пришлось служить в армии Александру Х., который приходится мне родственником. Я много раз пытался поговорить с ним на эту тему, но он почти не отвечал на мои вопросы, чаще отмалчивался или переводил разговор на другую тему. Но иногда что-то невзначай рассказывал. Эти разрозненные истории я попытался свести в связный рассказ.

Однажды А. Х. сказал, что еще до присяги в армии их гоняли вверх и вниз по лестнице многоэтажного дома. Лишь потом выяснилось, что так их готовили к отправке на Кавказ, в горы. Еще он запомнил, как к их сержанту подошла старушка и спросила: «Куда вы их хотите послать?» Тот ответил: «На войну, мать». Сразу же, тоже еще до присяги, они начали прыгать с парашютом. Я думаю, это была форсированная подготовка.

В Абхазии А. Х. пробыл девять месяцев, но ему казалось, что прошла вечность. Солдаты занимали блок-посты. Они мало понимали, кто с кем воюет и что такое быть миротворцем. По идее, их главная задача заключалась в том, чтобы способствовать возвращению изгнанных местных жителей (грузин) в свои села. Но в итоге их ненавидели все — и абхазцы, и грузины. Абхазцы пытались не пустить

грузин на свою территорию, а грузины считали, что русские войска поддерживают только абхазцев.

Были случаи, когда жители травили колодцы, из которых российские миротворцы брали воду.

Но были и совсем противоположные случаи. А. Х. запомнил абхазца по имени Гоги, который даже носил им на блок-пост еду (солдат плохо обеспечивали пищей): сало, мясо. Мог даже овцу притащить, а один раз принес 20 пачек жевательных резинок. Столько было тогда радости! Откуда он мог взять их посреди войны?

На блок-посту постоянно находилось 10 человек — 9 солдат и офицер. Вокруг — мины, чтобы защитить себя ночью. Днем они были видны. Так вот, Гоги один раз напоролся на мину, но как-то уцелел. Конфликт уладили водкой. Вообще, без водки не обходился почти ни один день — иначе, по словам А. Х., можно было сойти с ума.

На соседних блок-постах бывали такие случаи, что воровали солдат, а потом требовали выкуп.

В отряде обязательно был снайпер. Он практически круглые сутки мог не спать и не есть. Вообще, в снайперы берут тех людей, как сказал А. Х., у кого «верхушка поехала на голове», то есть «безбашенных», как сейчас выражаются.

Еще А. Х. запомнился вой шакала. Этот вой напоминает крик ребенка. Если в три часа ночи услышишь такое, то трудно найти себе место. В этом случае опять помогала водка.

По моему родственнику А. Х. видно, что это отразилось на всей его дальнейшей жизни. Большой разницы между Афганистаном и Абхазией я не вижу, потому что результат и тут, и там одинаков — искалеченная душа.

* * *

Вот и заканчивается наша исследовательская работа. Мы опросили далеко не всех земляков, которые служили за границей. Но всё-таки мы смогли представить определенную картину. Причиной службы большинства «за кордоном» стала «холодная война». Но одни радовались возможности посмотреть зарубежные страны, потому что иного случая им никогда бы больше не представилось (вспомним о «железном занавесе»). Это те, что оказались в Восточной Европе (Германия, Венгрия, Чехословакия, Польша). Другие, наоборот, поменялись бы судьбой с кем-нибудь еще (Афганистан, Абхазия). Были и погибшие наши земляки.

Когда мы придумывали заголовок к нашей работе, то вдруг вспомнили детскую считалку:

Аты-баты, шли солдаты.

Аты-баты, на базар.

Аты-баты — что купили?

Аты-баты — самовар.

Неизвестно, зачем это солдатам понадобился самовар. Мы придумали продолжение:

Аты-баты, шли солдаты.

Аты-баты, за кордон.

Аты-баты — что купили?

Аты-баты — самогон!

Такое продолжение не случайно, потому что почти каждый рассказ о солдатской жизни был тесно связан со спиртным.

Мы считаем, что ни одна страна не имеет права вмешиваться во внутренние дела другой страны, поэтому были бы рады, если бы в конце XXI века у наших потомков не нашлось материалов для подобного исследования.

«Куба — рядом!»

Участие моих земляков в советско-кубинских отношениях в 60-е годы XX века

Антонина Столбовская
п. Матвеев Курган, Ростовская обл.
научный руководитель О. И. Столбовская

Я давно хотела участвовать в конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век», но как-то не могла найти тему, которая бы меня заинтересовала. Как-то солнечным днем конца мая мы с бабушкой пошли на базар купить овощи и встретили ее бывшего сослуживца. Меня не очень интересовал их разговор, я просто стояла рядом, но когда мы, наконец, пошли домой, бабушка рассказала мне, что это был Петр Тимофеевич Табалин, бывший водитель автобуса, а еще раньше — матрос, который побывал на Кубе в разгар Карибского кризиса. Пока мы шли домой, я размышляла над этой информацией и поняла — вот она, моя тема! Я хочу встретиться с этим человеком и узнать его историю.

Когда работа была почти закончена, я узнала о том, что есть еще земляки, побывавшие на Острове Свободы, как тогда называли Кубу, во время Карибского кризиса. Это Николай Афанасьевич Перекопский, который был на Кубе с 1 сентября 1962 года до 22 июня 1964 года. Еще один земляк — летчик Иван Васильевич Шищенко, 1923 года рождения. Перед Великой Отечественной войной закончил Ейское летное училище, воевал на дальнем бомбардировщике, сделал более 40 боевых вылетов на самолетах «Бостон-4», бомбил Берлин. После войны продолжал служить, во время Карибского кризиса был полковником, начальником ремонтно-технической базы. За проведение операции «Анадырь» награжден орденом Красной Звезды. Он умер в начале 2000-х. В Смоленске, где он жил в последние годы, остались его жена и дочь. Иван Васильевич Шищенко оставил воспоминания в книге «Стратегическая операция “Анадырь”. Как это было» (Москва, 2000). Николай Афанасьевич Перекопский согласился дать на время эту ценную для моей работы книгу.

Время, описанное моими очевидцами — 60-е годы XX века. Я изучала историю Кубы, историю советско-кубинских отношений, слушала участников событий, пыталась осмыслить рассказанные ими истории, сравнить с тем, что я читала в учебнике истории и в интернете. Было очень интересно. Задачей моей работы я считаю попытку увидеть глазами обычного человека сложные международные отношения 60-х годов XX века, в данном случае советско-кубинские. Я считаю, что в это десятилетие на Кубе решалась судьба всего человечества.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС ПО ВОСПОМИНАНИЯМ МАТРОСА ПЕТРА ТИМОФЕЕВИЧА ТАБАЛИНА, С ДОПОЛНЕНИЯМИ РАДИСТА НИКОЛАЯ АФАНАСЬЕВИЧА ПЕРЕКОПСКОГО И ЛЕТЧИКА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ШИЩЕНКО

Теплым июньским вечером мы шли по тихим улицам поселка к дому Петра Тимофеевича Табалина. Моя бабушка Александра Поликарповна Столбовская

работала с ним около двадцати лет в АТП (автотранспортном предприятии). Его дом находится на пересечении улиц Пионерской и Комсомольской — кирпичный, ухоженный, огороженный крепким забором. Около ворот стояла удобная скамейка. Видно, что хозяева любят посидеть вечером на улице возле дома. Мы постучали, и к нам вышел Петр Тимофеевич Табалин. Это бодрый человек, 1940 г. рождения, обладающий хорошим чувством юмора. Куба — одна из его любимых тем, как позже объяснила нам его жена. Он очень интересуется всем, что связано с этой страной, увлеченно рассуждает о Кубе современной и Кубе 60-х, постоянно возвращаясь к своим флотским воспоминаниям. Петру Тимофеевичу почти не нужны наши вопросы — он и так любит поговорить о Кубе и о своей молодости. Так что в этой главе я решила рассказ Петра Тимофеевича привести целиком, перемежая его своими комментариями и историческими справками. Кроме того, я расположила в хронологическом порядке отдельные эпизоды, которые он излагал произвольно.

Петр Тимофеевич Табалин вспоминает: «Мы Кубе много помогли после революции. Везли туда продукты, нефть, машины и оборудование всякое, а оттуда сахар-сырец.

А началось всё в январе 1959. Объявили, что Батиста, диктатор их, свергнут, что там произошла социалистическая революция. У нас такое воодушевление было. Мы тогда так воспитывались, верили, что во всем мире скоро революция будет, власть бедных везде, и всем в мире будет хорошо. Поднялся шум, мы туда военных стали направлять, а Америка объявила Кубе блокаду. Кругом стояли корабли НАТО, США никого не впускали и не выпускали — никакие суда. Но мы прорывались. СССР они боялись, не рисковали силой задерживать, как других».

Я слушала Петра Тимофеевича и понимала, что это вступление предназначено специально для меня, потому что он предположил, что я не знаю, какие события произошли на Кубе. Но я предварительно подготовилась. Я нашла информацию в учебнике истории, который недавно получила в школьной библиотеке, а также поискала ее в интернете.

1 января 1959 г. на Кубе победила революция, во главе которой стоял 32-летний партизанский вождь Фидель Кастро. Американские граждане были изгнаны с Кубы, которая начала строить социализм.

Мое внимание также привлекли слова Петра Тимофеевича о чувствах, которые испытывали тогда молодые люди нашей страны. Вера во всё хорошее, даже в то, что бедные, придя к власти, останутся бедными, кажется наивной, но я испытываю сложное чувство — даже немного завидую этому энтузиазму. Мне кажется, тогда не думали, что мировая революция может обернуться мировой кровавой бойней, иначе не было бы этого воодушевления молодежи 60-х.

Продолжение рассказа П. Т. Табалина: «Я служил в армии 4 года 8 месяцев. Призывался в 1959 году. Тогда за месяц присылали повестки, ребята цепляли ленточки к пиджакам, платочки в петлицы, чтобы все знали, что они идут служить. Это было почетно. На танцах все девочки приглашали на белый танец, уважение со стороны других парней было.

Попал в матросы на Черноморский флот в город Потти. Потом послали в Актюбинск и Кустанай на уборку урожая, потом снова вернули в Потти. Офицеры говорили: “Другие за Черное море деньги платят, чтоб сюда попасть, а вы служить не хотите!” Но мы всё же старались, нарушения редко были. Я на службе не

обижаюсь. Где я только за службу не был! Был в Очамчири, Пицунде, в Аджарии, всю Абхазию прошел. В Пицунду возили детей офицеров отдыхать. Там отдых был отличный, море чистое, пляжи. Были в Севастополе, других портах.

Однажды командир послал меня сопровождать груз в Севастополь. Сняли меня с довольствия в Поты. Привез я груз, а в Севастополе мест нет. Так и не знали, куда меня деть, но все же нашли место в бригаде торпедных катеров. Стал служить в поселке Черноморск около Евпатории.

Был на уборке урожая в Казахстане, модно было тогда армию привлекать, но не всех туда посылали, а у кого крестьянская специальность. Я по гражданке водитель. Я на машине работал, зерно возил. После уборки вернули в часть. Как-то проходим Ялту, я другу говорю: «Красиво с моря Ялта смотрится, сколько раз мимо проходил, а в самой Ялте не был». Друг говорит: «У тебя деньги есть, поезжай, посмотри». Я на уборке заработал 350 рублей. На те деньги — огромная сумма, заработки тогда были по 60 рублей в месяц. Пошел я в штаб получать деньги. Получил, выхожу на КПП, а там начштаба наш меня подзывает. Подхожу. Он говорит: «Ты получил деньги? Займи мне». Думаю, трояк или десятку на бутылку. А он говорит: «Нет, ты мне все деньги займи. Ко мне, понимаешь, родственники приехали, и так получилось, что денег совсем нет. А тебе они пока все равно не нужны». Ну, я ему всю пачку и отдал. А он тут же и говорит: «Ну, теперь они у меня побудут. А то хлопцы набегут, дай одному десятку, тому трояк займи. Ты деньги раздашь, и я точно знаю, назад тебе никто ничего не вернет. Пойдут в город, напьются. Ты возьми, сколько надо, а остальные у меня полежат».

Услышав о деньгах, которые попросил «взаимы» начштаба, я подумала, что сейчас услышу историю о том, как у матроса отнял деньги офицер. В наше время такое не редкость, часто слышишь по телевизору похожие истории. Но я ошиблась. Те офицеры знали, что такое честь.

«Так что деньги у меня всегда были. А тут заграничный поход. Говорят: “Гроши не берите, все равно на них там ничего не купишь”. А я последний год служил, и вообще непонятно, как вернуться доведется. Ну, я его (нашего начштаба) попросил: “Отправьте деньги по этому адресу”. Дал адрес родителей, потом он моим родителям деньги отослал. А в это время период был, когда писем долго не было. Родители деньги получили, не знают, что это. На все запросы матери отвечали, что часть перебазировается и по прибытии сообщим новый адрес. И мать догадалась. По приемнику слушает про Кубу день и ночь: “Э, да они там”. А потом и подтвердилась ее догадка. Дома переживали, ждали войну».

Из воспоминаний генерал-майора Л. Гарбуза — бывшего заместителя командующего Группой советских войск на Кубе: «Военно-политический инцидент, возникший на кубинской почве между СССР и США, трудно переоценить. Более опасной обстановки в международных отношениях с окончания Второй мировой войны не отмечалось. Карибский кризис оставил заметный след в Новейшей истории, коренным образом повлиял на мировую политику. А операция “Анадьрь” по своему замыслу и масштабам морского десанта не вписывается в учебники по военному искусству.

<...> Как показали последующие события, скрытая переброска и занятие боевых порядков советской военной группировкой на Кубе явились важнейшим достоинством операции “Анадьрь”».

Анадьрь — город на Камчатке, а операцию так назвали из соображений секретности.

И вот, наконец, Петр Тимофеевич Табалин начал рассказывать, как он попал на Кубу. Но тогда он не знал, что ждет его впереди. «Однажды вызвали меня и еще троих ребят в Особый отдел. Мы испугались — ничего никому вроде не говорили о службе, ничего не натворили. Нас заставили заполнять анкеты — где родился, учился, о родственниках. Если кто-то из родни пропал без вести, не брали. Мы не знали, зачем заполняли анкету, волновались, испортили несколько листов. Особист говорит: “Ладно, ребята. Завтра с утра начнем, на свежую голову”. С утра все получилось».

Ясно, без органов не обошлось. Но в рассказе у Петра Тимофеевича особист выглядит симпатичным человеком, посочувствовавшим мучениям перепуганных ребят.

«Стало известно, что идем в заграничный поход на крейсере “Дивногорск”. Командиром был заслуженный офицер Горобец, он еще раньше в плен к чанкайшистам вместе с кораблем попадал. Был знаменитым на флоте, потому что в тех обстоятельствах проявил героизм. Он перед походом перед нами выступал, говорил о роли нас как представителей страны.

Мы оправившись в поход на День военно-морского флота — в последнее воскресенье июля 1963 года. Оказалось, что все — матросы последнего года службы, мне, например, осенью был дембель.

Только в Средиземном море нам сказали, что мы плывем на Кубу. Проплыли мы Средиземное море, вышли в Атлантический океан. Все люки задраили, выходили на палубу только ночью. Обедали в 12 часов ночи, ужинали в 6 утра. Сидели в темноте, лампочка под потолком, а жара под 50° С. Над нами летали самолеты НАТО, и все знали, что везем ядерное оружие. Мы были готовы ко всему. Поход длился 22 суток, хватило и еды, и воды. Ни в один порт не заходили. Перед самым концом выдали спасательные пояса, высота от борта крейсера до воды — от 17 до 20 м, инструктировали, что если придется прыгать — руки к себе прижимать, а то оторвет спасательным жилетом, и ногами вперед. Еще дали автоматы, но что они значат в тех условиях! Но всё обошлось.

Американцы не знали, что мы базу на Кубе открыли, им разведка ФРГ сообщила: “Ребята, у вас под носом советская база с ядерным оружием!”».

Николай Афанасьевич Перекопский рассказывает: «Год срочной прослужил, закончил учебку и получил специальность радиста ПВО. Тут пришел приказ: перебазирuemся. Место нам было не известно, но думали, что полетим куда-то. Часто нас авиацией перевозили. А тут привезли в порт, погрузили на корабль “Оренбург”. Мы отправились 14 августа 1962 года. Уже некоторые шептались, что на Кубу плывем. По ночам гулять на палубу выпускали, секретность была полная. Днем над нами летали самолеты НАТО, думали, будут бомбить. Но обошлось. Тогда все войну ждали, знали, что ядерное оружие готовы применить и мы, и американцы. Вопрос был: кто кого опередит, тот, возможно, уцелеет».

Информация об условиях, в которых плыли солдаты и матросы, также подтверждается рассказами других военных. «Когда пришла пора отплывать на Кубу, то ради соблюдения секретности верхние палубы нагрузили сельскохозяйственной техникой и грузовиками гражданского назначения, которые, по официальной версии, следовали на Остров Свободы на экспорт, а ракеты размещали в трюмах, причем с нарушением всех норм безопасности — головными частями вниз или под углом», — вспоминает полковник Бурлов (http://sundog2.narod.ru/news/caribbean_crisis.html).

Секретность была оправдана. Если бы НАТО была известна вся картина, то они не пропустили бы наши корабли на Кубу.

Иван Васильевич Шищенко плыл на Кубу на теплоходе «Металлург Байков», который отошел из Севастополя в 3 часа ночи 14 сентября. Он пишет: «В створе острова Сардиния — государство Тунис произошла встреча с двумя американскими эсминцами с бортовыми номерами 858 и 931 на встречно-параллельных курсах. Корабль 858 шел на расстоянии 80–100 метров от нашего борта с расчехленными орудиями и командой, находящейся на боевых постах. 931 находился на удалении 100 метров.

В это время на мостике находились капитан корабля Гуржий В. М. и я, начальник морского эшелона. С 858-го засемафорили: «Куда идет корабль». Капитан дал ответ: «Идем в Касабланку». Это не удовлетворило американцев, и снова запросили: «Что везете на борту своего корабля». Капитан ответил: «На борту корабля сельскохозяйственная техника. Счастливого плавания!». После этого 858-й развернулся, обошел наш корабль в 60–70 м от борта и удалился. <...>

На шестые сутки плавания наш корабль вышел на просторы Атлантического океана. В 10 часов 45 минут 19 сентября из Москвы по радио был принят условный сигнал на вскрытие пакета, полученного при отправлении. Вскрыв его с капитаном, мы прочли порт назначения: Матансас <...> В этом же пакете находился сборник материалов о республике Куба» (И. В. Шищенко «Ракетный поход на Кубу» в книге «Стратегическая операция “Анадырь”. Как это было», М., 2000. С. 137).

«Пища выдавалась два раза в сутки в ночное время. Многие продукты (к примеру, сливочное масло, мясо и овощи) из-за высоких температур быстро портились. Люди болели и даже умирали. Хоронили военнослужащих по морскому обычаю — зашивали в брезент и опускали в море» (<http://militera.lib.ru/h/20c2/10.html>).

Мир тогда находился на грани ядерной катастрофы. Для меня это стало потрясением, и это не дежурные слова. Мои земляки, такие красивые и молодые на своих флотских фотографиях вместе с такими же молодыми товарищами плыли на теплоходе, в трюме которого находились ядерные ракеты. Не все, значит, выдержали такие условия, но у них было крепкое здоровье.

Я задумалась о том, сколько же наших войск было на Кубе? Информация об этом нашлась в интернете. Оказывается, туда были направлены большие военные силы.

Была создана сильная, хорошо вооруженная, боеспособная группа советских войск на Кубе.

В учебнике истории говорится о том, что СССР завез на Кубу 66 ядерных ракет.

Николай Афанасьевич Перекопский свидетельствует: «И вот 1 сентября 1962 года наша команда в 200 человек сошла на берег в порту Касильда. Мы были задействованы в разгрузке, работали в темпе. И вот теплоход отплывает, а мы остаемся на берегу. Он удаляется в море и подает сигналы: ту-у, ту-у, ту-у, равномерно так, и все отходит, дальше и дальше, и тише, тише сигналы... А мы стоим на берегу, смотрим вслед, как будто кусочек Родины теряем, остаемся на берегу совсем одни, в чужих краях. Казалось, что 200 человек — небольшая горстка людей, что мы могли?! Слезы у многих были на глазах. Мы ведь думали, что ядерная война будет, мы погибнем здесь и никто не найдет могил».

Ощущение разлуки с Родиной у солдат было очень болезненным.

Петр Тимофеевич Табалин продолжает свой рассказ: «Когда мы туда прибыли, то продукты ели только свои, и вода своя была. Кубинцев не объедали. Я впервые тогда тушенку попробовал. Ох, хорошая была! В магазинах у нас такой не продавали. Была временами какая-то, но с той, что на Кубе пробовал, не сравнить. Кормили как на убой. Для того мы туда и были посланы — на убой. Некоторые матросы так и говорили: “Нас привезли на убой и поэтому так кормят”. Мы знали, что в любой момент может начаться война. Это давило, потому что в живых не надеялись остаться, знали уже о последствиях ядерного взрыва. Что той Кубы, 40 км в самом узком месте, да островов куча! Домой не думали вернуться. Думали, вот-вот атомная война начнется. Так нас и настраивали — готовились умирать за Родину и революцию. Если бы мы применили тогда атомное оружие — пол Америки бы не было. Одной подлодки хватило бы для этого дела. И у нас на кораблях всё было».

Страшно подумать, но действительно наше руководство решило рискнуть, а солдаты и офицеры осознавали, что они «посланы на убой». Так простые люди становятся жертвами мировой политики.

Где же служили мои земляки, чем занимались? Иван Васильевич Шищенко пишет: «Утром 1 октября колонна в полном составе прибыла на место дислокации в 5 км северо-восточнее города Калабасар-де-Сагуа провинции Лас-Вильяс. <...> С 6 по 9 октября боевые расчеты провели проверку исправности боевых специальных машин, технологического оборудования и оснастки для подготовки спецбоезапаса к боевому применению». Я решила, что речь идет именно о ядерном оружии, когда говорится «спецбоезапас». И Николай Афанасьевич Перекопский, который приходится Ивану Васильевичу Шищенко дальним родственником, встретался с ним, когда тот приезжал в гости в Матвеев Курган, подтвердил: да, действительно, Иван Васильевич руководил работами по сооружению площадок для размещения ядерных ракет. «С 10 по 20 октября все боевые расчеты были проверены комиссией дивизии по вопросам теоретической подготовки и практической работы со спецбоезапасом. Из 16 боевых расчетов 12 получило отличную оценку, а 4 были оценены хорошо. <...> Одновременно с боевой подготовкой и подготовкой техники силами личного состава был развернут полевой автопарк, подготовлены склады под все виды имущества, созданы зоны ограждения боевых позиций и мест размещения личного состава, оборудован штаб части, контрольно-пропускной и контрольно-технический пункты. Оборудованы и снабжены срубками заброшенные колодцы питьевой воды, проведено обеззараживание воды и стен колодцев <...> Первоочередные работы были завершены всего за 2 недели к 20 октября» (И. В. Шищенко «Ракетный поход на Кубу»).

Далее Иван Васильевич описывает строительство сооружений для защиты и хранения ядерного боезапаса, проведение в них необходимых работ, подготовку головных частей к боевому применению. Работы велись круглосуточно.

Из воспоминаний П. Т. Табалина: «Служили мы там тоже в бригаде торпедных катеров, их состав обучали, я по-испански говорил неплохо, легкий язык и певучий, и сейчас кое-что помню».

Николай Афанасьевич Перекопский рассказывает: «Служил в Сьега-де-Авила в полку ПВО радистом. Видели по телевизору, как в диспетчерской диспетчеры и радисты сидят перед стеклянными экранами, а на них точки — самолеты видны? Вот там я и служил. Сидим, на экранах карта — вот Майами, город Флори-

да, вот Куба и вот Гуантанамо, движется точка — передаем командиру: “Объект идет со скоростью ..., в квадрате..., направление...”. Ответственная работа, очень интересная. Также держим связь с нашими летчиками и соседними частями, “передаем” им самолет, когда он в следующий квадрат переходит. Позже стал сержантом на базе в Бихукали, обучал состав кубинских вооруженных сил. К нам приходили люди подготовленные, со знанием русского языка. Лишние разговоры не поощрялись ни нашими службами секретными, ни кубинскими. Так что общение только по делу. Нас за пределы части не выпускали. Секретные войска. Служил там до 22 июня 1964 года».

Петр Тимофеевич рассказывает: «Служили кубинцы с прохладцей. Стоят на посту, музыка играет, говорят: “Нас революция защищает!”

Местные радовались, что мы приехали. Говорили: “В меня выстрелят — убьют, а русского пуля не пробивает!” Сам Фидель Кастро к нам приезжал, молодой, веселый, а сейчас жалко смотреть на него по телевизору! Что время делает! Фидель тоже выступил перед нами, о революции говорил».

Упоминание о Фиделе Кастро привлекло мое внимание. Эта необыкновенная личность, сыгравшая большую роль в истории, как бы ни относиться к его политическим взглядам. Петр Тимофеевич тоже находился под обаянием его личности. Он жалеет о том, что Кастро болен и так плохо выглядит, вспоминая его молодым, сильным, энергичным. Больше всего меня поразило, что Фидель Кастро был из богатой семьи. Наверное, он мог бы наслаждаться всем, что может дать богатство, но предпочел другую жизнь, изменив лицо современного мира. Почему же он так поступил?

Мне кажется, частично ответить на этот вопрос помогут рассказы моих земляков об условиях жизни на Кубе простых людей. Шалаши из пальмовых листьев — первобытное жилье в XX веке! Поэтому кубинцы с таким воодушевлением относились как к Фиделю Кастро, так и к революции. А то, что революция обошлась без больших жертв, убеждало, что революция их защищает.

Петр Тимофеевич вспоминает: «Куба — вечнозеленый остров, тропики, всюду пальмы. У меня фотография есть гаванской улицы. Деревья подстрижены, улицы чистые, в магазинах всё было. Сгущенка по 17 копеек на наши деньги. Машины кругом, из наших только 21 Волга, а то все Форды и Мерседесы. Мой друг из соседнего Неклиновского района сфотографировался на фоне такой иномарки, чтобы дома увидели экзотику.

Возле моря там по асфальту иногда прыгали летучие рыбы, на воробьев похожие. Можно было увидеть акул и китов. Сами кубинцы жили скромно. Чистенькие домики в городах, а в деревнях — настоящие шалаши из пальмовых листьев. Каждый лист по три метра. Климат позволял.

Наша база находилась в порту Минос — от Гаваны километров 40–50. Но нас в Гавану отпускали, мы в увольнительные выпивали даже. Нам выдали гражданскую одежду — костюмов пару, обувь, несколько рубашек х/б клетчатых каждому. Как увидишь кого на улице в клетчатом, смело по-русски можно говорить — наш! Местные больше в однотонном ходили, а еще в нейлонах ярких по такой-то жаре! По рубашкам нас и Анастас Микоян узнал, когда приезжал на Кубу на встречу с Фиделем Кастро, и нас увидел на заседании. Сказал: “Вижу, в клетчатых рубашках много людей”, типа, знаю, кто вы. Он говорил, что наше присутствие остановило войну, что, если бы не мы, Кубу бы американцы сравняли с океаном, как Хиросиму и Нагасаки».

Для Петра Тимофеевича Анастас Иванович Микоян — безусловный герой, спаситель мира. Он говорит о нем с уважением, считает, что только благодаря его искусству вести переговоры и армянской хитрости мир был спасен от ядерного конфликта. Знали матросы и о личной трагедии Микояна — что умерла его жена, и он даже не смог поехать похоронить ее, так как улаживал Карибский кризис. Его авторитет был среди военных очень высоким.

Летчик Иван Афанасьевич Шищенко точно знал, что такое война, хоть и не летал на Кубу. Именно таких имели в виду американцы во время переговоров с Микояном. Поэтому для полковника Шищенко эта служба была особенно ответственной: «Дни, проведенные на Кубе, были заполнены до отказа заботами и задачами, переживаниями за успешное выполнение задания, тревогой и волнениями за судьбу вверенного мне коллектива, что не позволяло ни на минуту отвлечься и расслабиться, ощутить новизну окружающего мира. Вынуждали замечать эти особенности только факторы, осложнявшие наши действия: высокая температура и влажность воздуха, тропические ливни и палящее солнце» (И. В. Шищенко «Ракетный поход на Кубу»).

Мне кажется, официальный тон полковника Шищенко составляет контраст веселому рассказу и оценкам старшины Табалина.

Петр Тимофеевич продолжает: «Нам платили немного — 2 песо их деньгами, а песо — 1 рубль 80 копеек на наши деньги. А когда на Кубу ехали, нас в теплоходе на палубу днем не выпускали, а в трюмах учили манерам, этикету, чтобы мы знали, как в ресторанах едят, приборов там много — в какой руке ложку держать, в какой вилку, нож, как омаров едят, и пальцы после них в чашке моют. Чтобы мы на Кубе не опозорились, когда в рестораны попадем. На 3 рубля 60 копеек в месяц много в ресторане наешься! В увольнении мы, когда проходили мимо какого-нибудь особо шикарного заведения, шутили: “Помнишь, как надо омаров есть?” Так омаров и не попробовали». Вот, наконец, и ответ на вопрос, чем же можно заняться в тесных темных трюмах во время долгого морского перехода? Изучать этикет и правила поведения за столом! Молодцы командиры — нашли, чем занять время и мысли матросов в это трудное время! Омаров Петр Тимофеевич не видел никогда, но как их есть — помнит до сих пор.

«Мы решили деньги заработать — солдатам мало денег давали. Дали местному кубинцу, который вместе с нами служил, две рубашки, чтобы он их продал, а нам отдал бы деньги. Он согласился. И вот мы ждем, неделю, вторую. Нет его. Думаем, куда делся? Может, уже в другую часть перевели, больше не встретимся. А потом он приходит и руками разводит: “Мама-папа рубашки забрали и денег не дали. Нет денег”. Так и закончилась наша попытка сделать бизнес. Обманул он нас».

То, что у матросов не было денег — в общем-то, не новость. И понятны попытки их раздобыть, может быть, не всегда законные. Так было не только на Кубе. И, видимо, эти попытки не все были неудачными, так как на ром в дешевом ресторанчике деньги у них нашлись: «Гавана — красивый город, гуляли мы кругом, но много ли пешком пройдешь? Однажды мы попали в увольнительную туда в сильный шторм. Такой сильный шторм был со стороны Мексиканского залива, волны вот такие (рукой показывает выше крыши дома). Там понастроены вдоль набережной такие ресторанчики ночные, днем там пусто. Зашли в один, хотели от непогоды спрятаться, пересидеть. А там сигареты по 5 с половиной

песо. Я говорю: “Нет, туда мы не пойдём”. Я был с Костей Малиновским и еще один там с нами был матрос. Нашли подешевле ресторанчик. Заказали выпивку на 14 песо — коктейли с ромом. Где-то деньги нашли, не помню уже, где. И наливаем по полному бокалу, а на закуску денег у нас нет. А официантка говорит, что так пить нельзя, умрем сразу. Какой там умрем! Выпили, рукавом утерлись. Крепко, конечно, но не крепче водки. И сладко, аж приторно. Тростником сахарным отдает. Этот ром из тростника гонят или настаивают как-то. Кубинцы на донышко плеснут, целый вечер цедят и сигары курят. А Костя говорит: “Там еще есть? Давай еще!” Они так на нас смотрели!»

Очень интересным для меня стал рассказ Петра Тимофеевича о встречах с кубинцами, о местных условиях жизни на Кубе: «С местными кубинцами мы практически не общались. Только с военнослужащими, которых обучали. А один с нашей базы на машине скорой помощи работал, часто за пределы части выезжал. Вот он рассказывал, что остановился на улице, там на улицах петушиные бои устраивались, или он сигареты покупал местные, или еще почему-то, так к нему подходит местная, говорит по-испански: “Компаньеро (товарищ), кушай”. Думала, что голодный, угощала фруктами. А бои петушиные — у них первое для мужиков развлечение.

Население бедное, может, где и жили богатые, но у нас, военных, время ограничено. Привезли нас в Гавану, сказали: “Быть в такое-то время”. Сели и уехали в положенное время. Всё. Времени — часа 3–4, не больше. Сильно не болтались, не пускали надолго и часто. Несколько раз всего в Гаване был.

Там тропики, коровы их живут прямо на улице, трава по метру высотой, там в траве они телятся, солдаты их доят. (Там солдаты коров доят, а не женщины). Недалеко стояла кубинская часть, мы к ним в гости ходили, видели. Столы в столовой у них из каменной крошки, они их спиртом протирают от заразы, а не моют водой. И у них была бутылка здоровенная со спиртом. Как-то они ее не трогали, в голову, наверное, не приходило спирт пить.

Там негры отличаются от кубинцев. Негры совсем черные, а кубинцы темные, типа молдаван. Я в штабе на посту стоял, и там был их кубинец — негр. Позвали кушать, а их командиров нет. Я говорю ему по-испански: “Кушать хочешь?” Говорю повару: “Налей ему!” А негр показывает на свою руку и скребет по ней ногтем, отказывается есть. Спрашиваю, не болен ли? Нет, но у них не принято, чтобы чернокожий обедал вместе с белыми. Я сказал по-испански: “Мы русские, и нам все равно, белые или черные! Все люди одинаковые!” Так он наелся, гладил себя по животу, благодарил. Понравилось ему. Там нас хорошо кормили.

У них там идет трамвай — два вагона, один для белых, получше, сзади для черных. Едут одни негры в вагоне и русские среди них. Какой ближе вагон, в такой и сели. Еще и поэтому нас местные отличали».

Страх одних кубинцев и интерес к матросам других, общение, знакомство с традициями жителей — всё это открыло новый мир перед Петром Тимофеевичем и его сослуживцами. Петушиные бои, коровы, свободно живущие в зарослях, молодежь, слоняющаяся по улицам и выпрашивающая деньги, спирт, который не пьют, а протирают им столы — всё интересно морякам.

Мы видим, что матросы ощущали себя посланцами страны, старались следовать тому идеалу интернационализма, что тогда был официальной идеологией: «Мы русские, и нам все равно, белые или черные!» Они — русские, и потому лихо

пьют крепкий, приторный ром, о котором официантка говорит, что так пить нельзя, можно умереть сразу! Важно держать фасон, раз уж они — русские. Зато как на них кубинцы смотрели!

Но некоторые особенности жизни местных людей на Кубе Петр Тимофеевич не одобряет: обман с рубашками, разные вагоны для негров и белых кубинцев. Еще и поэтому матросы садились в вагон для негров — сам Петр Тимофеевич блондин, его товарищи тоже блее темных кубинцев, которые «вроде молдаван», а вот едут в вагоне с неграми, назло всем сторонникам расового разделения.

Продолжим рассказ П. Т. Табалина: «Вода пресная там на вес золота. На нашей базе морскую воду опресняли, специальная установка была, дорого обходилась водичка. А США на Кубе прямо имели базу, купили ее когда-то, и уходить оттуда не собирались. Говорили, что плевать им на революцию, базу купили навечно. Когда они кубинцам блокаду объявили, те первым делом воду американской базе отрезали. У нас тоже был режим водной экономии. Не покупаешься в душе лишней раз».

Неожиданно встретились и русские эмигранты: «Были и целые поселки местных бывших эмигрантов русских. Там есть села, где русские живут. Мы по берегу прогуляться вышли и набрали. Дедок старенький спросил по-русски: “Есть тут кто с Украины, с Херсона?” Его родители маленьким сюда привезли, охота ему было на земляков посмотреть, какие они. Нашлись земляки. У нас служили со всего Союза, в том числе и с Херсона. А другой наоборот, говорит: “И сюда шакалы добрались!” А ребята говорят: “А давайте его в воду кинем!” Командир спас, не разрешил». Видно, что встреча с дедушкой, интересовавшимся Украиной и искавшем земляков с Херсона, тронула матросов. Обращение «шакалы» со стороны другого эмигранта не понравилось, даже пришлось вмешаться командиру. К эмигрантам было особое чувство: с ними объединяло место рождения и отношение их к покинутой Родине волновало матросов.

Родина снилась по ночам, матросы скучали по дому, тем более что еще до похода считали месяцы до дембеля, но вот как обернулось всё, и возвращение домой затягивалось. «Домой хотелось сильно. Когда недели две там побыли, начал тосковать. Жарко, чужое всё кругом. Смотрю, самолет наш летит. Летали они в Москву каждый день. Думаю, вот бы пробраться, хоть в туалете бы сидеть, а через 12 часов был бы дома.

Считалось, что мы в Москве служим. Почтовый адрес был: город Москва, военная часть такая-то. Письма домой на 3-й — 4-й день доходили. Мать в недоумении была: ты же матрос, а в Москве какое море? И вот она стала грозиться, что придет ко мне в часть и всё узнает. Я обычно письма короткие писал, что там писать, жив, здоров, служу нормально. А тут написал большое письмо, чтоб не ехала — какая Москва, мы на Кубе! Это письмо дольше домой шло, около двух недель, но дошло, несмотря на секретность. Видно, испугались в Москве, что придет баба, шороху наведет, будет везде ходить по штабам, выспрашивать». Так и раскрылась военная тайна. Но родители не очень много рассказывали о службе Петра Тимофеевича даже родственникам. Обошлось даже без напоминания каких-либо органов. Боялись повредить сыну.

Но не все матросы скучали по дому. Для одного из них близость к США оказалась более привлекательной. «Один из наших, кажется, из Чертковского района, однажды не пришел в положенное время. Его искали долго, мы в автобусе сидели, ждали, но нам не сообщили, нашли или нет. Ребята говорили между собой,

что он, наверное, в Гуантанамо, американскую базу, к американцам удрал. Не знаю точно, больше мы его не видели».

Кажется оправданной строгость по отношению к солдатам в чужой стране на фоне этих событий, но Петр Тимофеевич говорит, что особого гнета со стороны органов КГБ не испытывал. «Я там и дневник вел, туда рисунки и фото заносил, красивый был альбом. Привез его со службы, жена читала. Но семья три раза переезжала, потерялся. Большое общее фото с Фиделем Кастро тоже в последнее время не нахожу, не знаю, найду ли. Никто не препятствовал нам фотографировать, дневники вести».

Пик Карибского кризиса пришелся на 27–28 октября. Тогда мир висел на волоске, находился в нескольких часах от ядерного конфликта. Но здравый смысл победил, дипломаты смогли договориться. «В первой пятидневке ноября нами был получен приказ о прекращении выполнения боевой задачи по обеспечению ракетных подразделений ядерными боеприпасами. В ночь с 4 на 5 ноября прибывший с грузом из СССР в порт Изабелла-де-Сагуа корабль “Александровск” был загружен спецбоезапасом части, 5 ноября снялся с якоря и ушел в порт Мариель за боезапасом других частей» (И. В. Шищенко «Ракетный поход на Кубу»).

Петр Тимофеевич рассказывает: «Когда стало известно, что нас выводят, Фидель, говорят, обиделся: как сюда приезжать, спросились, а как выезжать — нет? Но Микоян напрямую с Кеннеди договаривался и с Хрущевым: Кеннеди якобы сказал, что его могут убрать свои же, если СССР на Кубе останется. С ним уже почти договорились, а с другим? Но Фидель был недоволен».

В интернете нашла подтверждение верности информации Петра Тимофеевича об отношении Фиделя Кастро к выводу советских войск. «Необходимо отметить болезненную реакцию Фиделя Кастро на решение о вывозе ракет с Кубы. В послании Н. С. Хрущеву от 31 октября он писал: “...многие кубинцы пережили в момент заявления Советского Союза о вывозе ракет непередаваемую горечь и печаль. Глаза тысяч людей, кубинцев и советских, которые были готовы умереть с высшим достоинством, пролили слезы, когда стало известно о внезапном, неожиданном и практически безоговорочном решении об удалении оружия”» (<http://militera.lib.ru/h/20c2/10.html>).

Но обида Фиделя Кастро не помешала кубинцам отметить 7 ноября — день 45-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции. Вот как описывает его Иван Васильевич Шищенко: «Во всех городах и населенных пунктах прошли праздничные манифестации. Кругом реяли транспаранты и лозунги: “Да здравствует Куба!”, “Да здравствует СССР!”, “Да здравствуют кубино-советские отношения!”, “Вива Куба!”, “Вива Советико!”. Праздничные шествия, фейерверки и торжества продолжались до глубокой ночи. С группой офицеров мы побывали в конце дня в административно-политическом центре Санта-Клара провинции Лас-Вильяс. Очутившись среди ликующего и веселящегося народа, мы воочию убедились в дружелюбном отношении кубинцев к советскому народу и нашей стране. Празднуя эту годовщину, они праздновали свою победу и радовались сохранению своей независимости» (И. В. Шищенко «Ракетный поход на Кубу»).

Я подумала, что было трудно вывести так много людей с Кубы, и нашла информацию о выводе войск. «В перевозке войск, боевой техники и вооружения приняли участие 85 судов, которые совершили 183 рейса на Кубу и обратно. Всего на Остров Свободы было доставлено около 50 тыс. военнослужащих» (<http://sundog2.narod.ru/news/caribbeancrisis.html>).

«Мы получили деньги, и стали собираться в дорогу. Меня капитан-лейтенант Эдуард Николаевич Волков с собой взял в Гавану — посмотреть, пришел ли теплоход, и за покупками. Командир мне купил коробочку гаванских сигар 5 песо 25 сентаво. Красивая коробочка была. Сигары крепкие, с них дым глотать нельзя. Я сам не курю, друзей угощал. Один, дома уже, как закурил, дыма глотнул, и в обморок упал. Такие крепкие. Вот и всё, что я с Кубы привез. А командир передал своей жене подарок, ткань какую-то, я его ей в Севастополе отдал. Пока приехали, а она уже нас встречает. Письма тогда быстро доходили самолетом, за 3 дня.

Офицеры побольше получали — и наше довольствие, и их содержание в песо, могли подарки покупать семьям. Но к нам относились хорошо, матросов уважали. У меня вот фотографии моих командиров есть — вот с нами, матросами, начальник нашего штаба Трофимов (забыл по имени-отчеству), вот капитан-лейтенант Волков Эдуард Николаевич, и он же на отдельной фотографии, когда мы уезжать собирались. Есть общее фото всего отряда, только маленькое».

И вот передо мной тусклые любительские фотографии, желтоватые, с подтеками, от которых веет какой-то странной экзотикой, так как на заднем плане видны пальмы. И хоть одеты эти люди в простые клетчатые хлопчатобумажные рубашки, в которых у нас одевались на работу, когда помотришь более внимательно, становится понятно, что это люди военные. Особенно интересной кажется фотография у морского вокзала Гаваны. Люди в штатском строятся в повоенному четкие колонны, готовясь к посадке на теплоход.

«Долго не могли уплыть с Кубы — контраст препятствовали, взрывали теплоходы-сухогрузы, командование боялось — а ну как с людьми взорвут? Но вот мы погрузились на теплоход “Адмирал Нахимов”. Шикарные условия были: два бассейна, 4 ресторана, шезлонги на палубе — всё для матросов! Плыли с комфортом, не скрывались, официанты нам подавали, стюарды убирали! Лежим на палубе в шезлонгах, подлетает вертолет американский, зависает над нами, лестница разворачивается и падает. Они приглашают из двери открытой, машут рукой — кто хочет родину покинуть, поднимайтесь, а мы им дули в небо суем, ребята некоторые кричат, выражаются нецензурно. Но какое-то приподнятое настроение было, весело, как после победы.

Когда уже мимо Турции плыли, нас там местные на берегу встречали — видели советский флаг и приветствовали, а мы им махали в ответ».

Фотограф явно талантлив; среди нескольких снимков Петра Тимофеевича — несколько очень колоритных кадров, особенно мне нравится этот — матросы на палубе теплохода. Шезлонги и бассейны на палубе, рестораны — почти круиз, отдых после тяжелой работы. И настроение веселое, полеты американцев — бесплатное развлечение.

Но была ли победа? Думаю, это действительно была победа. Для матросов — в том, что не произошло ничего страшного, что едут так шикарно, а не заперты в тесных темных трюмах. Государство пошло на то, чтобы 183 раза послать теплоходы за войсками, в общем, не сэкономили, потому что для правительства нашей страны это тоже была победа. Цели были достигнуты, Соединенные Штаты согласились на демонтаж своих установок в Турции, а также отказались официально от каких-либо попыток сменить вооруженным путем режим Кастро. Поэтому и для Кубы это тоже была победа, хоть Фидель Кастро и обиделся тогда, что его отстранили от принятия решения. США тоже вздохнули с облегчением —

ядерные ракеты больше не нависали над их границами. И на фотографии — счастливые лица матросов. Домой!

«Приплыли в Севастополь — команда в 2500 человек, их же кормить-поить надо, поселить где-то. И сразу же нас начали домой демобилизовывать, особенно кому близко из Севастополя домой. Мы и так дольше служили, чем надо, — я, например, 4 года 8 месяцев.

Вроде как добровольцами поехали на Кубу, но кто нас спрашивал! Солдату сказали — надо, он и подчиняется».

В 1998 году группа ветеранов-«кубинцев» создала Межрегиональную общественную организацию ветеранов воинов-интернационалистов «кубинцев» (МООВВИК), которая добилась уравнивания тех, кто служил на Кубе, в правах со всеми остальными воинами-интернационалистами. Эта организация довольно активна, хотя Николай Афанасьевич говорил, что умер ее ростовский организатор и о новых делах МООВВИК стало не слышно. Но вот смогла же эта организация создать замечательную книгу воспоминаний своих ветеранов, изданную достаточно солидным тиражом в 3000 экземпляров. Ее членами являются и Иван Васильевич Шищенко, и Николай Афанасьевич Перекопский. Они добились статуса воинов-интернационалистов. Но Петр Тимофеевич Табалин о ней ничего не слышал. И конечно, у него нет статуса воина-интернационалиста. Он как-то об этом не задумывается, вспоминая молодость и службу на флоте. Действительно, он является примером того, как в нашей стране формировались отряды «добровольцев»: «Солдату сказали — надо, он и подчиняется».

«Я хотел домой самолетом полететь, интересно мне было на самолете домой лететь, я ведь еще ни разу не летал. Но трудно было с билетами, прямого рейса из Севастополя нет в Ростов, и т. д. Тут из Краснодара ребята (их человек 6 у нас служили, все из одного района), говорят: “Что ты мучаешься, сегодня вечером поезд через Ростов в Краснодар, поедem вместе”. Я и поехал с ними.

Всё это как сон вспоминается, но как будто и времени никакого не прошло, как сейчас всё помню.

С ребятами дружим, часто с другом Петром Скалихом из Троицкого встречаемся, вот в санаторий поеду в Пятигорск — там еще друг живет, Коля Малиновский, на станции Минутка в Кисловодске. Немало ведь вместе пережили необыкновенного!»

Мне очень симпатичен Петр Тимофеевич Табалин. Этот человек — очевидец событий, изменивших судьбу мира. Его жизнь подвергалась опасности во время кубинского похода, он и его товарищи хорошо осознавали, что может произойти, знали, что они попадают под первый удар в случае ядерной войны. И в то же время ему повезло: в то время люди в СССР могли только мечтать о тропических островах и дальних странах. Даже песня была: «Я мечтала о морях и кораллах», а он там побывал. Его рассказ стал для меня хорошей иллюстрацией к краткому рассказу в школьном учебнике истории о Карибском кризисе. Его оптимизм и добродушие сделали нашу беседу очень легкой, мне действительно было приятно познакомиться с таким замечательным человеком. Он на пенсии, но по-прежнему деятелен, помогает своим детям и внукам, ухаживает за садом, интересуется мировой политикой.

Николай Афанасьевич Перекопский тоже на пенсии, деятелен, состоит членом МООВВИК, любит перечитывать книги о Кубе.

Иван Васильевич Шищенко умер в достаточно солидном возрасте, похоронен в Смоленске.

ДМБ-87, или Как служилось в армии во времена моего папы и как в ней послужит сейчас (размышления допризывника)

Александр Ковалев

с. Новый Курлак, Воронежская обл.

научный руководитель Н. А. Макаров

5 октября этого года мне исполнилось 15 лет. Я являюсь допризывником. Однажды я уже проходил медкомиссию в военкомате. Скажу честно, мне было страшновато, потому что я первый раз был у врачей без взрослых. Вдруг будут лечить зубы, чего я терпеть не могу? Или обнаружат, что у меня плохое зрение?

Но я оказался вполне здоров. В моей медицинской карточке все врачи написали: «Годен». Это значит, что через три года я вполне могу пойти на службу в армию. Конечно, у меня теперь часто возникают вопросы: «А хочется ли мне это делать? И если да, то зачем?» Ответ на второй вопрос довольно ясен: служить надо, чтобы научиться защищать себя и близких.

Первый вопрос гораздо труднее. Тут надо было разобраться. Я часто слышал, как мой папа в разговорах с друзьями упоминал о времени своей службы. С ним-то я и поделился своими сомнениями. Он сказал: «Всё зависит от того, каким ты станешь к восемнадцати годам, будет ли смысл твоего пребывания в армии, будешь ли ты физически вынослив и психологически готов к тому, чтобы носить оружие и выдерживать армейские нагрузки. В конечном итоге всё будет зависеть от твоего желания, так как я думаю, что после 18 лет каждый человек волен распоряжаться судьбой по своему усмотрению».

Я побеседовал по этому вопросу и с другими взрослыми из моей семьи.

Мама была категорична: «Нет, я не хочу, чтобы ты служил в армии. Несмотря на то, что армия делает из мальчиков мужчин (они становятся взрослее, серьезнее, самостоятельнее), я всё-таки не хочу. Ведь в современной армии нет должных условий нормального существования. Армия станет игрой на выживание».

Вот мнение бабушки: «Нагрузки в армии будут для тебя слишком велики. Я хочу, чтобы ты сначала поступил в институт, а уж потом (возможно) пошел в армию».

Дедушка дал самый туманный ответ: «Если выбирать между тем, являются ли годы службы в армии потерянным или обретенным временем, то я бы, скорее, назвал первый вариант».

После таких бесед я поставил перед собой задачу самостоятельно разобраться в том, что это значит — служить в армии. Мне пришлось прибегнуть к различным источникам.

Во-первых, это устные рассказы многих людей или интервью с ними. В первую очередь это был папа, который хоть и ворчал, что я отвлекаю его от важных вещей, но, тем не менее, охотно помогал мне и старался быть откровенным.

Я разговаривал с теми, кто служил в армии давно (во времена папы и еще раньше), и с теми, кто демобилизовался совсем недавно, — с выпускниками нашей школы.

Во-вторых, я использовал письма. К счастью, бабушка и дедушка сохранили те письма, которые присылал им из армии папа. Они были бережно сложены в стопку и перевязаны красной ленточкой. Но я обратил внимание на то, что большинство конвертов буквально изодраны. Я понял, что бабушке и дедушке не терпелось прочитать письмо, и они не тратили времени на то, чтобы аккуратно вскрыть конверт при помощи ножниц.

Мне удалось найти и другие солдатские письма. Одно из них датировано 1965 годом. Я отыскал его в школьном архиве. Большим подспорьем в работе стали письма из армии солдата-москвича Р. А., который служил в армии почти в одни и те же годы, что и мой папа. Эти письма оказались у меня довольно случайно. Письма середины 90-х годов передал мне мой руководитель Н. А. Макаров: из армии ему писали бывшие ученики. И, наконец, мне удалось прочитать совсем свежие армейские письма.

Трудно судить, является ли мое исследование историческим. Для меня — точно, ведь я занимался тем временем, когда меня еще не было на свете. Для допризывника Александра Ковалева это и есть история в буквальном смысле слова.

«СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!»

Моего папу Геннадия Викторовича Ковалева забрали в армию в мае 1985 года. Два месяца назад в стране, которая называлась тогда Советский Союз, произошла смена высшего руководства. Папа сказал, что это время в народе считалось «пятилеткой пышных похорон», так как один за другим умирали престарелые лидеры СССР.

Папа окончил Новокурлакскую среднюю школу в 1984 году и поступил на физико-математический факультет Борисоглебского пединститута. Но за два года до его призыва студентов вузов стали забирать в армию после окончания первого курса. Я сейчас думаю, что такое решение было абсурдным.

Но перед папой вопрос «Служить или не служить?» не стоял. Воспитанный в семье партийного работника и учителя, в детстве он зачитывался романтическими книгами о благородных воинах (например, «Айвенго» В. Скотта), книгами о подвигах советских солдат. Он представлял себя то Александром Матросовым, то летчиком Гастелло. Папа просто обожал телепередачу «Служу Советскому Союзу», где показывали, какое замечательное это дело — служба в армии.

Его отец, а мой дедушка Виктор Андреевич Ковалев, занимавший пост партийного секретаря колхоза «Путь к коммунизму», легко мог устроить так, чтобы папа остался доучиваться в институте. Кстати, несколько лет спустя ему удалось проверить эту операцию в отношении младшего сына, моего дяди Андрея. Папа же был несговорчив и всё твердил: «Нет, я буду обязательно служить!» Дедушка предлагал папе «пристроить» его в элитную подмосковную часть, но он отрезал: «Или ты оставишь меня в покое, или я напишу заявление об отправке в Афганистан». Дедушка тогда отступился, сказав лишь: «Твоя жизнь, тебе и решать».

Сейчас папа откровенно говорит, что действовал сгоряча. «Юношеский максимализм, недостаток адреналина и жажда подвигов — вот что стало причиной моего «похода» в советскую армию», — сказал он мне.

Папа попал служить в ВДВ. Наверное, это произошло не случайно: были учтены его физические данные и уровень образования. Существует молва, что служба в воздушно-десантных войсках престижна.

Я хорошо помню, с каким пафосом 2 августа этого года отмечался 75-летний юбилей ВДВ. По телевидению показывали, как сильно подвыпившие бывшие десантники в военных синих беретах орут какие-то песни и барахтаются в фонтанах. Для чего придумали такую традицию? Слава Богу, папа не придерживается ее и вообще не любит хвалиться тем, что он служил в ВДВ.

Я спросил его, почему же нахождение в ВДВ считается особенным и престижным?

И он сказал: «Главная причина — обычная романтика. Одни вэдэвэшные лозунги чего стоят: “С любых высот в любое пекло!” Или: “Кто в берете, тот вне закона”. Разве не круто?

То, что перед десантниками ставятся сложные задачи, то, что они действуют в тылу врага в отрыве от основных сил, то есть многим рискуют, — всё это добавляет плюсы к имиджу десантных войск. Десантники всегда там, где “горячо”: Афган, Прибалтика, Грузия, Абхазия, Приднестровье, бывшая Югославия, Чечня.

Как ни парадоксально, но престижность службы в ВДВ укрепляет реклама. С экранов телевизоров десантник выглядит двухметровым амбалом, способным ломать кирпич рукой, ногой, головой, пробивать стены, стрелять по-македонски, справляться со множеством противников одновременно, водить различные виды военной техники и вдобавок ко всему этому еще и думать. Кто же, увидев такой образ, не захочет воплотиться в него за каких-то два года?

Но, я считаю, развал коснулся и этого рода войск, как и всей армии. Это было очевидно и в пору моей службы. Некоторые подразделения по существу превратились в стройбат, за что получили обидную кличку “голубые лопаты”, так как там больше строили и копали, чем занимались военной подготовкой».

Вот так критично ответил папа. Однако в СМИ такого не услышишь.

По всей видимости, полный радужных надежд, мой папа 20 лет назад собирался научиться всем этим громко звучащим штукам. Но на КПП (контрольно-пропускной пункт) части новоприбывших солдат, среди которых был и Геннадий Ковалев, встретил капитан Пархоменко и тут же заявил: «Вы, наверное, думаете, что у нас с утра прыжки, до обеда — стрельба, после обеда — каратэ, ночью — укладка [имеется в виду укладка парашюта. — А. К.]? Наивные люди! Сначала вы станете операторами БСЛ [позже папа узнал, что БСЛ — это “большая совковая лопата”. — А. К.]».

Так и началась для папы двухгодичная эпопея под названием «Служу Советскому Союзу!»

«ДУХ»

Оказалось, что солдаты служили не просто двухгодичный срок. Эти два года четко подразделялись на совершенно различные отрезки. У моего папы это выглядело так. С момента прихода в часть до окончания курса молодого бойца (КМБ или «карантин») он назывался «духом». С окончания КМБ до полугода папа числился в категории «слонов». Следующие шесть месяцев (до года) воины-десантники носили звание «боевых слонов». После они становились «ветеранами» (это еще шесть месяцев). С полутора до выхода в свет приказа об увольне-

нии (стодневка) — «дембелями». Затем до ухода в запас человек мог позволить себе назваться «гражданским».

Так было у папы. Названия периодов службы в других местах могут различаться (я находил другие названия в иных источниках), но их суть, наверное, везде была одинакова.

Итак, вначале мой папа стал «духом». «Дух», как я понял, являлся совершенно бесправным, безголосым и почти бестелесным (поэтому, видимо, и «дух») существом, которое всеми способами стремится выжить.

Первоначальную «закалку» «духи» проходили в «карантине».

Первым делом сержанты стали рыться в рюкзаках новобранцев. Брали запасенную мамами снедь, даже одежду. Когда дошла очередь до рюкзака папы, он произнес: «Давай, шарь, там лежит пара чистого нижнего белья». Сержант окинул его недобрый взглядом: «Это кто такой борзый нашелся?» С той поры сержант запомнил остряка Ковалева и по всякому поводу старался его побольнее клюнуть. Как-то на зарядке он спросил: «Ты кто?» — «Как кто?» — «На гражданке кто?» — «Учитель». — «По чему?» — «По физике». — «Ну вот, теперь будешь по физкультуре».

Способы воспитания хороших манер в армейских условиях отличались необыкновенным разнообразием. Если, например, солдат ходил с засунутыми в карманы брюк руками, то туда доплотна насыпали песок, а затем карманы зашивали. Наказание заканчивалось, когда песка не оставалось, поскольку он сам по себе просачивался сквозь ткань.

Если старшина роты находил в казарме мусор, а надо заметить, что в казарме всегда царил идеальный порядок, даже полоски на одеялах и подушках выравнились по нитке, то обнаруженный мусор причислялся к нарушениям первого разряда. Это было чуть ли не пособничеством врагу.

Я спросил у папы, как выглядел обычный день десантника-«духа». Он задумался, а потом попросил сутки для раздумий и воспоминаний. На следующий вечер мы расположились в гостиной друг напротив друга. Они рассказывал, а я пытался всё фиксировать.

6.00 — подъем. За 45 секунд надо одеться. Если кто-то не успел, процесс одевания повторялся до тех пор, пока все не уложится в норматив. Затем сразу построение на плацу, форма одежды — голый торс, если температура положительная, и х/б, если она ниже нуля.

Начинается зарядка: бег 3 км, причем отдельные участки (150–200 м) проходятся гусиным шагом или прыжками из положения сидя. После кросса — разминка в спортгородке, затем — брусья (15–20 м в длину) проходятся по очереди 3 раза (на вытянутых, на согнутых руках и толчками). Сорвавшийся с брусьев повторяет упражнение до тех пор, пока не пройдет полностью. На тех же брусьях качается пресс — от 50 до 100 раз (в зависимости от настроения сержанта). Следующий этап — турник: 12 подтягиваний и 6 подъемов переворотом (выполняется в парах). Приседания в парах на плечах друг друга. И в конце — бег до казармы, 200 м, из них 100 на кулаках (ноги в руках товарища) и 100 на плечах напарника. Пара, оказавшаяся около казармы последней, возвращалась в спортгородок и повторяла всё сначала.

7.00 — туалет и заправка кроватей. Одеяла на кровати отбиваются тапочками или прощипываются, так что становятся похожими на кирпичики. Затем натягивается нитка, и по ней выставляется кровать, подушки, полоски на одеяле, тумбочки и табуретки.

7.30 — построение на плацу: строевая подготовка.

8.00 — завтрак. Строем и с песней «духи» направлялись к столовой. Существовал определенный порядок, кто где должен был встать перед столом. По команде «Садись!» все садились. «Начать прием пищи!» — командовал сержант, и без всякого промедления солдаты начинали есть. После команды «Закончить прием пищи!» остается две минуты до окончания завтрака. Команда «Порядок на столах!» означала полное прекращение еды. Продолжительность завтрака зависела от настроения сержанта. Довольно часто солдат в столовую приводил один сержант, а второй уже заканчивал есть. Через 3–4 минуты раздавалось: «Порядок на столах!», и солдаты вынуждены были выбегать на построение.

8.30–9.00 — строевая подготовка. «Особо одаренным» в этом деле воинам выдавались в каждую руку по половинке белого кирпича, держа которые они выполняли все упражнения. С этими же кирпичами ставили на «вытяжку»: воин делает отмашку руками, стоя на одной ноге. Вторая нога поднята на высоту 12–15 см.

9.00–9.10 — развод на занятия, где учили десантной специфике.

14.00 — долгожданный обед. «Духи» были вечно голодными. Но сержантов этим не разжалобишь. Первое блюдо (суп или щи) было очень горячим. Поэтому приходилось выбирать: обжигать рот или остаться с пустым желудком. Правда, через некоторое время «духи» нашли выход из этого положения: они начинали есть со второго блюда, и за это время первое немного остывало.

15.00 — два часа физподготовки. Повторялось то же, что и на зарядке, и дополнительно включались элементы рукопашного боя.

17.00 — политзанятия. Советским воинам вдалбливали идеи марксизма-ленинизма, тем самым «воспитывая любовь к Родине и преданность делу коммунистической партии».

20.00 — ужин. Точная копия завтрака.

Время с 14.30 до 15.00 и с 18.30 до 19.45 называлось «личным». Сержанты обожали использовать его на исправление недостатков солдатской выправки на плацу, и тогда «духи» вдосталь могли насладиться их ненормативной лексикой.

21.45 — построение, перекличка.

22.00 — отбой (но отнюдь не сон). Офицеры покидали казармы, и к сержантам переходила ничем не ограниченная власть. Упражнение «подъем-отбой» продолжалось еще в течение получаса. Папа сказал, что за период «карантина» мастерство «духов» выросло настолько, что они раздевались за 35 секунд, а одевались за 20.

Далее минут 10–20 было стояние на грядушках кроватей (руки на одной грядушке, ноги на другой) или держание уголка (лежа на спине, ноги подняты). За срыв упражнения следовало наказание ударом ремня.

После этого сон приходил мгновенно.

Что же писал мой папа домой, когда он был «духом»? Прежде чем заняться анализом писем этого периода, необходимо, я думаю, поразмышлять о папиных армейских письмах вообще.

Всего в стопке, предоставленной мне дедушкой, оказалось 39 писем (адресатом пяти указан младший брат Андрей). По годам письма распределились так: 1985 (с мая по декабрь) — 26, 1986 (полный год) — 12, 1987 (с января по май) — 1. Уже эта чисто цифровая статистика позволяет сделать вывод о том, когда папе приходилось тяжело, а когда легко, ведь письма из армии — это един-

ственная форма общения с близкими людьми, а общаться всегда больше хочется в трудных ситуациях.

Еще надо подчеркнуть то, что это письма родителям, от которых всё-таки намеренно скрываются многие факты, чтобы лишний раз не волновать их. Уже письма брату звучат по-иному, хотя и их папа писал, в чем я не сомневаюсь, с учетом того, что они могли попасть в руки родителей. Если бы в моем распоряжении оказались письма, которые папа отправлял друзьям, то там бы обнаружилась совсем другая степень откровенности. У меня появилась возможность убедиться в этом: я читал письма нынешних солдат к друзьям.

Письмо от 14.05.1985 г.

Это даже не письмо, а записка «на лету». Его папа отправил из Москвы, где находился сутки в ожидании поезда.

«У меня всё хорошо. Трое суток был на пересыльном. Всё ждал, куда же меня пошлют. Там жили неплохо, кормили хорошо, по полдня валялись на плацу, ходили в кино, занимались строевой. Пишу письмо из Москвы, где мы проездем. Нас 15 человек, везут нас в Псков, где и будем проходить службу в рядах доблестного автобата».

Папа солгал, написав, что будет служить «в рядах доблестного автобата». На самом деле он прекрасно знал, что его направляют в Черниговскую гвардейскую воздушно-десантную дивизию, названную так потому, что она формировалась в годы Великой Отечественной войны под городом Черниговом. Сейчас ее принято называть Псковская дивизия (по месту постоянной дислокации). Это та самая часть, которая стала печально знаменитой во время Второй чеченской войны.

Папа лгал намеренно. Известно, что в середине 80-х годов шла афганская война, и те, кто служил десантником, с большой долей вероятности могли там очутиться.

Письмо от 23.05.1985 г.

«Хочу извиниться перед вами за то, что в первом письме написал, что служу в автобате. На самом деле я попал в военно-десантные войска. Хотел, чтобы вы не волновались, да и сейчас волноваться особо нечего, так как служба идет хорошо, правда, у нас физподготовки больше, чем в других войсках, зато и кормят лучше. Сегодня я дневальный, вот и решил написать письмо, пока есть свободное время. Я нашел себе друзей, так что жить не скучно, да и скучать времени нету».

В конце письма — очень важная приписка: «Кстати, ни денег, ни посылок не высылайте, они мне не нужны, ладно?»

В свете того, что папа мне рассказал об «одном дне десантника-“духа”», содержание письма легко расшифровывается. «Чуткие» сержанты присвоили бы и деньги, и содержимое посылки без зазрения совести. И «ненужность» денег и посылки папа, конечно, сильно преувеличил.

Я спросил у него, действительно ли десантников кормили лучше, и он подтвердил это. «Еды, за исключением времени карантина, всегда хватало, только тоска была по домашней пище, — сказал он. — Нам 2 раза в сутки полагалось сливочное масло, тогда как в большинстве других родов войск всего 1 раз. Круглогодично на столе стоял салат. На ужин обязательно была селедка, утром и в обед — мясо. По воскресеньям паек дополняли 2 яйца. В особо значимые праздники — 7 ноября и 2 августа — нас “баловали” даже пирожным».

Письмо от 31.05.1985 г.

Адресовано брату Андрею. Его гораздо интереснее читать. Если родителям папа осторожно пишет: «У нас физподготовки больше, чем в других войсках», то брату об этом же несколько иначе: «До потери пульса занимаемся спортом, отрабатываем элементы прыжков, так что х/б мокрое становится».

Письмо от 4.06.1985 г.

«Здесь 4 парня из Воронежа, помогаем друг другу чем можем». Наличие земляков в армии было очень важным фактором. Ласково земляки называли друг друга зёмами.

«Началась серьезная подготовка к прыжкам, завтра будет боевая укладка, а 6 июня будем прыгать. Страшновато, но ничего, не я первый, не я последний. Наш карантин начали ускоренно готовить, то есть сократили время подготовки. Ходят слухи, что поедем в “теплые края”».

Под «теплыми краями» папа подразумевал Афганистан. Быть может, и были такие планы, но потом изменились, на войну папа, слава Богу, не попал.

«С сержантами живу, как все, ни хорошо, ни плохо. Придерживаюсь девиза одного из пушкинских героев: “От службы не бегай, на службу не нарывайся”».

Самыми главными начальниками для «духов» были сержанты. Они руководили армейским «естественным отбором». («Почти по Дарвину», — сказал папа). Процессу «ломки» подвергались все и на протяжении всей службы. Выживали сильнейшие — как правило, не телом, а духом.

К слабым в армии относились без лишних церемоний. Один из сослуживцев папы по фамилии Ванкевич так и остался «духом» до конца срока службы. Его «клевали» даже земляки. Царили «законы стаи».

Письмо от 8.06.1985 г.

«Сделали 2 прыжка с самолета АН-2, один учебный, а один боевой с полной укладкой. Теперь до конца карантина прыгать не будем.

Вам, может, интересно знать, какие ощущения я испытывал. Сначала было всё равно — прыгать или нет, а потом уже в самолете пришло небольшое чувство страха перед прыжком, но я сумел его побороть и выпрыгнул самостоятельно. Вы даже представить себе не можете те ощущения, которые испытываешь, когда уже летишь на парашюте: внизу прекрасный пейзаж, кругом тихо, только слышен звук уходящего самолета. Второй прыжок совершал спокойно, даже с некоторым интересом. За прыжки нам дали деньги, по три рубля за каждый, и значок парашютиста».

К этому письму папа дал такие комментарии:

«Первые прыжки (два) мы действительно делали с самолета АН-2, так как он медленнее и безопаснее. А уже начиная с третьего прыжка, это был ИЛ-76. Техника была такая: упираешься в купол впереди стоящего и бежишь. Отталкиваешься от самолета как можно дальше — в противном случае может протачить по фильёнку фюзеляжа (такие случаи были на АН-2)».

Насчет того, что первый прыжок совершен самостоятельно, я прихвастнул. Получилось так. По очереди я прыгал третьим. Прыгнули 1-й и 2-й (мой друг и земляк Кирс — Кирсанов). Мне надо было отсчитать три секунды и начинать движение к двери, а я “стартовал” сразу. Выпускающий офицер схватил меня и остановил. И вот тогда стало по-настоящему страшно, наступил так называемый стопор. Выпускающему пришлось “помочь” мне. Вообще, когда прыгали “духи”, выпускаю-

щие всегда пристегивались внутри самолета ремнем, иначе очень часто появлялись бы вакансии на их должность.

Зато совсем другая обстановка бывала в самолетах, когда прыгали офицеры. Мне несколько раз затем приходилось оказываться среди них. Тогда редко кто из них был трезвым, даже экипаж самолета. Солдатам, которые, конечно, не употребляли спиртного, становилось весьма неудобно в такой компании.

Ощущения от первого прыжка отчетливо помню до сих пор. Кажется, будто ты смотришь кино, и всё это происходит не с тобой. Самолет трясет так, словно ты едешь на телеге по разбитой дороге».

Подробнее рассказал папа и о том, как вручается значок парашютиста. Тут существовал целый ритуал. Сам значок в ВДВ называли «тошнотиком» (из-за неприятных ощущений, когда впервые оказываешься в самолете). Приземлившись после первого прыжка, солдат представляет себе, что он — герой Советского Союза, грудь заполняют необъяснимо торжественные чувства. Но он тут же слышит отрезвляющие слова офицера: «Купол на горб и бегом в часть!» Вечером в казарме сержанты производили «раздачу». Дело в том, что этот значок ввинчивающийся. Чтобы скрепить болт с гайкой, надо сделать на форме отверстие. Этой процедурой и занимались сержанты: они кулаками вбивали «тошнотики» в грудь молодых солдат.

Письмо № 8 (26.06.1985 г.).

«Сейчас у нас в “карантине” идут выпускные экзамены. Сегодня сдали политику. Задали несколько глупейших вопросов, самым трудным из них был “Путешествие Магеллана”».

Таким образом, папа был признан политически подкованным. Его перевели из «карантина» в роту, так что период его армейского пребывания в «духах» завершился.

«СЛОН»

Прежде чем перейти в следующую категорию, десантники-«духи» должны были пройти через ритуал перевода. Заклучался он в следующем. В казарме устанавливали вверх ножками табуретку. «Дух» должен был взгромоздиться на нее таким образом, чтобы на одной паре ножек были руки, а на другой — ноги. Двое старослужащих располагались сзади и со всего размаха ударяли вторым табуретом по мягкой части. Это называлось десантированием, так как «духи» «парили» по несколько метров. Некоторые пытались прыгнуть раньше удара, чем только усугубляли свое положение: они срывались с ножек табуреток и разбивали себе лица.

С точки зрения папы, название второго отрезка солдатской службы — «слон» — появилось из-за вида бойцов, бегущих в противогазах. Старый образец противогаза имел длинный гофрированный шланг, соединяющий маску с баком очистки. Со стороны воины в противогазах были очень похожи на самое крупное наземное млекопитающее.

«Слоны», перейдя из карантина в роту, испытывают гораздо более сильные трудности. Если там над ними командовали и издевались только сержанты, то здесь это делают все, кому не лень. Папа, когда был «слоном», прочувствовал на собственной шкуре разные оттенки явления, которое называют дедовщиной.

Первоначально я хотел в своей работе писать только о папе. Но постепенно в процессе бесед с ним мне приходилось обращаться к другим источникам.

Процесс ломки, о котором говорил мне папа, особенно ощущался именно в период «слоновства». С собственным «я» приходилось расставаться:

«На первом полугодии службы, да и некоторое время потом все мои желания были поспать побольше — и побольше и получше поесть. Сейчас же появляются и другие потребности. Правда, всё это время я ничего не читал, даже газет. Телевизор смотреть не было ни времени, ни желания.

Я постарался максимально опроститься, но это не то животное состояние, которое было раньше. Но, что плохо, я старался постоянно играть не свою роль, которая плохо у меня выходила. Сначала я играл роль эдакого рубахи-парня, потом — роль “черпака” (В папином исчислении «черпак» соответствует «боевому слону». — А. К.), а под конец вообще запутался, понял, что теряю собственное “я”. Я подлаживался под других, но делал это неизобретательно, я почти растворился, не осталось (в поведении) ничего своего» (Из письма из армии Р. А. от 7.11.1987 г.).

Считается, что армия делает из мальчиков мужчин (вот и моя мама так сказала), но тогда мужчина — это мальчик, потерявший собственное «я».

Мне кажется, что дедовщина — это страшное явление, в основе которого унижение одного человека другим. Папа рассказывал, что старослужащие могли сказать «слонам»: «Нам нужны бутылка водки и килограмм шоколадных конфет. До утра достать хоть из-под земли!» Денег, конечно, никаких не выдавалось. Или заставляли бегать с шестнадцатикилограммовой гирей с первого этажа здания казармы на третий и обратно, а потом еще и отжиматься на кулачках. «Дембеля» со злорадством смеялись: когда-то и им приходилось делать то же самое.

Те, кто пытался оказывать сопротивление, ходили в синяках. Офицеры этого «не замечали».

Однажды (дело было зимой, в декабре) один «дед» бросил папе х/б и приказал постирать. Папа куда-то спешил, а поэтому, постирав х/б, бросил его, не отжимая, в сушилку. До утра форма не успела высохнуть. «Дембель» рыкнул: «Доживешь до вечера — твое счастье».

В другой раз папа вместе с одним своим однопризывником и сержантом по прозвищу Сельдь в обед зашли в булдырь (так среди военных называлась солдатская чайная) и купили по песочному пирожному. Решили приберечь лакомство к ужину, поэтому спрятали в укромном месте, о котором, правда, все знали. Вечером обнаружилось, что пирожные исчезли. Сельдь обвинил в воровстве «молодых» и «примерно» расправился с ними. Сейчас папа говорит, что, скорее всего, все три пирожных съел сам сержант, а потом прикинулся карающим по справедливости судьей.

В чем причины дедовщины и беспредела в армии, где лежат их корни?

Что-то вроде ответа на этот вопрос я нашел в известной повести Ю. Полякова «Сто дней до приказа»:

«Говорят, всё началось после сокращения сроков службы в шестьдесят седьмом году. Давайте смоделируем: вы служите три года, а новые призывы — только два!.. Обстоятельства сложились так, что “трехлетки” стали срывать зло на “двухлетках”... А дальше нечто вроде цепной реакции...»

Но и до 1967 года дела в армии обстояли далеко не гладко. «Были и тогда “шутники”, любители поглумиться над неопытностью», — прочитал я в письме

в журнал «Огонек» (№ 13 за 1988 г.) А. С. Скоробогатова, майора-инженера запаса, члена КПСС с 1952 года. «В армии насаждалась видимость благополучия, внешний эффект, — пишет он дальше. — Бывало, за одну ночь возводились крашенные заборы, “триумфальные арки”, с несусветными атрибутами, якорями, крыльями и т. д.»

А вот как изображена армейская дисциплина в офицерском письме в партийные органы 1952 года, которое я нашел на сайте www.svoboda.org:

«Дорогие товарищи!

В рядах Советской Армии я уже 23 года, за это время был ряд реформ, если можно так назвать, но меня больше всех волнует состояние дисциплины в послевоенный период. Несмотря на приказ 0082, существенных изменений не произошло, по той простой причине, что большинство офицеров и генералов поняли требования приказа неправильно. Вместо строгой требовательности и усиления воспитательной работы — грубость, беспросветный мат, оскорбления, так например: генерал-лейтенант Солдатов на другой же день после ознакомления с приказом начал сыпать такие оскорбления не лейтенанту даже, а полковникам, и просто уже при виде его старались спрятаться подальше. Эта дисциплина привела к общему разложению — массовому пьянству, расцвету похабнейшего мата, хулиганства, о которых, конечно, никто никуда не доносит, если не замешаны гражданские лица, — тогда трудно укрыть...

г. Молотов, войсковая часть 34562. Майор Некрасов».

Выходит, дедовщина была и до 1967 года, причем не только среди солдат. Она как бы выстраивалась по вертикали от генералов до рядовых. Вообще, мне кажется, что дедовщина являлась спутницей армии в России со времен царя Гороха. Стоит только почитать, например, рассказы Н. С. Лескова, как сразу увидишь, какая «дисциплина» в армии была в стародавние века, которые сейчас многим историкам кажутся благодатными, когда «ковалась слава русского оружия». Где-то я слышал, что и само понятие «дедовщина» взялось из тех времен, когда солдаты в России служили по 25 лет, то есть старослужащие были дедами в прямом смысле.

А может быть, причина дедовщины кроется в беспросветном однообразии армейских будней (очень яркий художественный пример — фильм П. Тодоровского «Анкор»). Чтобы как-то скрасить свое существование, офицеры, а за ними и солдаты устраивают все эти «концерты» или, по выражению папы, «детские игры взрослых дядей».

Папа сказал, что во время серьезных, непоказушных учений никакой дедовщины не было, каждый делал свое дело. Так, будучи «слоном», папа побывал на полевых учениях в городе Поречье (Белоруссия). И тогда все испытывали большие трудности, спали в палатках, ни у кого не было свободной минутки. Зато не было дедовщины. А возвращение в казармы означало возвращение к прежнему «анкору».

В советских СМИ тема «дедовщины» в армии была табу. И лишь с наступлением гласности об этом стали писать. Эффект разорвавшейся бомбы вызвала, например, повесть Ю. М. Полякова «Сто дней до приказа». Ее еще не напечатали, а генералы забили в набат. Они кричали, что повесть порочит армию и мешает ходу перестройки в ней. Из номера в номер главного армейского печатного органа «Красная звезда» публиковались нападки на книгу, которая еще и в свет-то не вышла.

Повесть «Сто дней до приказа» была напечатана в № 11 журнала «Юность» за 1987 год. Я прочитал ее и могу сказать, что у главного героя Купряшина была примерно такая же служба, как и у моего папы. И в его части случалось нечто подобное.

Вот одна из историй, рассказанных папой:

«По нашему приходу в часть в батальоне случилось ЧП. Ефрейтор Акулов застрелил сержанта Простатинова. Не берусь судить, кто из них прав или виноват, но было это так.

Акулов был водителем-механиком в экипаже телеграфа ЗАС (засекреченная аппаратура связи). Он являлся непосредственным подчиненным Простатинова. В обязанности Акулова входил и уход за техникой, охрана станции, обеспечение ее электричеством от автономного генератора.

И вот однажды был получен приказ об обеспечении устойчивого канала связи. Но двигатель-электростанцию не смогли завести, норматив времени был сорван. Сержанту уже виделся апокалипсис в лице командира роты и командира батальона. Причиной всех бед он посчитал Акулова, который и попал под его горячую руку. Проще говоря, ефрейтор был бит, ибо культ силы в армии был в чести.

С горем пополам связь была обеспечена, конфликт исчерпан, но не для обиженного Акулова. Он зашел в машину связи и застрелил обидчика из автомата. За это он получил 7 лет дисбата».

Я же думаю, что дедовщина будет уничтожена только тогда, когда сама армия в корне изменится. Армия времен папы (да и теперешняя) напоминает тюрьму. Не случайно то, что существует армейская «феня» (то есть слова, которые необходимо переводить на обычный язык). Солдаты — те же рабы, поэтому и делают всё только из-под палки, после побоев. Исчезнет «рабовладельческий строй» в армии — исчезнет и дедовщина.

Еще одним армейским бичом является так называемая «рабочка» (пример армейской фени) — привлечение солдат к различной, чаще всего трудной и изнурительной, физической работе. Бесплатной рабочей силой становились, как правило, «слоны». Почти во всех солдатских письмах (в том числе и папиных), прочитанных мной, идет об этом речь. Папа говорил, что ему приходилось работать очень часто. Строили что-то на территории части, разгружали вагоны с цементом, кирпичом, батареями центрального отопления. За территорией части трудились на разных стройках. За это в часть поставлялись стройматериалы. Приходилось и собирать землянику, так как жена капитана Пархоменко обожала земляничное варенье.

«В настоящее время ничего полезного не делаем, только убираем снег около гаражей да где-нибудь работаем» (Из письма выпускника Новокурлякской средней школы 1994 г. К. В. от 21.01.1996 г.).

«Неделю перебирал картошку. Ужас какой-то. Картошка вся гнилая и мокрая. Только треть годится на что-нибудь» (Из письма Р. А. от 12.10.1987 г.).

И везде — уборка территории, которая после прочтения писем начинает казаться безразмерной, без конца и без края. Я понял, что одним из главнейших врагов «слонов» является снег.

А как же обучение воинской специальности? Ведь не с потолка же взяли именно двухгодичный срок службы! И, наверное, существуют определенные программы. Но, может, в этих программах учитывается и «рабочка».

Правда, солдатам нравилась та «рабочка», которая проходила вне «зоны». По-нятно, почему:

«Как-то на неделе послали меня и еще одного парня работать в детский садик. Как оказалось, там нужно было раскидать снежную кучу. День был солнечный, хоть и не очень жарко. Работали в свое удовольствие, что бывает не часто, да еще в армии. Потом за нами приехал офицер, мы помогли ему перевезти мебель. До обеда мы закончили довольно большую кучу. При этом никакой усталости и без всякого напряжения. Остались еще две маленькие кучи. Нас там накормили отличным обедом. На первое гороховым супом, и не таким, как у нас в части, где я могу съесть только десять ложек (в основном вылавливаю картошины). На второе картошку (да не такую, как у нас) с яичницей» (Из письма Р. А. от 17.04.1988 г.).

Доставалось «слонам» и во время бесчисленных проверок. Я попросил папу прокомментировать вот этот отрывок из его письма от 24.10.1985 г. брату Андрею: «У нас в батальоне была проверка. Приезжали из штаба ВДВ. Технику и специальную подготовку сдали на “хорошо”, ну, а о том, как это было и какие случаи были, расскажу в следующем письме».

Папа сказал, что уже не помнит ту конкретную проверку, но что они были очень часто.

Среди солдат даже ходил такой анекдот:

«В Пентагоне разрабатывали план уничтожения СССР. Надо было сделать выбор из трех предложений:

1) Объявить СССР войну и напасть.

2) Не объявлять войны и напасть.

3) Объявить войну и не нападать: русские сами себя уничтожат смотрами и проверками».

В назначенный день, невзирая на погоду, дивизия выстраивалась на главном плацу, и у каждого военнослужащего проверялось наличие всего необходимого имущества: 2 иголки с нитками, берет, ремень, бушлат, котелок, противогаз — словом, всё, кроме трусов и тельника. На одежде в обязательном порядке должна была находиться бирка с персональными данными.

Отсутствие какой-либо мелочи было катастрофой, приравнивалось чуть ли не к дезертирству.

В период папиного «слоновства» случилась для него и «послабуха», хотя и за счет здоровья: в октябре 1985 г. он находился в госпитале. Диагноз — желтуха. Заболела почти вся рота. Произошло это, как рассказал папа, из-за следующего ЧП. Кто-то из «дедов» оставил в казарме непотушенную сигарету. В результате — пожар, выгорел весь третий этаж, где и располагалась папина рота. Солдат разместили в палатках.

«Продолжаем жить в палатках, хотя температура на улице не более +10. Наш шеф-майор говорит, что к Новому году должны перейти в казармы, но, по-моему, если мы поживем здесь еще хотя бы месяц, то можно будет по утрам выносить трупы замерзших. По утрам бегает на зарядку, несмотря на то, что идет дождь. Но ничего, хоть и трудновато, но с каждым днем всё ближе к дембелю», — писал папа брату Андрею (письмо от 8.09.1985 г.).

Никаких мер санитарии в палатках, конечно, предусмотрено не было. Единственное: перед входом в столовую стоял чан с раствором хлорки, где мыла руки вся рота. Отсюда и желтуха.

«Немного о моей жизни в госпитале, — сообщал папа в письме от 12.10.1985 г. — Здесь лежит почти вся наша рота, так что я “жертва” эпидемии. Лежим в коридоре. Компания подобралась веселая. Отоспались за 2 дня и теперь забавляем друг друга байками до полуночи.

Ходим совершенно здоровые дяди. Ночью лазим за яблоками в местные сады. Тайно ходим через день в госпитальную баню. Благо, дверь напротив моей кровати. После бани сон крепче».

Папа добавил, что вместе с друзьями в процедурном кабинете госпиталя ему удалось «умыкнуть» целый мешок сухой глюкозы, а при выписке взять с собой в часть. Там эта глюкоза служила им некой валютой: сладкое в солдатской столовой бывало редко.

Вообще, госпиталь для солдата — это своего рода санаторий. Р. А., также оказавшийся в госпитале, так описывал свой распорядок дня:

«Тут неплохо. Подъем в семь часов, никто не гонит на территорию, ни даже палату убирать. Коридор, процедурную и туалет моет дневальный, а палаты — уборщица (!!!). И это в военном-то госпитале! Встанешь не спеша, пойдешь умоешься, помотришь телек, выкуришь сигарету и в полдевятого завтрак. Кормят тут удовлетворительно. Только картошки давно не видел. А сегодня утром дали какао. После завтрака свободное время до обеда. Обход и врачебные назначения тут по понедельникам и четвергам.

В понедельник сразу же записался в библиотеку и теперь взапой читаю, благо, времени достаточно» (20.07.1987 г.).

«Санаторный» период длился для папы всего лишь три недели, а всё остальное время «слоновства» его ждали «офигенные нагрузки», хотя родителям он писал, что «служба идет хорошо».

«БОЕВОЙ СЛОН»

«Вашу посылку и деньги получил, за что очень благодарен. Деньги “прокачали” в кафе, так что от 10 рублей осталось всего 6 копеек. Но это ничего, скоро дадут зарплату».

Такие строчки есть в письме от 14.11.1985 г. Прошло полгода папиной службы, и из категории «униженных и оскорбленных» он перешел в отряд «боевых слонов». Дышать стало легче, теперь можно было беспрепятственно получать посылки, ходить в буддырь. И солдатская зарплата оставалась в его карманах.

Я поинтересовался, сколько платили воинам в то время. Папа сказал, что рядовым выдавали 10 рублей (если он был за штатом, то 8), сержантам — от 14 до 32 рублей. Кроме того, платили за каждый прыжок с парашютом по 3 рубля, после десятого прыжка — по 4 рубля (1 рубль за сам прыжок плюс 2–3 за сложность, если он совершался с боеприпасами). Кстати, за два года службы папа прыгал 19 раз.

Это были небольшие деньги, их хватало на несколько посещений буддыря. Раз в месяц можно было добавить к своему рациону банку сгущенки и немного колбасы. Эти продукты находились на самом верхнем этаже деликатесов.

Однако сладкой жизнь «боевых слонов» не назовешь. Мне кажется, что это одна из труднейших ступенек армейской иерархии. Вот как пишет о положении «боевых слонов» (или, по-другому, «черпаков») Р. А.:

«Сегодня первый раз стою самостоятельно дежурным по роте. Сегодня воскресенье, и никому из дембелей стоять в наряде неохота. Меня они готовят как замену, ведь они уйдут через месяц, ходить дежурным буду я. Сегодня у меня дневальным один узбек, “дембель-дух”, переведенный из дембелей в духи за воровство. Раньше мы тоже ходили в наряд, только он дежурным, а я дневальным. Тогда он меня муржил, я и полы по несколько раз в день мыл, и, бывало, спал час-два, не больше, а то и вообще не спал. Да и вообще я от него натерпелся изрядно. Но сейчас я на него злобы не держу, хотя должен, понимаете, должен быть злым — ведь я черпак. Деда и дембеля устраивают мне втык за плохо убранный кубрик, за расстегнутые пуговицы у духов, за то, что они плохо поют песню, за то, что они не подшиты, — короче, за всё. И всё это я должен в удесятеренном виде “втолковывать” духам. А я не хочу и не могу гонять людей, тем более, что некоторые моего призыва. Но я должен, и я буду это делать, так как не хочу пахать так же, как пахал до этого» (17.04.1988 г.).

20 ноября 1985 года стало знаменательным днем в армейских буднях папы: к нему приехали родители. Поездка из Воронежской области в Псков неблизкая, но чего не сделаешь ради сына! После отъезда самых родных людей папа загрустил.

При посещении папы дедушка посоветовал ему вступить в коммунистическую партию. В письме от 5.12.1985 г. папа рассказывает о предпринятых им шагах:

«Разговаривал с замполитом по существу вопроса. Он ответил, что в кандидаты могут принять только по прохождении года службы, точно так же, как и на “гражданке”. По-моему, он стал ко мне приглядываться. Стараюсь жить без замечаний, может, пораньше примут».

В советскую эпоху без вступления в ряды КПСС невозможно было мечтать о карьере. Но вступить туда было далеко не просто, не так, по крайней мере, как сейчас вступают в «Единую Россию»: заполни анкету — и получишь красивый партбилет.

Письмо от 6.03.1986 г.

«Мне предложили осенью поступить в Высшую школу комсомола в Москве. Туда принимают кандидатов и членов партии. Предпочитают людей, отслуживших в рядах ВДВ. Выпускают журналистов, руководящих работников ВЛКСМ, учителей истории. Распределение — не только СССР, но и другие страны. Стипендия — 100 рублей».

Папа получил действительно очень выгодное предложение. Стипендия в 100 рублей для учившихся в обыкновенных вузах казалась запредельной. Такой просто не существовало — даже повышенная (для отличников) достигала 56 рублей. То есть идеологическая система заботилась о собственном воспроизводстве.

Я заметил, что тон папиных писем резко изменился, они стали приходиться всё реже. Он освоился в армейской среде, повзрослел:

«Описывать жизнь, как вы пишете, нет смысла. Кто не был в армии, ее всё равно не поймет». (Письмо от 8.04.1986 г.)

В письме от 8.04.1986 г. папа сообщает о завершении «партийной карьеры»:

«Теперь о вступлении в ряды КПСС. Партия — серьезная организация, и я считаю, что недостаточно созрел, чтобы стать ее членом. Но об этом я еще подумаю. Нельзя использовать ее в качестве ступени для поднятия по служебной лестнице».

Папа не хотел играть по «теневым» правилам коммунистической системы, он был глубоко уверен в существовании кристально чистых большевиков, которые вступают в партию исключительно из-за «зрелости», не ожидая от этого акта никакой выгоды.

Кроме того, у папы произошел конфликт с замполитом. Тот был совсем еще молодым, сразу после военного училища, пытался показать себя перед воинами как опытный оратор. Но он не отличался большим умом. И если подчиненные задавали ему острые вопросы, то сразу же попадал в тупик и не знал, что ответить. Тогда вырвался крик. Солдат Ковалев частенько «доставал» его, поэтому и на место в школе комсомола попал менее языкастый кандидат.

Папа сказал, что все армейские мероприятия несли в своей сути соединение двух качеств — детского инфантилизма и жестокости. Муштра сопровождала каждый шаг за порогом КПП. Те, кто каким-либо образом выделялся из общей массы, постоянно сталкивались с проблемами.

В середине апреля 1986 года папу перевели в разряд «ветеранов»: подходил к концу первый год службы. Переводили посредством шестиразового отбивания мягкого места бляхой армейского ремня на виду у всей роты.

«ВETERАН»

За год, проведенный в армии, папа освоил специальность связиста, научился рукопашному бою, он умел пользоваться оружием и десантироваться с парашютом, то есть был уже хорошо подготовленным воином. Спрашивается — зачем нужен второй год службы? Ведь если судить по его письмам и по теперешним рассказам, он затем целый год что называется бил баклуши. Вместо этого он мог бы учиться в институте, а так это был еще один год забывания знаний, полученных на первом курсе вуза.

Письма домой стали очень редкими, хотя он извинялся, что порой не писал больше месяца, но исправляться и не думал. Теперь ему казалось, что и писать-то вроде не о чем:

«Вот вы жалуетесь, что я вам не пишу, но знали бы, как другие пишут. Тут у нас парень есть, так он пишет так: “Мама, приехал из командировки, вышли сто рублей”. Или: “Мама, уезжаю в командировку, вышли денег”. Делает такие послания не чаще одного раза в два месяца. А вы говорите...

Немного о себе. Жив, здоров. Ленивый только стал, на зарядке и то бегать не хочется. Хожу по чайным, мороженое, пирожное... Только и дел — связь качать, да на зарядку иногда выхожу, но мы с Меркуловым решили спортом заниматься».

То есть вот она — пора «ветеранства». В этих словах, мне кажется, заключена ее квинтэссенция.

В этом же письме от 25.04.1986 г. папа просит родителей:

«Пришлите книги по немецкому за школьный курс. По физике и алгебре у меня есть. Вот пока море свободного времени, решил заняться».

Все его думы — о продолжении учебы в институте. Теперь это не кажется таким далеким, почти недостижимым. И уже не хочется «выть по-волчьи».

Те, кто прослужил больше года, чувствовали себя намного вольготнее. Солдат «ветеранов» часто отпускали в город — давали так называемое увольнение.

Вот, например, что он писал в письме 27.04.1986 г.:

«Вчера отпросились у дежурного по связи и два часа гуляли по городу. Сходили в баню, потом в пельменную, попили сока, поели мороженого, короче говоря, почувствовали запах гражданской жизни».

Досуг солдат разнообразием не выделялся. Изредка их водили строем в драмтеатр и на фильмы. Замполиты тщательно изучали репертуар и выбирали «произведения патриотического содержания».

Но в период «ветеранства» можно было тайком улизнуть из части (посдатски — «уйти в самоход»). Тогда смотрели фильмы не из плана воспитательной работы с личным составом замполита. Особой популярностью пользовались «Десять негритя» С. Говорухина, «Забытая мелодия для флейты» Э. Рязанова, «Маленькая Вера» В. Пичула. На последний фильм пробиться было невероятно трудно.

Вроде совсем недавно, каких-то полгода назад, он был «слоном», служил мальчиком для битья и на побегушках, но для армии полгода, как я понял, — «дистанция огромного размера». Теперь папа сам гонял «слонов». Правда, его «воспитанность» и образованность не допускала особой жестокости, но всё же и он приложил свою руку к «дедовщине». Об этом он рассказал, конечно, не родителям, а брату Андрею в письме от 26.08.1986 г.:

«Нужно, наверное, рассказать немного о себе, но о чем? Я даже не знаю. Раньше время летело быстро, гоняли нас старики и офицеры, не замечали, как дни проходили, а теперь сам стал таким. Лежишь — спать неохота, спрашиваешь у молодых: “Мужики, как жизнь?” Они в ответ (хором): “Мы счастливы! Быстрой бы ночь прошла и на работу”. Не дай бог, кто-то не ответит: упор лежа и отжимание до потери пульса. Или кто-то из наших скажет, чтобы они выразили общее презрение “старикам” другого взвода. “Слоны” (молодые) выразили. “Старики” встают, им навешают чего-нибудь. Потом другой взвод нам — общее презрение. Мы встанем, им навешаем».

Скука зеленая. Вот так и коротаем дни и ночи».

Однако вскоре в армейском благополучии папы появилось темное пятно:

«Учения замучили, через каждые три дня батальон куда-то выезжает. Опять появились слухи, что будем менять Витебскую в ДРА — в сентябре или октябре станет всё известно» (Письмо от 29.08.1986 г.).

Витебская — это Витебская дивизия ВДВ, ДРА — Демократическая Республика Афганистан. Значит, вновь замаячили «теплые края». Открыто никто ничего не говорил, но солдаты видели, что происходит нечто непредвиденное: приостанавливали увольнение в запас отслуживших два года, молодых воинов готовили по ускоренной программе, чуть ли не каждую ночь объявляли тревогу (так что все ложились спать одетыми).

Но папу опять пронесло: в Афганистан он так и не попал. Мне всё же захотелось узнать: а вот если бы он там оказался, то что бы было?

В Новом Курлаке живет сейчас бывший «афганец» Игорь Н. Он долго не хотел мне рассказывать о своей службе, но в конце концов согласился побеседовать.

Игорь родился и вырос в Узбекистане, в Сырдарьинской области. Был сиротой: мать умерла, отец, по существу, бросил его на произвол судьбы. Воспитывался у тетки, которая даже не приходилась ему родственницей. Его, как сироту, не имели права отправлять в Афганистан, но на такие «мелочи» не обращали внимание. Напротив, за него некому было вступиться.

Служил Игорь Н. в 1982–1984 гг. Кампания «помощи братскому народу» была в разгаре. Полгода провел в учебке в Туркмении. Оказался в мотострелковом полку. «Пехота — идешь, хоть и неохота», — так он ответил на вопрос, в каких родах войск он служил.

Часть располагалась на севере Афганистана, на границе с Ираном. Она представляла из себя палаточный лагерь, обнесенный забором. Вначале это казалось непривычным: вместо казармы — палатка. Медсанчасть — тоже палатка. Офицеры приезжали в «Афган» без семей. Во всём полку было только три женщины: два повара и продавщица солдатского магазина.

Однако в расположении части доводилось бывать не часто и не долго. Это была самая настоящая война.

Вначале вступала разведка, которая выясняла, где находятся «противники революции». Затем поднимали артиллерию, ВВС и, наконец, пехоту. Приходилось пешим порядком преодолевать 30–40 и более километров. И это в горах, в неизвестной местности.

На первом этапе переводчики выкрикивали, чтобы из селения (кишлака) выходили так называемые мирные граждане. Гурьбой бежали женщины, дети, старики. Еще с утра проводилась артподготовка — пристрелка. В нужный момент артиллеристы при поддержке авиации открывали огонь.

Когда всё стихало, наступала пора пехотинцев, в задачи которых входило делать «зачистку». «Бывало, — говорит Игорь, — бросишь гранату в окно, зайдешь потом в дом, а там лежат женщина и двое-трое детей». Время зачисток солдаты использовали для поживы. «Помню, как-то раз я сидел на плоской крыше. Вижу — во дворе ходят куры. Бабахнул из автомата — наповал. Говорю молодому бойцу: иди щипай, нынче поедем курятинки. Кормили нас в основном тушенкой, “живого” мяса не было и в помине, вот и искали подходящего момента». Особой целью пехотинцев был ларек зачищаемого кишлака. Его в обязательном порядке грабили. «Взваливаем на плечо мешок орехов, пошарим в кассе — местная валюта называлась афгани. Потом в другом, “мирном”, кишлаке мы покупали на эти деньги модные тогда джинсы и дипломаты — это были такие чемоданчики. Правда, вывозить всё это из Афганистана запрещалось, но каждый находил какую-нибудь лазейку».

После зачистки в населенный пункт входили правительственные афганские войска, и в средствах массовой информации объявляли, что именно они совершили удачную операцию против врагов демократического Афганистана.

Каждую неделю с солдатами проводили политзанятия. Бойцам внушали, что им выпала огромная честь укрепления интернациональной дружбы, что Афганистан — это, считай, шестнадцатая республика Советского Союза, что необходимо помочь братскому народу. Многие, в том числе и мой собеседник, искренне верили в то, что они выполняли так называемый интернациональный долг.

Но, судя по тому, что я услышал, интернациональный долг выполнялся весьма странно. Игорь рассказывал, например, как его сослуживцы пытались добыть у седобородого старика сведения о том, где скрываются «душманы». Вначале сожгли всё заготовленное им для скотины сено. А затем стали стрелять по ногам, заставляя старика плясать.

Спиртное (водка) было в Афганистане под строгим запретом, но его всегда можно было достать: шустрые прапорщики гнали самогон и в открытую торговали им. Правда, рядовому составу он был не по карману, поэтому почти все по-

головно баловались «травкой». А однажды Игорь попробовал и героин. Он сказал, что после этого стал как бы сам не свой: голова работала четко, но ни руки, ни ноги не шевелились. Он не мог согнать с носа муху. Потом страшно болела голова. И с тех пор Игорь решил не повторять эту «забаву».

Один раз он оказался в конвое, сопровождавшем осужденного офицера в Советский Союз, в тюрьму. Этот офицер (их бывший ротный) уехал в отпуск и не вернулся в назначенный срок в часть, скрывался, где мог. Видимо, не выдержали нервы. Его всё-таки отыскали, привезли в Афганистан. Состоялся суд. Наказание (5 лет заключения) он должен был отбывать в Туркмении. От пограничного города Кушка, куда надо было его доставить, до родного города Игоря сутки езды на поезде, поэтому его и еще двоих солдат (родом тоже из Средней Азии) взяли в конвой. Старшим назначили офицера, друга осужденного.

В Кушке случилось ЧП. Друзья-офицеры «загудели» в привокзальном ресторане, да так, что дело дошло до размахивания пистолетом. Вмешалась военная комендатура. Офицера, старшего конвоя, забрали на «губу» (гауптвахту), а вот подлежащего заключению, который был одет в «гражданку» (гражданскую одежду), отпустили восвояси. Солдаты, целый день ничего не евшие, тоже оказались на гауптвахте. Затем, конечно, во всём разобрались, но ведь преступник-то гулял на свободе! Правда, он добровольно явился в комендатуру, но мог бы и улизнуть.

Игорь три дня провел дома. Таким счастливым, как в эти дни, он, по его словам, никогда больше не был.

Солдатам-«афганцам» выплачивали за службу не рублями, а чеками. Если их копить, то можно было затем в СССР отовариться в специальном магазине, который почему-то назывался «Березка». Но мало кто из рядовых копил свои чеки. За месяц службы они получали 7 чеков, а бутылка самогона у прапорщиков стоила 25.

Одновременно деньги шли солдатам на сберкнижку. Выйдя на дембель, Игорь получил 150 рублей. Эта сумма казалась ему сказочным богатством.

Потом его частенько приглашали в школу, чтобы он выступил перед пионерами и комсомольцами. Тогда он говорил совсем не так, как со мной, а повторял слова лекций, которые слышал на политзанятиях. «Так было принято», — завершил свой рассказ Игорь.

А я подумал: как хорошо, что папу миновала «чаша сия».

«ДЕМБЕЛЬ»

Главная задача «дембелей» заключается в том, чтобы «ковать дембель», то есть готовиться к нему: надо было достать новый тельник, новые сапоги. Папа говорит, что если очень постараться, то в армии можно было «достать» всё.

...Как-то у папиного комбата подполковника Ш. «исчезли» со стекол «Жигулей» щетки. В наряде, на беду, стояла 3-я рота. «Ребята, — заявил комбат, — меня не волнует, что вы будете делать, но чтобы щетки через полчаса были на месте». Ясно, что в этом случае делать, и подполковник Ш. прекрасно это понимал. Нашли трех самых шустрых бойцов и отправили их за «добычей» в город. Те надергали целую охапку щеток, так как не знали, какие именно стояли на стеклах комбата. После совета выбрали самые, на общий взгляд, «крутые» и установили их. Через какое-то время подполковник появился на крыльце штаба батальона.

— Ну что, нашли? — грозно спросил он.

— Так точно! — ответили ему.

Комбат был весьма доволен, но всё же снял ворованные щетки и спрятал их под газету в салоне машины...

Дембельские сапоги было принято «гладить»: сапожную щетку вставляли в носок сапога и проглаживали с кремом. После такой процедуры сапоги принимали особую форму и блестели так, что если долго на них смотреть, начинали болеть глаза.

Но «ковали дембель» не все. Некоторые не делали этого из-за природной лени, другие хотели просто вычеркнуть два года службы из своей жизни и памяти, третьим это было не дано: сломанные армейскими условиями, они так и оставались «духами». В каждом коллективе встречаются так называемые «белые вороны», чем-то отличающиеся от основной массы. И если им не удастся приспособиться к существующим порядкам, то их тут же начинают «клевать». И в каждом призыве «умники» находили таких людей и постепенно «ломали» их. Они становились изгоями среди своих сопризывников. Унижая их и издеваясь над ними, остальные зарабатывали «авторитет» среди себе подобных.

Одним из первейших признаков «ковки дембеля» было оформление дембельского альбома. «От скуки занялся изготовлением дембельского альбома. Осталось еще половину сделать. Бархат достал, осталось купить бумагу бархатную — и всё», — сообщал папа родителям в письме от 24.11.1986 г.

Альбом цел до сих пор. Только я понял, что память об армии не слишком дорога папе: я ни разу не видел, чтобы он открывал его. Да и хранится он не в нашем доме, а у бабушки с дедушкой.

Но посмотреть там есть на что. Обыкновенный для середины 80-х годов фотоальбом превращен в подобие произведения искусства. Обложки обшиты голубым (цвет ВДВ) бархатом, на листы аккуратно наклеена цветная бархатная бумага. Некоторые из листов тщательно заретушированы черной тушью, а сверху при помощи зубной щетки сделаны цветные вкрапления. Обложка украшена орнаментом и надписью «Память о службе». Буквы и орнамент вырезаны из нержавеющей стали. К задней обложке прикреплены четыре солдатские звездочки. Там же еще одна надпись: «1985–1987. Псков. Цена — 2 года». Листы скрепляет подлинный парашютный строп, с концов которого свисают гильзы от пуль.

Я спросил у папы, как он доставал такое богатство. Он ответил, что сделать это было не столь сложно. Что-то присылалось из дома: всегда найдутся сослуживцы, у которых мама завсклад или завмаг. С ними можно произвести обмен, предложив то, чего нет у них.

Гильзы от пуль можно было в немерянном количестве собирать на стрельбище. На роту выдавали определенное число патронов, и их надо было непременно все отстрелять. Часто получалось так, что полроты было на каком-нибудь выезде, и оставшиеся «отдувались» за них. Случалось, и просто закапывали патроны, потому что от стрельбы наступала изжога.

Вообще-то официально делать дембельские альбомы запрещалось. Но обычно офицеры этого «не замечали». Изымали альбомы только в экстренных случаях у тех, кто совершал какой-нибудь проступок и вводил начальство в гнев. И особисты (особый отдел — секретная армейская служба безопасности) пропускали изготовление альбомов мимо ушей, а вернее, смотрели на это сквозь пальцы.

Альбом открывает «торжественная» часть. На форзаце — коллаж из открыток с видами Пскова. Далее — еще более торжественные моменты: слова, буквы которых вырезаны из цветной бархатной бумаги: «730 дням службы посвящается», «Черниговская гвардейская воздушно-десантная дивизия», «2 лучших года своей юности я отдал тебе, Родина!». Венчает официальную часть фотоальбома папин цветной снимок в форме десантника. К фотографии идут стропы из белых ниток с куполом парашюта из бархатной бумаги. Рядом — незабываемые даты: 1985–1987. Надо учесть, что цветные фотографии в то время были не частым явлением, стоили они дорого, так что папе, видимо, пришлось отказаться от нескольких походов в буддырь.

Есть в папином альбоме и настоящий портрет, выполненный карандашом. Папа — в центре, а по краям — два его сменщика: тот, у кого он перенимал должность связиста в аппаратной, и тот, кому он сам ее потом передавал. Между ними сложились особые отношения. В роте служил воин, окончивший художественную школу. Вот он и подрабатывал, торгуя своими способностями. Портреты он срисовывал с фотографий.

На самой последней странице альбома помещен еще один коллаж. Теперь посредине портрет С. Соколова, министра обороны СССР, маршала Советского Союза. По краям — фотографии московского Кремля и Красной площади. Внизу — десантники, загружающиеся в самолет. А на самом видном месте — текст приказа министра обороны СССР № 93 от 25 марта 1987 года, первый пункт которого гласит:

«Уволить из рядов Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск в запас в апреле–июне 1987 г. военнослужащих срочной службы, выслуживших установленные сроки действительной службы».

Текст скопирован с газеты «Красная звезда», а сам коллаж сделан, конечно, в том же самом ателье.

Каждый «дембель» стремился первым узнать номер долгожданного приказа об увольнении в запас. Папе было это сделать легче всего: он был связистом и за время службы заочно познакомился с московскими коллегами. Они и сообщили папе заветную цифру. Затем «по секрету» папа сказал о радостном событии сержанту своей, третьей роты, а также 1-й и 2-й. Сделал он это, правда, не бескорыстно: те обязаны были сводить его в буддырь. Но и они не остались в накладе: им за открытие тайного номера причиталась такая же награда от прочих «дембелей».

Я задал папе вопрос, почему и зачем он занялся оформлением дембельского альбома, ведь теперь он в него не заглядывает, и только моя заинтересованность заставила его еще раз перелистать свое «творение». Папа ответил, что, во-первых, эту традицию установил не он, ему лишь оставалось ей следовать, во-вторых, «нормальному» «дембелю» положено было иметь такой альбом, в-третьих (и в-главных), хотелось показать другим, что ты не лыком шит. То есть основная причина изготовления дембельского альбома — обычная показуха. Папа добавил, что из всего альбома он оставил бы себе не более 10 фотографий, всё остальное — ненужная мишура.

«ГРАЖДАНСКИЙ»

Узнав номер приказа об увольнении в запас и от души погуляв по этому поводу в буддыре, после отбоя «дембеля» укладывались ничком на свои кровати.

Сверху их укрывали подушками. Специально назначенный «слон»-«эксекUTOR» бил каждого по очереди зажатой в руке ниткой. Целая группа «слонов» изображала плакальщиков — они должны были показать, сколь велика «боль гражданская» из-за скорого расставания с армией. Двоих «слонов» «боевые слоны» дергали за волосы, так что они «трубили» без всякого притворства.

Таким был обряд перевода из «дембелей» в «гражданские». Наутро «гражданские» вели всех участников обряда (независимо от срока службы) в буддырь и угощали за свой счет.

С этой поры и до отъезда из части «гражданские» были как бы вне армейских событий. Они сами никого не трогали (боялись, что испортят себе дембель), и их никто не касался.

Теперь у них было достаточно времени, чтобы поразмышлять о том, что происходит «за границей» — за пределами КПП. А там полным ходом шла перестройка.

Как же проходила перестройка в армии? Для расследования этого вопроса я взял ведущий военный печатный орган «Красная Звезда» за 1987 год, когда перестройка находилась на самом пике. О перестройке здесь писалось в каждом номере, но это был просто набор штампов: «перестройке — нет альтернативы», «перестройка зависит от каждого из нас», «перестройка требует острого чувства служебного долга, совести, ответственности». Если в остальных СМИ беспощадно громили различные просчеты и недостатки (как, например, в «Огоньке»), то после просмотра «Красной Звезды» осталось впечатление, будто в армии и перестраивать было нечего. Заголовки статей говорят за себя: «Успешный поход», «Пример прапорщика», «Высокие показатели», «Действовали мастерски», «Смело, решительно».

Папа мне рассказывал, что тогда в армии время от времени устраивали «игры в демократию». Например, были выборы в какой-то орган (папа точно не помнит, в какой), причем впервые на альтернативной основе. Солдат построили. Майор (замполит батальона) принес урну и бюллетени, затем очень долго объяснял, что из двух фамилий одну нужно вычеркнуть, а другую оставить. В конце добавил: «Мы голосуем за такого-то».

Папа спросил:

— А кто это такой, товарищ майор?

— Ковалев, поверь мне на слово: хороший человек, — ответил организатор «альтернативных» выборов.

К концу папиной службы, в 1987 году, влияние «воли» всё-таки начало сказываться. Папа сказал, что его призыву и в голову бы не пришло писать жалобу в газету, а «молодые» начала 1987 года были уже «заражены» перестройкой и гласностью. Двое бойцов из его роты сумели бросить в городской почтовый ящик письмо в «Красную Звезду», где рассказывали о проявлениях дедовщины в части. Письмо не опубликовали, но соответствующая бумага начальству поступила. Начальство отчитало замполита. После этого замполит пришел в роту и с ухмылкой сказал:

— Так, кто тут из вас Толстые нашлись?

«Писателей» стали «напрягать» по «всем правилам устава». Но они были далеко не глупыми (их, как и папу, призвали в армию после 1-го курса вуза) и отправили в «Красную Звезду» второе письмо, где поясняли, что им прививают отвращение к уставам Советской Армии, и, таким образом, они никогда не станут истинными патриотами Родины.

В итоге их решили убрать куда подальше от глаз: дослуживали два бойца, охраняя генеральскую дачу.

Всех гражданских перед увольнением в запас ждал «дембельский наряд»: надо было сделать что-то для части. Папа не стал исключением. Ему надлежало оборудовать пожарный щит. Для этого надо было «достать» огнетушитель, топор, ведро для песка, багор, красную краску. Вдобавок ко всему застеклить (чтобы инвентарь не так быстро растащили). Ротный расщедрился — выделил стекло. Но когда щит начали устанавливать, он неожиданно упал, и стекло папе тоже пришлось «доставать».

Папа уволился 27 мая 1987 года (эту дату, по его словам, он никогда не забудет). Он был типичным советским солдатом времен перестройки. Конечно, его многое по-человечески не устраивало в армейских условиях, и сейчас он открыто об этом говорит, но он делал то же, что и большинство остальных, иначе неминуемо стал бы жертвой военно-дарвинского «естественного» отбора.

На одной фотографии из папиного альбома есть знаменательные для каждого отслужившего в армии буквы и цифры: ДМБ-87. Они напоминают ему о том, что в 1987 году он наконец-то оказался на свободе.

«СЛУЖУ РОССИИ!»

Как же служится в армии сейчас, когда нет больше Советского Союза? Что изменилось после демократической революции 1991 года? Эти вопросы интересуют меня с двух точек зрения: во-первых, хотелось сравнить папины времена с теперешними (ведь всё познается в сравнении), во-вторых, довольно скоро и мне (быть может) доведется примерить солдатские сапоги, поэтому важно знать, что меня ожидает.

Во многом прояснить ситуацию мне помогли письма двух моих односельчан, Г. Д. и Г. А., которые до сих пор служат в армии (они увольняются весной 2006 года). Причем это письма закадычным друзьям, перед которыми нет смысла кривить душой. Я сразу хочу заметить, что тексты пестрят так называемыми нецензурными словами, поэтому я заменял их на печатные синонимы.

В первом же письме из армии (30.06.2004 г.) Г. Д. сообщает:

«Думал, армия — это хорошо, но только пока тут не побывал. Такой бардак: всем на всё наплевать, главное — бухнуть, избить кого-нибудь и что-то своровать».

Судя по этому, изменилось в армии за 20 лет не многое, а если и изменилось, то в худшую сторону.

Г. Д. испытал на себе все прелести «бытия духом»:

«Замучился я ходить дневальным. По средам у нас резиновый день, бегаем в АЗК (химкостюм), сержанты орут: “Вспышка справа, вспышка слева”, и бегаешь, как дурак. По четвергам чистим “калаши” (автомат Калашникова — А. К.), меня, наверное, ночью разбуди, я его соберу и разберу. В остальные дни у нас другая морока — это сено, недавно на взлётке щипали траву, целых 7 км, загорел страшно».

Но это — обычные «тяготы армейской службы», впереди — попадание из казантин в роту:

«Сейчас у нас 6 дембелей, 13 дедов и нас 13 духов. В декабре будем тянуть стодневку, подписывать сигареты, сколько им осталось, и читать сказку».

Я выяснил, что значит «тянуть стодневку» и «подписывать сигареты». Когда «дембелям» остается 100 дней до приказа об увольнении в запас, его «подопечный слон» (у каждого «дембеля» есть свой персональный «слон») обязан к вечеру «достать» сигарету и мельчайшими буквами написать на ней: «Любимому дедушке до дембеля осталось ... дней». После ужина сигарета должна быть наготове. Ее «дембель» выкуривает с особым наслаждением. О «сказке» речь впереди.

Бытовые условия в сегодняшней армии таковы:

«Баня тут вообще прикол — кран, тазик и холодная вода».

Каждое следующее из писем Г. Д., которые мне довелось прочитать, является как бы развитием предыдущего.

28.07.2004 г.:

«Пишу тебе письмо о долбанутой армии. Расскажу немного о том, как тут шмонают. Утром подъем в 6.00, потом зарядка, бегаем 5 км, замучился совсем. Потом умываемся, бреемся. Потом утреннее построение, смотрят подворотнички, наличие иголок и чистые сапоги. Не дай Бог, что-то не сделаешь, — тогда будешь ловить бабочек (садишься на корточки, прыгаешь, хлопая в ладоши, кричишь: раз бабочка, два бабочка и т. д.).

Сейчас, после присяги, стало полегче. Я проставился дедам.

Осталась ерунда — 690 дней».

Я увидел разницу между папиным временем и теперешним: тогда «проставляться» (то есть давать деньги) дедам было не надо.

В письме от 11.08.2004 г. Г. Д. описывает нынешние разновидности дедовщины:

«Общался со своим дедом, и он мне сказал, если не будет за мной косяков, то могут через 50 дней из Слонов перевести в Черпаки.

Тут у нас порядки еще те. Расскажу немного.

Крайнее очко, самое нормальное, для дедов и дембелей. Душ нам можно принимать после всех, в столовой сначала садятся дембеля, потом деды, черпаки, слоны, духи. Если дембеля поели — без разницы, поел ты или нет, должен вставать, так что ешь со скоростью звука.

Узнал здесь армейские игры: «Похороны бычка» (копаешь яму и хоронишь бычок), «Поле чуде» (выстраивают духов, и дед на кого покажет, тому и задают вопрос; не ответишь — получишь музыкального лося). Но мы в нее не играем. У нас тут заваруха была до нас. Дембеля, когда бухали, вытащили пацана, прежде засунув его в тумбочку, со второго этажа. Двое порезали вены, много народа отравили на дизель [дисциплинарный батальон — А. К.]. Так что они боятся, и как сказал мой дед, просто так обижать не будут».

Я бы сказал, что формы дедовщины двадцать лет спустя стали более изощренными. Игры «Поле чудес» в папино время не существовало. Мне удалось выяснить, что значит «получить музыкального лося». Провинившийся должен скрестить ладони за головой, тем самым изображая лосиные рога, и пропеть:

Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь...

Следует удар, и песня продолжается:

Всё мне ясно стало теперь.

Вот почему молодые солдаты режут себе вены, покидают расположение части, кончают жизнь самоубийством.

В письме от 29.09.2004 г. Г. Д. описывает армейский ритуал «перевода»:

«У нас тут вообще дурдом, просто цирк. Отмечали тут конец стодневки. Пойла, хавки [питья, еды — А. К.] было море. Мне доверили мутить дембельскую кашу. Состав: печенье крошится, как песок, в тарелку и заливается тремя банками сгущенки. Вкусно, но чересчур сладко.

Начали бухать деды и дембеля полдесятого. Дураки — на прогулку не пошли, и их запалили. Я стоял дневальным и успел стакан вылакать. Тут вызвали ротного. Он построил всех и стал бить по морде. Все летали, а он — как зверь. Потом вызвали командира части. Он орал так, что отпад.

Продолжалась эта канитель до 11, но потом пьянка возобновилась. Стали черпать [то есть переводить из «слонов» в «черпаки» — А. К.]. Я поглядел, как это происходит. Стоишь, в 3 метрах дембель кидает ремень, потом раздеваешься до гола, ложишься на кровать, тебя бьют 12 раз, и — поздравление от дедов. Потом они целый час на голом кафеле сидели.

Зато потом лафа: подшиваешься, как хочешь, кепку отбиваешь, ремень ниже пояса».

В этом же письме Г. Д. поместил текст сказки, которую «духи» и «слоны» представляют в лицах в финале церемонии по поводу окончания стодневки:

У Лукоморья танк зеленый,
Бензин, солярка слиты в нем.
И днем, и ночью дух ученый
Всё ходит с гаечным ключом.
Пойдет налево — болт закрутит,
Направо — гайку завернет.
Там чудеса, там прапор бродит,
И дембель песенки поет.
Каптерка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей,
И вся она полна бутылок
От счастья пьяных дембелей.
И я там был,
И с дембелями водку пил.

Я подумал: А.С. Пушкин — поистине народный поэт. Переделывать его стихи будут, наверное, вечно.

Весной этого (2005) года чуть не погиб в армии еще один мой односельчанин, Т. О. Он отслужил лишь полгода, то есть был от силы «слоном». Его так сильно избили «деды», что он с серьезными травмами был направлен в военный госпиталь города Коврова. Ему сделали операцию (неудачно), и он просто умирал: врачам не было до него никакого дела. Его спасло только то, что работа госпиталя именно в тот момент подверглась внезапной проверке вышестоящими инстанциями. Проверяющие оказались добросовестными людьми. В тяжелейшем состоянии солдата перевезли во Владимир. Сразу же телеграммой вызвали родителей (до этого им ничего не сообщали). Парень почти не говорил — таял. О произошедшем с ним ничего не рассказывал: видимо,

даже воспоминания о перенесенном унижении отзывались в нем страшной болью.

Уголовного дела по этому случаю военная прокуратура не возбуждала. В армии существует практика, когда солдат заставляют говорить, что они сами себя калечат — из-за того, что их любимые девушки на «гражданке» вышли замуж. Но никакой любимой девушки у Т. О. не было...

Я беседовал с двумя бывшими выпускниками нашей школы, которым удалось благополучно возвратиться из армии, в досталь отслужив России. Они — братья-погодки. Старший оказался в войсках специального назначения (обычно их называют просто спецназом), а младший был танкистом. Я зашифровал их имена как Н. Е. (старший брат) и Е. Е. (младший).

Н. Е. до ухода в армию кончил педагогическое училище (отделение физвоспитания), поэтому, по его словам, привыкание к армейским условиям у него прошло проще, чем у большинства остальных.

— Сталкивался ли ты с дедовщиной? — спросил я.

— Да, бывало, — сразу ответил он. — Причем дембеля и деды обычно сами никого не трогают: это делают по их приказу фазаны [то же самое, что «черпаки» или «боевые слоны» — А. К.].

— Можешь привести конкретные примеры?

— Один раз мне пробили голову табуреткой. Деды смотрели какой-то фильм по телевизору, а кто-то из нас, неразумных духов (это был не я) посмел что-то сказать. Нас построили, заставили многократно выполнить упражнение «встать-сесть», а потом телесеанс продолжился. И тут опять из угла, где сидели духи, слышался звук. Тогда и пошла в ход табуретка. Били, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Досталось и мне.

— Когда ты сам был дедом, применял такие способы воздействия?

— Нет, мне характер не позволяет. Да и не пришлось мне полноценно почувствовать себя «дедушкой» — оказался в Чечне.

Е. Е. считает, что без дедовщины в армии нельзя. Наши люди, говорит он, не понимают слов, только битье. Ему самому сломали ребра. В санчасть не пошел — это означало бы стукачество. Его просто туго перебинтовали в казарме, и так он и ходил. Дед бил его за то, что он отказался подшивать его подворотничок. И после его так и не заставили это делать, поэтому побои он получал почти ежедневно. Зато, став дедом, Е. Е. регулярно «поручал» молодым бойцам подшиваться за него.

Я спросил у Е. Е., часто ли в армии отвлекают на посторонние работы.

— Почти каждый день, — ответил он.

— Ты танкист?

— Да.

— Считаешь себя хорошим специалистом?

— Вполне.

— А сколько времени в армии тебе хватило бы (без учета «рабочки») на обучение военной профессии? Хватило бы, допустим, года?

— Вообще-то, меня всему уже научили в учебке (а это полгода) плюс мне понадобилось бы еще от силы месяца три.

— Зачем же ты еще больше года находился в армии?

— Генералам виднее.

«Не было такого дня, чтобы из части кто-нибудь не убежал. За два года моей службы было семь случаев самоубийств. Слабые не выдерживают», — сказал мне Е. Е.

Значит, как и во времена папы, в армии полным ходом идет всё тот же «естественный» отбор. Можно сделать вывод: армия — это не школа жизни, а школа выживания.

А что же нынешние генералы? Мне врезался в память эфир передачи С. Сорокиной «Основной инстинкт» (25.02.2005 г.), где речь шла о реформе в армии. В первую очередь бросились в глаза лица армейских высших чинов. Они были злобны, неприветливы и, честно сказать, просто-напросто не вмещались в экран. «Для того чтобы в армии произошли изменения, должны пройти века», — примерно так они говорили. Доверять военную реформу таким людям я считаю совершенно абсурдным и безнадежным делом. Слова одного из оппонентов генералов: «Лучше меньшая по численности, но хорошо обученная армия» — показались мне разумными. Но скоро ли в России победит разум?

Борьба за численность призывников ведется нешуточная. Это даже не борьба, а война. Выпускников школ, достигших восемнадцати лет, берут «за белые ручки» чуть ли не из-за столов их последнего бала. А выпускнику нашей школы 2003 года Дмитрию Стригину не дали даже и такой возможности, так что его аттестат два года пролежал в директорском сейфе.

В «Аннинских вестях» (12.07.2005 г.) полковник запаса И. Савчук опубликовал интервью с военным комиссаром Аннинского района под заголовком «В общем, неплохо. Пока». Меня очень удивили такие слова военного комиссара: «Сказывается, а в недалекой перспективе еще больше скажется снижение рождаемости. Так, если в 1987-м году в стране родилось 1 миллион 250 тысяч мальчиков, в 1992-м — 816 тысяч, то в 1994 — только 626 тысяч. Анализ складывающейся ситуации свидетельствует о том, что в 2010 году по области этот спад достигнет максимума. Следовательно, без принятия радикальных мер укомплектовать войска личным составом в необходимом количестве мы не сможем». Интересно, о каких «радикальных мерах» идет речь и что в состоянии сделать военный комиссар Аннинского района для предотвращения снижения темпов рождаемости?

Если бы моя работа попала в руки какому-нибудь генералу, то он наверняка обвинил бы меня в том, что я очерняю армию, что если и есть здесь правда, то это не такая, не правильная правда.

КТО ВИНОВАТ И ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Действительно — кто виноват или что виновато в том, что наша армия столь непривлекательна? Бедность нашего государства? Или генералы? Допустим, если сократится срок службы до одного года (которого, как говорят все отслужившие, вполне достаточно для освоения военной специальности), то тогда будут сокращены программы обучения, и, значит, иссякнут денежные потоки, которые, я думаю, оседают и в генеральских карманах. А если не отвлекать солдат на «рабочку», то кто будет воздвигать дачи?

Менять что-либо в армии невыгодно самой военной системе, она-то и виновата во всех армейских бедах.

Что же мне делать? Попытаться откосить? Как? Взрослые на этот счет ничего мне не сказали: папа сослался на то, что он не «косил» и не представляет себе, как это делается.

Пришлось прибегнуть к помощи интернета. Здесь я отыскал огромное количество советов, некоторые из них вообще фантастические.

Например, можно сделать себе пирсинг, только проколов должно быть не менее двадцати, при этом все серьги надо запаять.

Или: перед походом в военкомат надо подышать молотым кофе. Эффект от этого такой: мало того, что всю дорогу будет душить зверский кашель, как при туберкулезе, но и снимок легких окажется таким, что вся комиссия остолбенеет и удивится, как вообще с такими легкими можно дышать. Правда, придется месяц отпиваться молоком.

Можно отрезать себе палец на рабочей руке, который кладется на курок во время стрельбы.

На крайний случай можно объявить комиссии о том, что ты обладаешь нетрадиционной сексуальной ориентацией.

От службы в армии мне, таким образом, не отделаться. В принципе, я совсем не против выполнить свой гражданский долг. Моя главная цель при этом — защищать Родину, как бы громко это ни звучало. Но я хочу защищать ее грамотно, а для этого необходимо прочно овладеть какой-нибудь военной специальностью. Именно этому должна обучать армия. Обучать целесообразно, с умом, с толком. Срок службы надо сократить до того минимума, который требуется для прохождения программы (только солдаты не должны быть бесплатной рабочей силой для строительства генеральских дач). А еще можно было бы повысить призывной возраст (хотя бы до 21 года): тогда в армию шли бы не желторотые юнцы, а вполне сознательные люди (это тоже могло бы способствовать искоренению дедовщины).

Службы мне всё-таки не миновать. Помешать этому могут три вещи:

- 1) Спутница жизни (девушка, мною любимая).
- 2) Какая-нибудь (не дай Бог) болезнь.
- 3) Мое поступление в институт.

Но мне всё равно будет легче, ведь я теперь знаю, что обнаружу по прибытии в эн-скую часть и что будет со мной после.

Дембельский альбом, или 100 дней до приказа

Станислав Рожнев

г. Киров

научные руководители Г. А. Кропанева, Л. И. Змеева

Разбирая бумаги своего отца, я наткнулся на некоторые документы, вызвавшие у меня интерес. В их числе был военный билет. Особое внимание привлекла запись о том, что отец проходил службу в Германии. Сразу возник вопрос: а как это было? Служить за границей, наверное, было интересно, необычно и, наконец, престижно. Я стал искать всё, что было связано с отцовской службой: документы, фотографии и т. д. И в результате я обнаружил альбом «Мои воспоминания о службе в Германии». Это дембельский альбом моего отца.

Дембельский альбом — особый вид солдатского творчества. Дембель для солдат — не просто увольнение из рядов вооруженных сил. Это знаковое событие, символ окончания определенного жизненного этапа. В дембельских альбомах личная память солдат. Она богаче фактами, эмоциями, чем официальные солдатские документы. Ее хотелось сохранить для себя, для близких, ведь военная служба — «действительная», как ее называли в народе, была своеобразной инициацией, связанной с переходом юноши в класс взрослых мужчин.

Сохранить память о солдатской службе, закрепив ее в письмах, дневниках, фотографиях, хотелось в той или иной степени всем. Но армия во многом закрытая сфера общества, поэтому она ограничивала солдата в документировании своей жизни. Дневники вести было нельзя, письма проходили через цензуру, присяга запрещала разглашение военной тайны.

Тогда нашелся выход — оформление дембельских альбомов, тем более что традиция вести альбомы существовала давно.

Дембельские альбомы — это часть солдатской субкультуры, как ношение формы, умение ходить строем, отдавать честь. Традиция родилась в солдатской массе как ответ на относительное обезличивание солдата, когда солдат — лишь винтик военной машины.

Дембельские альбомы «вошли в моду» с 60-х годов XX века, когда в обществе началось некоторое «потепление», прошла реформа в армии. В ходе исследования мы смогли приблизительно определить рамки их изготовления (60–80 годы XX века).

Почему в 50-ых их почти не было? Мы можем высказать свои предположения. Бывшие солдаты, которым сейчас за 60, говорили: «Не до баловства!» Недавно закончилась война. Люди жили очень бедно. Для альбома нужны были фотографии, а фотоаппараты были у единиц и считались предметами роскоши. В 90-е годы и позднее интерес к альбомам пропал: технический прогресс и рыночная экономика упростили процесс фиксации солдатской службы (готовые фотоальбомы, где все необходимое нарисовано производителем, цифровые фотоаппараты, CD, компьютеры, видеокамеры). Да и дембеля XXI века уже не хотят «заморачиваться» после года службы.

Цель нашего исследования — изучить дембельские альбомы, как часть солдатской субкультуры, как отражение жизни солдат 60-х — 80-х годов XX века, а также исторических событий, на фоне которых проходила служба.

КАК МЫ РАБОТАЛИ?

Начали искать альбомы. Оказалось, не так просто: лет 20 их уже почти не делают. Многие альбомы потерялись (переезды, распад семей, потеря интереса). И всё же мы нашли 8 альбомов. Они очень разные: красивые и обшарпанные, творческие и сделанные по трафарету, с комментариями и без. Владельцы вытаскивали их из диванов, шкафов, кладовок.

Сразу поняли, что без встречи и беседы с владельцами у нас мало что получится. Составили анкету. Начали исследование по плану: призыв, солдатская служба, солдатский быт, события в стране, письма и т. д.

Ничего не получалось: однообразно, невыразительно, повторы, «нет живого человека». Всё бросили. Материалы есть — а выстроить не получается!

Решили: будем описывать отдельно каждый найденный альбом и каждую солдатскую судьбу. Пусть альбомы и люди говорят сами за себя.

ЧАСТЬ 1. ОНИ СЛУЖИЛИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Дембельский альбом Сергея Ивановича Рожнева, 1944 года рождения

Служил с 1963 по 1966 годы. Учебку прошел под Пермью. Имел предложение продолжать службу в спортроте в Перми, но затем получил другое — служить в Германии. Это показалось ему лучшим вариантом. Хотелось побывать в другой стране, тем более что тогда выехать за границу было сложно, для этого нужно было состоять в КПСС. Это была практически единственная возможность, а в спортроту можно было попасть в любой момент.

Служил в авиационных войсках. Военная специальность — водитель спецмашины (на аэродроме для запуска самолетов), электромеханик. Водительское удостоверение получил еще на гражданке. И в армии это пригодилось.

К службе в армии относился как к долгу. На памяти была война, где пришлось многим воевать. Среди населения считалось: не сходил в армию — не «мужик». О возможности «откосить» даже не задумывался. Срок службы был 3 года.

Дембельские альбомы делали все его сослуживцы и он сам. Делалось это в первую очередь для того, чтобы сохранить память о военной службе, о сослуживцах. Кроме того, дембельский альбом в армии уже превратился в традицию, которую никто не хотел нарушать. Как правило, их начинали делать за 100 дней до приказа о демобилизации, отмечая в календаре оставшиеся дни.

Альбом рядовой Рожнев купил в армейском магазине. Их производили в СССР и привозили в армейские магазины частей. Альбом был красно-коричневого цвета, обложка из легкого искусственного бархата украшена кистями, корешок из искусственной кожи. Надпись сделана золотыми тисненными буквами: «Воспоминания о моем пребывании в Германии». Для фотографий сделаны уголки, листы переложены калькой. Альбом был явно лучшего качества, чем те, которые в это время продавались на Родине.

Шофер-рядовой Рожнев подвозил на аэродроме горючее к самолетам, вел электротехникой самолета (часть относилась к Военно-воздушным силам СССР). В альбоме много фотографий Рожнева около машины, на аэродроме. Часть на территории Германии жила автономной жизнью, связи с местными жителями почти не было. Было несколько экскурсий в город: в Дрезденский

зоопарк, в музей, в цирк. Несколько фотографий, рассказывающих об этом, присутствуют в альбоме. С офицером можно было выйти за пределы части: «Нести эту почетную и интересную службу чаще всего доводилось “старикам”. “Салаге” попасть в караул не удавалось». А вот с декабря 1964 года, когда он назначается командиром отделения шоферов (10–12 подчиненных), его берут в караул.

Здесь он впервые сталкивается с немцами, отношение к которым было двойственным. С одной стороны, это бывшие враги, принесшие столько горя нашей стране, с другой — они смогли устроить свою жизнь после войны так, как нам и не снилось, и это вызывало чувство уважения и зависти.

Запомнилась такая встреча:

«Мы в карауле зашли в немецкую таверну. Там за общим столиком сидели 15 немцев и, обнявшись, пели свою песню. Пахло кадрами советских фильмов о фашистах — и стало страшно. Убеждение “немец — враг” всплыло в моей памяти. Оно, видимо, сохранилось, так что прямого общения у меня с ними не было. Но и у них к нам отношение было не лучше».

Тоска по Родине, по свободной (не по Уставу) жизни нарастала. Пусть армейская жизнь и не была тяжелой для Сергея Ивановича Рожнева и даже солдатская карьера состоялась, но изоляция и однообразие жизни, особенно в последний год службы, вгоняли в тоску по дому, по девушке, по деревенским друзьям.

К идеологической обработке он остался равнодушен: беспартийный, не комсомолец, он и формально был свободен от комсомольских собраний.

Политика, если она не касалась личной жизни, интересовала его мало. Он, даже служа в Восточной Германии, не знал, что Западный Берлин отделен Берлинской стеной — еще одним знаком и символом холодной войны. «На политзанятиях нам ничего не говорили ни про Берлинскую стену, ни про проблемы Западной и Восточной Германии. Чаще зачитывали устрашающие приказы о том, что кто-то из солдат пошел в самоволку и его убили».

Однако одно из проявлений «холодной войны» запомнилось солдату: «В 1964 году шли учения штабов и армий стран участниц НАТО. Штаб учений находился в Берлине, и нашу часть перевели в Потсдам. Летчики рассказывали, что они летали вблизи штаба так низко, что дрожали стекла».

Наконец, самая долгожданная запись в военном билете: «на основании приказа МО СССР № 207 от 3 сентября 1966 года уволен в запас по окончании срока службы».

Альбом до сих пор хранится у Сергея Ивановича. Но некоторые фотографии были утеряны или подарены.

В дембельских альбомах 1960-х годов, по мнению Сергея Ивановича, передавалось ощущение послевоенного времени. Альбом был сделан на материалах, собранных на территории недавнего противника, что добавляло ему особый колорит, необычность. Аэродром, на котором служил Сергей Иванович, в годы войны предназначался для подготовки немецких летчиков. Теперь же на нем обучали советских летчиков. Аэродром сохранял боеспособность и перед летчиками ставилась реальная стратегическая задача — охрана воздушной границы.

Служба в армии позволила стать Сергею Ивановичу более самостоятельным и зрелым. В армии он получил специальность электромеханика. Кроме

того, повысил свой водительский класс. В армии, уже будучи старослужащим, состоял на руководящей должности, что научило его отвечать не только за себя, но и за других. Все это дало ему необходимый для будущей жизни опыт.

Дембельский альбом Виктора Николаевича Шуракова, 1945 года рождения

Служил срочную в 1964–1967 годах в Германии под Магдебургом сержантом в метеозвезде во втором отделении радиолокации. Главной задачей было делать климатические сводки для артиллеристов и ракетчиков.

Альбом В. Н. Шураковым оформлен просто, без претензий на творчество: нет подписей и четких разделов. В нем солдатские фотографии соседствуют с домашними (родители, братья, девушка).

«Своего фотоаппарата у меня не было, делали фотографии те, у кого были “Зениты”, ФЭДы (их привозили из отпусков). Расплачивались за фотки — кто чем мог. Немецкими фотоаппаратами не пользовались — дорогие».

Поскольку метеозвезд регулярно выезжал из части, много фотографий «не по Уставу»: расстегнутые воротнички, свободные позы, снимки на фоне природы. Есть фото немецких девушек. «Когда была возможность — общался с немками, так как со школы неплохо знал немецкий, был переводчиком для товарищей».

Но нельзя было фотографироваться:

— на фоне боевой техники;

— с огнестрельным оружием — АКМами (в ГДР солдаты были вооружены лучше), тогда как в СССР ходили еще с винтовками (Кировский гарнизон);

— с засученными рукавами.

Без разрешения можно было фотографироваться только с командиром взвода, роты, а выше — только с разрешения. Фотографии просматривал старшина. Что нельзя — отбирал.

Альбом купил на втором году службы и сначала просто складывал туда фотографии. Хранил в тумбочке, некоторые в чемоданчиках и вещмешках в каптерке. На третьем году службы стал фотографии разбирать и вставлять в альбом. Но без особого рвения, так как подумывал остаться на сверхсрочную. Родители писали: «Брат Борис женился, родился ребенок. В одной комнате в коммуналке жить будет невозможно». Начальство вызвало: «Давай оставайся».

Перед дембелем принял решение остаться на сверхсрочную, поэтому альбом не доделал, да и вообще им больше не интересовался, реже фотографировал.

Условия службы его устраивали:

— Оклад 60 марок в ГДР и плюс такой же в СССР. В первый год на первые 60 марок приоделся: купил туфли, костюм, галстук. Всё недорогое, но приличное. Отцу послал 60 марок на телевизор.

— «Не мной теперь командовали, а я командовал. Старшина — это власть. Выработал командирский голос (у кого от природы был слабее — ходили орать в лес)».

— Питание — в офицерской столовой.

Через 1,5 года ушел заведовать складом, жить стало легче. В городе была знакомая немецкая семья, ходил к ним в гости. Через 3 года «сверхсрочки»

перевелся в СССР. Служил в Кирове, в ПВО. Женился, жил с женой и дочкой в коммуналке у родителей (брат съехал). Вышел в отставку в 46 лет прапорщиком.

На наш вопрос, что ему дала армия, ответил: «Судите сами:

— Получил сначала комнату, потом малосемейку.

— Пенсия — 6,5 тысяч.

— Не получил гражданской специальности.

— Два брака распались наполовину из-за характера службы (наряды, учения, стрельбы: по 1,5–2 месяца: то Капустин Яр, то Байконур и т. д.).

Альбом хранит, но пиетета по отношению к службе в армии не сохранил. На вопрос, что позволило служить, ответил: «Умел подчиняться и подчинять». Особенно жалеет, что жены не смогли стать, как говорят военные, «крепким тылом».

Сейчас женат в третий раз. Работает в охране.

Дембельский альбом Юрия Алексеевича Метелева, 1946 года рождения

Тоже служил в Германии в 1965–1968 годах. Вспоминает годы службы с большой теплотой. Шел в армию как в другую важную жизнь. Физически и морально был к армии готов. «Если бы можно было вернуть время — то еще бы послужил», — говорит он.

Служба началась сразу в Германии, в городе Галле. Род войск — сухопутные, командир танка.

На память о доме взял бритвенный прибор и часы (подарок матери).

Альбом, вполне стандартный, купил в городке, на третьем году службы, — «Воспоминания о моем пребывании в Германии». Времени оформлять альбом особо не было: как замкомвзвода выдавал деньги солдатам (20 марок — почти 8 рублей), водил в баню, вел политзанятия, выдавал курево — 20 пачек на месяц, сигареты «Охотничьи», «Гуцульские» («Это похуже “Примы”», — вспоминает он).

Оформлял альбом в каптерке после отбоя («Ключ у меня был»). Фотографии делал для всего взвода солдат Нурлан Утенбергенов (казах) простеньким фотоаппаратом «Смена». За фотографии денег не брал, чем расплачивались, не помнит (сigaretами, едой).

Альбом оформлял с любовью и большим старанием. На первой странице — крупный портрет немецкой девушки (картинка из журнала).

Затем сам Юрий Алексеевич, парадный портрет сделал у полкового фотографа. Чтобы идеально сидела форма, особенно парадная, обращались к полковому портному. Остальная доводка формы производилась самостоятельно: специальной металлической щеткой делали шинель ворсистей, пришивали шевроны, петлицы, офицерские пуговицы (золотистые), крепкие сияющие значки отличника боевой и политической подготовки, вытачивали латунное оформление для комсомольского значка в виде ракеты («жуткий дефицит») наждачной бумагой до блеска, полировали пряжки, на ботинки набивали каблучки. Все это для дембеля, чтобы во всей красе приехать домой.

Юрий Алексеевич говорит, что у них было свое ноу-хау: они придумали вместо белого подворотничка нашивать белый провод — стирать не надо, достаточно протереть.

Хотя в альбоме разделы не обозначены, но прослеживается своя система оформления: лист заполняется с двух сторон; там, где нет прорезей для фото, наклеены открытки с видами Галле, Лейпцига и других городов. Вообще в альбоме много видового материала. Каждая страница переложена калькой, на нее переведены цветной шариковой ручкой (Юрий Алексеевич впервые увидел ее в Германии) изображения: городские сценки, памятник Воину-освободителю, девушки, прохожие, спортивные сюжеты. Многие иллюстрации брали из немецких журналов на свалке города Галле. «Бумага была спрессована в тюки, мы их раздирали, выбирали нужное. Сторожу за урон покупали бутылку пива».

Основная часть фотографий — это солдатские будни:

- свой взвод и казармы;
- свой призыв;
- на учениях (новые танки Т-54, Т-64 нельзя было фотографировать, а только Т-54, на которых тренировались);
- сослуживцы;
- одна «живая» женская фотография, скорее всего перед женитьбой;
- мужские фото в обрамлении только немецких девушек;
- друзья: Галаза (Кавказ), Высотский (Белоруссия), Гусев (средняя Россия), лейтенант Радченко с Украины — целая серия фотографий.

«Немного отличались кавказцы (азербайджанцы, грузины). По-русски знали, но между собой говорили по-своему. Их одергивали: “Говорите по-русски”. Драк, издевательств не было. Плохих не фотографировал. “А были?” Обычно это физически слабые. Один солдат боялся прыгать через коня. Так к нему привязывали ремни и два солдата с двух сторон перетаскивали его через коня. 2–3 раза перетаскивали — и стал прыгать. Подсмеивались — но “кликух” не было. Вообще “кучковались” по землячествам, а не по интересам. Поддерживали друг друга, вместе ходили в увольнения, вместе “оприходовали” посылки с Родины. Чувствовалась неприязнь между армянами и азербайджанцами, хотя Карабах еще не было. Не любили всех москвичей, называли их “чмо”, их нужно было “чморить”».

Увольнений в город не было, не было и соблазнов. В патруль назначались 3 солдата и 1 офицер. Были турвыезды в Бухенвальд, на Лейпцигскую ярмарку.

Ближе к концу альбома стали появляться виды чехословацких городов: Хеб, Карловы Вары, Соколов.

Танковая часть Ю. А. Метелева в июне 1968 года вошла в Чехословакию под видом учения войск стран Варшавского договора. Учения были на Доуповском полигоне. «Мы колесили по Чехии на танках. Давали понять: хвост задирайте не надо — есть кому прижать».

В альбомах есть фотографии с чехами: солдат Павел Крблых, с которым он познакомился уже во время «усмирения» чехов; фотографии с мирным населением города Прешва (встреча была организована по инициативе командования: чех в обнимку с девушкой). Солдат был в отпуске и попросил сфотографировать его с девушкой).

Был Ю. А. Метелев и в Праге. Он говорит, что девушки дарили цветы. В одном из букетов были адреса трех девушек (он сохранил эту бумагу).

Болезненно им было воспринято следующее: часть встала на отдых, выставили «секреты» по 2 солдата в 500 метрах. И вдруг выстрелы: 2 солдата убиты из проезжавшей машины. Найти «мстителей» так и не удалось. За период его службы это была уже третья смерть: за год до этого на учениях погибли два солдата.

По халатности они попали под танк. Жертв среди мирного населения Чехии он не видел.

До сих пор сохраняет веру в то, что был воином-освободителем: «Мы выполняли интернациональный долг!» На вопрос: «Освобождали чехов от кого?» — четкого ответа дать не может. За участие в этой операции был награжден грамотой министра обороны и благодарностью. Их он поместил на последних страницах альбома.

Служил Юрий Алексеевич 3 года 4 месяца. Приказ об увольнении был задержан для ракетчиков, десантников, танкистов в связи с чехословацкой операцией.

Отвечая на наши вопросы об армейских годах, Ю. А. Метелев сказал: «Я бы свою армию еще отслужил, много повидал, многому научился. Предлагали сверхсрочную, но мама написала: “Юра, приезжай, мне без тебя не прожить”».

Дембельский альбом — последний документ того периода, когда в жизни солдата всё было ясно и просто: подъем, зарядка, боевая подготовка, личное время и так далее. За него думают командиры. Страшно солдату возвращаться в обыденную жизнь, где ты не «дед», не «черпак», а просто человек, который должен заново строить свою жизнь. Можно ехать домой, можно остаться на сверхсрочку, а в Союзе — уехать на комсомольскую службу, завербоваться на Дальний Восток и Крайний Север.

И Шураков, и Метелев пошли навстречу желанию своих матерей, но против своей воли. В. Н. Шураков, неплохо отслужив срочную, надолго связал себя с армией, но служил, как воз тянул. Ю. А. Метелев, так полюбивший службу («счастливые годы жизни»), гордый тем, что выполнял интернациональный долг, тоже хотел продолжить службу в мирной жизни, поступив в милицию. Но не выдержал того, что так легко давалось в армии, — давления, принуждения без надобности. Жил в милицейском общежитии, разругался с комендантом, который был чином выше (тот придрался, что плохо убрал комнату), «послал» его, за что был уволен. «Душа не выдержала!» В гражданской жизни он каменщик, имеет медаль «За трудовую доблесть» (1986 год).

В. Н. Шуракову же удалось долго продержаться в армии, как он говорит: «Умел подчиняться и сам подчинять». Сейчас занимается сетевым маркетингом: распространяет продукцию пчеловодства. («Здесь не покомандуешь, приходится убеждать, уговаривать»). Шураков считает, что армию изменит только переход от всеобщей воинской повинности к контрактной системе.

У Ю. А. Метелева чувствуется ностальгия по армии, но это, скорее, ностальгия по порядку. Он верен всему, что усвоил с молодости: армии и КПСС (теперь он член РКП).

Предан искренне. А что имеет? Вторая группа инвалидности (болен астмой), пенсия — 4900 р.

Дембельский альбом Сергея Александровича Харина, 1956 года рождения

Служил срочную в 1974–1976 годах. Военная специальность — артиллерист, командир 152-миллиметровой пушки гаубицы.

Служил в Чехословакии. Попал туда по мобилизационному предписанию. Говорит, сыграла роль внешность (действительно, богатырь). Не хватило 2 сантиметра, чтобы попасть в Кремлевский полк. Думает, что за границу отбирали и по социальному происхождению, и по благонадежности. Сергей Александрович

вич был рад, что попал служить за границу: мечтал посмотреть, как живут люди в Европе. Службу воспринимал как должное: «Надо отдать долг Родине. Рассуждал так: время пришло — пошел скорее, сходишь — скорее освободишься. Ни о каких “откосах” разговоров не было. Провожали с песнями, плясками, немного выпили (“провода посуху не бывают”), но на призывной пришел, как стеклышко. Мать и отец слезу пустили, ведь шли юнцы по 18 лет».

Службу проходил в городе Оломуц, там находился штаб центральной группы наших войск. Условия службы были лучше, чем на Родине: лучшее обмундирование, яловые сапоги, лучшее питание. «Это ведь лицо страны».

К армейским порядкам привык быстро, был хорошо развит физически, да и понимал, что защитник Родины обязан выносить тяготы и невзгоды. Главными дефицитами были сон и еда. Спать и есть хотелось всегда. О неуставных отношениях говорит так: «Просто нужно занять в армейской жизни подобающее место, знать, что нужно делать, с кем дружить и кого опасаться, и тогда служба (“730 дней в сапогах”) пройдет нормально». О командирах отзывается хорошо, кроме старшего офицера: «Относился к солдату, как к быдлу».

Готовый альбом купил в армейском магазине. Красочный, на обложке виды чешских замков. Фотографии делал замполит, продавал солдатам недорого. Иногда обменивались фотографиями друг с другом. В альбоме много фотографий и открыток с видами города, но в основном это армейские фото: свои, друзей, командиров («Я на учениях», «Я на фоне техники», «Я с чехами», «Я на расслабухе»). «Оформляя альбом, впервые взял в руки фломастер, до армии я не знал, что это такое, в СССР они не продавались. Фломастерами делали подписи печатными буквами, рисовали. Подписи часто были с юмором».

«Несмотря на то, что с событий 1968 года прошло несколько лет, чувствовалось напряженное отношение чехов к нам. Рана у них была незаживающая, нас считали оккупантами. Было неприятно. Мы так не считали. Выполняли свой интернациональный долг. На политзанятиях нам каждый раз говорили: «На провокации не поддаваться». Чехи смотрели на нас косо, сдавали патрулю тех, кто в самоволке».

«К сожалению, мой альбом, который я делал от души, не сохранился. При возвращении на Родину в Иваново-Франковске на военной таможне альбом отобрали. Офицер сначала вытаскивал некоторые фотографии (“Не положено!”), а потом сказал: “Буду я тут возиться с твоим альбомом”. Изорвал и выбросил весь альбом. Отобрали у меня и пластинки рок-групп (в СССР их в 70-е годы было не купить!)».

Службу в армии оценивает в общем положительно: возмужал физически, ума прибавилось, лучше стал разбираться в людях: «Армия, как и тюрьма, рано или поздно расставляет людей по местам, любая позолота слетает».

19 ноября — День артиллериста — считает своим праздником.

Пришел из армии без профессии. Сейчас работает в типографии. О современной армии говорит так: «Нет такого, что народ и армия едины. Бегут из армии не только солдаты, но и офицеры. Раньше все было для армии, ведь солдат должен быть сытым и в чистой одежде, а сейчас об армии забыли».

Дембельский альбом Виктора Павловича Рязанцева, 1955 года рождения

Военную службу проходил с мая 1973 по июнь 1975 года в Венгрии. До призыва активно занимался спортом (борьбой) и должен был служить в спортро-

те, но по чьей-то невнимательности туда не попал и был призван в механизированный полк в Венгрию на военную специальность радиотелефониста. Учебки не было. Сборный пункт был в городе Златоусте, откуда солдат поездом отправили в Венгрию.

К необходимости идти в армию отнесся с энтузиазмом, был очень рад. «Служить в армии тогда было не только необходимо, но и престижно. К тем, кто не служил, в обществе относились как к неполноценным. Кроме того, я занимался спортом, и армейские нагрузки были мне не в тягость».

Дембельские альбомы делали все без исключения сослуживцы Рязанцева. «Хотелось потом иметь что-то, что можно показать детям, внукам. Нечто, чем можно похвастаться».

Сам альбом Виктор Павлович купил в армейском магазине. Альбомы изготавливать не запрещалось, но в дневное время могли за это наказать, и поэтому альбом он делал в ночное время за счет сна.

Альбом небольшого размера, обит красной искусственной кожей. На обложке — цветная фотография с видом Будапешта. В альбом вложена черная картонка. На одной стороне красками написано: «730 дней на страже Родины». Есть место для фотографии (которая, по-видимому, утеряна). На другой стороне надпись: «Память о службе в Венгрии, 1973–1975».

На «переводках» и фотографиях раскрываются в основном 2 темы. Это девушка и служба. Девушка изображена либо ждущей солдата, либо провожающей его на службу. У солдата же представлены наиболее важные моменты его службы. На одной из первых — присяга. На других — учения, армейские будни. Есть одна «переводка», где изображены солдаты на отдыхе. Еще одна «переводка» изображает полуголую девушку с пистолетом и спиртным в руке, рядом бутылка «Кока-колы» (для солдата — эмблема «загнивающего Запада»). Последние страницы пронизаны темой приближающегося дембеля. Это и прощание солдат, и дорога домой. Художественно оформить альбом Рязанцеву помог друг из гаубичной батареи. Сам Рязанцев рисовать не умеет, поэтому в альбоме в основном «переводки», а не рисунки.

Хотя нельзя было фотографировать военные объекты, технику в связи с секретностью, в альбоме присутствуют и фотографии с оружием. Как их не изъяли — вопрос. Как говорит Виктор Павлович, перед дембелем все альбомы были проверены, и фото с военными объектами, военной техникой были изъяты и уничтожены. Вторая проверка была в Москве. Всех демобилизовавшихся провожали до дома. Виктор Павлович только от Казани поехал без опеки.

На последних страницах альбома приказ министра обороны об увольнении из рядов вооруженных сил. Приказ вырезан из газеты и вклеен в альбом. Последние 2 страницы заняты городами, откуда родом сослуживцы Рязанцева.

Однако служба для него на этом не закончилась. В октябре 1986 года военкоматом он был призван в Чернобыль на 6 месяцев. Ехать в Чернобыль никто не хотел, все старались «откосить». Виктор Павлович уклониться не пытался, находившись в Чернобыле он с октября по январь, так как добровольцам, попавшим на реактор («в самое пекло») срок пребывания сокращали в 2 раза. Допустимая доза излучения — 25 рентген. В сумме он получил облучение 23 рентген («После этого сказали, что хватит»). Добровольцев попасть на реактор было мало: многие были не женаты, не имели детей. Виктор Павлович рискнул: дома его ждали жена и двое маленьких детей (1979 и 1980 г. р.). На вопрос: «Чем занимались

в Чернобыле?» Виктор Павлович ответил: «Чистили». Под этим подразумевался снос домов в деревнях, погрузка в автомашины. От населенных пунктов оставалась голая равнина. Там же выкапывались котлованы, и в них сгружалось абсолютно всё. Затем котлованы закапывали.

В Чернобыле Виктор Павлович находился в составе Уральского полка, который насчитывал 1000 человек. Из палатки, в которой жил Виктор Павлович, до сих пор живы 5 человек. Все послечернобыльские годы Виктор Павлович живет на таблетках, уколах. «Сохранился на военной службе, но потерял здоровье на гражданке».

ЧАСТЬ 2. ИХ СВЕРСТНИКИ СЛУЖИЛИ В СССР

Дембельский альбом Евгения Ивановича Змеева, 1947 года рождения

Служил в 60-ти километрах от города Свободный Амурской области в ракетных войсках поваром. После дембеля стеснялся рассказывать девушкам о своей поварской службе.

Дембельский альбом делал, как и все. Сам альбом был ему подарен командующим части: небольшого размера, вертикального формата, обтянут краснокирпичным ситцем (цена 2 рубля 60 копеек). Прямо по ситцу на обложке 4 переводных картинки: в верхней части самолет, пониже — 3 красотики («Первым делом — самолеты, ну а девушки — потом!») На первой странице крупно портрет актрисы Галины Польских, вырезанный из журнала. Чувствовалось, что удаленность от культурных центров (трудно достать открытки, краски, бумагу) не позволяла сделать альбом красочным, проявить свои творческие способности.

Потом в альбоме идут фотографии однополчан на фоне казарм, дальше — виды тайги. Все фотографии любительские, разложены без видимой системы.

В середине альбома 2 женские фотографии. По характеру надписей на обложке можно понять, что одна любит его, а вторую — он. Много фотографий из гражданской жизни, армейскими фотографиями заполнена только половина. Много пустых страниц: они не заполнены ни открытками, ни «переводками».

Заметно следующее:

— владелец альбома стесняется своей рабочей формы (белая куртка и колпак повара). Всего одна фотография в этой форме. Все остальные — в «парадке» в Ленинской комнате, в библиотеке с библиотекаршей;

— мало живых фотографий, все серьезные и похожи друг на друга.

По альбому видно: службой он не гордится (не хвастаться же, что поварская должность иногда давала некоторые преимущества: отсутствие нарядов, не жесткая физподготовка, лишняя банка сгущенки или тушенки).

На фотографии он с друзьями на фоне машины «Продукты», столовской стены, украшенной изображением солнца. Ракетчики, которых он кормит, — приезжают и уезжают, гордятся своей службой, а его как бы не видно.

Дембельский альбом Владимира Аркадьевича Вотинцева, 1953 года рождения

Служил 2 года, а не 3, как его старшие товарищи, в ракетных войсках в 26 км от Свердловска.

Альбом купил заранее в Свердловске за 5 рублей. Он выглядит солидно, в зеленом бархате. Фотографий много, так как делал их сам, у него был фотоаппарат ФЭД. И сами снимки более разнообразные, чем в других альбомах. Вначале «гражданка»: друзья, родители, брат, затем сам автор в «парадке».

Много снимков армейской жизни, есть и неуставные:

— с автоматом, на обороте Вотинцев написал: «Снялся у ограды парка, автомат часового»;

— с обнаженным торсом на фоне какого-то забора;

— много фотографий с лопатой, бревном;

— групповое «махалово» (конечно, инсценировка).

Эти фотографии от старшины были скрыты, но те, где солдаты сфотографировались на фоне учебных макетов Т-34, супербдительный старшина отнял. Фон фотографий часто сельский: деревенские дома, заборы, деревня.

Некоторые подписаны прямо по лицевой стороне (сам печатал):

— «Чемпионаты» (футбольная команда);

— «1971–1973 гг.» — свой призыв, взвод.

Жалеет, что мало собственных фотографий. По альбому видно, что это бравый солдат, но не идеальный служака.

Он сохранил и вклеил в альбом:

1) Свидетельство с отличными отметками об окончании «учебки».

2) «Записку об аресте» за самовольный уход с рабочего места на 10 суток (с 31.08.73 по 10.09.73). И это перед самым дембелем.

На фотографиях явная тоска по дембелю: сидят солдаты на бревне — ждут дембеля.

Трудную и монотонную жизнь солдата скрашивали письма. В армию ему писала и посылала свои фотографии Рая Лейбман, девушка его младшего брата. Он представлял ее как свою — совсем не иметь девушки считалось минусом.

В часть иногда приходили от девушек безадресные письма («счастливому солдату»). Солдаты их выбирали: кому поумней, кому ближе к Родине. Завязывалась переписка.

Вообще тема любви, особенно женской измены, была излюбленной в солдатских разговорах.

На последней странице выдран из газеты «Приказ министра обороны СССР» об увольнении военнослужащих в ноябре–декабре. Ниже портрет министра обороны.

В альбом вклеено и «проходное свидетельство» 12.12.73 г.

Этот альбом немало рассказал о солдате: он рассматривает службу не как «священный долг», а как особую жизнь во всем ее разнообразии, вызванную необходимостью. Он оптимист, у него немало друзей среди сослуживцев. Но называть его идеальным солдатом трудно: он не может похвастаться званиями, грамотами.

Рядовой 4-й роты военной части 33719 Вотинцев Владимир Аркадьевич — ныне дворник домоуправления №7.

Дембельский альбом Анатолия Александровича Головенкина, 1956 года рождения

Ушел в армию восемнадцатилетним: не поступил в Калининградский военноморской институт, а в другой не захотел поступать — предпочел армию. Служил

во Владивостоке с 1974 по 1976 год в войсках ПВО. Они включали авиацию, зенитную артиллерию, радиолокацию. Военная часть Анатолия Александровича несла службу по радиолокации. «Дежурил под землей, вместе со старшими офицерами отслеживали движение самолетов как наших, так и иностранных. Перед каждым дежурством на построении командир говорил: “Вы заступаете на охрану границ нашей Родины!” Эти слова мобилизовывали, заставляли почувствовать значимость нашей службы». В альбоме несколько рисунков воина у пограничного столба с гербом СССР (суровое лицо, за плечом автомат).

А. А. Головенкин считает, что ему очень повезло с армией: часть небольшая — всего 70 человек, в самом городе, хорошо кормили, «дедовщины» не помнит.

Дембельский альбом А. А. Головенкина — настоящее чудо этого жанра. Большого размера, нестандартный, в синем бархате, заполненный до краев фотографиями, рисунками, солдатскими афоризмами. Альбом заказал в мастерской (была потребность в них — даже открыли специальную мастерскую). Бархат выбрали по вкусу: красный, зеленый, синий.

На корочке по бархату две открытки с видами Владивостока. На первой странице слова: «Солдата нужно уважать хотя бы за то, что он отдает Родине самое дорогое — молодость». (Сам придумал или списал откуда-то, но главное понимал, что любовь государства и воина должна быть взаимной!)

Дальше идет страница «Память о службе». Рисунок радара на фоне летящих ракет с красными звездами. Многие рисунки солдата похожи на советские плакаты. Каждая страница альбома переложена калькой, на ней рисунки.

Вот прощание с девушкой у вагона с надписью «Владивосток», в тамбуре офицер (лицо не прорисовано) сторожит. В альбоме много фотографий одной и той же девушки (очевидно, отношения уже сложились), это та, «которая ждет». Есть еще цветной рисунок девушки-почтальона. Подпись: «Ты получишь письмо, как обычно, без марки, солдатское...»

На каждой странице много видов Владивостока и его окрестностей: вокзал, порт, корабли, пейзажи, памятники, старинные форты — полнейший контраст с видами его родины. Чувствуется, что Дальний Восток очаровал солдата.

Как и в большинстве альбомов, много снимков друзей, сослуживцев. Это фотопортреты, сделанные в фотоателье (солдаты в части имели возможность свободного выхода в город). И любительские: на фоне казармы. Надпись: «Воины РТВ! Встретим XXV съезд КПСС дальнейшим повышением боевой готовности и укрепления воинской дисциплины». Материалы съезда изучали потом на политзанятиях в Ленинской комнате (есть фотография).

В альбоме несколько фотографий с дежурства «под землей» (как не отобрали — удивительно). На одной — часть планшетки, где указаны данные о перемещениях самолетов. Эту фотографию мы долго расшифровывали.

Остальные фотографии — солдаты в увольнении, художественная самодеятельность (солдатский ВИА). Помнит хиты того времени — «Плачет девочка в автомате».

Во время его дежурства произошло серьезное ЧП: военный летчик Беленко на сверхсовременном самолете МИГ-29, за которым давно охотились американцы, перелетел в Японию. «Мы отслеживали его, пока он летел на нашей территории, затем исчез с радара, а потом мы засекли его уже в Японии. Скандал был мирового масштаба».

Обращаем внимание, что почти все фотографии неуставные: гражданская одежда, если форма — то не застегнут воротничок, с папиросой во рту. Чувствуется, что в части, которая стояла прямо во Владивостоке, у солдата было больше свободы.

Есть несколько снимков с командирами, о которых отзывался хорошо. Но в то же время замечает: чем выше в звании, тем проще в обращении с солдатами. «Во время дежурства офицеры подкармливали нас домашней едой, звали не по уставу, а по имени. Может это глупо, но однажды мы были свидетелями бильярдного поединка двух офицеров. Проигравший должен был сбрить один ус. Наш капитан проиграл — и сбрил-таки один ус, потом старался меньше светиться. На нас это произвело впечатление, нам, салагам, это казалось высшим проявлением офицерской чести».

И вот последние страницы — 100 дней до приказа. На листе крупно написано: «Дембель неизбежен, как крах империализма» (встречается во многих альбомах). На календариках солдат отмечает крестиком дни до дембеля. На последних страницах — приказ министра обороны Устинова (целое искусство было сделать как настоящий телеграфный вариант приказа).

Гуашью во всю страницу дано изображение поезда, выходящего из тоннеля, и надпись: «Прощай, Чилим». Мы решили, что это связано с БАМом, оказалось, что Чилимом зовут Владивосток, а еще ласково «Владиком».

А дальше идут адреса однополчан: Горький, Халтурин, Удмуртия. И адрес тех, кто оставался дослуживать. Головенкин знал, кто обрадуется его письмам. Сейчас он говорит так: «Смотрю в альбом: если встретимся — не узнаем друг друга, постарели. Другая страна, страны. Ко многим теперь визы нужны — вот ведь что на белом свете делается».

А. А. Головенкин после демобилизации закончил вуз, стал инженером, но в 90-е годы занялся предпринимательством. Крепко стоит на ногах, женился на той девушке, которая заняла так много места в его альбоме.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ДЕМБЕЛЬСКИЕ АЛЬБОМЫ?

В заключение сделаем некоторые выводы:

— Дембельские альбомы показывают, что солдат ощущал себя частицей огромной силы государства — армии, чувствовал себя защитником Родины и гордился этим. Всё в армии работало на это: присяга, знамя, военная форма, даже праздник — 23 февраля. Особенно это чувствовалось у тех, кто служил в элитных войсках (ракетных, десантных, ВМФ, ВВФ), и тех, кто служил за границей.

— В альбомах групповых фотографий в 10 раз больше, чем личных. Солдат по характеру своей службы коллективист: друзья, земляки, однопризывники — мужское солдатское братство. В личной памяти он навсегда останется солдатом такого-то рода войск, такой-то части, такого-то взвода. Вместе с тем есть обратная сторона этого солдатского котла — недостаток личного времени, потребность «одиночества». Солдатское слово «скрытка» — тому подтверждение. Личное одиночество в армии ценится. В формате альбома — одиночные фотографии, которые отличались «лица не общим выражением».

— Девушки в каждом альбоме. Изоляция от нормального гражданского общества, без женщин, делало эту тему особо острой. О них говорили, боготво-

рили, обсуждали, придумывая всякие небылицы об их коварстве и неверности. В альбомах больше красоток из журналов, чем фотографий реальных женщин. Солдат очень молод. Это еще предчувствие любви.

— Солдатский быт (наряд, физподготовка, занятия, чтение газет, писем, баня, столовая) реже попадал в поле зрения солдатских фотографов. Считали это прозой жизни, хотелось представить нарядную сторону солдатской службы.

— Место службы много значило для солдата. В каждом альбоме много фотографий города, страны, где служил солдат. Кто служил в военных городках — пейзажный фон на фотографиях.

— В альбомах видим приметы времени: тоталитарные порядки, «оттепель», события в Чехословакии, материальная и культурная жизнь населения и многое другое.

— Эстетика оформления альбома определялась традициями и образовательно-культурным уровнем солдат. В них много старания, интереса, эмоций.

— Изолированная среда создавала свою субкультуру, в том числе словесную. Солдатский жаргон был всегда русским, хотя языковая среда была очень разнообразной: украинский, белорусский, киргизский и прочие языки. Ни в одном дембельском альбоме нам не встретился этот солдатский жаргон, хотя он часто встречался в воспоминаниях, интервью. Стиль альбомов чаще всего возвышенный, иногда снижался (смягчался) солдатской шуткой или афоризмом.

От Кабула до Кандагара

«Афганский синдром»: история русистики в Кабуле

Сергей Предко

г. Киров

научный руководитель Л. И. Змеева

Я родился в стране под названием СССР. Она включала в себя 15 союзных республик, которые я уже не заучивал наизусть, а мама моя знает их и сейчас, как «Отче наш». Страны этой нет. Но она была, и у людей, рожденных в большой стране, в империи, сохраняется ностальгическое имперское сознание: «От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей, человек проходит как хозяин необъятной Родины своей».

Мама моя, рожденная в вятском селе, получившая профессию «учитель английского языка», жила в убеждении, что она живет в самом справедливо устроенном обществе. Это убеждение в силе и красоте советского строя держалось долго и закреплялось еще и потому, что впервые она увидела не первый мир, а «третий» — Африку, Афганистан.

Закончив институт в 1969 году, она стала преподавать английский язык в селе, затем работала в Кирове, но квартиры у нее не было и надежд на это тоже. Чтобы построить кооперативную квартиру, требовались деньги. Один из способов их достать — поработать за границей.

Чтобы попасть за границу (мечта многих специалистов), надо было:

- 1) быть членом партии;
- 2) не иметь семьи;
- 3) знать иностранный язык.

К 1976 году статус мамы — партийный, личный и профессиональный — был именно таков.

В 1976 году она впервые выезжает за границу, в Африку. Мотив «посмотреть мир» был также немаловажен: культурный аспект как-то приукрашивал прагматическую цель. Кроме того, миссионерская по характеру работа давала ощущение избранничества: быть носителем культуры своей страны представлялось делом почетным и престижным. Работа в Сомали и Афганистане для нее — самые яркие страницы в жизни. Это связано еще и с личной жизнью мамы. Записывая ее воспоминания, я пользовался принципом: «здесь не убавить, не прибавить». Себе же позволю лишь комментировать отдельные моменты воспоминаний. Объяснения, иногда прямо буквальные, я находил у Григория Померанца: почему модернизация по-советски не получилась в Афганистане, почему подтягивание до своего уровня не эффективно для той и другой стороны. Идеализм моей мамы, выразившийся в формуле «помощь слаборазвитым странам — интернациональный долг СССР», был искренним. Она и сейчас не может признать, что его использовали для решения задач, далеких от миссионерских.

«Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» — такого энтузиазма в 70-е годы XX века, конечно, не было. Но советский строй, сам рожденный Большой Утопией, по-прежнему расширял эту Утопию за пределы страны. (Страна-империя была привычна к подобному насилию во благо. О том, что жители этой страны были носителями имперского сознания, говорит

тот факт, что только один человек публично выступил против ввода войск в Афганистан, где уже работала моя мама, — А. Д. Сахаров. Один!)

Способны ли носители советских мифов освободиться от них? Наверное, да. Трудно представить, что ситуация, возникшая на I Съезде народных депутатов СССР с Сахаровым, которого «захлопывали» и «затопывали», могла бы повториться в 2001 году. С Афганистаном и Сахаровым — нет, а с Чечней? Значит, расставание с мифами имеет принцип «воронки»: сначала широкое горлышко, то есть большая мифология, а потом узкое, то есть остаточная мифология, просшая в ствол мозга, и только другое поколение родится свободным?

СОМАЛИЙСКИЙ ОПЫТ: НЕ ХОДИТЕ В ЛЮДИ

Первый заграничный опыт был у мамы в 1976–1977 годах в Сомали.

«В Сомали наши выстроили военную академию для обучения владением советским оружием местных военных. Основные преподаватели — это наши военные, но они читали лекции на русском языке; местные кадры не знали его, поэтому пригласили преподавателей английского языка русскоязычных, чтобы слушателей обучить русскому. Обучить английскому советских полковников и подполковников, 40-, 50-летних мужчин, видимо, было труднее. Пришлось изучать военную терминологию. Курсы русского языка длились несколько месяцев, потом наши слушатели переходили к военным. Разбиты учебные группы были по-армейски: взводы зенитчиков, танкистов и т. д. Занятия с 7-00 до 13-00. Отдых. Вечером консультации для слушателей. У слушателей была форма: шорты, рубашки, ботинки. Очень им нравилось отдавать рапорт, пристукивая ботинками, акцентируя притопы. В обязанности преподавателя входила и идеологическая работа: обязательные политинформации (на русском с элементами английского) о том, что происходит в нашей стране, о заводах, фабриках. Это были дети природы: непосредственные, малообразованные, наивные. Они были счастливы учиться у белых.

Жизнь их была довольно бедной материально и духовно. Распространены болезни: язвы, черная оспа, проказа. После работы со слушателями протирали руки спиртом. Не ели их лепешки: разломив ее, можно было встретить что угодно. Жили военным городком автономно: клуб, баня, магазин. Общения с иностранцами (итальянцами, французами) не было: военные запрещали.

Жила в двухкомнатной квартире вдвоем с начальником цикла русского языка. Учителя русского были из Волгограда, Чебоксар, Москвы. «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин» — цитировали часто».

Однако всё неожиданно кончилось. Сомалийцы разорвали договор с СССР о мире и сотрудничестве, начав военные действия с Эфиопией и объясняя это тем, «что друзья наших врагов — наши враги».

И вмиг выросла враждебность, отчужденность. Еще летом Сиад Барре, президент Сомали, выступал перед преподавателями Академии и благодарил их. А в октябре 1977 года любовь кончилась. Выехали из Могадишо под охраной военных из Министерства обороны до аэропорта. Военные рассуждали: «теряем важный порт на Индийском океане». Вот такие были 70-е годы для Африки и России. Традиционные общества Африки искали пути модернизации своих обществ и в своих поисках глядели в основном на западные страны, но кое-кто и на СССР. Их мы называли странами социалистической ориентации. Это Ангола, Эфиопия, Мозамбик. В разные годы — разные списки. Но все наши усилия

научить их жить по-нашему кончались плачевно. «Трайбализм» — межплеменные отношения, племенные ценности и идеалы — срывал все усилия по «подтягиванию» их до нашего уровня.

Те политинформации, что проводила мама, «раскачивали» традиционные представления, и возврат к ним сомалийцев для наших военных и миссионеров (русисток) оказался неожиданным и воспринимался болезненно. По возвращении в Москву были получены деньги, оговоренные контрактом, но «сомалийский опыт» казался случайным, не типичным: неблагодарная страна. Документы мамы были переданы из Министерства обороны в Министерство просвещения, и мама снова оказалась в резерве специалистов, работающих в других странах, где знают английский и нуждаются в русской помощи. Нуждаются в помощи — считала мама.

АФГАНИСТАН ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО МИССИОНЕРА: ЛЮДИ, ПРАВЫ, ОТНОШЕНИЯ

«В конце июля 1979 года я была командирована в распоряжение Министерства просвещения СССР для работы за рубежом. Первоначально планировалось, что я поеду преподавать русский язык в Индию, в Дели, но за несколько дней всё изменилось. Пришло сообщение из Министерства просвещения о том, что я должна поехать в Афганистан. Долго не сомневаясь, решила поехать.

В то время была молода, энергична и решила, что если я нужнее в Афганистане, то поеду туда. Я ведь была активным членом Коммунистической партии и все решения, принимаемые там, в Москве, принимала как единственные и правильные.

После победы Апрельской революции 1978 года наша страна первой признала Демократическую Республику Афганистан. Я знала, что это страна почти безграмотная. Большинство родителей не могли посылать детей в школу. Даже маленькие дети помогали родителям в поле и дома. До революции около 20% детей посещали школу. После Апрельской (Саурской) революции центральный комитет НДПА поставил задачу всеобщего, начального, обязательного и бесплатного образования для всех детей школьного возраста. 90% афганских учителей не имели педагогического образования.

Я считала, что я могу оказать помощь в решении этой задачи, кроме того, страна была интересна своей историей, нравами, обычаями. Интересно было из двадцатого века очутиться в четырнадцатом. И всё мне хотелось увидеть воочию.

В Кабул я прилетела в конце июля 1979 года. Город встретил меня необыкновенной жарой. Когда вышла из самолета, казалось, что попала в жаркую сауну. Встретили меня представители Министерства просвещения и повезли на микроавтобусе в микрорайон, где я прожила пятьдесят месяцев (десять месяцев работала, на два улетала в Союз).

Одна из достопримечательностей афганской столицы — жилые кварталы в юго-восточной части города, так называемый Старый и Новый микрорайоны. Тут вы видите благоустроенные крупноблочные пятиэтажные жилые дома со строгой планировкой кварталов, с торговыми центрами, типовыми школами, клубом, есть даже плавательный бассейн.

Поселили меня в комнате двухкомнатной квартиры. Соседкой была преподаватель русского языка с Украины Надежда Пугач, которая уже год проработала

там. Квартира ничем не отличалась от квартир наших типичных пятиэтажных домов. Странно казалось то, что в подъезде стояла охрана — афганский солдат с автоматом, так как в одной из квартир жил высокопоставленный афганский чиновник. Помимо советских специалистов, там жили и афганцы.

Я очень хорошо помню мой первый день. Допоздна разговаривала с Надеждой о жизни в Кабуле, особенностях работы в афганской школе. После перелета и волнений я быстро заснула в своей комнате, но среди ночи меня разбудили топот ног на втором этаже, громкие голоса и грохот кастрюль. Оказалось, что я приехала в Кабул в священный месяц Рамадан, который афганцы свято чтут.

От обилия впечатлений я совершенно забыла о Рамадане, в страхе пролежала несколько минут, затем побежала к соседке по квартире узнать, что там случилось. Она меня успокоила, сказав, что это продлится еще несколько ночей, так как Рамадан подходит к концу. Мы, преподаватели, с уважением относились к обычаям афганцев. В дни поста мы никогда не пили и не ели на глазах у местного населения. Многие советские специалисты жили в этом микрорайоне, в домах, где проживали афганцы. Журналисты жили на виллах. Посольские работники — в посольстве. В микрорайоне был магазин для советских специалистов, куда завозились продукты из СССР, которые выдавались в ограниченных количествах (определенное количество сахара, масла, крупы и водки, которую в шутку называли “норма”). В микрорайоне были клуб, библиотека, в клубе показывали советские фильмы, проходили концерты с участием звезд советской эстрады. В Кабул неоднократно приезжали И. Кобзон, Л. Лещенко, Э. Пьеха, И. Алферова и другие. До обострения ситуации в этот клуб приходили и афганцы. Позднее клуб стал охраняться афганскими солдатами и в клуб допускались только советские специалисты. Все современные фильмы и концерты на чужбине воспринимались с особой остротой. Особенно нравились песни о Родине, о родном доме. В нашей группе (группе преподавателей) был даже свой гимн. Он начинался со слов:

Домой, нам хочется домой,
И это чувство не скрываем...

После фильмов и концертов не расходились сразу по домам, а стояли группами, делились впечатлениями, новостями из Союза и разными слухами.

Через два дня после приезда в Кабул я поехала на работу в лицей “Революции”. Лицей находится в центре Кабула, далеко от дома, по дороге я жадно смотрела на улицы города. Поражало значительное количество транспорта, а также повозки с осликами.

Все афганские грузовики и автобусы необычайно разрисованы и разукрашены. Впереди у грузовика разноцветная металлическая чеканка, внизу — гирлянды из цепей с фигурными наконечниками, сверху — узорчатый орнамент, как у царской короны. С боков тоже чеканка, похожая на кольчугу древних воинов, и множество всяких рисунков, узоров. Не грузовики, а целые картинные галереи. В этих грузовиках могут перевозить одновременно и людей, и, например, корову.

Пестрота и разнообразие одежды. Люди одеты и в современные одежды, и в национальные костюмы. Поражали женщины, одетые в паранджи разного цвета. Они напоминают продолговатые “мешки”, движущиеся по тротуарам.

Синяя или коричневая ткань плиссе. Ног не видно. Там, где предположительно должны быть глаза, — темная сеточка (чашмбанд), основное окно в ходячем домике афганки. Нередко в середине мешка что-то шевелится и попискивает — это ребенок.

Национальная летняя одежда для мужчин состоит из широкой длинной рубахи с разрезами на боках. Некоторые рубахи имеют замысловатый рисунок, вышитый шелком. Штаны такого же цвета, что и рубаха, но невероятно широкие. Для жаркого лета эта одежда очень удобна, легка, в ней не жарко, тело свободно дышит. У меня до сих пор хранится такой костюм для мальчика, подаренный моему сыну. Жена нашего водителя сама сшила и вышила этот костюм. И бархатный жилетик она украсила маленькими зеркальцами. На голове афганцы носят чалму — несколько метров легкой ткани, затейливо накрученной вокруг тюбетейки, или некоторые носят круглые шапочки.

Зимой поверх одежды многие афганцы носят накидки, это могут быть специальные накидки, шали или простые байковые одеяла, одним концом перекинутые через левое плечо.

Обувь тоже очень разнообразна: от национальных башмаков с загнутыми носками до современных ботинок и изящных туфелек на высоком каблуке. Даже в холод можно было встретить людей в резиновых сапожках, то есть люди одеты в зависимости от достатка, в целом очень бедно.

Афганская кухня очень богата и разнообразна. Употребляют много специй и приправ. Основные ее продукты — рис, мясо, зелень и фрукты. Особенно популярны кебабы и плов, который готовится по самым различным рецептам и насчитывает десятки названий. Афганцы очень любят мясо, особенно баранину, о чем говорит известная пуштунская поговорка: “Лучше сожженное мясо, чем самые хорошие бобы!” Однако пища подавляющего большинства населения очень скромна: не все и не всегда имеют возможность есть мясо и рис, часто ограничиваясь лишь лепешкой кукурузного или пшеничного хлеба и чаем. Люди среднего достатка принимают пищу два раза в день — в полдень и вечером. На завтрак они, как правило, выпивают чашку чая с маленьким куском хлеба.

Чай очень популярен. В любой свободный момент афганцы пьют чай. Чай пьют везде: в офисе, на улице, в дукане. Каждый раз, когда я приезжала на курсы русского языка к моим слушателям — министру общественных работ Мухаммеду Назару или президенту трафика (ГАИ) Али Ахмадьяру, их служащие приносили поднос, на котором были чай, сахар и печенье. Али Ахмадьяр любил шутить и каждый раз на хорошем русском языке говорил: “Чай не пьешь, какая сила?”

Хлеб для афганцев — это лепешки. Лепешки в горячем виде очень ароматны и вкусны. Они сравнительно долго хранятся, не плесневеют, не крошатся. Лепешки пекут в маленьких закопченных пекарнях на глазах у покупателей.

В Кабуле немало высоких красивых зданий и маленьких глинобитных домиков, громоздящихся один над другим по склонам гор. В одном из таких домиков я позднее побывала, там жил водитель нашего микроавтобуса со своей семьей. Небольшой домик с глиняным полом, летом там жарко, а зимой холодно. Около таких домиков не встретишь ни кустов, ни цветов. Летом на солнцепеке там нестерпимая жара, а зимой эти жилища продуваются всеми ветрами, их заносит снегом, заливают дождем. Зато есть дувалы — глинобитные стены, отделяющие одно “владение” от другого. Они в целом составляют такой запутанный, немис-

лимый лабиринт, что, говорят, можно зайти в город с одной стороны и выйти незамеченным с другой.

Меня, человека, выросшего на берегу реки Вятка, поражало отсутствие воды. В эти районы воду носят особые люди. Свыше тринадцати тысяч “сакао” (водоносов-продавцов воды) заняты только этим. Внизу на главной магистрали то и дело можно видеть усталых, согнувшихся хазарейцев (потомков монголов), которые набирают воду из водопровода. Лежащие на каменной подставке коричневые лоснящиеся бурдюки-мешки из бараньей или телячьей шкуры постепенно толстеют, заполняются водой, становятся словно живые — шевелятся, реагируют на каждое движение, а по форме напоминают откормленного барана без головы, с короткими ножками. Наполнив бурдюк, водонос с трудом взваливает его на спорбленную спину, левой рукой сжимает толстую короткую ножку, закрывая отверстие, и медленно начинает подъем в гору к жилищам бедняков. Каждый бурдюк водонос продает за десять афгани, пока поднимается до половины горы, а выше — за пятнадцать-двадцать афгани. Это очень немного, хватит лишь на то, чтобы купить три-четыре лепешки хлеба.

Мой первый рабочий день.

Автобус остановился около здания, очень похожего на сарай. Оказалось, что это школа, в которой работали советские учителя. Бедность классов, непригодных для занятий, очень поразила меня, так как я в Союзе нигде не видела таких убогих, нищих школ, хотя приходилось работать и в сельских, и в городских школах. Пол на первом этаже тоже был глиняный, в классах стояли старые столы и скамейки. На стене — маленькая коричневая доска. Дети были одеты по-разному, кто-то лучше, кто-то хуже, но у всех девочек на голове были белые шарфики. Глядя на эту нищету и убожество, мне хотелось сделать что-нибудь, чтобы помочь этим людям, чтобы все дети могли учиться в больших светлых оборудованных классах, чтобы у них были красивые учебники. Учебный год в Афганистане начинается в марте и заканчивается глубокой осенью. Зимой бывают каникулы, потому что в школах нет отопления и в зимние месяцы очень холодно. Урок длится пятьдесят минут. Перемена одна после трех уроков на пятнадцать-двадцать минут. Затем еще два-три урока. Сигнал об окончании урока подает нафар (прислужник), который подметает коридоры. Часы у него не всегда есть — “звонит” по своему усмотрению. Показалось, что время урока истекло, подходит к установленной в коридоре “системе сигнализации” — привязанному веревкой железному кругу — и металлической палкой ударяет по нему. Не успеет закончить урок в одном классе, а он уже “бим-бим”, надо бежать в другой».

Здесь я прерву маму. Калькуляционного времени, чувства, что время — деньги, в Афганистане не было. Ощущение у матери, что страна «зависла в вечности» и для восстановления связи с вечностью время надо остановить. И в то же время, чтобы жить во времени, его нельзя останавливать. Для России, нажившей довольно чужое чувство калькуляционного времени, никак нельзя его потерять, иначе не вылезти из трясины нашей отечественной экономики. Мама, как представитель более развитой страны, чувствует отсталость Афганистана, не умея еще определить ее причины, и связывает его развитие с необходимостью заимствовать советский опыт.

«Итак, я преподавала русский язык в старших классах, большое внимание уделялось страноведению, мы старались рассказать о Советском Союзе, особенно о республиках Средней Азии. На наглядных примерах показывала, что это

были тоже отсталые, безграмотные республики и какими они стали за годы советской власти. Особенно детей поражали фотографии и плакаты о Ташкенте. Их восхищали красивые улицы и дома. На уроках русского языка мы разучивали русские стихи и песни, проводили конкурсы, посвященные городам, викторины, посвященные столице СССР Москве. У многих школьников была мечта посетить эти города. Старались приносить на занятия различные газеты и журналы. Большую помощь оказывал Дом советской науки и культуры, который был построен в Кабуле советскими специалистами. Это было огромное светлое здание с большим концертным залом, библиотекой. В ДСНК работали курсы русского языка, показывались русские фильмы. Мы организовывали коллективные выходы на просмотр русских фильмов с дальнейшим обсуждением.

В школе я работала всего несколько месяцев, так как с наступлением холодов занятия отменялись, школа не отапливалась. Учителя, которые работали в школе, уезжали в отпуск в Союз. Позднее я стала работать в Кабульской педагогической академии, которая готовила педкадры для школ. Нашими слушателями были выпускники Кабульского университета, которые знали физику, химию, математику, но не владели методикой преподавания этих предметов. Наша задача была — дать знания по методике преподавания. Каждый советский специалист работал с афганским партнером, мы вместе ходили с ним на занятия, составляли учебные планы, проводили различные мероприятия. Моим партнером был Саид Абасс, который закончил факультет русского языка для иностранцев в одном из советских вузов. С ним мы составили и издали несколько учебных пособий, таких как пособие по работе с газетой, по развитию навыков устной речи, по работе со специальными тестами и ряд других. Он делал пояснения на языке дари — вариант персидского языка (в стране два официальных языка — дари и пушту). Я сама письменного языка не знала, но на бытовом уровне я могла общаться со студентами, им было очень приятно, когда я могла переводить некоторые русские слова на их язык и даже пела с ними песни».

Общаясь с афганцами, мама видит в них партнеров, единомышленников. Ей кажется, что человек, который говорит по-русски, поет русские песни, и мыслить должен по-русски. Увы.

Модернизация афганского общества, к чему стремилась, не определяя это так, моя мама, это — примерно то, что К. Маркс и Ф. Энгельс называли буржуазным развитием, выноса за скобки различия частнокапиталистических, государственно-капиталистических и социалистических форм. Подчеркивается общее: высвобождение науки из-под контроля религии, дифференциация социальной структуры и экономики, рост удельного веса промышленности. По наблюдениям мамы, афганское образование находится под контролем религии (ислама). Большинство детей учится не у светских учителей, а в медресе у мулл. И у нее на уроке во время намаза (молитвы) ученики падают на свои коврики, забывая всё, что она только что говорила. Может быть, наивная мама и искала причины срыва всех попыток модернизации по-советски афганского общества в особенностях религии — ислама, однако сформулировать это она не могла.

Это делает Г. Померанц: «Срыв модернизации в Иране наступил после замечательного подъема экономики [в Афгане эти усилия по модернизации экономики сводились на нет военными действиями, присутствием чужой армии — С. П.]. Причина срыва лежала, как известно, вне “базиса”. Мусульманское мировоззрение, в целом, было травмировано развитием. Мусульманский рабо-

чий и инженер вполне усваивали требования современного производства, но западная культура, врывавшаяся в жизнь вместе с западной экономикой и техникой, разрушала тождество иранца с самим собой. Народ почувствовал себя как подпольный человек Достоевского в хрустальном дворце — и дал ему пинка» (Померанц Г. Выход из транса. М.: Юрист, 1995. С. 275).

Так и в Афганистане: пионерские отряды, русские стихи — все это разрушало тождество с самим собой. Как этого не понимали «цивилизаторы», не понятно.

В Афганистане столкнулись два одинаковых отношения к истине: единой и непогрешимой советской и единой мусульманской.

Как мама подвижнически служила ей, так она и описывает. То, что ислам был жесткой, раз и навсегда установленной системой ценностей, она чувствовала, но относилась к пережитку, отсталости, которая может быть обменена на советскую веру. Первые звоночки неприятия со стороны афганцев начались еще за полгода до вторжения советских войск в Афганистан.

«Занятия по русскому языку были одной из форм информационной пропаганды. Устные темы и тексты для чтения подбирались таким образом, чтобы как можно больше познакомить с Советским Союзом. На уроках широко использовался раздаточный материал (открытки, альбомы, проспекты, картины, советские журналы), регулярно проводились политинформации. На занятиях со слушателями проводились беседы о том, что дала Октябрьская революция нашей стране и что даст Саурская революция в Афганистане. На наглядных примерах из учебников, газет, журналов, кинофильмов мы показывали преимущества социалистической системы, как постепенно из бедных, бесправных, угнетенных людей вырастают образованные люди, хозяева своей страны. Мне казалось, что эта информация, эти примеры вдохновляют наших слушателей.

Афганцы очень почитательно, с большой любовью относились к лидеру Саурской революции Тараки. У каждого студента в тетради или в учебнике был портрет Тараки. Если вдруг кто-то нечаянно ронял этот портрет, то, подняв, начинал целовать. И когда в сентябре 1979 года Тараки был убит, для афганцев это было большое потрясение, горе и растерянность».

БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ РУССКИХ ВЫСТЛАНА ДОРОГА В АФГАНСКИЙ АД

Сейчас мама будет рассказывать, как все произошло в декабре 1979 года в Кабуле. Любопытно, что начнет она с официальной версии, даваемой в газетах. И свои живые наблюдения для нее становились верными только в том случае, если совпадали с официальными. Например, о Тараки: если советская печать говорила о нем как о жертве жестокого Х. Амина и мама видела, что его портреты были в тетрадках учеников, то, значит, это хороший политик. А то, что он пришел к власти, как и Х. Амин, тоже в результате переворота и не бескровного, что этот амбициозный политик сконцентрировал в своих руках всю государственную власть, короче, то, что и он был порождением своего общества, маме трудно было представить: всё мерилось на свой советский цивилизаторский аршин.

Декабрьская стрельба напугала маму, но что переход власти произошел через кровавый переворот, притом с участием отряда «Альфа», тайно присланного из другой страны, не смутило советского человека. Х. Амин — жестокий диктатор, Б. Кармаль, бывший посол Афганистана в ЧССР, — хороший, потому что наш правитель.

«Весь срок моего пребывания в Афганистане можно поделить на два периода. Это период до ввода “ограниченного контингента” и после ввода “ограниченного контингента”.

Нам, рядовым преподавателям, ничего не было известно о грядущих переменах. Помню, накануне этих событий постоянно летали самолеты и садились в Баграме, недалеко от Кабула, где был военный аэродром. Все события происходили с четверга на пятницу, то есть 6 джада, или 27 декабря, так как пятница — мусульманское воскресенье и считается, что сам Аллах помогает им во всех делах.

Итак, это был четверг (6 джада по афганскому календарю), примерно около шести-семи вечера. Я была совершенно одна в большой квартире, так как преподаватели улетели в Союз, в отпуск. Вдруг раздались взрывы, выстрелы. Я была в полной растерянности, я попыталась выйти из подъезда, чтобы перейти в соседний подъезд к русским специалистам, но дежуривший афганский солдат не выпустил меня. Я была в полном неведении о том, что творится в городе, почему слышны взрывы и выстрелы. Мне было страшно. Мне казалось, что это война, которую я видела только в кино. Незнание того, кто с кем воюет, только усиливало мой страх и растерянность. Но, не забывая о том, что я — представитель великой страны героев, член Коммунистической партии, представляя себе, как в этой ситуации повели бы себя Зоя Космодемьянская и Ульяна Громова, я приводила свои чувства в порядок.

Вдруг среди ночи я услышала скрежет на балконе (я жила на первом этаже). Кто-то двигал стоящую там металлическую кровать. Я мысленно попрощалась со своими родными и близкими. В руках у меня был молоток, я думала, что кого-нибудь да стукну этим молотком, а кого бить, сама не знала (кстати, этот молоток до сих пор хранится у меня дома).

На балконе было тихо. Я подползла к окну и увидела, что один из охранявших подъезд солдат спрятался у меня на балконе. Так мы и просидели до рассвета — я у себя в комнате, а он на балконе. Рано утром пришли другие афганские солдаты, построили охранников нашего дома, разоружили их и куда-то увели. Я все еще не знала, что произошло. Через несколько часов пришел А. Сиротенко — советник Министерства просвещения ДРА (в Союзе он работал в Министерстве просвещения Украины). Было странно видеть этого сугубо гражданского человека с автоматом через плечо.

Он в нескольких словах объяснил мне ситуацию, и, в целях безопасности, я переехала временно жить в другой дом, где жили советские специалисты, преподаватели. В микрорайоне, где мы жили, появились советские бронетранспортеры. Мы выносили этим молодым ребятам что-нибудь поесть и покурить.

Жизнь изменилась, был введен комендантский час, с 10 вечера до 4 утра было запрещено выходить из дома. Была ограничена свобода передвижения и в дневное время, в городе появились советские патрули, в основном узбеки, туркмены. Отношение афганских преподавателей к вводу наших войск было очень разное: некоторые были рады, потому что с приходом Бабрака Кармала к власти многие из их родственников были выпущены из тюрьмы. Другие хотя и пытались сдерживать свое недовольство, но было заметно, что это было им не по душе. Первое время высказываний в адрес “ограниченного контингента” было мало. Но когда начались боевые действия, некоторые преподаватели открыто выражали свое враждебное отношение к советской оккупации».

Только один человек в СССР, А. Д. Сахаров, открыто выступил с протестом против ввода войск. Действия Сахарова спасали честь и престиж нашей Родины. Ввод войск — это дело не страны, а всего лишь правительства, не спросившего свой народ, — вот что значил протест Сахарова. А. Галич пел: «Граждане, отечество в опасности — наши танки на чужой земле». Но лишь меньшая часть советского общества присоединила свои голоса к голосу Сахарова и хотела слушать А. Галича. Большая часть писала письма с осуждением позиции А. Д. Сахарова. В Кабуле, среди советских специалистов, трудно себе представить людей сахаровской ориентации, и ходили они на концерты Кобзона, а не Галича. И полилась кровь наших солдат и кровь многочисленных племен, населяющих Афганистан.

Участники Афганской войны, кто они — жертвы или герои? Это очень мучительная «неопределенная идентификация». С этим явлением связаны и мутная история с Котляковским кладбищем, и неопределенный статус Совета ветеранов афганской войны.

Личное человеческое изживание неудачного опыта не получается из-за незрелости личности. Большинство хватаются за идеологию или какую-нибудь догму только из-за того, что они недостаточно развиты как личности. И, потеряв перила, потеряв спасательный круг, они тонут.

«Со временем очень изменилось отношение простых афганцев к “шурави” (то есть к русским). В начале командировки я чувствовала почтительное и уважительное отношение не только со стороны своих учеников, но и всех, с кем мне приходилось встречаться на улице, в дуكانах (магазинах), со стороны соседей афганцев. До ввода наших войск советские специалисты для афганцев были людьми, которые строили им дома, больницы, учебные заведения. Ко всем советским специалистам они обращались “инженер-саиб”. “Саиб” — значит господин.

Но чем больше обострялась обстановка, тем отчетливее чувствовалось открытое враждебное отношение некоторых афганцев к советским специалистам и всему, что связано с СССР. Помню, как-то мы с одной из моих коллег покупали что-то в дуكانе. Вдруг из подсобного помещения вышел сын “дукандора” (владельца этого магазина), мальчик лет восьми-девяти, в руках у него был портрет Ленина, на который он начал плевать, и на ломаном русском языке говорил: “Ленин — плохо”. Наше возмущение этим поступком трудно передать. Мы пытались объяснить ему, что значит имя Ленина для советских людей. Я лично до сих пор считаю, что только советская власть дала возможность мне и моим пяти сестрам получить высшее образование и стать тем, кем мы хотели.

Афганцы очень противоречивый народ. Прежде всего, это гордые свободолюбивые люди. При этом чинопочитание у них возведено в абсолют. С каким подострастием наши афганские преподаватели обращались к директору нашего учебного заведения!

С одной стороны, это добрые отзывчивые люди. С каким радушием и теплотой поздравляли нас наши студенты с праздниками, дарили цветы и открытки. Помню, как-то я приболела и несколько дней не была на работе, так ко мне приехала целая делегация моих учеников, привезли несколько горшков с цветами и несколько лепешек хлеба. Я была очень тронута этим вниманием.

С другой стороны, думаю, почему наши же студенты и коллеги-афганцы ничего “не знали” о готовящемся взрыве в нашем учебном заведении? Самодельное взрывное устройство было заложено недалеко от преподавательской

и сработало, когда преподаватели шли на занятие. Почему-то афганские преподаватели вышли из преподавательской раньше и пострадали только советские преподаватели».

Нет ничего удивительного в том, что отношение афганцев к «шурави» стало хуже. Но вот как выглядит земельная реформа глазами мамы.

«На новом этапе Апрельской революции, когда к руководству пришли новые силы НДПА во главе с Б. Кармалем, пришлось устранять допущенные Х. Амином извращения в аграрной политике и внести ряд дополнений и изменений в Законе “О земле”, а также принять специальный Указ “О воде”.

Народные власти одновременно с выделением земли и воды предусматривали меры экономического характера. В том или ином уезде, где проводилась реформа, строились склады для хранения минеральных удобрений, открывались магазины, где можно было купить семена, сельскохозяйственный инвентарь и т. д. Но, тем не менее, земельная реформа проходила в очень трудных условиях: душманы сжигали урожай, убивали скот, угоняли людей в горы или убивали их.

Мы на своих занятиях старались разъяснить политику НДПА в отношении земельной реформы, приводили цифры и факты безвозмездной помощи СССР. Показывали иллюстрации, изображающие великую реку Аму-Дарью, где на левом берегу с афганской стороны — сплошные пески, пустыня, бедность, а на правом берегу — советский Узбекистан — всё зеленеет, цветет, благоухает. Всё чисто и красиво. Совсем другой мир.

Но это было на уроке. В реальности их близких и родных убивали за то, что они брали землю, поля сжигались, скот убивали или угоняли. Страх и вековое повиновение брали свое».

Свалить все на отсталость, не вникнув в особенности мусульманских стран, было проще. А тут «шурави» несут представления совсем иные — светские: земля государственная, школы светские, вода общая, удобрения и семена — из магазина. Для многих мусульман найти себя в такой обстановке трудно. Им нужны чин, обычай, идентификация с верой, племенем. И перемены в этой стране — дело времени и самих афганцев. Приход 40-й армии в Афганистан помог созданию у всего афганского населения образа врага.

«В странах незапада, вступивших на путь развития, если инициатива заменяется подтягиванием отставших до уровня передовых, как показывает русский опыт, это всегда заканчивается провалом», — пишет Г. Померанц в уже цитированной книге (с. 277). Похоже, подтягивание в мире выветривается. У русских вместе с расставанием с социалистической утопией произошло и расставание с утопией подтягивания.

Но вот десятилетняя война глазами моей мамы.

«Впервые я почувствовала, что мы находимся на настоящей войне, когда мы приехали в госпиталь. Группа наших преподавателей ездила с шефской помощью в наш военный госпиталь, находившийся в центре Кабула. Условия в том госпитале были далеки от идеальных. Но поразило не это, а большое количество молодых ребят с глазами, полными тоски и боли. Я до сих пор не могу без слез вспоминать этих забинтованных, неподвижно лежавших мальчиков, которым надо бы бегать, прыгать, радоваться жизни, петь, смеяться, а они лежат вот тут неподвижно, некоторые даже не на кровати, а на носилках прямо на полу. У меня возникал вопрос: “Почему они здесь?” Наверное, можно было поступить как-то иначе, добиваться своих целей не такой ценой.

Мы привозили этим детям фрукты, сигареты, на всё это они смотрели равнодушно и отстраненно. Некоторые просили просто посидеть около их постели, просили почитать письмо из дома или отправить письмо домой.

Домой из госпиталя возвращались очень подавленными.

Как был устроен быт в армии? Случилось, что я была в Баграме, в нескольких километрах от Кабула. Там меня пригласили в палатку, где жили медсестры. Палатка на несколько человек, посередине стоит металлическая печка (это было зимой). Все удобства, включая туалет (ведро), в одном месте. И так в холодную зиму и в жаркое афганское лето, когда дождя не выпадает несколько месяцев, а противный ветер «афганец» забивает пылью и песком все щелочки. Вода в ограниченном количестве. Трудно представить себе, как женщины все это выносили. А вдобавок еще и ночные обстрелы.

В Кабульском гарнизоне солдаты жили в «модулях» — деревянных бараках, где условия тоже оставляли желать лучшего, но всё же это не палатки. Здесь были места для умывания, кухня — несколько плит на сто человек, туалет находился на поле, которое постоянно обстреливалось. Моя землячка, Аля Дрягина, жила в одном из таких модулей. С каким наслаждением она купалась у нас в ванной и спала на нормальной постели, не слыша свиста пуль и взрывов».

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ АФГАНСКИЙ СИНДРОМ?

Мама выехала из Афганистана в 1984 году, чтобы осенью этого года родить меня. В Афганистане остался отец — Н. Предко: у него не закончился контракт. Одна из причин его ухода из жизни в 1989 году — это афганская жизнь.

А что же наше общество? Как оно пережило «афганский синдром»? «Вьетнамский синдром» был пережит США как общая болезнь. Лечили его и искусством, и совместными усилиями общества и государства, вылечили и изжили. Наш «афганский синдром» мы, скорее всего, не изжили, если впали в новый — чеченский.

«...И лишь памяти тонкая нить
нас уводит в туманное прошлое,
где случайно нам выпало жить...»
(Быт солдат
Афганской войны 1979–1989 гг.
по воспоминаниям ее участников)

Руслан Павлов
г. Челябинск
научный руководитель М. С. Салмина

15 февраля 1989 года генерал Б. Громов последним покинул Афганистан. «За его спиной не осталось ни одного советского солдата», — писала «Комсомольская правда». Так официально закончилась война. За 10 лет войны СССР потерял в Афганистане 13 833 человека, а афганский народ — 1,24 млн человек, что составляет 9% всего населения страны. Во имя чего были принесены эти жертвы?

Свою работу мы решили назвать: «...И лишь памяти тонкая нить нас уводит в туманное прошлое, где случайно нам выпало жить...» Объясним, почему. Нам кажется, что строка «где случайно нам выпало жить...» из стихотворения ленинградца Антона Балакина, погибшего под Кабулом в августе 1988 года, наиболее точно характеризует наш подход. Мы не ставим задачи критиковать власть, бросившую солдат туда, и не хотим идеализировать их интернациональный долг. Мы хотим рассказать о парнях, которым просто «выпало жить» в то время. Чем стала для них война, какими они из нее вышли — это главные вопросы, в которых мы пытались разобраться. Но, понимая, что это сложная задача, мы решили подобрать инструмент для ее решения: найти ответ на эти вопросы через изучение солдатского быта.

ЮЖНОУРАЛЬЦЫ В СТАТИСТИКЕ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Итак, возьмем за исходные данные о том, что всего на территорию Афганистана за все годы войны было введено 525 000 военнослужащих (существуют и другие данные в СМИ: от 130 000 до 546 255 чел.). 7061 из них были жителями Челябинской области, что составляет около 1,35%, то есть примерно каждый 92-ой был южноуральцем. Интересно отметить, что на сегодняшний день в Челябинской области проживает 11 628 участников международных вооруженных конфликтов за пределами страны. Получается, что из них более половины — участники Афганской войны.

Из 7061 южноуральских военнослужащих погибло, согласно опубликованному списку погибших, 152 человека и 2 пропали без вести. Это на удивление малое число (около 2,18%), то есть примерно каждый 50-й. Опубликованы также данные о том, что 112 человек были ранены, 97 вернулись с войны инвалидами.

Исходя из количества призывников, направляемых на службу в ДРА, расщедоточность южноуральцев по военным частям должна была быть большой, но военнотружущий Ю. в своем письме однокласснице пишет: «Земляков здесь достаточнот... есть парни с Челябинска, Копейска, Магнитки...» То есть концентрация южноуральцев в разных районах была разной. Соответственно и смертность в разных частях была различной.

Самая большая смертность среди южноуральцев за всю войну была в частях 35919 (13 человек) и 44585 (11 человек). Это, в первую очередь, зависело от места их дислокации. Пик смертности, как по всему контингенту, так и среди южноуральцев пришелся на 1982–1985 годы. Думаем, что большая смертность в эти годы связана с самыми крупными боевыми операциями 40-й армии. Именно тогда происходили самые кровопролитные штурмы Панджшерского ущелья. Так что в принципе тенденции увеличения смертности среди южноуральцев и воинов из других регионов совпадают. Причем одинаковой является и взаимосвязь между потерями рядового и офицерского составов: чем больше погибает офицеров, тем больше погибает и рядовых.

Детальнее проанализируем данные по погибшим южноуральцам. Большинство из них погибло в части 35919. Их всех южноуральцев, по нашим подсчетам, погибли в боях 115 человек, а от ран умерло 37 человек. Анализируя состав, следует отметить, что 134 южноуральца числились в рядовом составе и лишь 18 были офицерами. В самые кровавые годы погибло 6 офицеров и 48 рядовых. Возможно, это говорит о том, что квалификация офицерского состава повысилась, а выполнение боевых заданий лежало, прежде всего, на рядовых, причем, зачастую, на необстрелянных новичках. Подтверждение находим в опубликованных воспоминаниях Д. Чепурного: «Самое яркое впечатление — наш первый бой 21–22 апреля 1985 года в окрестностях Джелалабада, в ущелье, в котором мы, еще необстрелянные юнцы, попали в душманскую западню, — в ущелье нас окружили, и в течение дня просто методически расстреливали. В этом первом бою мы потеряли одними убитыми 32 человека».

Таким образом, возраст сыграл не последнюю роль, так как в бой, в кровавую мясорубку, отправляли молодых необученных солдат, против душманов и моджахедов, которые всю жизнь прожили в подобных условиях и опыта у них было неоспоримо больше.

Вообще, отношение к личному составу во время войны было иногда просто недопустимое. Военнотружущий Ю. писал однокласснице: «В госпитале ничего не сказали, как добираться до Кабула. Вышел я из ворот, посмотрел по сторонам и попер, куда глаза глядят. Не знаю, сколько бы я ходил, пока не нарвался на патруль. Меня транспортировали на пересыльный пункт, где я оказался часов в 10 вечера. Есть охота, думал, тут накормят. Проставили они штампы в документах и проводили меня на территорию пересыльного пункта... Проснулся в 12 часов, разработал план борьбы за существование. Только вечером перед сном и завтракал, и обедал, всё за один раз». И при этом писать домой ничего было нельзя — цензура! Цитируемое письмо было отправлено однокласснице «с оказией», то есть минуя цензуру.

Согласно официальной статистике, из 13 833 погибших в войне человек 1979 были офицерами, а 11 854 — рядовыми. Из общего количества погибших офицеров только лишь 18 были южноуральцами, то есть около 0,9 %.

Конечно же, потери офицеров по сравнению с потерями рядового состава очень малы, данные, как по Южному Уралу, так и по СССР совпадают. И в целом потери южноуральцев малы. Если сравнить потери призывников с Южного Урала с общими потерями по СССР (154 и 13 833 чел.), то мы увидим, что южноуральцы составляли 1,11% от всех потерь СССР в этой войне.

Но, несмотря на этот небольшой процент погибших, нельзя забывать, что за цифрами скрыты люди, хотевшие жить. Дома у них остались родители, любимые девушки, у некоторых — свои семьи... Задумываемся над вопросом, во имя чего наш край лишился 154-х парней, и не можем найти ответа.

Призывники и офицеры, жители Челябинской области, имеют значительное количество наград за участие в боевых действиях. Хотя в ходе интервьюирования выяснилось, что многие воины-афганцы отказываются носить ордена и медали, считая войну несправедливой.

В ходе проведения исследования мы не могли не затронуть и вопрос о том, как сейчас живет ветеранам той войны? Какие проблемы у них существуют?

Интересную информацию дают и списки военнослужащих, ставших инвалидами вследствие военной травмы, предоставленные Тракторозаводским Центром социальной помощи. На 16 февраля 2000 года таковых лиц в районе насчитывался 21 человек, все в основном 60-х годов рождения. Три человека являются инвалидами 2-й группы, все остальные (18) — инвалиды 3-й группы. Анализируя анкеты районного отделения РСВА, мы увидели, что многие ветераны имеют проблемы со здоровьем. Мы согласны с мнением, что война обошлась нам очень дорого. Практически нет ни одного человека, который бы вернулся из Афганистана невредимым. Все воины, без исключения, получили психическую травму.

Вообще, государство еще в ходе войны определило ряд льгот ее участникам и семьям погибших. В 1988 году были определены льготы по выплате пенсий и пособий, льготы при медицинском обслуживании, скидки при пользовании транспортом, беспроцентные ссуды, дополнительные отпуска, право на внеконкурсное поступление в высшие и средние специальные заведения, а также на первоочередное обеспечение жилой площадью. Но в реальности, по официальным данным, на сегодняшний день в Челябинске в очереди на получение квартиры стоит 497 семей бывших воинов.

Оказалось, что у ветеранов Афганистана существуют также и проблемы с трудоустройством. Об этом говорят анкетные данные ветеранов Тракторозаводского района. Более 10 человек указали, что нуждаются в работе, некоторые написали, что хотели бы поменять место работы. К сожалению, многие люди, прошедшие горнило Афганистана, не могут найти применение своим силам в обществе. Об этом нам много говорили в районном отделении РСВА его председатель Р. Ф. Камалов и члены этого общества, назвав явление уже не раз нами слышанным понятием «афганский синдром».

В периодической печати, выходявшей в первые годы после войны, находим такую точку зрения: «Прошедшие Афганистан разошлись в основном в четыре стороны. Одна колонна ушла в небо, другая заполнила госпитали, уселась в инвалидные коляски, взяла в руки приклады костылей, протянула руки за подающим в переходах метро и понуро расположилась в благотворительных комитетах. Третья колонна ушла в спецназ, ОМОН, рэкет и другие аналоги этих образований, а четвертая — ушла в страну тюрем и колоний. Немногие избежали этих ипостасей судьбы» (Экштейн А. Солдаты после войны // Огонёк. 1991. № 41).

Да, статистика сурова. Мы не раз встречали цифры о бывших «афганцах», ставших заключенными. Например, известно, что в Ярославской области уже в 1991 году 20 бывших воинов-«афганцев» находились в тюрьмах за тяжелые преступления («Я хотел быть попом»: исповедь бывшего воина-«афганца», осуждённого на десять лет лишения свободы в ИТУ усиленного режима // Смена. 1991. № 3). На одном из сайтов интернета в июле 2004 года нам попалась заметка о том, что в Нижне-Тагильской тюрьме, где отбывают наказание осужденные представители силовых структур, было создано общество «афганцев». Но, созваниваясь с «афганцами» нашего района, встречаясь с некоторыми из них, у нас сложилось о них положительное мнение. Многие из них активно участвуют в хозяйственной и политической жизни нашей области. Вот то, что они люди закрытые, и очень неохотно идут на контакт — с этим мы согласны. Но ведь и война была особая...

СОБИРАЯ ИНТЕРВЬЮ

Во время написания работы мы общались и с реальными участниками боевых действий в ДРА. Интервьюирование стало главным методом нашего исследования и самым интересным моментом в работе.

Первые звонки были особенно трудными. Страшно брать трубку, набирать телефонный номер, слушать утомительные гудки и ждать ответа.

К сожалению, большинство отказывалось дать нам интервью, кто-то в мягкой, кто-то в более жесткой, категоричной форме.

Некоторые соглашались дать интервью только при условии, что их имена не будут упомянуты в нашей работе. Мы предполагаем, что это происходило вследствие того, что они когда-то давали подписку о неразглашении информации. И верны ей по прошествии двадцати лет! Притом что мы от них не требовали никакой секретной или тайной информации. Мы всего лишь хотели изучить их быт. Но всё-таки некоторые респонденты открыто сообщали разные факты из своей прошлой военной жизни. Были и такие, кто говорил: «А что мне? Да всё расскажу!», но вдруг останавливали мою руку со словами, что этот эпизод не стоит записывать. По этим причинам мы приняли решение зашифровать имена всех наших респондентов под начальными буквами их фамилий.

Некоторые открывались сразу и с большим интересом вступали в беседу, другие — наоборот, были неразговорчивы, отвечали лишь на вопросы, с ними свободного общения не получилось.

Разные люди, с разными мнениями по поводу одних и тех же событий, у каждого из опрошенных была какая-то своя история, характеризующая его службу в ДРА. Мы опросили разных людей: лейтенант (респондент Г.), служивший в танковых частях войск ВДВ, респонденты З., Б., Р., К. (представители рядового состава) — пограничники. У каждого из них была своя специфика службы: респондент Р. служил на территории ДРА у границы с СССР, и в его задачи входили контроль дороги и задержание (остановка) караванов. В задачи пограничника З. входил захват плацдармов в горной местности, при углублении на территорию Афганистана до 70 км, а служащему Р. приходилось углубляться на 40 км вперед. Кстати случайно совпало так, что они служили в одной части. Пограничник Б. охранял южные границы Афганистана и находился в 50 км от афгано-пакистанской границы и тоже перекрывал путь караванам в составе своего под-

разделения. Так же среди опрашиваемых были трое респондентов — представителей ВДВ. Рядовой Ю. был механиком-водителем и служил в разных местах, сержант Ч. служил позже, практически в той же местности. В описании быта солдата ВДВ они в некоторых моментах сходятся, а в некоторых опровергают друг друга, но это, скорее всего, объясняется тем, что рядовой Ю. служил в начале войны (с 1981 по 1983 г.), а сержант Ч. уже во второй половине (с 1986 по 1988 г.). Так же в войсках ВДВ служил и ефрейтор С., в Герате, где находилась их постоянная база, он постоянно был в рейдах, скорее всего это происходило потому, что служил он в самом начале войны (с 1979 по 1980 г.).

И единственным среди опрошенных представителем танковых войск является лейтенант Г. Возможно, это связано с тем, что в Афганистан вводилось не так много бронетехники, так как в условиях горной местности она редко могла играть лидирующую роль, как это было на равнине. В горах, по признаниям специалистов и самих участников, эту роль выполняла авиатехника (самолеты и, в первую очередь, конечно же, вертолеты, или на сленге афганцев — «вертушки»).

Большинство респондентов служили в рядовом составе и получили лишь среднее специальное образование. Немногие из воинов-афганцев решили после службы окончить совпартшколу и получить звание лейтенанта запаса; не удалось им получить, за редким исключением, и высшего образования (хотя преимущественное право поступления в вузы за ними закреплялось). Места работы или службы опрошенных, круг их профессий разнообразен: Ю. работает водителем, возит начальника предприятия на легковой машине, Ч. — сам работает заместителем директора предприятия, З. — спасатель МЧС, Г. — работает в охранной структуре, Б. — слесарь-монтажник, а Р. — оператор, респондент К. вообще не указал, кем работает, назвав лишь место работы.

Получилось так, что перед нашими глазами, через воспоминания ее участников, возникали события афганской войны с 1979 по 1989 год. Среди респондентов мы видим четкое разделение на две части: пограничники и десантники. Половина респондентов имеет ранения и контузии. Все респонденты, за исключением К., женаты, имеют детей, в среднем по двое. Средний возраст опрашиваемых — 42 года. Орденами и медалями награждена половина опрошенных нами участников боевых действий.

Прежде всего, нам показалось важным узнать, что думают участники боевых действий об Афганской войне в целом. Например, на вопрос о том, нужно ли сегодня изучать события Афганской войны, пришло ли это время, респонденты отвечали по-разному, но в большинстве говорили, что, конечно же, нужно, что не стоит забывать о тех событиях, что это уже часть истории, а воины-«афганцы» — герои своего поколения. Высказывались и противоположные мнения: кто-то говорил, что уже «и так всё изучено», кто-то считал, что вспоминать войну очень больно и многие просто не хотят рассказывать о ней. Лишь один из респондентов затруднился ответить на этот вопрос.

Вообще, исходя из нашего опыта общения с «афганцами», мы поняли, что подавляющее большинство из них до сих пор не хотят вспоминать о войне.

Мы спрашивали: каким было отношение к войне на момент службы и каково оно сейчас, изменилось ли оно? Большинство респондентов ответили, что отношение не изменилось. Так или иначе, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени, но все считают, что ввод войск был необходимым, оправданным: «если бы не

мы, то вошли бы американцы». Подтверждение этому находим и в прессе. Председатель совета Челябинского регионального отделения Союза ветеранов боевых действий Валентин Артемьев высказывается: «Для меня ни тогда, ни теперь не вызывало сомнения, что мы оказываем дружественному афганскому народу интернациональную помощь в построении новой жизни». Только один человек ответил, что хотя это и было правильное решение, но желания служить не было, в силу молодости. Выделяются два человека, мнение которых изменилось (у одобряющих ввод войск мнение осталось прежним): респондент Р. утверждает, что «тогда это был долг», а сейчас считает, впрочем, как и респондент Ю., что войска можно было не вводить.

КАК ПОПАДАЛИ В «ОГРАНИЧЕННЫЙ КОНТИНГЕНТ»?

О ярких впечатлениях первого дня пребывания в ДРА каждый рассказывает по-своему.

Для Г., одним из ярких моментов первого дня стал случай, когда перед их танком выскочил афганский мальчишка и положил на дороге три камешка — над ними оказались мины. Так мальчишка предупредил наших солдат об опасности. Нам показалось, что этот эпизод залег в память респондента Г. надолго, как один из характеризующих афганцев с положительной стороны.

На Р. больше всего подействовала жара афганских пустынь и гор днем.

Первые впечатления от Афганистана связаны у Ю. с моментом приземления на аэродроме: «Когда мы снижались над Кабулом, поразил серый пыльный пейзаж. Перед приземлением по громкой связи прозвучало: “Под нами Кабул. Смерть духам. Дожить до дембеля”. В самолеты стали загружаться “дембеля”, выкрикивая разные пожелания прибывшим (и доброжелательные, и откровенно злые). Потрясал огромный слой серой пыли на всем вдоль дороги, похожей на цементную. После учебки удивил некоторый хаос в обмундировании... Перепад температур... Одежда абсолютно не соответствовала югу: солдаты были одеты в бушлаты, шапки, сапоги и т. п. В течение первых трех дней всех лихорадило — происходила акклиматизация, самой насущной потребностью была вода».

Об отношении сослуживцев к вводу войск респонденты особенно не распространялись. Но большинство говорит, что относились «как положено», «надо, так надо». Но из всего списка хотелось бы выделить респондентов Ю. и Р.

Респондент Ю. говорил, что относились по-разному, но права выбора у солдат не было. Кто-то презирал тех, кому, например, после больницы удавалось поменять службу, кто-то их понимал, выйти из кошмара войны — это было удачей. Респондент Р. говорит, что «на это времени не было просто. Коммунистическое время было — не вякнешь, да еще погранвойска к КГБ относились».

О моральной, физической и психологической подготовленности Г. сообщил нам: «Офицеры служили по два года, солдаты полгода проходили учебку, а потом — туда. Акклиматизация была где-то полтора месяца, то есть их в это время не выпускали на боевые. Больше всего солдат убивали в начале срока службы, когда он еще ничего не знает и не умеет, и в конце, когда у него уже все мысли о доме...»

Респондент Ю. свидетельствует, что подготовки порой не было никакой: военные операции проводили неумело и бестолково (не учитывались местные

условия). «Утечка информации была каждодневная: прослушивали спецсвязь, готовились к операциям в полной экипировке на открытой местности. Кокарды и пряжки начищали до блеска — это была отличная мишень для снайпера». Проблемой, по мнению Ю., являлась и идентификация солдат. Индивидуальные номера только начинали вводить, а хлорка на одежде, при помощи которой наносили номера, выгорала на солнце. Правда, следует отметить, что он служил в начальный период ведения боевых действий.

Респондент Р. полгода проходил учебку на Дальнем Востоке. Как его «учебный опыт» можно было использовать в климатических и природных условиях Афганистана?

Очень интересно рассказывает респондент Б.: «Физическая подготовка была очень плохая: между двойкой и тройкой. Моральная — на пятерку, подковывали нас отлично. Психологическая — по-разному: кто молодой (служил мало) — тем в радость, кто полгода-год служил — в диковинку, а для меня — шок. В части готовили молодого бойца, который год отслужил, в Афганистан. Но он на плацу упал и его в госпиталь отправили, а на меня его форму одели и вместо него отправили, а мне всего месяц до “дембеля” оставался. В Афганистане я три лишних месяца прослужил». Обида на советскую власть, военное командование до сих пор чувствуется у Б. Нам показалось, что он считает лично свою службу в ДРА предательством со стороны военного начальства, хотя и говорит об этом осторожно.

Ч. описал распространенную ситуацию: «Бывало, что падали: “не могу идти, стреляйте”, писали расписку, что в смерти никого не винить, но мы брали винтовку, рюкзак, его самого на спину и тащили. Но потом его на “боевые” не брали и не уважали. У меня даже мысли не было оставаться: во-первых, потом не догонишь, а во-вторых, в плен не очень хочется, так что ставил себе цель, например, пройти сто шагов — проходил, садился отдыхать, потом еще сто и т. д. А на высоте по десять шагов шли потому, что воздух разрежен, и дышать трудно». То есть к такой ситуации людей нужно было готовить.

Г. говорит, что у его солдат подготовка была хорошая, в отличие от разведроты, где как-то раз за сутки по собственной глупости погиб один человек и двоим оторвало минами по ноге.

СОВЕТСКИЕ И МЕСТНЫЕ

Нам также интересно было узнать о взаимодействии с афганскими национальными войсками. Не взаимодействовали с национальными войсками лишь подразделения, в которых служили респонденты Р. и Ч. (один служил в погранвойсках, другой — в ВДВ). Большинство же не только контактировало на бытовом уровне, но и взаимодействовало на военном уровне. Например, З. говорит, что с афганскими подразделениями «плотно сотрудничали», он связывает это с необходимостью передачи им военного опыта. Тут же он утверждает, что «их боевой и моральный дух был очень низок».

Нам кажется, что это в первую очередь связано с гражданской войной, ведь им приходилось воевать против своих «братьев» за «шурави». Как далее продолжает З.: «При стрельбе афганцы часто сбегали. Зачастую во время боя их ставили впереди нас, на передний фланг, чтоб не сбегали. Известны случаи, когда во время захвата населенного пункта, противник их пропускать, они

скрывались, а по нам открывался огонь». Это подтверждает то, что душманы и национальные войска шли на уступки друг другу, а иногда даже откровенно сотрудничали. Но подобную ситуацию респондент С. объясняет тем, что их (афганцев) душманы иногда запугивали: «Вот и уходили. А так хорошие нормальные ребята».

Респонденты Б. и Ю. сообщили, что взаимодействовали только с местной полицией царандой и полицейскими — «сарбосами».

Один из интересных моментов описывает Б.: «с офицерами общались, менялись... каждый день приходили, а до кишлака 15 км». Немного странно, не правда ли? Тем более что Б. служил в пограничных войсках на афгано-пакистанской границе, откуда и выходили на территорию Афганистана специально обученные бандформирования душманов. Б. продолжает: «бывало менялись на неучтенное оружие: патроны, гранаты».

Но перейдем к респонденту Ю. Он говорит, что «доверия к ним не было абсолютно никакого, кроме царанды, представители которого, как правило, учились в Москве, Киеве, Одессе и других городах, хорошо знали русский язык». А ведь ему, как и респонденту Г., пришлось послужить в Кабуле, но как различаются их характеристики национальных военных формирований... А Г. говорит, что отношения были очень хорошие. Почему такие противоречивые точки зрения? Возможно, что Г. слишком идеализирует службу, а Ю. слишком критикует. А возможно, это объясняется тем, что Г. — офицер и, может быть, он не замечал подобных случаев, в отличие от Ю., который был в рядовом составе и являлся непременным участником подобных объединенных операций.

Так же одним из важнейших моментов являлись взаимоотношения с местным населением. Оценка у респондентов была разная. Р. утверждает: «Все воевали против нас. Днем он с мотыгой в саду копается, а ночью с автоматом», но при ответе на конкретный вопрос об отношении местных жителей к советским солдатам говорит: «Нормально. Хорошо относились, когда войска выводили, они нас выходили провозжать».

Но нам кажется, что здесь он говорит уже о показном отношении, то есть о ситуации «днем», когда он «с мотыгой», а ведь это могла быть лишь маска. Подобного мнения придерживается и респондент Ч.: «Днем хорошо относились, а ночью он может в нас и стрелять».

Особо из группы скептиков нам хочется выделить Ю., который старался проникнуть в суть взаимоотношений и понять, почему местные жители относились к ним по-разному: «В Матерлане, когда вертолеты встали, то у местных занимали горячее. Негативно относились там, где разворачивались боевые действия, и где “хорошо прошли” наши войска — мародерствовали... Были нередки случаи “мародерства поневоле”, когда оправлялись на задания на два дня, а “зависали” на две недели, поэтому приходилось такими способами добывать пропитание. Местное население жаловалось на солдат, на командование, которое позволяло технику перебрасывать по сельскохозяйственным угодьям. Когда мародерство приняло угрожающие размеры, командование начало борьбу с ним. Можно было попасть под трибунал, в дисбат».

Таким образом, отрицательное отношение местных жителей порождалось, в первую очередь, отношением к ним. Это не противостояние идеологий или борьба с интервенцией, всё, как нам кажется, банальнее и будничнее.

Приведем рассказ Г.: «Офицерам платили мало, поэтому бывало, воровали и продавали местным. Однажды офицер нагрузил “уазик” всякой всячиной, но напоролся на патруль, на одного солдата, другие куда-то отлучились. Кстати, патруль набирается так: офицер, водитель, четыре солдата. Солдат ему — стоять, предъявите пропуск! А офицер ему — да пошел ты на три буквы. Он только поехал, а солдат выстрелил. Того в цинк и домой с позором, а солдата на гауптвахту, но вроде бы потом отпустили».

Только респондент З. считает, что население всегда относилось к ним негативно: «Когда отвоевывали территории, необходимо было их обустроить: строить казармы, укрепляться. То есть мы захватывали чьи-то земли. Хотя многие использовали наше присутствие. Например, активно доносили на земляков, для того чтобы землю их захватить, отомстить и т. п.».

Мнения отвечающих на вопросы разделились, и, наверное, здесь присутствует субъективная оценка. В конце концов, возможно, что среди десятков эпизодов встреч с местным населением, солдату запомнился лишь один, но негативный эпизод. А на основании этого он утверждает, что взаимоотношения были плохими. Говорить о том, что относились хорошо или плохо, в этом случае нельзя, так как весомые аргументы есть и с той и с другой стороны, и мы не решились принять какую-нибудь сторону.

НАЧАЛЬНИКИ И ПОДЧИНЕННЫЕ

Взаимоотношения солдата и офицера — один из важнейших вопросов военной службы. От этого часто зависит и успех отдельных операций, и настроение в части. Поэтому мы задали вопрос: отличались ли отношения между солдатами и командирами в ДРА от отношений в Союзе? Здесь мнения опрошиваемых разделились практически поровну. Часть респондентов считает, что отношения остались теми же. К таким людям относится С., он отмечает, что «офицеры себя выше солдата ставили. Мы их недолюбливали. Зависело от того, какой человек». Здесь он имеет в виду, безусловно, не звания, а чисто человеческие, бытовые отношения, наверное, даже можно употребить слово «внеуставные».

З. сообщает, что в пограничных войсках, что в Союзе, что в Афгане, были порядок и дисциплина. Также он отмечает, что очень благодарен войскам КГБ, их четкости и слаженности. Он благодарен своим командирам, за то, что остался в живых (а ведь это самое главное!!!). Особо отметил майора Ушкалова, которого все подчиненные звали между собой исключительно «батей». Свою главную задачу он видел в том, чтобы научить бойцов выживать при любой ситуации. Отношения, которые сложились в его подразделении между офицерами и солдатами, как нам представилось, были очень близкими, доверительными. И это уже третье мнение о взаимоотношениях солдат и офицеров. Нам кажется, что теперь стоит сделать маленький вывод: взаимоотношения людей чисто субъективный фактор и говорить о том, что во всех частях взаимоотношения складывались одинаково — ошибочно.

Другие респонденты объясняют, что отношения между солдатами и офицерами изменились в лучшую сторону и довольно часто характеризуют их как «семейные». Респондент Ч. отмечает, что отношения «в части и в Союзе — чисто строевые, а на боевых операциях — более сглаженные, что ли, семейные». Наверное, здесь можно сделать вывод, что в экстремальных условиях люди

«переходят к сути, а не к внешним проявлениям» (не обращают внимание на некоторые формальности, такие как пришивание подворотничков, вытягивание перед командиром «во фронт», ритуальное приветствие командира и т. п.). Б. согласен с мнением респондента Ч., он отвечает нам так: «Отношения не отличались. Разве что дружнее были. Каждый свое место знал, и поэтому наказывали редко». Р. говорит о более простых отношениях, как в семье. Даже приводит пример. Во время вывода войск он вместо того, чтобы, как полагается по уставу, отдать честь — сказал офицеру «здрате», а тот заставил Р. поздороваться по форме. Р. говорит, что в Афганистане «таких заморочек не было».

Ю. без раздумий восклицает: «Конечно, отличались!» Он отмечает, что в Союзе всё было строго и формализовано, а в Афгане солдату нужно было быть готовым ко всяким неожиданностям: офицеры часто вели себя неадекватно. Напившись или обкурившись (кстати, об употреблении анаши в Афганистане нам говорили все без исключения респонденты), строили дембелей и «учили», а те в свою очередь «учили» других и так далее. Бить в ВДВ умеют так, что потом синяков не остается и т. п.

«МЕСТО ДЛЯ ПОДВИГА»

История Великой Отечественной войны известна нам как история массового подвига нашего народа. Эта фраза уже стала расхожей. А что можно сказать об афганской войне, было ли на ней место для подвига? При ответе на этот вопрос мнения разделились, но большинство респондентов все же отвечали позитивно.

Респондент Ю. рассказывает: «На моих глазах не было, но в части были. В нашей дивизии служил знаменитый Чепик (когда его окружили враги, он взорвал мину у себя на груди — Р. П.). Один парень, попавший под статью о мародерстве, в бою закрыл командира роты своим телом. Получил ранение, но остался в живых, статью «сняли».

Респондент З. утверждает, что «само присутствие там — подвиг».

Но этого мнение разделяли не все. С. сказал коротко и ясно: «Я думаю, нет».

Хотелось бы выделить респондента Б., который сказал, что «разные ситуации были, могли сказать, что дурак, могли, что герой».

Так же одной из важных тем афганской войны, являются взаимоотношения с военнопленными, как с той, так и с другой стороны. Многие вообще не хотели говорить о подобных ситуациях. Респонденты С. и Р. ответили, что к пленным относились «нормально». Респондент Р. ответил: «Нормальное было отношение, с нашей стороны никто в плен не попадал, а их брали. Арбузами их угощали. Но мы их только сопровождали, потом передавали с рук на руки. Так что я не знаю, как там с ними дальше обращались. Это же простые крестьяне, они — голодранцы, голодные, в лохмотьях все». Респондент Р. явно испытывал жалость к этим людям.

Респондент Ч. рассказывает: «Во взводе у нас был узбек, у них с пуштунами похожие наречия, он с пленным общался, пока мы того вели. Некоторые над ними — пленными, издевались, морду били, а мне даже жалко было. Они же воюют не за идеалы, а за деньги, он говорил: “Мне 27 лет, пора уже жениться, но нужны деньги. Родители невесту подобрали, а я воевать пошел”». Была бы

работа, он бы на работу пошел. Он около месяца на “тубе” сидел, а потом его к особистам отправили. К духам в плен наши вроде не попадали. Знаю только случай, когда из нашей части прапорщик сбежал, говорят, долго готовился. А почему сбежал, даже не знаю, они ведь и так хорошо жили».

Как мы увидели, представители рядового состава занимают вроде бы более гуманную позицию, жалеют неподготовленных, непрофессиональных воинов — афганцев. Им кажется, что они ни в чем не виноваты.

Но другого мнения придерживается респондент Б., сообщая коротко, но лаконично: «Отношение было негативное, пленных, бывало, пытали». Подобной позиции придерживается и респондент Ю.: «Права пленных часто нарушались. Пленных духов, например, связывали и садили на раскаленную от солнца броню. Избивали, было и такое. Но диких зверств, подобно тем, которые совершали “духи”, не допускали».

Г. рассказывает, что «в плен сдаваться было нельзя, поэтому чаще всего стрелялись или подрывались, потому что знали, что душманы делают с пленными и убитыми. Г. отметил, что «у нас душманов пытали с целью узнать разведданные. Пытали по-разному: давили танком или прикручивали к пальцам контакты от взрывателя и пускали электроток».

Вообще, как мы поняли, проблема советских пленных является актуальной до сегодняшнего дня. Это — «заложники войны». По официальным данным, на конец войны их насчитывалось 330 человек (по неофициальным — Народного комитета за освобождение советских военнопленных — 415). Те, кому удалось спастись, пережили трудное возвращение домой. Но это материал для отдельного исследования. Напомним, что и среди южноуральцев числится 2 (по другим данным — 4) пропавших без вести в той войне. Но из печати нам известны и счастливые случаи возвращения домой. Как, например судьба Алексея Драчука, жителя г. Южноуральска. Его путь на родину пролегал через Пакистан, США, Канаду.

Ответы на вопросы о военнопленных, заставили нас о многом задуматься. Нам известно о существовании специальных международных норм, касающихся прав военнопленных, согласно которым их пытаться нельзя, но, скажите, пожалуйста, на какой войне XX века соблюдались эти права? Респондент З. рассказывает: «Нарушения были и с той и с другой стороны. Жестокость всегда порождает жестокость. Говорить мне об этом не хочется» (мрачнеет). Неудивительна такая реакция, так как это страшная тема. Говорить об этом не хочется даже нам.

БЫТ СОЛДАТА АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Перейдем к бытовым вопросам повседневной жизни советских солдат в Афганистане. Хотя и в этом плане нас многие ответы поражали, а иногда и просто шокировали.

Хотелось бы начать с рассказа респондента Ю., который побывал в разных местах Афганистана во время службы: «По-разному в разных местах дислокации. Где-то приемлемые условия, где-то невыносимые, мешающие выполнению военных задач». Критикуют бытовые условия респонденты Б. и С., один из которых служил на границе с Пакистаном, а другой служил в первые годы войны (1979–1980 гг.).

Респондент Б. сообщает: «Вообще никаких условий не было». Респондент С. описывает примерно ту же ситуацию, только подробнее: «Плохие условия

были: ни воды, ни еды, бельевые вши везде. К концу службы пропаривать одежду начали, но всё равно не помогало. Не умывались. Пыль всегда, грязь, больные. Воду брали из источников, которые приходилось охранять». Респондент Ч. говорит: «Нормальные полевые условия, я бы так сказал. На “боевых”, бывало, месяц не могли помыться, а так только в горном ручье чуть-чуть обмывались, но в части, сразу по возвращении, шли в баню. Как-то нас с “боевых” сразу на охранение поставили, ну мы зароптали, что не мылись. И туда прислали два “Урала” — мобильную баню и бритвенные станки на вертушке сбросили». Респондент З. так же говорит, что «быт приемлемый, выживали. Мы находились в приграничной провинции Бадахшан, в горах, на высоте 3,5–4 тыс. метров. Спали под открытым небом и на земле, и на снегу, как придется». Тоже полевые условия, но как отличаются, замечаем мы. И как отличаются друг от друга сами характеристики!

Респондент З. описывает условия проживания, схожие с респондентом С., но они полярны в своих оценках. «Нормальные» ли это условия, при наличии бельевых вшей в одежде респондентов С. и Ч.? А как отличаются «нормальные» условия респондентов Ч. и З.? Думаем, что здесь, как и в вопросе об отношении между солдатами и офицерами, играет роль в первую очередь субъективный фактор: отношение каждого конкретного человека к войне, к способам выживания и т. п. А вот слова респондента Г., мы думаем, трудно отнести к субъективному мнению: «У нас было лучшее вооружение, поставлялись новейшие разработки. Электронная техника американцев по разминированию — ерунда. Щуп лучше всего...» То же он говорит и о быте — чувствуется, что политинформации для него не проходили даром.

Конечно, условия несения службы в разных частях ДРА в различные годы были непохожими друг на друга. Но, тем не менее, мы считаем одним из определяющих факторов, повлиявших на мнения респондентов, их личную терпимость к экстремальным условиям, их выносливость. Это вопрос, как их личной психологической подготовки, так и подготовки их военным государственным ведомством в виде прохождения «учебки» и курса молодого бойца. В целом, можно сделать вывод, что большинство советских солдат было в состоянии переносить все тяготы армейской жизни.

Помимо прочего мы интересовались типом жилья военнослужащих, насколько оно было обустроено? Респондент З. говорит, что «жили на улице, сами рыли землянки (морозов, как на Урале, там нет), иногда жили в палатках. На базе в Гульхане довелось строить казармы из природного камня, но пожить в них не удалось. А чаще всего располагались на земле или на камнях, под открытым небом». Да уж... Респондент Р. описывает тип жилья, в котором довелось ему пожить: «Жили мы в таких ямах: вырывалась яма, сверху перекалывалась бревнами, засыпалась землей и накрывалась маскировочной сеткой, а внутри обкладывалась камнями». Впервые слышим о такой постройке.

Респондент Б. говорит, что «на базе жили в палатках на 50 мест, а те, кто долго служил, жили в бараках, сложенных из камней. Внутри стояла печка-буржуйка. А на точках спали в спальниках по двое, а иначе не согреться, и без автоматов очень тесно!» Печка-буржуйка — это последнее слово техники, по сравнению с тем, что описывали респонденты Б. и Р. Респондент С., служивший в начале войны, сообщает, что «сначала жили в палатках по 10 человек, а к концу службы привезли 40-местные с двухъярусными койками», те, кото-

рые уже застал и респондент Б. А респондент Ч. описывает подобные палатки: «В гарнизоне жили в больших палатках с двухъярусными койками. А на боевых вырывали нору на троих, закрывали сверху тремя плащ-палатками. Брли с собой бушлаты. Ночами температура около 22°, вроде бы нормальная, дневная 45°, но от резкого перепада организму было тяжело справляться. Ночью костры не жгли, так как если рядом сидишь — точно шлепнут, хорошая мишень».

Респондент Г. подробно рассказывает: «В казармах были двухъярусные койки. В боевых условиях в основном спали у танка, обязательно кто-то в танке, на случай атаки. Поначалу, в первые годы войны, жили в палатках; всё это, естественно, охранялось и защищалось. А когда уже я служил, мы жили в модулях — это такие деревянные домики с кондиционером, с вот такой толщиной стен (показывает около 10 см — *Р. П.*), там жили по 2–3 человека. Солдаты жили в казармах, а вместе с ними жили командир взвода и заместитель командира взвода. Позже их тоже в модули переселили. В части у нас асфальтовые дорожки были, цемент доставали, бетонировали. На территории части вырыли арык и посадили туда ивы. С первого раза они не прижились, но потом ничего, росли. После того, как Горбачев к власти пришел, вышел приказ беречь людей, так как война должна была скоро закончиться. Соответственно, если раньше мы на боевые ходили, то теперь душманы с гор спустились. Он придет, орудие поставит, выстрелит и уезжает, Кабул город большой — куда-нибудь да попадет. Так мы больше людей потеряли, чем в “боевых”. Стали модули обкладывать ящиками из-под снарядов, заполненными песком. Те, кто до нас жили, построили подземные убежища». Можно сказать, что в этом случае жилье было просто отличным, по сравнению с другими, тем более что там даже проводили озеленение территории!

Конечно же, в первую очередь типы жилья зависели от местонахождения (горы, пустыня, центр, столица, окраина и т. п.). Об этом же говорит нам и респондент Ю.: «В разных местах проживание отличалось. В Кабуле жили в каменном строении, большей частью в палатках на 30 человек. В горах строили помещения из камней, часто ночевали и в землянках. С 1983 года из России стали привозить сборно-щитовые домики. Чаще всего мне доводилось жить в палатке. Внутри нее был земляной пол, иногда его утаптывали так, что он покрывался глиняной коркой, и его даже можно было мыть. Вместо кроватей использовали ящики со снарядами, они же заменяли и тумбочки. Постельного белья не было. Для проветривания часто поднимали края палатки на высоту до метра». Да, несладко солдатам в первые годы войны было спать на ящиках и воевать против «духов» в непривычном климате.

Еще одним из самых, как мы думаем, интересных факторов солдатского быта являются санитарно-гигиенические условия — а точнее, применительно к Афганистану, их отсутствие.

Респондент С. говорит: «Вообще никаких условий. Воду, говорю же, из источника брали». Его слова подтверждает респондент З., сообщивший: «Какой тут уровень! Воду пили из открытых источников — арыков. Часто поэтому болели желтухой. Иной раз попить было нечего, ведь нас забрасывали высоко в горы, поэтому брали самое необходимое по минимуму (лучше лишние патроны с собой взять). Вид у нас иногда был такой: грязные, оборванные, в кедах или кроссовках, лица черные, копченые, одни глаза блестят. За весь период службы в ДРА

я чистил зубы, наверное, два раза». Думаем, что по этим воспоминаниям и характеристикам ясно видно, что ни о какой санитарии и гигиене, в подлинном понимании этих слов, речь не может идти.

Ю. передал право оценивать ситуацию нам: «Судите сами об уровне санитарно-гигиенических условий. Жизненно важный продукт — воду, привозили в 200-литровых железных бочках из арыка, держать старались в тени. Часто приходилось пить воду из грязных водоемов. Для ее очищения выдавали таблетки, кажется, “пантацид”, но всё равно избежать кишечных расстройств не удавалось. Туалеты, как правило, отсутствовали, представляли собой вырытую яму и пару жердочек. В части существовала своеобразная “баня”. Специальная машина нагревала воду, которая подавалась по трубе в шесть леек, которыми и мылись солдаты. Мыло было специальное — солдатское, когда оно заканчивалось, пытались выменивать у местного населения или обходиться без него. Шампуня и мочалок в части не было, если только кому-то удавалось привезти из Союза. На всю часть едва ли находилось две чистых щетки (зубных — Р. П.). В белье было изобилие вшей. С ними отчаянно боролись — кипятили, поливали бензином и т. п. Бельевые вши были и у офицеров».

В целом, можно сделать такой вывод, что болели в первую очередь как раз из-за плохих санитарных условий: дизентерия, тиф, желтуха (гепатит) и т. п.

Мы увидели, что санитарно-гигиенические условия проживания советских солдат были, в основном, плохие, а иногда и просто ужасные. На наш взгляд это в первую очередь можно объяснить тем, что СССР не был готов к ведению затяжной войны на территории Афганистана, и в первые годы войны солдатам пришлось пережить огромные трудности, в том числе и в санитарно-гигиеническом плане. Считаем, что просто в начале войны руководство не задумывалось о подобных вещах и быту солдат не уделяло должного внимания. К концу войны условия несколько улучшились.

Конечно, мы просто не могли пройти мимо вопроса о питании. Регулярно ли кормили солдат, каково было качество пищи, кто ее готовил, из какой посуды ели?

В ответах на эти вопросы мнения разделились, но, по сути, сводились к одному из двух: «кормили плохо» и «кормили хорошо». Причем, в первую группу попали как раз те респонденты, которые служили в начале войны в 1979–1980 и 1981–1983 годах. Думается, их оценка питания связана именно с этим.

Респондент Ю. подробно рассказывает, что «везде дело обстояло по-разному. Витебская учебка, после прибытия в ДРА, стала казаться верхом цивилизации. Там была огромная столовая на тысячу мест, очень сытно кормили. В ДРА иное дело. Больше всего помнится надоедавшее пюре на ужин. Картофель был отвратительного качества, как клейстер. К нему неизменно, в течение длительного времени, подавали консервированный минтай в томатной пасте. Калорийность питания даже близко не соответствовала нормам. Один из солдат добыл где-то бочонок с жиром и перед столовой успевал зачерпнуть оттуда содержимое ложкой, что мы и добавляли в еду. Постоянно ощущали себя голодными. Хлеб выпекали сами из отвратительной муки. Он был как камень, неприятный на вкус, но когда мучило чувство голода брали на вечер его и положенную банку сгущенки — “напорешся” на ночь и немного полегче. Сгущенка тоже не всегда была нормального качества, попадались и ржавые банки, и всякое такое. Из того же

минтая варили суп. Мясо в рационе было редкостью. Повара были свои, ребята, прошедшие специальную учебку. Набор посуды был очень нехитрым: фляжка, глубокий котелок и небольшой, своя личная ложка, которая до сих пор у меня хранится (серебряная — прошла со мной все). Ложку всегда носили при себе в подсумке».

Респондент С. так описывает свой рацион питания: «Сухпайки выдавали и мешок сухарей на взвод или на роту. Кто успел полные карманы набить — тот ест, а кто нет, тот и ходит голодным. А в лагере картошку эту — клейстер, кофе, тоже плохой, но лишнего не взять, всё учтено. Кто готовил — не обращал внимания, узбеки вроде, постоянно. Ели из котелков».

Вот он перед нами — тяжелый армейский быт солдата первых лет афганской войны. Похоже, что в начале войны о личном составе вообще не задумывались. Дальше стало лучше и полегче, но временами, конечно, были и срывы, об одном из которых сообщает респондент Б.: «На основной базе кормили три раза в день, а на точке сам перебиваешься».

Рассмотрим подробнее, как характеризуют наши респонденты уровень медицинского обслуживания в частях, где им довелось нести службу. Анализируя их ответы, мы разделили респондентов на две условных группы. В одну из них попали два человека, служившие в ДРА один — в начале, другой — в конце войны. Они очень похоже описывают медицинское обслуживание. Респондент С. рассказывает: «Каждую неделю делали прививки. Врач только в полку был. За больным или сам на машине приезжал, или на вертолете увозили. Хорошо лечили, профессионально, думаю. Сам ни разу не болел — прививки помогали».

Сопоставляя эти свидетельства с данными из научной литературы и периодической печати, смеем предположить, что, возможно, на тех, кто служил в начале Афганской войны, испытывались различные препараты. Может быть, проведение вакцинации использовалось в этих целях, и прививки способствовали более быстрой акклиматизации, выносливости бойцов и т. п. Респондент Г. привел нам такой пример: «Проводились эксперименты со спецназом и разведротой. Им на боевые операции выдавались дрожжевые таблетки, утоляющие голод. Солдат, съев одну таблетку, не почувствовал насыщения и съел еще одну. После этого почувствовал себя плохо, и его отправили на промывание». Таким образом, используя различные препараты, командование пыталось решить проблему питания при проведении боевых операций.

Респонденты С. и Р. описывают, на наш взгляд, довольно приемлемые условия медицинского обслуживания, но на этих положительных фактах всё и заканчивается.

Остальные опрошенные нами ветераны характеризуют уровень медицинского обслуживания негативно. Респондент Ю. сообщает, что в его батальоне медпункта не было вовсе. Если случалось что-нибудь серьезное — ранения, контузии, тяжелые заболевания, то вызывали «вертушку». Хотя, на крайний случай, специалисты-медики в части были. Среди них, вспоминает он, был капитан медицинской службы, и в каждой роте обязательным было присутствие медбратьев из числа сослуживцев. Это были призывники, учившиеся до армии в медицинских учреждениях. Конечно, уровень их профессионализма оставлял желать лучшего, ведь экстремальные ситуации в условиях ведения боевых действий не были редкостью.

В подразделении респондента Ю., как и в подразделениях остальных опрашиваемых, самыми серьезными проблемами, кроме, конечно, ранений, были эпидемии гепатита (при таком качестве воды немудрено), а также проблемы с зубами. Заболевших гепатитом пытались изолировать, правда, не всегда удачно. А вот тем, у кого заболели зубы, квалифицированную помощь оказать было сложнее. Хотя были способы решения и этой проблемы. Респондент Ю. приводит пример из собственного опыта: «Я, например, решил проблему просто. В части была машина — магнето, вырабатывающая ток. Так вот при ее помощи убивали нерв, и становилось легче». Скажем прямо, нам очень трудно представить такой способ избавления от боли. Ведь это же XX век!

Респондент Ю. отмечает и еще одну распространенную медицинскую проблему. Это проблема тепловых и солнечных ударов. Наш собеседник вспоминает такой эпизод: «На разводе солдаты обязаны были находиться в полном обмундировании на солнцепеке продолжительное время. Было немало случаев, когда солдаты, находясь прямо в строю, падали в обмороки».

Респондент Ч. вспоминает: «Особо тяжелых отвозили в Кабул. А у нас в каждом взводе был медбрат, в каждой роте — тоже медик. А в части медсанчасть располагалась в бараче, там даже операции могли делать. Я в медпункт сразу попал, как в Афганистан прилетел: прямо с выгрузки мы проходили медобследование, и у меня нашли желтуху. Месяц провалялся в госпитале, там только глюкозу давали и лекарства от температуры». Конечно, то, что в барачных условиях медики могли проводить операции — это здорово! Но то, что в Союзе просмотрели больного гепатитом перед отправкой в «горячую точку», и то, как и чем лечили больных, вызывает у нас серьезные вопросы.

В целом, необходимо отметить, что организация медицинской помощи, в разных частях была налажена на различном уровне, но все наши собеседники сходились в одном: забота о солдатском здоровье со стороны командования была, кадрами старались обеспечить все подразделения, во многих частях обучали каждого бойца оказанию первой помощи, в трудных, экстренных ситуациях использовали вертолеты (особенно, в условиях гор). Из периодической печати мы почерпнули сведения о том, что по данным МО СССР, около 800 медицинских работников, побывавших в Афганистане, награждены орденами и медалями. Нас потрясла статья в «Комсомольской правде» от 27 сентября 1986 г. под названием «Операция». В ней рассказывается об уникальной операции, которую провели медики: в теле рядового Виталия Грабовенко застряла неразорвавшаяся граната. Хирурги смогли ее удалить и спасти парню жизнь!

Следующим вопросом, касающимся солдатского быта, стал вопрос об одежде. Нас интересовало то, каким было обмундирование, соблюдался ли регламент ношения одежды в условиях службы в ДРА и т. п. Ответы респондентов на этот вопрос можно условно разделить на три группы: 1) регламент соблюдался; 2) регламент не соблюдался; 3) соблюдался когда как («в зависимости от рациональности», как сказал один из опрошенных).

Респонденты Ю., Ч., Р. отмечают, что подворотнички носили обязательно, но при этом каждый отмечает свои детали: Ч. уточняет, что носили только в части, а Р. сообщает, что носили всегда, «потому что, не дай Бог, не подошьешь — сразу сыпь пойдет» (то есть, мы понимаем, что подворотничок — это гигиена, прежде всего). Также респондент Ч. не без гордости вспоминает, что подворотнички они

не стирали, как это делали бойцы в других частях, а выбрасывали. Такая своеобразная бравада в войсках ВДВ!

Респондент Ю. рассказывает, что спецодежда была только у спецподразделений. А сам он приехал из «учебки», из Витебска, в полном зимнем (!) обмундировании. Малоприятные факты сообщает и респондент Р. Он говорит о том, что постоянно всё было мокрое.

Респондент Б. сообщил нам, что по прибытии в ДРА он был немало удивлен тем, как выглядели солдаты той части, куда он прибыл служить. По его описанию, солдаты ходили лохматые, кто в кроссовках, кто в сапогах и, что больше всего его поразило, — без знаков отличия. Подобную ситуацию описывает и респондент Г., вспоминая о том, что бойцы разведроты одевались в пакистанские куртки и кроссовки. Хотя сам он, не без доли гордости и патриотизма сообщает, что они носили советские ботинки и форму.

Респондент З. отмечает, что дефицита в одежде не было, потому что в этом помогали офицеры. Вспоминает, что носили форму песочного цвета, панамы. Особо отмечает, что на базе регламент в одежде соблюдался, а на боевых заданиях — одевались «с точки зрения рациональности».

Интересна еще одна деталь в этом вопросе: все респонденты ответили нам, что стирали и штопали одежду самостоятельно. Может ли это служить признаком отсутствия «дедовщины», не знаем...

Нами был задан еще один вопрос, касающийся быта солдат, это вопрос о проведении свободного времени. Все наши собеседники при этом вопросе округляли глаза. Видимо, так некорректно он звучал. Да и действительно, какое уж тут «свободное время» в условиях войны, когда ты постоянно находишься между жизнью и смертью? И, всё же, извлекая какие-то эпизоды из памяти, они начинали рассказывать нам о минутах затишья. Оказалось, что всё-таки такие минуты в их службе были, но война их просто затмила. Респондент Ч. вспомнил, как в их часть, в окрестностях Джелалабада (одна из самых «горячих точек» Афганистана) приезжали артисты.

Респондент Б. шокировал нас своим ответом: «в свободное время курили анашу». Далее продолжает, опережая наш вопрос: «офицеры, конечно, старались пресечь, но, в общем, смотрели на всё сквозь пальцы». Респондент Ю. также отмечает курение анаши как способ времяпровождения, хотя оговаривается, что у них в части этим занимались только «деды». Далее он подробно описывает технологию курения. Вместе с тем его свободное время, хотя его и было очень мало, отличалось некоторым разнообразием. Очень редко, но в его часть привозили фильмы. Для их просмотра натягивали белую простыню и крутили один и тот же фильм неделю. Когда фильм предельно надоедал, то, смеха ради, его крутили в обратную сторону — всё веселее! Самым яркими впечатлениями остались от приезда артистов. Особенно запомнился И. Кобзон, его даже на охоту возили в окрестностях части. Для чтения ни времени, ни возможности не было. Газеты очень редко, но попадали в руки (через командиров).

Респондент С. вспоминает, что ни книг, ни газет во время службы в ДРА не видели, зато все свободное время проводили на турнике. Респондент Р. имел возможность смотреть фильмы (все больше комедии и патриотические фильмы), слушал концерты артистов, приехавших из Союза (запомнился концерт А. Розенбаума, которого тоже потом возили на охоту). Отмечает, что было мно-

го газет, играли в нарды и шахматы. Даже удавалось играть в КВН (!). Правда следует оговориться, что служил он на границе и в крупных операциях не участвовал.

Респондент З. в первую очередь отмечает, что для него свободное время было весьма условным понятием, так как реально его просто не было. Ни концертов, ни кино ему не удалось посмотреть (служил он в спецназе КГБ). Смотрел лишь несколько раз телевизор у солдат соседней роты, когда находился на базе. Иногда удавалось поиграть в волейбол. Возможности читать газеты не было, все новости узнавали от командира, от него же узнали и о том, что в стране «перестройка» и услышали слова о том, что вернуться они уже совсем в другую страну (так пояснил командир).

Следующий наш вопрос касался переписки и ее роли в жизни воина-афганца, а также выяснения того, насколько жесткой была цензура. В том, что она была, мы нисколько не сомневались.

Сразу же хотелось бы выделить ответ респондента З, который раскрыл распространённый способ переписки, когда писалось сразу 3–4 письма близким, а после того, как солдат уходил на боевую операцию, оставшиеся в части товарищи, постепенно, с определенным интервалом отправляли письма его семье домой. В качестве примера он привел эпизод, когда, по какой-то причине, были отправлены все письма разом. «Дома страшно удивились», — узнал он потом. Вообще в его военной судьбе переписка играла важную роль. Он, например, пользуясь тем, что основная застава находилась на территории Таджикистана (откуда уходили письма), не сообщал домой, оберегая близких, где он на самом деле находится. Про цензуру он ничего не сказал, может быть потому, что писал только маме, да и то очень кратко: мол, жив, здоров, не волнуйтесь...

Считаем необходимым выделить респондента Ю., воскликнувшего: «Переписка — это ВСЁ!» В своей работе мы часто обращались к его письмам, присланным им из Афганистана своей однокласснице. Также он писал всем своим друзьям. В своем рассказе он ярко описал также и момент получения корреспонденции, ведь это было событием! Если письмо приходило от матери (это святое!), то сразу же отдавали адресату. А если видели почерк девушки, то производили ритуал «колыбаху»: получатель такого письма должен был присесть на одно колено, у конверта отрывали уголок, надували его и хлопали о шею. Отмечал он в своем рассказе и то, что часто не хватало конвертов, были проблемы с отправкой писем, а писать хотелось (во всяком случае, ему). Отвечая на вопрос о цензуре, вспоминает, что в части работали «особисты» — и весьма активно работали: входили в доверие, «прошупывали» настроение, проводили перлюстрацию писем и т. п. Поэтому все письма, отправленные из части, весьма прилаженно характеризуют обстановку, а вот в тех, которые отправлялись «с оказией», он мог выговориться.

Респондент Ч. также осторожничал в письмах, писал матери, что ходит в командировки строить дома, помогает афганскому населению. Но как-то по телевидению показали эпизод — взятие Хоста, в котором наш собеседник принимал участие, и из дома в ответ на это получил гневное письмо.

В целом, полевая почта работала по-разному. Если на вертолете — то быстро, но случалось, что и с автоколоннами отправляли. Респонденты Г. и Б. указывают, что отправляли домой в конвертах деньги, и они доходили,

хотя конверты сдавали к отправке открытыми. Также следует указать и то, что отправка писем была бесплатной, на конверте ставили штамп «письмо солдата».

Итак, все респонденты сообщают, что была цензура, и солдаты ее пытались «проверять»: отправляли деньги (возьмут или нет?), писали вызывающие письма. Несомненно, переписка играла огромную роль для большинства служащих, ведь в части мало чего интересного происходит, а так как бы приобретаешься к жизни на «большой земле». К тому же, если что-то произошло, не всегда об этом напишешь — цензура. Основой полевой почты являлся вертолет, чаще всего именно он доставлял письма солдатам. Нас поразило, как жизненно необходима для многих была переписка. Наш респондент Ю. только одной своей однокласснице прислал из Афганистана 32 письма. А в журнале «Огонек» нам попала публикация отрывков из писем военврача своей жене, так он написал за два года 600 писем!

Продолжением вопроса, связанного с письмами, явился наш вопрос о том, вел ли кто-нибудь в части дневник. Большинство наших респондентов ответили отрицательно, отметив то, что если бы вели, то сейчас интересно было бы почитать. Респондент С. сообщил нам, что были такие маленькие блокнотики, которыми офицеры не интересовались. Респондент Ю. сказал, что из знакомых никто дневников не вел. А эти блокнотики, наверное, учитывая опыт, стали проверять. Как рассказывает респондент, на утреннем досмотре солдаты обязаны были предъявить всё из карманов. Даже письма не рекомендовалось держать дольше месяца — их могли изъять и уничтожить. Но респондент Ю. отметил, что кое-кому тоже удавалось вести маленькие блокнотики. Обобщая, можно сказать, что наши респонденты личных дневников не вели, а сейчас жалеют об этом, ведь был бы бесценный исторический материал!

Помимо всего, нам было интересно узнать, какие песни слушали наши земляки в моменты отдыха. И, оказалось, что везде под гитару (о других инструментах никто не говорил) пели по-разному: где-то народные, где-то «приблатненные» песни. Респондент Г. отметил, что сначала песни были жизнеутверждающие, а потом стали грустные.

Об Афганистане пели в основном песни со своим текстом, положенным на популярную музыку. «В эти моменты (когда пели на сцене — Р. П.) на полотнище показывали горы, бой», — вспоминает респондент Г. Респондент Ю. отметил, что в период его службы песни об Афганистане только стали появляться, но позже он приобрел сборник «афганской» песни «Когда поют солдаты» и любезно предоставил возможность ознакомиться с ним и нам. Нас поразило то, как он бережно подавал его нам, хотя сборник имеет уже весьма потрепанный вид. Так же недавно мне довелось увидеть в продаже аудиокассеты «Афганское эхо». Поэтому, нам кажется, что время «афганской» песни еще не прошло, и она актуальна для нашего общества, как и то, что воинов-афганцев не забывают.

Заключительным вопросом стал вопрос о настоящем периоде их жизни: насколько тесно поддерживаются отношения с сослуживцами, как часто вспоминается война? Не слишком активны в этом плане респонденты С. и Р., объясняя это тем, что кто-то переехал или просто нет возможности встречаться. А о войне вспоминают по мере поступления вопросов с ней связанных. Из респондентов, поддерживающих связи с однополчанами, большинство не любит

ходить на праздники, посвященные Дню ВДВ, Дню пограничника, или Дню вывода советских войск из ДРА. Они предпочитают поддерживать связи с друзьями в виде переписки и личных встреч. Респондент Ч., например, пишет письма в Тюмень и Молдавию. Респондент Ю. состоит в районном совете воинов-интернационалистов и решает вопросы оказания помощи им. А о войне, как и большинство респондентов, вспоминать не любит. Мы увидели, что респонденты не против обсудить детали службы, но говорить о самой войне у них желания не возникает. Возможно, оно появится позже.

Судьба «афганца»

Галина Сафонова

г. Волгоград

научный руководитель С. В. Воротилова

У каждого мгновенья свой резон,
свой колокола, своя отметина.
Мгновенья раздают — кому позор,
кому бесславье, а кому бессмертие.

Роберт Рождественский

Есть такие события в истории страны, которые в какой-то степени оказывают влияние не только на тех, кто непосредственно в них участвует, но и на тех, кто потом оказывается рядом. В жизни нашей семьи таких краеугольных событий было три: Октябрьская революция, Великая Отечественная война и война в Афганистане. Что касается первых двух событий, то, наверное, любой наш соотечественник мог бы назвать их в качестве поворотных в своей семейной истории. Через Афганскую войну прошло 620 тысяч советских военнослужащих.

Моя работа посвящена судьбе моего отца-«афганца», Александра Анатольевича Сафонова. К этой работе я шла долго, почти десять лет, с 2002 года, с того момента, когда умер мой отец. Мне тогда было восемь лет. Я по-детски, конечно, многого не понимала, задавалась вопросом, почему он так рано ушел из жизни? Почему именно он?

Последние три года я серьезно занималась генеалогией. Я восстановила свою родословную по разным линиям до пятого и седьмого колен, описала много биографий моих предков. Судьба отца стала темой отдельного исследования.

Источниковую базу составили устные рассказы моей мамы Елены Борисовны Сафоновой, моей бабушки по материнской линии Александры Владимировны Сафоновой, моей сестры Александры Сафоновой, документы семейного архива (всего 69 документов), ряд книг и журнальных статей. В процессе работы мы также обращались за консультациями к специалистам по военной истории. Большую услугу нам оказали также возможности интернета. Во Всемирной паутине мы нашли много полезных справочных материалов, а также смогли вступить в контакт с бывшими воинами-«афганцами». Особенно продуктивным было общение с Григорием Ионица, который в прошлом был заместителем командира взвода в/ч 96699. Некоторую информацию мы получили так же благодаря запросам в Волгоградский военкомат.

АФГАН

Мой отец ушел из жизни, когда мне было всего 8 лет. Для меня, наверно, как для каждого, папа — самый важный человек. Он самый сильный, самый правильный. Наша мама всегда поддерживала в нас с сестрой эту веру. И только, повзрослев, я стала понимать, что судьба моего отца на самом деле была очень трагичной, что она могла сложиться совсем иначе, если бы ему не довелось служить в Афгане. Размышляя над этим, я подумала о том, что очень далекие со-

бытия истории, на первый взгляд никак не связанные с историей твоей семьи, вдруг неожиданно оказываются очень близкими и начинают «переписывать» сценарии судеб твоих близких.

Так, далекая история далекого Афганистана вдруг стала значимой для нашей семьи. Именно поэтому, я включила в свою работу небольшой экскурс в историю этой страны.

В конце 1970-х Афганское государство представляло собой многоукладное общество, раздираемое многими противоречиями: политическими, религиозными, кланово-племенными.

В 1973 году, во время визита короля Афганистана Захир-Шаха в Италию, в стране произошел государственный переворот. Его осуществил родственник короля Мухаммед Дауд. Он провозгласил первую республику в Афганистане. Дауд установил авторитарную диктатуру и попытался провести реформы, большинство из которых провалились. В стране сохранялись острые межнациональные противоречия между пуштунами, таджиками, узбеками, хазарейцами, в состоянии острой конфронтации находились радикальные исламские и прокоммунистические силы. Религиозными вождями были отвергнуты нововведения правительства, основной причиной послужило нарушение законов ислама. Исламисты предприняли несколько восстаний, но все они были подавлены правительственными войсками. Правление Дауда завершилось в 1978 году Саурской революцией. Президент и его семья были казнены.

Главой государства и премьер-министром становится Нур Мохаммад Тараки, его заместителем — Бабрак Кармаль. По сути Саурская революция была антиклерикальной и антифеодальной. Но формально в Афганистане в качестве государственного строя был объявлен социализм. Новое руководство пыталось форсированными способами насадить социализм на многоукладную феодальную экономику, опираясь на опыт построения социализма в СССР и на его военную поддержку. Саурская революция стала прологом к гражданской войне в Афганистане.

Афганское руководство неоднократно обращалось с просьбой оказать военную помощь в подавлении мятежа путем ввода советских войск на территорию ДРА.

Решение было принято 12 декабря 1979 года после убийства Н. Тараки и прихода к власти Х. Амина, при котором развернулся террор не только против исламистов, но и против бывших сторонников Тараки. В Советском Союзе опасались, что Амин будет ориентироваться на США. В результате было решено готовить свержение Амина и замену его более лояльным к СССР лидером — Бабраком Кармалем.

Советская пропаганда ввод «ограниченного контингента войск» в Афганистан представляла как интернациональный долг. Пропаганда была довольно успешной: многие молодые люди призывного возраста идею прохождения службы в «дружественном Афганистане» восприняли с большим энтузиазмом.

Отрезвление произошло довольно скоро.

Советские офицеры и солдаты шли в Афганистан как освободители, а были встречены как оккупанты.

Мои близкие говорят, отец не любил рассказывать о службе в Афганистане. Но для нас, его родных, совершенно ясно, что его жизнь разделилась на две части: до и после Афганистана. Все новые проблемы он оценивал через сравнение

с Афганистаном: «Вы живете здесь в Союзе, а вас бы туда, поняли бы, что это такое, что такое жизнь...»

Я должна сказать, что о службе в Афганистане и ее последствиях не любил говорить не только отец, но и мама, ей рассказы об этом давались с большим трудом. Только через несколько месяцев моей работы над темой она отдала мне пакет, состоящий из 34 документов, и решилась коснуться некоторых тем. Эти документы позволили мне не только установить некоторые неизвестные факты о службе отца, но и навели на новые размышления о последствиях участия в ограниченном контингенте войск в Афганистане.

Итак, благодаря сохранившимся документам, мы знаем, что «курсант Сафонов Александр Анатольевич с 1 декабря по 28 апреля 1981 года обучался в учебном подразделении войсковой части 96699 по программе подготовки: начальник р/ст (радиосвязист) Р-145БМ».

На одном из сайтов интернета нам удалось узнать, что военная часть 96699 находилась в Ашхабаде — в столице Туркмении. Там же, в интернете, удалось познакомиться с романом Андрея Семенова «Под солнцем южным», действие которого начинается с октября 1985 года. Автор самыми нелицеприятными словами отзывается об этой «учебке»: «Будь навеки проклята ашхабадская учебка! Чтоб ты сдох в жутких корчах, майор Маронов — пройдоха, пьяница и вор — командир в/ч 96699, доблестной учебки связи Первого городка Ашхабада. От всей души желаю тебе трибунала и бедной старости!» (http://lit.lib.ru/s/semenow_a/text_0010.shtml).

Какими бы словами вспоминал эту «учебку» мой отец? Теперь ответить некому.

Как бы то ни было, в ашхабадской «учебке» Александр Сафонов, согласно удостоверению, прошел политическую, специальную, техническую, строевую подготовку, ТСП, уставы советской армии. Экзамены были сданы на «хорошо». А вот физическую подготовку курсант Сафонов прошел к удивлению на «удовлетворительно».

В социальных сетях мы попытались найти сослуживцев отца. Для этого мы выложили информацию и разместили фотографии 1981 года, на одной из которых отец запечатлен с двумя молодыми парнями, а на другой — один. На этих фотографиях есть студийные надписи: «г. Небит-Даг» и «1981 г.». Ныне г. Небит-Даг называется г. Балканабат.

Сослуживцев отца нам найти не удалось. Однако запрос оказался небезполезным. Нашлись люди, которые поделились с нами интересной информацией. Так, замком взвода в/ч 96699, Георгий Ионица, объяснил нам, что «начальник р/ст р-145БМ» — «это связист, командир радиостанции малой мощности, в основном бронетранспортера, с комплектом маломощных радиостанций. В обязанности командира входит командовать экипажем, нести ответственность за бесперебойную связь и в случае необходимости заменить любого из экипажа. Экипаж состоит из 4 человек. Поскольку это маломощная станция, она находится непосредственно на плацдарме боевых действий или недалеко от них. Хотя в Афгане везде боевые действия».

Таким образом, мы поняли, что служба отца проходила не на командном пункте, а на бронетранспортере, который находился рядом с боевыми действиями.

30 апреля 1981 года Александру присвоено воинское звание младший сержант. В этот же день младший сержант Александр Сафонов, р/тлг (радиотеле-

графист) 3 класса, получил удостоверение классного специалиста Вооруженных сил СССР.

Благодаря учетной карточке, предоставленной Волгоградским областным военкоматом мы знаем, что Александр Сафонов с мая 1981 по ноябрь 1982 года проходил службу командиром отделения р-142 в/ч п. п. 52011. В интернете нам удалось установить, что в/ч 52011 — это 103 отдельный полк связи, который находился в столице Демократической Республики Афганистан — в г. Кабуле.

Как мы выяснили, командно-штабная машина (Р-142) обеспечивала ведение двусторонней радиосвязи с однотипными радиостанциями в любое время суток и года, как на стоянке, так и в движении.

В нашем семейном архиве хранятся два фотоснимка, сделанные во время службы Александра Сафонова в Афганистане. На одной из них — он в компании трех парней в летней военной форме: в легких гимнастерках с длинными рукавами под ремень с прямоугольной форменной пряжкой. На головах — характерные для летней формы пилотка и панамы. На заднем плане просматривается большая машина; предполагаю, что это и есть та самая командно-штабная машина Р-142, а перед нами — полный состав экипажа радиостанции.

На втором снимке мой отец запечатлен с двумя сослуживцами на фоне гор. Все трое в шинелях, в зимних шапках с кокардами...

Мой отец не оставил письменных воспоминаний, практически ничего не рассказывал близким о том, что он пережил в Афганистане. Как выяснилось, это распространенное явление.

Для того, чтобы понять, с чем пришлось столкнуться Александру Сафонову в Афганской войне, мы попытались найти частные воспоминания наших, российских «афганцев».

Первое, что, видимо, пришлось пережить нашим солдатам, это то, что их благородный порыв помочь афганскому народу был воспринят этим народом не только как ненужный, но и враждебный.

В воспоминаниях полковника запаса, участника афганской войны Виктора Баранца я прочла: «Нам говорили, что “за Черной речкой” народ совершил революцию и страшно жаждет свободы. Враги со всех сторон наседают на него, и он просит помощи. Наш интернациональный долг — не дать затоптать молодые побеги афганской демократии... но растущее с каждым днем число человеческих жертв невольно заставляло задумываться: что же это за революция такая, если даже 120-тысячная вооруженная до зубов советская армада, поддерживаемая 20-тысячной афганской армией, который год не может справиться с горными бандитами?.. И тогда в голове рождаются не мысли о долге и об обязанности перед Родиной, а злосчастные тирады, ты проклинаешь всех, кто послал тебя на бестолковую и ненужную войну... Непонятная война — наихудшая из всех ее типов. Ибо жертвы, приносимые ей теми, кто идет на поле боя, руководствуясь ложной целью, бессмысленны. Самое большое преступление политиков — бросать свои войска в сражения, которых можно было избежать...» (Баранец В. Потерянная армия. Записки полковника Генштаба // Родина. 1999. № 2. С. 92).

Читая эти воспоминания, я думала о словах отца, которые донесла до меня моя мама. В них, как мне кажется, заключается то потрясение, которое он носил в себе многие годы. Оно связано с ощущением смерти, которое было всегда рядом: «Вчера стояли, разговаривали с ребятами, а сегодня выясняется, что они уже мертвы».

Николай Иванов, старший лейтенант ВДВ в 1981 году, об этом же написал: «Получилось быть свидетелем разговора двух солдат, которые готовили гробы. Они решали, какое количество гробов нужно приготовить. Решили остановиться на пяти, поскольку больше не понадобится, место спокойное — “духов” мало. Ну, разговор и разговор, мало ли о чем солдатам захотелось поговорить. И, только сделав несколько шагов, вдруг понимаю — ведь они эти гробы готовят заранее. Может быть, и для меня...» (Иванов Н. В Кабуле дождь // Родина. 1999. № 2. С. 68).

Все, кто прошел через Афганистан, говорят о том, что там они поняли, что не знали своего врага в лицо. Они, как советские интернационалисты, должны были защищать мирных жителей от исламских банд и группировок. Но как отличить моджахеда от мирного человека, который, может быть, действительно, нуждается в помощи? Вот и отец рассказывал: «Днем общение с жителями горных поселений проходило весьма мирно. А ночью пропадали наши ребята, после, если повезет, мы находили их тела... Либо ночью моджахеда обстреливали наш батальон, а днем приходили к нам за медицинской помощью, или еще чего...»

Еще о чем всегда говорят наши «афганцы» как о потрясении, это о зверствах, которые выходили за пределы понимания европейского человека. Традицией моджахедов была кровная месть за погибшего соплеменника. Виктор Баранец, в частности, описал традицию привязывать на шестах при могилах трехцветные ленточки, которые обозначали соответственно: зеленый — благополучное пребывание мусульманина в раю, красный — за погибшего еще не отомстили, белый — знак отмщения.

Моему отцу посчастливилось не попасть в плен, но такая возможность, конечно, была. Пленных, как собак, содержали в зинданах, ямах глубиной до 8 метров, использовали для ремонта трофейной боевой техники, некоторых пытались обратить в мусульманство и перетянуть на свою сторону.

Советским солдатам, попавшим в душманский плен, приходилось принимать ислам, для того чтобы выжить. Примером является распространенная форма обращения моджахедов, предлагающая окруженным советским войскам сдаться: «Мусульман, выходи, живой будешь! Шурави, сдавайся, не больно резать будем».

Советским «афганцам», воспитывавшимся в условиях государственного атеизма, на Афганской войне пришлось столкнуться с глубоко верующим противником. Восточные традиции и религиозный фанатизм проявлялись во всем поведении моджахедов. «Борцы за веру», как они называли себя, жили по особым канонам, отличавшимся от привычных норм. Смелость «духов», основанная на исламском фатализме и воле Аллаха, была специфически религиозной: погибнуть в бою, пролить кровь за веру — значит обеспечить себе путь в рай; к «неправедной» они относили бескровную смерть. В свою очередь, русские солдаты были для них не только чужеземцами, но и «кафирами» — «неверными», война с которыми была для душманов священной, под благословением Аллаха.

Для большинства советских людей подобная атмосфера была непривычна и неожиданна. К примеру, это скрупулезное соблюдение религиозных обрядов как душманами, так и правительственными войсками: посреди боя и «духи» и «сарбозы» (рядовые солдаты) дружно прекращали стрельбу, опускались на колени, чтобы совершить намаз. В такие моменты, наши солдаты сильнее всего чувствовали, что это война чужая.

Читая воспоминания наших «афганцев», я отметила, что у советских солдат и офицеров, воспитанных в духе атеизма, во время службы в Афганистане, появились и поддерживались разные мистические обычаи и верования, которые создавали психологическую опору и защиту: чтение молитв, ношение амулетов, соблюдение табу. Как вспоминал полковник Иван В., имела место целая система суеверных признаков, к примеру, «пуля заменщика ищет», то есть за два месяца до замены, человек старался не принимать активного участия в боевых действиях, насколько это возможно. В связи с этим появилось выражение: «лечь на сохранение». Также среди ребят-интернационалистов были традиции и обычаи в отношении памяти погибших. К примеру, сохранение заправленной постели, каких-то вещей и фотографии погибшего до 40 дней. Сюда же относится традиционный третий гост — за павших, когда встают молча и гост не произносится.

Интересно, что некоторые многовековые традиции с целью самосохранения менялись на прямо противоположные: до революции был обычай одевать перед боем чистое белье, означающий готовность предстать перед Богом. Однако, у солдат-«афганцев» было наоборот: «Перед боем не мыться, не бриться, белье не менять — иначе убьют!» Как вспоминал майор гвардии Павел П.: «перед боевым никто никогда не брился и не мылся, это было железно. Все носили тельники, это уже святое. А вообще был у нас девиз: Кому суждено быть повешенным, тот не утонет» (*Сенявская Е. Что с Богами, то и с нами // Родина. 1999. № 2. С. 64*).

Еще одной причиной переживаний в Афгане было недостойное поведение самих соотечественников. Так, полковник запаса Виктор Баранец в уже цитированных нами записках писал: «На той войне я неожиданно обнаружил жуткое соседство высокого мужества наших людей и самых низменных проявлений человеческой подлости. Кто-то прикрывал собой в бою командира, а кто-то ночью воровал автомат у сослуживца, чтобы выгодно загнать его местному духанщику и купить вожделенные шмотки с лейблом “левис”. Одни сгорали в БТРах, подорвавшись на mine, а другие прятали в тайниках этой искалеченной машины, отправляемой на ремонт в Союз, пакеты с наркотиками... Самые везучие уезжали домой невредимыми. Самые невезучие — в цинковом гробу или на костылях...»

И в Афгане не обходилось без дедовщины. Так, в письме Антона Балакина, написанном 10 декабря 1987 года, есть такие строки: «Здравствуй, мама!.. Все святое, чем я жил и дышал, у меня почти всё отняли. Командуют мной “деды”, таких дегенеративных поддонок я еще не встречал, сам стал, как поддонок... Очень сильно здесь гадят в душу, от чего душа обрастает коркой, становишься волком и воешь. Я не могу никак научиться воровать, хитрить и извиваться, но скоро научусь, всему научусь... Воды нет, ночью в х/б держат на морозе, днем в жару в шинелях, бытовых условий никаких, в бане воду дают на 3 минуты, помыться не успеваешь, гонят на улицу — мерзнем... Но я надеюсь и знаю, что все проходит и это пройдет, как дикий, безумный сон, ты ведь все знаешь, мама...» (Не дошли до вывода войск // *Родина. 1999. № 2. С. 96*). Антон погиб на службе.

Молодые ребята постоянно находились в состоянии морального выбора. Так, уже цитируемый ранее Николай Иванов вспоминал: «Мы на спинах выползали из-под обстрела. Пули свистели над нами — “духи” окружили нас. Мы находились в мертвой зоне, образованной высокими дувалами». Вдруг, от впереди ползучего солдата, автор услышал просьбу: «Брат, дай рожок, патроны кончились»... Повторная просьба: «Дай рожок, я без патронов!» Перед бойцом — дилемма: помочь или погибнуть...

Еще одна острая проблема, с которой сталкивались советские воины — это природные и санитарные условия, которые стали причиной очень тяжелых, а часто и смертельных заболеваний.

Советские солдаты страдали как от летней жары, так и от осенних и зимних холодов. Летом изнывали от несусветной жары, которая не просто высушивала мозги, она подчиняла волю единственной цели — добыть воду! Врачи категорически запрещали пить воду сырой. В бочках, накрытых белыми колпаками от пыли, была вода, которую сливали по мере ее остывания. В пятидесятиградусную жару приходилось пить теплую противную жидкость.

Участник Афганской войны с 1987 по 1988 год, майор В. В. Еремеев вспоминал: «С водой вообще была проблема. Во время выходов на боевой технике бывало, что и из радиаторов воду выпивали... Когда были завалы с вертолетами, ребят с задания приходилось забирать через семь, восемь, а то и десять дней... Прилетаешь забирать, а у них уже начинается обезвоживание организма. А что такое обезвоживание? Люди одуревают, от людей остается только кожа да кости, да еще при этом понос начинается. Забрасываем их в вертолет, везем в отряд. Там им надо понемножку начинать пить, да какой там понемножку — так воду хлещут, не останавливать! Сажаем их в бассейн, чтобы они отмокали, а они пить прямо из этого бассейна принимают! После этого желтуха начинает долбить...».

Во второй половине дня появлялся «занудливый» ветер, поднимающий в воздух тонны микроскопической бархатной пыли. «Садясь обедать, мы ложились над тарелками, чтобы хоть как-то закрыть от нее пищу. Не зря же вместе с орденами и погонями в довесок обязательно получали язвы и гастриты», — писал Николай Иванов, старший лейтенант ВДВ в 1981 году (Вспомним, ребята, мы Афганистан... // Родина. 1999. № 2. С. 130).

Отец об этих природно-медицинских трудностях своей службы в Афганистане не рассказывал, но о них мы можем судить по тем медицинским справкам, которые у нас хранятся. В частности, в свидетельстве о болезни от 4 ноября 1982 года, мы нашли записи о том, как начиналось и протекало его заболевание. Он заболел 29 августа 1982 года: «...почувствовал головную боль, недомогание, повысилась температура тела. 06.09.82 г. госпитализирован в инфекционное отделение... был диагностирован брюшной тиф. Заболевание протекало с резко выраженной интоксикацией, осложнилось левосторонним экссудативным плевритом. Выявлен высокий титр антител к антигену брюшного тифа. Бактериологически была подтверждена острая дизентерия».

Мы знаем, что отец болел очень тяжело. Он говорил, что не помнил, как оказался в Ташкентском госпитале. А как рассказывала его мать, доставили Александра из Афганистана рейсом «груз 200» в Ташкент. В это время при росте 181 (как написано в медицинской справке), он весил около 60 килограмм. В первые дни постоянно хотелось пить, а «медсестрички выдавливали сок из виноградин каждому больному в палате в рот, так как воду пить было нельзя».

В госпитале Александр пролежал несколько месяцев. В медицинском заключении было написано: «По состоянию здоровья прохождение службы в Советских войсках в ДРА противопоказано», «нуждается в отпуске по болезни 30 (тридцать суток)».

Вернулся домой, в Ейск, в конце ноября 1982-го. К возвращению домой он готовился заранее: примерно два месяца до «дембеля», еще будучи здоровым,

купил себе дипломат, подарки домой (необыкновенной, как тогда казалось, красоты восточные платки). Но возвращение оказалось совсем нерадостным...

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Вернувшись в родной дом, Александр не застал отца: Анатолий Николаевич ушел из семьи из-за глубокого конфликта с женой и переехал в Сургут, там стал работать водителем в пожарной части. Через несколько месяцев после возвращения домой Александр отправился в Сургут к отцу.

Трудно сказать, почему Александр принял решение тогда уехать из Ейска: навещать отца или избавиться от чрезмерной материнской опеки?

По воспоминаниям бабушки мы знаем, что после Афгана он стал замкнутым, не хотел ни о чем говорить, выходить на улицу, а когда она пыталась его расспрашивать, неожиданно становился очень агрессивным. В первом всплеске такого гнева и ярости Александр разбил зеркало.

Как выяснилось, почти каждая третья мать, чей сын был на войне, могла сказать: «По ночам он вскакивает, кричит, зовет на помощь, обещает кому-то отомстить. Днем — замкнутый, неразговорчивый, вдруг ни с того ни с сего раздражается, начинает скандалить с родными. Не был ни ранен, ни контужен, но на его глазах умирал лучший друг...» (Дудникова Н. Пришел солдат с войны // Боевое Братство. 2007. № 4).

Огромная социальная проблема, с которой столкнулись сотни советских семей, называется «афганский синдром».

Первое время после Афганистана Александр не обращался за медицинской помощью, не желал заниматься сбором документов для получения льгот как воин-«афганец», на чем настаивала мать. Он говорил: «Тебе надо, ты и иди», «льготы имеют те, кто “остался” на той земле». Он даже не пошел получать какую-то награду, которая ему была положена.

Возможно, чтобы уйти от постоянной опеки со стороны матери, Александр и отправился за отцом в Сургут. Там он, согласно трудовой книжке, с первого марта 1983 года работал в «1-ом отряде военизированной пожарной охраны УПО УВД Тюменского облисполкома г. Сургута». Как сказано в записи, эта «местность приравнена к районам крайнего севера». Видимо, возможность хорошо заработать определила выбор места нового жительства Анатолия Сафонова, а потом и его сына Александра. В трудовой я нашла сведения о поощрениях — благодарность и премию в размере 30 рублей «за участие в соревнованиях по ППС».

Надо сказать, записи в трудовой книжке и страницы его паспорта о прописке навели нас на размышления о весьма характерной черте для большой категории бывших «афганцев» — о проблемах с трудоустройством и трудностях в налаживании отношений со своими сослуживцами, что проявлялось в частой смене мест работы. За семь лет с 1983 по 1991 гг. отец сменил девять мест работы.

По словам заведующего психотерапевтическим отделением Волгоградского областного госпиталя ветеранов войны Андрея Григорьевича Кривцова, работодатели часто отказывали бывшим «афганцам», ведь те трудно входили в трудовые коллективы и часто меняли места работы.

Весной 1991 папа со своим братом Владимиром приехал в город Волгоград к своей бабушке. В то время она была соседкой родителей моей мамы. Папа сразу обратил внимание на маму, но она в это время готовилась к свадьбе с другим

человеком, с Владимиром Николаевичем Маликовым. Они поженились 30 марта 1991 года.

В их семье с самого начала не было гармонии и взаимопонимания. Переломным моментом в отношениях послужило известие о том, что в их семье ожидается пополнение. Владимир не хотел в это время заводить детей, поэтому Елена ушла от него к своим родителям. Она была уверена, что сумеет воспитать «своего» ребенка без мужа, а родители ей в этом помогут. Так 20 февраля 1992 года на свет появилась моя старшая сестра, ее назвали Александрой, в честь бабушки.

В это время мой будущий отец устроился в Волго-Донскую дистанцию пути (ПЧ-19) монтером пути второго разряда на четырехлинейный участок. Спустя три месяца, 23 июля 1991 года, Александру был присвоен третий разряд монтера пути. При содействии данного предприятия и военкомата, ему была выделена комната в общежитии.

Весной 1992 года папа первый раз после Ташкента, спустя 10 лет, попал в госпиталь. Узнав о том, что в Волгоградском областном клиническом госпитале ветеранов войн можно пройти реабилитацию как ветерану Афганской войны, его мать выхлопотала для него место. В госпитале папу поддерживали лекарствами, также с ним работали психологи. К проблемам, связанным с последствиями заболеваний, полученных в Афганистане, добавились новые, связанные с травмоопасной работой монтера-путейца. Реабилитационный курс длился 21 день. После госпиталя отец получил путевку на Байкал.

Когда мама развелась со своим первым мужем, Александр начал оказывать ей знаки внимания. Мама тяжело переживала развод и нуждалась в поддержке. Постепенно они стали больше общаться. Особенно после того, как папа пригласил ее с дочкой Сашенькой на празднование своего тридцатилетия 19 июля 1992-го. В своем дневнике, который Елена вела нерегулярно с 1978 года, она написала: «В судьбу вошел Сафонов Санька. Как надолго и прочно ли — не знаю». Он красиво ухаживал за Еленой. У нас сохранились открытки, они были не только праздничные, но и повседневные, некоторые сопровождалась стихами.

Для мамы было очень важно, что Александр очень привязался к Сашеньке. Они часто гуляли втроем, а однажды, когда Саше уже было примерно 9 месяцев, она назвала его «папой»! Как вспоминает мама, для нее это было неожиданным: «Никто не учил Сашу этому слову, в семье это слово не произносилось, к своему отцу я обращалась не иначе как “дед”». Забегая вперед, скажу, что папа всегда относился к моей сестре Саше как к родному ребенку, несмотря ни на какие семейные трудности и передраги.

Примерно в октябре 1992 года Елена и Александр начали жить вместе в общежитии. Комнаты в общежитии выдавались железнодорожникам, мама с дочерью Сашей жила в так называемой семейной, потом туда переехал и Александр.

Здесь надо сделать оговорку, что Александр Сафонов как воин-«афганец», видимо, благодаря особым усилиям своей матери, получил однокомнатную квартиру.

22 июня 1994 года родилась я, Галина Александровна Сафонова.

Наши собственные с сестрой воспоминания о детстве, когда с нами был папа, остались светлыми и радостными. Он проводил с нами много времени. Втроем мы играли в различные игры: «прятки», бадминтон, футбол, «догонялки», «кошки-мышки» и многое другое. Мама до сих пор хранит наши с сестрой детские рисунки, многие из которых были нарисованы совместно с папой. Сестра

Александра особенно любит вспоминать, как отец катал ее на плечах: «Тогда весь мир представлялся мне, практически, с высоты птичьего полета... Эмоции захватывали, казалось, что ты могуч и всесилен, в тот же момент было очень страшно, казалось, что ты можешь упасть, либо еще хуже — ударится головой о потолок...»

Мы до сих пор часто с сестрой вспоминаем, как любили гулять на площади перед Домом культуры поселка Горьковский, у фонтана, который, как мне кажется, никогда не включали. Иногда мы вместе «гоняли» мяч по асфальту, иногда играли в «догонялки», мама и папа нам поддавались, но это я поняла только со временем, а бывало, что они сидели на лавочке и о чем-то разговаривали, а мы с сестрой играли под их присмотром.

Папа мог очень правильно пожалеть и утешить нас с сестрой. Мне особенно запомнился случай, когда я однажды, играя с другими детьми на детской площадке, «содрала» коленки и, получив дома первую медицинскую помощь от бабушки, уснула после продолжительных рыданий. Когда я проснулась, то увидела рядом с собой отца. Он сказал, что примчался, как только узнал о моей беде. Возможно, это было немного приукрашено папой, но я до сих пор верю только в его историю.

Летом мы всей семьей и с бабушкой со стороны нашей мамы, Александрой Владимировной, любили ходить на пруд. В прохладной воде купались все, кроме Александры Владимировны; бабушка мочила только ноги и наблюдала за купанием своих детей и внуков.

В нашей семье, наверно, как во многих семьях, весело праздновали Новый год: с подарками под елкой, с конфетами и мандаринами, с Дедом Морозом. Мама особенно вспоминает встречу 1997 года: «В комнате уже был накрыт праздничный стол, в середине зала стояла наряженная елка. Мы уже вовсю отмечали Новый год. Через некоторое время Саша куда-то вышел, наверно, побежал к бабе Нюре поздравить ее с наступающим. Звонок в дверь. Дверь открывается и заходит Дед Мороз, как полагается, борода из ваты, с посохом в руке, и спрашивает: “Здесь ли живут Шурочка и Галочка?” У девчат от удивления раскрылись рты. Дед Мороз сразу же стал задавать им вопросы, не дожидаясь, пока они придут в себя: как они поживают? не обижают ли друг друга? слушаются ли маму? У девчат были круглые глаза. Дед Мороз просит рассказать стишок. Шурочка, запинаясь, рассказывает первая с робостью и стеснением. После нее Галя с восклицаниями “и я! и я!” рассказывает тот же самый стишок, дальше со словами “а вот исё! исё!” начинает рассказывать тот же стих еще раз. Дед Мороз достает подарки из своего мешка и дарит девчатам. В этот момент у него отклеиваются то ли усы, то ли брови. Мы с ним встречаемся взглядом, я еле сдерживаю себя, чтобы не рассмеяться. Дед Мороз прощается и быстренько уходит. Тут Шурочка выходит из оцепенения и говорит: “Куртка у него как у папы!” Обе подбегают к открытой входной двери, выглядывают в общий коридор и кричат: “Это же папа, папа!”».

СЕМЬЯ САФОНОВЫХ

Мама вспоминает случай, когда папа принес огромный красочно оформленный пакет с различными конфетами, печеньем, шоколадками, «чупа-чупсами», жевательными резинками, чипсами и т. п. Оказалось, что он купил всё это на

свой ваучер. В то время наших граждан пытались убедить в том, что ваучеры — это часть национального достояния, которая позволит каждой семье решить свои проблемы. Надо их только правильно вложить в дело. Но отец не верил в эту идею и решил лучше хоть один раз порадовать своих детей. Мама была в шоке. В то время семья на свою зарплату не могла себе позволить ничего подобного. А сейчас она этот случай вспоминает с улыбкой, тем более что мы, дети, были в восторге.

Но семейное счастье Сафоновых было недолгим. Уже в 1996-м Елена впервые поняла, что у ее мужа есть серьезные проблемы не только с физическим, к чему она была готова, но и с душевным здоровьем: «Почти полгода живем у мамы... Устала от всего битого и ожидания концертов. Девчонки растут, их надо ставить на ноги», — запись из дневника мамы, 4 сентября 1996 г.

Размышляя над этим, мы склоняемся к тому, что мама, как и большинство людей ее поколения, просто не могла распознать и осознать, что она имеет дело с постафганским синдромом. Лишь спустя годы этот синдром будет описан, наши ученые-врачи проведут параллель между постафганским и поствьетнамским синдромом, который к этому времени уже хорошо изучили американцы. Позже советские ученые установили, что 35–40% воинов-интернационалистов остро нуждались в помощи психологов. «В острой форме посттравматические стрессовые реакции могут проявляться в постоянной раздражительности, хронической депрессии, трудности установления доверительных отношений с другими людьми, в навязчивых воспоминаниях о прошлом и чувстве отчужденности от других людей» (Война в Афганистане. М.: Воениздат, 1991. С. 307-308).

Как я поняла по обрывкам переписки бабушки с моей мамой, она стала рассказывать маме о заболеваниях своего сына только в середине 90-х годов. В очередном письме бабушка прислала своему сыну и невестке ксерокопию статьи «Поставьте на ноги ваших сыновей!» из какой-то местной газеты. Статья написана И. Коваленко, матерью сыновей, воевавших в Чечне и столкнувшихся с теми же проблемами, что и матери бывших «афганцев». На этой ксерокопии Анна подчеркнет самые точные, правильные и важные для нее строки: «Хочу поделиться бедой, лежащей камнем на моей душе. Так уж вышло, что я одна воспитывала своих детей... А вернулись (с войны) мои сыновья, и я не узнала их. Издерганные, агрессивные, потерянные какие-то, ночью кричат, вскрикивают, бредят. Читать не хотят, не могут, телевизор смотреть — тоже. А какие они пришли оборванные, вшивые, ноги — сбитые, в мозолях. Работать в коллективе они теперь не могут. Жениться и жить семьей — не могут. Что уж говорить о том, чтобы они мне обеспечили старость, когда у них у самих зубов нет, здоровья нет. Словом, это молодые покалеченные судьбы. Наши дети гибнут там (на войне) физически и морально...»

Александр стал много пить, а в подвыпившем состоянии крушил все на своем пути, не осознавая своего поведения. У отца были выявлены поражения центральной нервной системы (ЦНС).

Мама и бабушка как могли боролись за здоровье мужа и сына. С середины 90-х годов Александр стал регулярно ложиться на лечение в госпиталь. У нас сохранились медицинские справки, благодаря которым мы узнали, что у него был ряд патологий головного мозга. Причем эти изменения возникли как следствие получения черепно-мозговых травм и интоксикации клеток головного мозга «во время службы в Афганистане». Это влияло на общее физическое состояние отца.

Впоследствии у него стали случаться «приступы с потерей сознания, судорогами и пеной изо рта». Александр был признан инвалидом третьей группы. В связи с этим ему был «противопоказан тяжелый физический труд».

В 1997 году в Волгоградском областном клиническом госпитале ветеранов войн было открыто психотерапевтическое отделение, главным направлением которого было восстановление психического здоровья. Бывшие военнослужащие, уже будучи дома, на гражданке, продолжали воевать: громили мебель, били тарелки, чашки, кастрюли. У госпитализированных были каждодневные групповые занятия. Существовала специальная программа для семей ветеранов боевых действий. Некоторые беседы проводились втроем: муж, жена и врач-психотерапевт. Врач задавал вопросы: «Кто виноват? Вас спровоцировал(а) жена/муж? Ребенок неправильно себя повел?», отвечать на которые было весьма затруднительно. Разбирали бытовые проблемы: имеет ли смысл продолжать жить вместе, пытались понять, кто виноват в предыдущем конфликте, какие ошибки были сделаны и что этому способствовало. В этих беседах врач пытался вывести супругов на осознание своей доли вины и добиться того, чтобы они сделали шаги навстречу друг другу. Мама вспоминает эти беседы с горечью. Они были очень тяжелыми и, в конечном счете, не давали никаких результатов.

Конечно, лечение приносило некоторое облегчение. Отец становился спокойнее. Он очень скучал по родным и всегда стремился вернуться в семью. У нас сохранились некоторые письма папы из госпиталя. Мама хранит их уже не один год — не потому, что в них содержится какая-то важная информация, а видимо, потому, что в них сквозит та доброта и любовь, которая привлекла когда-то ее в этом человеке.

Но со временем всё повторялось. Папа дал клятву (в который уже раз) не пить. Этой клятвой послужила расписка, написанная им в тот же день: «Обет трезвости. Я, Сафонов Александр Анатольевич, призываю в свидетели Господа Бога, что с сего дня даю зарок не пить вина, водки, пива. А также вести трезвый здоровый образ жизни». Но эта расписка, конечно, ничего не изменила в жизни моей семьи. «Нет, не выдержал он и месяца, 24-го устроил опять здесь концерт», — записано в мамином дневнике. Позже она написала: «Порой бывает впечатление, что Сашка — зомби. Настолько меняется мимика, осанка, не говоря уже о его действиях. Слово его перещелкивает. Кто виноват? Или что виною этому?»

Подобные вопросы задавались не только моей мамой. В статье Н. Дудниковой «Научиться владеть собой» в журнале «Боевое Братство» (2007, № 9) я прочла созвучные слова: «Солдата обучают отвечать на собственное чувство страха агрессивным поведением. При достаточной тренировке этот навык доводится до автоматизма: человек агрессивно реагирует, не задумываясь, не осознавая, что именно его напугало. Именно этот гнев многие ветераны считают главной причиной своих жизненных трудностей в мирной жизни: “Не знаю, откуда это у меня”, “На меня вдруг что-то нашло”, “Порой это происходит без всякой причины”. Проблемы создает не просто умеренная злость, а неуправляемые взрывы ярости. Гнев можно сравнить со стихией огня: он несет в себе энергию, вырвавшись из-под контроля, он может оставить после себя выжженную пустыню там, где недавно были человеческие отношения».

Психические проблемы отца со временем не только не решались, но еще больше усугублялись, выяснилось, что он не только злоупотреблял алкоголем, но и принимал наркотики. В одной из медицинских справок мы прочли: «Нор-

мологический анамнез: употребляет алкоголь больше обычного в течение 5 лет. Толерантность — 1 литр водки. Пьет все виды спиртных напитков, но предпочитает крепкие спиртные напитки. Все виды контроля потеряны. К своему состоянию относиться не критично. Защитный рвотный рефлекс не выявлен.

В настоящее время родственников беспокоит крайняя агрессия в состоянии опьянения. С 1981 года начал употреблять коноплю, анашу путем курения. Чаше употребляет наркотик в состоянии алкогольного опьянения. Статус в настоящее время: ориентирован в полном объеме. Адекватен. Психически лабилен.

Настроение на лечение формальное.

Диагноз: Хр. алкоголизм 1–2 стадии. Злоупотребление наркотическими препаратами (анаша). Врач».

То, что наш отец стал наркоманом, мама долго скрывала от нас. Перед тем как отдать мне те документы, которые я сейчас цитирую, она меня спросила, уверена ли я в том, что хочу знать всю правду до конца? Я считаю, что мы с сестрой должны знать всю правду об отце, чтобы, по крайней мере, приблизиться к пониманию. Размышляя над этим, мы осознали, что проблема алкоголизма и наркомании, которым так подвержена значительная часть «афганцев», это проблема не только нашей семьи, это проблема социальная и касается очень многих семей, таких как наша. Ведь многие представители поколения моего отца впервые попробовали наркотики именно в Афганистане, а сейчас Афганистан является одним из главных поставщиков наркотиков в мире, в том числе и в Россию.

Н. Дудникова, которую я уже не раз цитировала, затрагивает вопрос об алкоголизме на войне: «Для снятия стресса на войне люди пользуются тем, что имеют. Пили и пьют на войне много, но не пьянеют. Хронический стресс снижает чувствительность к алкоголю. Во всех армиях мира перед боем рядовые и офицеры выпивали положенный им стакан. Для храбрости, а главным образом для предохранения от болевого шока при ранении. Впрочем, и после боя солдат пил стакан-другой для психологической разрядки. Шли в ход и наркотические средства».

А вот слова бывшего капитана А. Дубровского в книге «Война в Афганистане»: «Солдаты, да и кое-кто из офицеров, принимали наркотики не для удовольствия. Не каждый мог привыкнуть к изуродованным трупам своих товарищей. Вот и находили средство, чтобы забыться на время и успокоиться как-то».

Конечно, не все, кто прошел «Афган», впали в алкоголизм и наркоманию. Мы много размышляли над этим, пытаясь понять, почему наш отец не удержался, почему он поддался? В поисках ответа на этот вопрос мы обратились в Волгоградский областной клинический госпиталь ветеранов войн. Мы встретились с заведующим психотерапевтического отделения Андреем Григорьевичем Кривцовым, который был одним из лечащих врачей моего отца. Он вспомнил маму, вспомнил нашего отца. А на наш вопрос ответил довольно обобщенно. Врач, как многие современные психотерапевты, считает, что Афганистан в данной ситуации является только увеличительным стеклом, которое попросту умножило во много раз проблемы психики, заложенные еще в детском возрасте.

Положение и самочувствие воинов-«афганцев» усугубляло изменившееся отношение к ним и к проблеме Афганистана в обществе в 90-е годы. То, что в начале 80-х называли интернациональным долгом, в 90-е стали оценивать как стратегическую политическую ошибку. Такие перемены в оценках были страшны тем, что в обществе, в повседневности, формировалось негативное отношение

к «афганцам» на личностном уровне. Находились люди, которые считали излишними даже те небольшие льготы, которые установило государство войнам-интернационалистам. Расхожей стала фраза, звучавшая из уст чиновников всех уровней: «Я вас туда не посылал».

Вторая половина 90-х годов, как я выяснила, оказалась самым тяжелым периодом жизни нашей семьи. Она прошла под знаком борьбы и надежды.

После прохождения реабилитационных курсов моему отцу иногда предоставляли путевки в санатории: в 1995 году — в Сочи, в 1997 году — в Эссентуки. 17 апреля 1997 г. мама записала в дневнике: «Сашка выдала семейную путевку в Эссентуки, я ездила в госпиталь, получила ее... Саша клянется, что пить не будет, но веры нет. Хотя, конечно, хочется семью...» Как для меня, так и для сестры, эта поездка значила многое — вся семья была вместе. Мы запомнили улицы этого курортного города, красивые архитектурные сооружения, улиток на каменном заборе, белок в парке, но не запомнили только одного — проблем, которые, оказывается, были в нашей семье за время пребывания в Эссентуках: «Сашка показал там себя во всей красе. Это лишний раз доказывает, что он не изменится. А у меня нет сил и желания подлаживать голову», — напишет мама по возвращению домой.

Мама боролась за отца несколько лет. Обращалась не только к врачам, но и к нетрадиционной медицине. Прошли через гипноз, кодирование, экстрасенсов, знахарей, «бабушек»... В 1998 году Елена решила уйти с дочерьми к своим родителям. Решение родилось в ее сознании тогда, когда она стала замечать, что каждый вечер прислушивается к шагам на лестничной клетке. Она научилась по шагам понимать, в каком состоянии сегодня придет ее муж. Его приступы агрессии становились всё чаще и разрушительнее. Она стала бояться за нас, дочерей.

Решение уйти к своим родителям далось маме очень трудно, потому что она понимала, что ее уход ускорит деградацию мужа: «Сашка продал бабин Галин ковер. Он там скоро всё повынесет. Временами его очень жалко, по-человечески, ведь он бывает человеком, жаль, что прожигает свое здоровье и наше тоже, жаль, что не хочет, не может контролировать себя. Как коротка наша жизнь!.. Так он пропьет не только вещи, квартиры, но и себя...»

Так и получилось. 11 февраля 1998 года отец был уволен, как указано в трудовой книжке — «по собственному желанию», а на самом деле это было не так. В это время у отца случались частые прогулы, но начальство решило его уволить только после эпилептического приступа, который случился на рельсах. Отец в это время работал монтером путей.

Бабушка по маминой линии с горечью вспоминала случаи, когда он приходил к своей теще и просил дать ему хоть сухарик. Александра Владимировна очень жалела его, подкармливала, как могла. Сокрушенно говорила ему: «Сашка-Сашка, какой мужик был... и что теперь с тобой стало...» Но в нем еще жива была потребность в заботе о своей семье. В конце 90-х было очень трудно устроить своих детей в детские сады, с этим в полной мере столкнулась семья Сафоновых. Садики были переполнены, но для детей своих сотрудников места в садике выделялись. Поэтому ради нас с Сашей 16 декабря 1998 года Александр устроился на должность слесаря-сантехника в ДУ № 2 Волгоградской КЭЧ. С этого момента меня и сестру оформили в детский сад «Белоснежка и семь гномов».

Папа приходил к нам с Сашей. Мы вместе гуляли, рисовали, играли как прежде. Саше особенно запомнился случай, когда мы все вместе ходили в «Луна-

парк». Это было примерно в 1999 году. Ходили также на спортивную площадку. Отец учил нас подтягиваться, правда, у нас в то время получалось только висеть.

Несмотря ни на что, наши родители поддерживали отношения друг с другом. Они организовывали для нас с сестрой пикники на природе, рыбалку. В такое время мы чувствовали себя настоящей семьей. Но такие дни выдавались всё реже. Всё чаще мы видели папу с разбитым лицом, он очень изменился внешне.

Надо сказать, что тогда в 90-е мы с сестрой не могли осознавать весь драматизм того, что происходило в нашей семье и стране. Мама смогла сделать так, чтобы мы не почувствовали тотального дефицита, страшной для многих семей «бюджетников» инфляции, она долгое время молчала о проблемах отца, с которыми так долго и безуспешно боролась. Мы благодарны ей за то, что она сама не ожесточилась против него, сохранила в своей памяти и донесла до нас его лучшие черты. Мы считаем, что она поступила правильно, что не уничтожила документы, по которым мы смогли восстановить биографию отца.

Оглядываясь назад, мама признается: «Память — интересная штука, запоминает хорошее и выкидывает плохое как не нужную информацию. Спустила годы, Санька вспоминается по-доброму. Я знаю точно, он любил меня и восхищался. Он любил девчат и занимался с ними, нашим девчатам завидовали их друзья и подруги, даже те, кто жил с папами, не говоря о тех, кто воспитывался без отцов».

В начале октября 2002 года папа заболел. В это время он жил один. Мама пыталась устроить отца в больницу или госпиталь, но везде было отказано в госпитализации. Возможно, врачи были уверены в том, что он обречен. Мама каждый последующий день была рядом с ним, буквально кормила его с ложечки. Сам есть он уже не мог, с каждым днем становился всё слабее. Через несколько дней он практически перестал есть.

Я хорошо помню тот день, когда мама разрешила мне проведать папу. Он лежал на полу, так как перед моим приходом он упал с кровати. Я села перед папой на корточки, держала его руку, она была холодная. Папа был очень слаб. Я до сих пор помню его взгляд: он смотрел на меня, а казалось, будто бы сквозь меня... Я не смогла сдержать своих чувств и расплакалась. Мне кажется, в ту секунду, всем присутствующим в комнате было понятно, что развязка близка. Мама подняла меня с пола и отвела домой. А я до последнего верила, что папа поправится и будет жить!

17 октября, около 8 часов утра папы не стало... Нас с сестрой на кладбище не взяли... Гроб несли его друзья-собутельники. Все они довольно скоро ушли из жизни один за другим.

***

В свидетельстве о смерти Александра Сафонова указан диагноз — ишемическая болезнь сердца. Ему было всего сорок лет. Прошло почти десять лет, а я по-прежнему задаюсь вопросом, почему его век оказался таким коротким? Почему он, такой добрый и любящий, вдруг становился совсем другим человеком? Почему мама не смогла удержать его от пьянства? Почему всё это случилось именно с моим отцом? Эти вопросы всегда меня волновали и не давали покоя, как будто что-то важное осталось не сказанным всеми нами: и отцом, и мамой, и мной, и моей сестрой...

Когда я писала эту работу, всё дальше углубляясь в биографию своего отца, я узнала то, что мама не решалась нам рассказать, то, что мы с сестрой смутно помнили, не понимая до конца. Для меня очень важно, что мне самой удалось восстановить и понять нашу семейную историю. Мне вдруг открылась простая истина: с момента призыва в армию, судьба отца проходила под знаком «афганского синдрома». Она оказалась для него непосильным физическим и психическим испытанием. Конечно, можно рассуждать о том, что были люди, которые смогли сохранить свое психическое и физическое здоровье, начать новую жизнь, приводить яркие примеры удивительных судеб героев-«афганцев». Я искренне восхищаюсь этими людьми и желаю им здоровья на многие годы, но я не могу не думать о тех, кто как мой отец, не смог вернуться с этой войны...

Сейчас обнародованы приблизительные цифры безвозвратных потерь: 12–15 тысяч военнослужащих погибло или умерло от ран, полученных в Афганистане. Мой отец не числится в этих списках. Однако у меня нет сомнений в том, что он — еще одна из многих жертв этой войны.

Размышляя о причинах, ходе и последствиях Афганской войны, я невольно сравниваю ее с войной Великой Отечественной. Фронтовики Великой Отечественной войны, что бы ни говорили о сегодняшнем положении наших ветеранов, всегда признавались героями, защищавшими Отечество. Никто не может сказать, что жертвы, которые были принесены в той войне, напрасны. Совсем иная картина относительно Афганской войны и ее ветеранов.

В нашей стране получилось так, что вместе с признанием ошибки введения советских войск в Афганистан жертвы этой войны тоже были названы напрасными. Именно это последнее мне представляется крайне несправедливым. Ошибки сделали одни, осудили ошибки и объявили жертвы бессмысленными другие... А что же сами «жертвы»? Просто один из уроков истории? Некрасивые страницы истории, которые хочется скорее перевернуть? Это то, что убивало наших «афганцев», вернувшихся более-менее живыми или более-менее здоровыми.

Мы не можем что-то переиначить в истории, но мы можем и должны помнить эти самые некрасивые страницы истории и лучшие черты тех, кто мог бы прожить совсем иную жизнь...

Чеченский синдром

100 писем рядового Виталия Зайцева (письма из Чечни)

Анастасия Бондаренко, Ольга Селина, Ольга Шищенко
п. Матвеев Курган, Ростовская обл.
научный руководитель: О. И. Столбовская

Мы, Анастасия Бондаренко, Ольга Шищенко и Ольга Селина, дружим давно и учимся в 10 «А» классе Матвеево-Курганской школы № 1. И когда наша учительница Ольга Ивановна Столбовская предложила поучаствовать в школьном конкурсе, мы согласились.

Поэтому мы с Ольгой Ивановной отправились в гости к Зайцевым. Мы узнали, что их сын служил в «горячей точке», а мы собирали материал о земляках матвеево-курганцах, которые служили в армии в разное время. Тогда мы еще не знали, что эта встреча с родителями рядового Виталия Зайцева изменит содержание работы, что мы целиком сосредоточимся на новой теме.

Нас приветливо встретила Надежда Петровна Зайцева, угостила чаем с домашним печеньем. Мы узнали, что ее сын погиб в Чечне 19 августа 1996 года. Она говорила об этом скупно, но мы попросили показать фотографии и письма. Оказалось, что Виталий за год и два месяца службы написал домой ровно 100 писем. Перед нами лежала толстая пачка конвертов, слегка потрепанных по краям. Видно было, что письма эти — семейная реликвия, что их берегут, читают и перечитывают. Они нумерованы по мере получения. Некоторые письма с большими номерами написаны раньше, но домой пришли позже. Последнее письмо, написанное на обрывке засвеченной фотобумаги, попало домой только через 4 года.

Фотографии Виталия Настя Бондаренко пересняла с солдатского альбома.

Надежда Петровна согласилась на несколько дней дать нам эти письма. Мы стали читать их, рассматривали расписанные и разрисованные конверты, вглядывались в лица на фотографиях и все больше узнавали парня, погибшего на войне, когда мы были еще маленькими. Мы погружались в его мир, казалось, что он разговаривает с нами. Он так и написал в одном из своих писем: «Я вам, наверное, уже скоро надоем своими письмами, но когда делать нечего, приходится писать, это, похоже, как будто я с вами разговариваю». Мы решили, что в работе приведем письма почти целиком, сократим только некоторые повторяющиеся места. Мы считаем, что эти письма могут быть ценным историческим источником, так как не у многих солдат хватало терпения так часто писать, так откровенно рассказывать о событиях армейской жизни, об участии в военных действиях во время Первой чеченской войны.

Нам хотелось, чтобы и другие люди узнали, каким хорошим и добрым человеком был Виталий Зайцев, и чтобы больше никогда не привозили в наш поселок и другие места в России цинковые гробы с останками погибших солдат. Конечно, мы многое узнали о событиях на Кавказе в 1994–1996 годах, о том, как служилось в армии в то время рядовым солдатам, таким как Виталий.

ВИТАЛИЙ ЗАЙЦЕВ

Жила в поселке Матвеев Курган Ростовской области обыкновенная рабочая семья Зайцевых. Воспитывали троих сыновей — Игоря, Виталия и Евгения. Надежда Петровна была рабочей в Сельхозэнерго, Николай Иванович — шофером в АТП. Зарплаты были небольшие, поэтому держали хозяйство — выращивали уток, кур, держали корову. Заняты были с утра до ночи.

Надежда Петровна Зайцева рассказывает: «Трое сыновей в семье и все разные. Игорь любил учиться. Был отличником. А Виталию учеба труднее давалась. Он был усидчивым, но вообще-то не любил учиться. Зато он был первым помощником по хозяйству. Любил работать по дому. В школу мне за Виталика не стыдно было ходить на собрания. А вот за Женю...»

В семье увлекались спортом. Надежда Петровна занималась стрельбой, Игорь ходил на велоспорт, а Женя на футбол. А вот Виталик во многих видах себя пробовал, посещал занятия секций самбо, вольной борьбы, картинга, бокса, футбола. А сколько у него осталось грамот! Он занимал призовые места в районных соревнованиях по разным видам спорта.

Кроме того, Виталий был музыкальным — посещал занятия в духовом оркестре, умел играть на гитаре. Любил технику, умел починить мотоцикл. Он был человеком общительным, люди ему были интересны.

Друг Виталия Евгений К. рассказывал, как они проводили лето: «Летом вокруг поля зеленеют, за полями — ферма и ставок. Вот туда мы и ходили. Покупаемся в ставке — и на ферму. А там — лошади. Их было около тридцати. Мальчишек приходило столько же. Скотники так просто к лошадям не подпускали. Сначала нужно было поработать — убрать навоз, раздать лошадям корм, почистить. Только тогда скотник разрешал на лошади покататься. У каждого мальчишки была своя лошадь. Моего звали Буран, а Виталика конь — Маяк. Только его и признавал, норовистый был, никого другого не подпускал. Работали мы бесплатно, только за “покататься”.

Когда подросли, это умение пригодилось. Стали летом на лошадях коров пасти, здесь уже что-то зарабатывали. Виталий тоже пас коров в колхозе».

После окончания девятого класса Виталий поступил в СПТУ-80, учился там 3 года. Он получил специальность тракториста, а также сдал экзамены на водителя. На первую зарплату купил детали и собрал мотоцикл ИЖ. Работал он очень добросовестно. У него были большие планы. Виталий мечтал стать водителем-дальнобойщиком, повидать мир, заработать деньги. Кто знает, осуществились бы они? Кем бы стал Виталий, какая у него была бы семья, какой дом?

В конце ноября 1994 года колхоз «Октябрьская революция» окончательно обанкротился. Стали распродавать ферму. Надежда Петровна рассказывает: «Виталий прибежал, со слезами просил: “Мама, Маячка продают на мясо, завтра утром должны забрать. Давай купим Маячка! 500 000 рублей стоит” [до денационации 1998 года, когда 1 тысяча старых рублей была приравнена к новой рублю — А. Б., О. С., О. Ш.]. Ну а где я ему деньги такие возьму? По тем временам была большая сумма. Пришлось занимать у соседей. Тут же он побежал в колхозную контору на другой конец поселка. Было уже около четырех вечера, вот-вот все бы закрылось, но он успел. Вечером, по темноте, привел Маячка домой. Поставили лошадь во дворе. Даже сарая не было для него. Он возле соседей стоял, копытами бил о соседский забор, и они все время жаловались.

Ночи были холодными. Виталий заботился о коне: выпрашивал у меня одеяла, заматывал его, подвязывал, чтобы не спадало. Шапку-ушанку на голову одел. А мы смеялись! Та еще картина была — Маячок в шапке! Позже построили сарай, Виталий кормов достал, бричку. Конь был с норовом, никого не подпускал, кроме Виталия. Пока Виталий рядом, и Женя мог прокатиться, и Игорь. Но вот когда нет хозяина, то это проблемой было. И после гибели Виталия тоже так. Жил у нас Маячок долго, только 4 года назад продала цыганам с условием, чтобы не на мясо.

Как Виталика забирали в армию — утром все уже собрались идти в военкомат, а его нет. Оказывается, он пошел попрощаться со своим Маячком. Я захожу, чтобы позвать его, а он стоит, обняв свою любимую лошадь за голову, и плачет — так ему жаль было расставаться».

Григорий Г. вспоминает: «Вместе с Виталием служили в одном взводе около 10 месяцев. Такого человека я больше в жизни не встречал. Очень положительный, надежный и спокойный. За это время он ни с кем в конфликт не вступил, да что там в конфликт, даже напряженных ситуаций не было. Со всеми мог поладить, со всеми поговорить. Очень приятный в общении. Даже с дагестанцами ладил. Никогда от него жалоб не слышал. Всегда улыбался. Если и жаловался на что-то, то с улыбкой, как-то старался и в жалобе шутливо сказать».

Мы слушали людей, знавших Виталия Зайцева, и всё больше нам казалось, что мы его тоже знаем. И все-таки нам кажется, что в его письмах раскрывается о нем что-то, чего не знали друзья. И думаем, что его родители, Надежда Петровна и Николай Иванович Зайцевы, тоже по-настоящему узнали своего сына, читая его письма. Что в суете будней, в круговерти крестьянских забот им было просто некогда понять его. Мы думаем, что если бы Виталий выжил, вернулся бы домой, у него были бы еще лучшие отношения с родителями после этих писем. И тем более горька для них эта утрата, которую ничем не восполнить.

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

Чтобы читатель мог лучше представить себе тогдашние события, мы хотим привести хронологию событий Первой чеченской войны.

1994 год

- 11 декабря 1994 года подразделения Минобороны и МВД России вошли на территорию Чечни на основании указа Президента РФ Бориса Ельцина «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта».
- 31 декабря 1994 — февраль 1995 — битва за Грозный.

1995 год

- 10 марта — начало боев за Бамут.
- 7 апреля — бой за село Самашки. Потери российской стороны составили 13–16 человек погибшими и 50–52 ранеными. Особую обеспокоенность правозащитных организаций вызвала зачистка села после боя, в результате которой, по приблизительным данным, погибло свыше 100 мирных жителей.
- 10 апреля — федеральные силы с минимальными потерями заняли Ачхой-Мартан.

- 15–17 апреля — безуспешная попытка штурма Бамута.
- 3 июня — федеральные силы вошли в Ведено.
- 12 июня — федеральные силы овладели населенными пунктами Шатой и Ножай-Юрт.
- 14–17 июня — террористический акт в Буденновске.
- 14 декабря — боевики Руслана Гелаева захватили Урус-Мартан, но позже отступили.
- 15 декабря — боевики Салмана Радуева отбили Гудермес, но позже также отступили.

1996 год

- 9 января — рейд на Кизляр (Салман Радуев).
- 6–8 марта — рейд боевиков на Грозный.
- 15 апреля — начат вывод федеральных войск из Чечни.
- 16 апреля — в Аргунском ущелье у села Ярышмарды попала в засаду и понесла тяжелые потери колонна федеральных войск.
- 21 апреля — Джохар Дудаев погиб от удара ракеты в районе села Гехи-Чу, в 30 км от Грозного.
- 22 мая — взятие Бамута.
- 28 мая — незадолго до президентских выборов Борис Ельцин посетил с визитом Чечню. Выступая перед военнослужащими федеральных войск, он заявил: «Война окончилась. Победа за вами. Вы победили мятежный дудаевский режим».
- 6 августа — операция «Джихад», в ходе которой чеченские боевики восстановили контроль над Грозным. Федеральные силы в Гудермесе и Аргуне также блокированы боевиками.
- 14 августа — соглашение о прекращении огня.
- 31 августа принимаются Хасавюртовские соглашения, подписанные Асланом Масхадовым и Александром Лебедем. Начинается вывод федеральных войск из Чечни.

1996 год стал переломным и одновременно завершающим в ходе первой чеченской кампании. Сложилась патовая ситуация: боевики не имели возможности закрепить свои временные успехи, достигнутые в результате внезапных набегов, а федеральные войска — разгромить их наиболее крупные формирования или хотя бы оттеснить в горы. Не удалось уничтожить или пленить наиболее авторитетных полевых командиров. Для сепаратистов «ничья» фактически означала победу, а для Москвы она столь же однозначно выглядела поражением.

Война в Чечне стала первым крупнейшим военным столкновением на территории бывшего СССР со времен Второй мировой войны.

Знали ли погибшие, во имя чего отдали они свои жизни? Знают ли живые, ради чего прошли свой мучительный путь? Все они, прошедшие через горнило позорной войны, — ее жертвы. Как и наш земляк Виталий Зайцев, погибший в Первую чеченскую войну.

«ВАШ СЫН И БРАТ...»

Виталия Зайцева призвали в армию 5 июня 1995 года, через неделю после его восемнадцатилетия. И он сразу же начал писать письма домой. Эти письма составили что-то вроде дневника, так как многие из них писались с интервалом

в 2–3 дня. Только после полугода службы он стал писать немного реже. Мы приводим в этой главе письма с нашими комментариями. Стиль и орфографию мы сохранили.

Письмо 1

«Здравствуйте мама, папа, Игорь и Женя! Пишу вам письмо прямо из части. Попал я в мотострелковую дивизию в инженерно-саперную роту. Здесь непривычно, домой хочется. Мам, насчет того, что я писал в первом письме, будет (война в Чечне) точно через полгода, но говорят 3 мес., об этом здесь все только и говорят. Ты напиши письмо Сашке Гончарову, пусть он там поговорит о том, что он обещал. А обещал он, если что, договориться перевести в другую часть. Не знаю только, получится ли это. Я здесь не вытерплю. С Батайска мы ехали на поезде 12 часов, потом нас на военных машинах отвезли в часть и поделили по ротам. Сашка оказался в другой роте. Ну, мы видимся. С Кургана там больше никого нет, кроме нас, а с области многовато. Эта часть находится прямо в городе, вокруг везде горы, сейчас здесь грязь, ветер, солнца нет, в общем, климат плохой, но воздух свежий <...>

Ну ладно мама, папа, до свидания, а то у меня мало времени писать. 25 июня у нас присяга, ну вы, наверное, не приедете, а если надумаете — напишите. Будете ехать, возьмите: станок, лезвие, белые нитки и конверты. Поезд с Ростова отправляется в 15.20 “Москва — Владикавказ”. Если сможете, приезжайте, а то нас в отпуск совсем не отпустят, так как идет война, а эта часть имеет прямое отношение, ну вы поймете. <...> Говорят, будем служить 1,5 года, но там будет видно. Пишите, буду ждать и приезжайте (постарайтесь).

8.06.95 год.

Мам, я пишу на втором письме, еще одно письмо я кладу в один конверт, так как конвертов у меня больше нет, всё забрали: и пасту, и щетку, и тетрадь с адресами, и конверты. Ну позже я, может, заберу. Я написал одно письмо еще в поезде и там фотография, но неоткуда было его послать, и у меня его забрали, но когда отдадут, я его сразу же вам вышлю. Здесь очень плохо, но вы не расстраивайтесь, я, может быть, и отслужу, но только что сказали, что через 2–3 месяца едем в Чечню, так что все может быть. Ты, если сможешь, приезжай с папой, а если не сможешь с ним, то сама, ведь ты в отпуске. Папа, напиши, как у вас там дела, как Маячок и едешь ли ты на нем за сеном <...> Пап, ты правду говорил, что у меня будет время подумать обо всем, подумать и все вспомнить, что дома говорил и как с вами разговаривал, и лучше бы я работал дома как леший, чем тут служить. То, что говорили в военкомате, всё ерунда. В Батайске расформировали по-своему. Много поехало пограничников в Сочи, но нас не брали, а повезли в это гнилое место. Здесь у всех одна дорога — на войну. Но можно по желанию и не ехать туда. Конечно, я лучше поеду, чем быть здесь <...>

Кормят плохо, вечно голодные, одна и та же каша, хуже, чем вы варите свиным. Так что, если будете ехать ко мне, возьмите что-нибудь домашнее. С куревом плохо, так что я бросаю курить, хотя почти и не курил. Но захватите хотя бы пачку. До свидания! Желаю вам здоровья и долгих лет жизни. Жду письма с ответом. (Приезжайте).

08.06.1995 г. (на конверте 15.06.1995)»

Мы сохранили нумерацию и последовательность, которую присвоила письмам Надежда Петровна Зайцева, мама Виталия. Это письмо из части пришло домой первым. Как ждали его дома! Сразу стало тревожно родителям Виталия: по телевизору постоянно показывали сводки боевых действий, которые уже шли в Чечне. А Владикавказ — совсем рядом. Уже в первом письме родители прочли это слово: «Чечня», да еще и обещание, данное командиром части: «через 2–3 месяца едем в Чечню».

Письмо 2 (это первое письмо из поезда)

«Здравствуйте Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишу письмо вам прямо из поезда, который следует по направлению в Сев. Осетию г. Владикавказ. Всё то, что говорили в нашем военкомате — это всё ерунда. Забрали нас в мотострелковую дивизию шоферами БМП и машины Урал. Но я точно не знаю, кем буду, потому что там есть разведроты, десант и т. д.

В Батайске я пробыл 3 дня всего <...> В Батайске с нами обращались хуже, чем с зеками в тюрьме. Утром в 5.30 подъем, водные процедуры 15 мин, потом построение. После построения все идут в кино стоимостью 4 тыс., у кого нет — уборка в обезьяннике, где мы в основном проводим всё свое время, и опять строевая. Так что лучше сходить в кино и поспать там, и так 3–4 раза на день. Цены там очень дорогие. Я оставил 100 тыс. в часть, но потом, когда за нами приехали, я познакомился с одним дембелем, и он сказал, что все деньги в части сразу заберут <...>

У майора спрашивали насчет Чечни. Так что не переживайте — скажу прямо, раньше чем через 6 месяцев не пошлют, ну а потом, если не закончится война — обязательно. Ну, вы не расстраивайтесь, всё будет нормально, так нам сказали дембеля, которые уже это прошли. Конечно, я жалею, что вам это написал, но лучше всё сказать сразу <...>

В Батайске спали в казарме на деревянных стеллажах со вторым этажом, обтянутых дерматином. В казарме духота и воняет носками, ну через это всё я уже, слава богу, прошел <...>

До свидания. В отпуск пообещали только через один год. Ну, всё! Я приеду в часть и напишу свой адрес.

7.06.95 г.

Не получилось у меня выслать письмо из поезда, и я его высылаю с части. Насчет того какая служба, нас обманули — здесь место отшельника. Кормят плохо. Короче, будем служить 1,5 года, но через 3 месяца точно едем в Чечню, а там одна неделя идет за три. Нас здесь готовят к этому. Вчера один парень вышиб себе глаза, ковырялся во взрывателе и он стрельнул, ведь мы же саперы. Ну, все. Если можете, приезжайте 24 июня к 25 июня».

Из письма ясно, что Виталий оказался впервые так далеко от дома, от привычного окружения, родных и друзей. Мы разговаривали и с другими бывшими солдатами, и все говорили о том, как тяжела неопределенность, когда только что призванные молодые ребята ожидают отправки в часть.

Письмо 3

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Игорь и Женя. Пишу вам уже третье письмо, но еще не вижу от вас ответа. Не знаю, или они еще не дошли <...> Я не

могу дожидаться от вас письма, здесь так скучно очень строго. Строевыми нас уже забодали. Деда ремнями бьют, ну это терпимо, а вот в столовой плохо кормят, всё время каша, как вы варите свиньям, всё собрано до кучи, и кисель.

У нас спрашивали, кто имеет при себе права, так как через 2–3 мес. едем в Чечню, а шоферов мало. Ну я записался, хотя можно было отказаться и вообще остаться здесь в части. Ну, пацаны оттуда приехали, говорят, что там хорошо, но только снайперы убивают много солдат. А я лучше поеду туда, чем здесь умру с голода и от такой строгости. В увольнит. здесь не пускают, так как здесь в городе очень много солдат находят порезанными.

Мама, папа, если вы сможете, пожалуйста, приезжайте ко мне. У нас 25.06.95 г. будет присяга, ну вы числа 23–24, чтобы были уже здесь <...> Мне возьмите что-нибудь домашнего поесть, особенно сала. 4 лезвия, мыло, конвертов, зубную щетку и пасту, три иголки и белые нитки, а то здесь этого нигде не достанешь.

У нас здесь форма 40-х годов, но только не пилотка, а кепка наподобие бейсболки, и кирзовые сапоги. Многие понатирали водянки и мозоли, но я пока еще не натер. Ремень на день по 100 раз чистим бляшку, и каждый день подшиваем воротнички. Короче, здесь очень трудно, но основная трудность не в этом, а дело в стариках.

У нас в казарме в нашем кубрике есть телевизор черно-белый, и тот плохо показывает. Мы по утрам бегаем вокруг части по 5 кругов каждый день, один круг 1 км, так выходит 5 км в день. Ноги очень болят, особенно утром, когда подъем, боли мышц и в ступнях от строевых <...> Ну ладно, до свидания, мои дорогие родители. Желаю вам счастья и здоровья. Если сможете, приезжайте, пожалуйста. Ваш сын Виталик.

11.06.95»

В этом письме нас поразила откровенность Виталия. Видимо, с родителями у него были очень доверительные отношения. Все свои огорчения он описывал в письмах.

Письмо 4

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, Игорь и Женя! Сейчас вот нашел свободное время и решил написать вам письмо. Мы сейчас сидим в своем классе саперов и отдыхаем. До обеда примерно осталось 2-3 часа, он у нас в 14.00, и мы здесь будем все это время сидеть. Вчера нас переписали, у кого есть права, и в нашей роте всего 7 водителей, значит, после присяги я должен буду уже ездить на “Урале”.

Здесь в этой армии так долго тянется время, я всего прослужил чуть больше недели, а уже, кажется, как будто прошел месяц <...> Просто мне очень хочется домой. Я бы сейчас всё бы отдал, чтобы побыстрее приехать домой. Лучше дома целыми днями работать, но быть сытым. А то здесь так кормят, что если бы наш Шарик зашел бы в нашу столовую и ему насыпали эту еду, то он бы подумал, что лучше умереть с голоду, чем это дерьмо жрать.

У меня уже четвертый день болит желудок, ночью не могу заснуть и всё это от такой пищи. И в медсанчасти ничего от этого нет. А представляете, как можно каждый день так бегать 5 км, и потом заниматься строевой подготовкой <...>

Ну ладно, а то вы скажете, что я всё время жалуясь и всё пишу о себе. Как у вас там здоровье и как ваше хозяйство? На Маячке ездите или нет? И ездит ли

мой ИЖак, тоже напишите. Папа, ты смелее, не бойся на коне ездить <...> Самое главное, чтобы он не застаивался, тогда он будет спокойный <...>

Вы, когда пишете письмо, вставляйте пустой конверт, а в него 1 тыс. руб., но так, чтобы все это не было толстое, а то здесь толстые письма распечатывают, и в письме пишете, что высылаете.

Игорь, Женя, слушайте маму с папой, я вам говорю, лучше дома целый день вкалывать, чем быть здесь, во Владике, чтобы не грубили и не доводили до слез их. Я здесь сам жалею о том, что я делал дома ночью, даже аж слезы текут, да и сейчас пишу письмо, и глаза слезятся. Так что будьте внимательны за своей речью и помогайте родителям. Вот лист уже заканчивается, а у меня еще много чего есть вам сказать, сейчас возьму другой лист, если дадут и, может, что добавлю. Сейчас у нас жарница, сегодня в первый раз увидел солнце. Нас, наверное, после присяги, может, через месяц, отправят в Чечню.

Вот достал листок, но вы извините, что он помятый, ну если другого нет, пойдет и этот, лишь бы разобрались, что написано. Здесь ничего невозможно достать, денег нет. Ну, у меня в казарме осталось еще 6 конвертов и полтетрадки листов, но туда сейчас идти нельзя. Папа, мама, вы насчет Чечни не беспокойтесь, всё будет нормально, я, конечно, жалею, что вам об этом пишу, ну лучше будет, чтобы вы знали сразу и может быть, что-то сделаете или посоветуете. Вот почему я просил вас приехать, потому что на войне может всё произойти. Может быть, у вас получится меня перевести после присяги только, чтобы хотя бы быть в наших краях, а не в этой Осетии <...> Я теперь понял, что такое армия, и у меня была возможность в Батайске комиссоваться, как это сделал Назаров и еще 2 пацана. Но я очень хотел в армию, а теперь уже поздно. Ну ладно, до свидания. Желаю вам здоровья.

Ваш сын Виталий. Пишите почаще.

13.06.95 г.»

Виталий осознал, что требования родителей, которые дома казались ему несправедливыми, чрезмерными, просто пустяк по сравнению с этой армейской службой.

Письмо 5

«Здравствуйте мои дорогие! Мама, Папа, Игорь и Женя. Сейчас много свободного времени, я сегодня дневальный, и вот пишу Вам письмо <...> У нас во Владикавказе много воинских частей и все в обязательном порядке едут в Чечню, так вот, может произойти и что-нибудь страшное. Я сейчас пишу вам письмо с такой просьбой: просто посоветуйте мне, что делать. Вы не подумайте, что я чего-то боюсь, я просто хочу поступить так, как вы мне скажете и как вы хотите. Днем мимо нашей части в другую дивизию летают вертолеты по 100 раз на день. Они везут раненых. Там большой госпиталь, да и у нас давно забитый.

Мы вчера и сегодня ездили в совхоз “Восход” на прополку картошки капусты. Там клубники наелись, но остались без обеда. Зато повидали и поговорили с местными девчонками, они нам лаваш приносили. В общем, было немного воли в поле, а потом опять за колючую проволоку. Я вам писал уже, что один парень глаза выбил взрывателем, так вот он ослеп на один глаз, и второй очень плох. Его вроде бы комиссовали <...> Конечно, он домой поедет, но только

вот без одного глаза... Но мне кажется, что лучше без одного глаза, чем вообще в Чечне умереть.

Мне кажется, что хуже, чем здесь, места нигде и нет <...> Если бы я знал раньше, я бы спрятался в Батайске, и потом с другой командой бы поехал. Как здесь служить, Вы можете спросить у Вадима А., он живет на углу возле элеваторской столовой, напротив Ч. Так вот, он тоже здесь служил, и сбежал домой, они пошли в военкомат, и ему сделали как командировочный, вот и вся его служба. Это намного проще, чем перевод. Ему вроде бы выслали и документы, и теперь он вольный. Насчет документов: я могу здесь всё забрать, даже никто и не узнает <...> Они лежат у нас в каптерке, я там очень часто бываю.

Но больше я вам ничего не скажу, решайте сами, что будем делать, служить или что-нибудь другое. Конечно, если бы Вы приехали ко мне с формой гражданской и паспортом, это было бы очень просто. Нас здесь еще никто не знает, только по документам, а если их не будет, никто ничего и не узнает <...> Но если вы об этом как-то плохо подумаете, это ваше право. Мы с Сашкой уже давно об этом размышляем. Я, конечно, не уверен, что Вы сможете приехать, тем более что после проводов, наверное, у Вас нет денег. Вы хотя бы почаще пишете письма. Я, конечно, знаю, что Вы сейчас читаете это письмо, и какие у вас обо мне мысли. Но если бы из Вас кто-нибудь здесь побывал, на этом месте, хотя бы 1–2 дня, вы бы меня поняли правильно. Это всё похоже на зону, а может даже и хуже. А что будет после присяги? У меня уже со второго дня службы болит, не переставая, желудок, и всем на это просто наплевать <...> Просто у меня желудок не приучен к такой пище.

Ходим грязные, не купаемся, негде, если только под раковиной под холодной водой не помоешься, то белый воротничок становится черным. И портянки не меняют, не стирают и также нижнее белье <...> А усы я сбрил, а то деды сказали, что полотенцем сотрут до самой крови. Деды здесь все нерусские <...>

15.06.95 г.»

Надпись внутри конверта:

«Мама, Папа, вложите, пожалуйста, 1 конверт, и если можно, 1 тыс. руб, а то здесь очень трудно, даже лезвий негде взять, и мыла нет, и ниток белых, ничего нет».

Виталий просит, чтобы к нему приехали родители. При этом он знает, что денег в семье практически нет, так как предприятия в это время стали закрываться, в Матвеевом Кургане сокращали людей, не было работы на тех предприятиях, которые еще работали. Люди становились безработными. На государство надеяться было нельзя.

Письмо 7

«Здравствуйте мои дорогие мамочка папочка, Игорек и Женечка! Получил от вас долгожданное письмо. Я уже думал, что мои письма к вам не доходят <...> Мама, извини, я забыл, что тебе нужно доить корову, ну а папу я буду очень ждать 25 июня. Сейчас я уже как-то отвык от дома, нас меньше гонять стали <...> Живот перестал чудом болеть, мы ходим на полигон стрелять из автомата, и я напился горной воды, и боль как рукой сняло <...> Мне как-то стало лучше уже здесь, освоился. Одно огорчение, что поедем в Чечню.

К питанию я уже привык, но перловку-резинку ненавижу. Дают кисель или чай с маслом <...> Хочется конфет, и сгущенки, и сметаны. Бывает, дают рисово-молочную кашу, но 3 рисинки плавают на всю чашку, и молока в 3 раза меньше, чем воды. <...> Я в предыдущих письмах много жаловался, но всё прошло, я привык и, думаю, наверное, дослужу, если всё будет нормально. Отслужу я свой срок и вернусь домой, устроюсь на работу, а потом женюсь. Пишите почаще. Ваш сын Виталий.

23.06.95 год».

Из воспоминаний Григория Г.: «У нас там турник был, обычно ребят с утра на зарядку тычками выгоняют, все вялые, сонные. Но было два любителя турника — Виталий и дагестанец Мамед. Так они на турнике любили кувыркаться и подтягиваться. Так Виталий через этого Мамеда и с дагестанцами в хороших отношениях был, они его уважали».

Письма Виталия очень длинные, так как обо всех новостях он хочет рассказать родителям. Виталий жалел об упущенных дома возможностях. Когда-то он занимался в духовом оркестре, но бросил занятия. В части он увидел, что музыкантам живется лучше, чем саперам, а тем более пехоте.

Виталий поставил перед собой цель — отслужить, несмотря ни на что. Он знакомится с новыми людьми, ищет среди сослуживцев земляков. Среди рядовых, оказывается, не все равны. Упоминания о сложных национальных отношениях мы встречали и в более поздних письмах. Проблемы страны отражались в армии, как в зеркале.

Письмо 10

«Здравствуйте мои дорогие мама, папа, Игорь и Женя! Получил сегодня от вас 2 письма, оба распечатанные и без денег <...> Так что вы денег больше не высылайте в письме, а то здесь кто-то очень хитрит. Ну а служба у меня идет нормально, поначалу грустил и домой хотел, а теперь привык. Мама, ты извини, что я там тогда писал такие письма, больше такого не повторится. Сейчас всё хорошо, не болею, ну, в общем, папа, я думаю, всё расскажет. Присягу я принял, правда, без автомата и в плохой форме. Ну что поделаешь, ведь не нам решать <...>

Еще, папа, мы завтра должны поехать в горы на 3 дня, а потом уже на месяц, ну а дальше тебе, наверное, всё ясно, для чего нас везут в горы. Это я узнал буквально 5 минут назад, мне даже не дали написать письмо, вот теперь дописываю и говорю вам эти новости <...> Представь, нас не выпускали на волю, потому что с родителями уехало 54 человека, без разрешения, вот майор и не выпустил нас, чтобы мы вас проводили. Ну, это всё дурость, теперь им грозит от 3 до 6 лет дзибата. Лучше 1,5 года отслужить нормально и приехать домой, чтобы не подвести и не опозорить вас и самого себя перед соседями и т. д.

У нас завтра отправляют двух наших сержантов в Чечню <...> Ровно через 1 месяц всех водителей сажают на машины и отправляют туда же. Но нам повезло, потому что мы будем перевозить дембелей в часть, а молодых через 2 месяца в Чечню. Так что, ничего страшного здесь нет, просто я буду всё время ездить туда, назад. А вот пехота и остальные подразделения будут воевать. Наша задача привезти, отвезти, подвезти. Прапорщик сказал, что можно

считать, что мы рождены в рубашке и что на нас даже не будет и царапины. И вот еще одна наилучшая новость: в декабре будет всеобщая армейская амнистия, она впервые, так как осенний призыв будет служить 2 года и чтобы не было путаницы и дедовщины целый год, решили всех солдат уволить. Этого добились комитет солдатских матерей, и на построении нам это объявил Ком. СКВО, из Ростова. Но сказал, что раньше времени не радуйтесь, закон введется в действие осенью, а до осени может многое измениться. Так что, если повезет, я еще с вами буду есть кутью. Такой радости на душе у меня и у всех остальных никогда не было. Ну, вы меньше пока кому говорите, а просто думайте, что мне повезет <...>

Июнь 26, 95 год».

Виталий почувствовал себя настоящим солдатом после присяги. Мы читали строки письма об этом и смотрели на фотографию. Виталий выглядит на ней очень уверенным, хотя и огорчается по поводу старой формы.

Виталия, как и других солдат, конечно, волновало, сколько им служить. Почему-то им об этом не сообщили сразу, еще в военкомате, даже их командиры не могли ответить на этот вопрос. Эта неопределенность объяснялась несформированностью законодательства в 90-е годы и начавшимися армейскими реформами. Также знаменательным фактом того времени нам показалось упоминание о том, что 54 человека после присяги сбежали из части. Но Виталий намерен служить честно.

Письмо 12

«<...> Через 4 дня я уже отслужу ровно 1 месяц <...> От дома почти отвык <...> Письма нам сейчас не дают, нужно ходить со ст. лейтенантом. Это приказ ком. полка, в связи с тем, что много жалоб о том, что деньги не доходят. Теперь уже вроде бы всё нормально.

Сейчас в последнее время почему-то за нас взялись, сильнее начали гонять. С утра 5 км бега и после обеда 5 км за 25 мин. Утром полбеда, хоть пред завтраком, а вот днем как раз только пообедаем, и сразу бегать, после 3 км все чахнут и держатся за бока. Они как будто хотят сделать из нас десантников. Ничего, еще немного, и все это кончится, нужно только июль продержаться нормально, а дальше всё пойдет по плану <...>

В нашей роте тоже большинство рвутся туда. Лично я, пока приказа не дадут, никуда не поеду. Так что не переживайте, я туда не рвусь <...> Все туда рвутся из-за денег, там много платят, дембеля получали до 2 миллионов за всю службу <...>

1.07.95 г.»

Против воровства командование части принимает экстренные меры. Тренировки и занятия по физической подготовке стали интенсивными, полк усиленно готовился к боевым действиям. Об этом говорят пересказанные Виталием разговоры с земляком Сашкой, весь батальон которого добровольно выразил желание отправиться в Чечню. Виталий приводит причины такого желания солдат: больше платят, надоела муштра, но сам осуждает такое рвение, считая, что война большее зло, чем муштра и физические нагрузки.

Письмо 13

«Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Игорь и Женечка! Сегодня 3.07.95 получил от вас письмо. За это письмо мне пришлось 30 раз отжаться, но это я делал с радостью, потому что долго его ждал. Ты, папа, спрашиваешь про дедовщину, так вот ее как таковой нет, а просто заходят к нам в кубрик местные “запахи”, еще не принявшие присягу, и поднимают нас в 1–2 ночи и начинают тренировку, до того, пока все не попадают, а потом уходят. И так каждый день. Мы против них ничего сделать просто не можем. Во-первых, они местные, а во-вторых, мастера спорта, выступавшие за г. Владикавказ по кикбоксингу. Ну, они через месяц, когда примут присягу, должны уехать в другой город в спорт-батальон <...> 3.07.95 г.»

Можно ли назвать дедовщиной то, что описывает Виталий? Ведь издеваются не «деды», то есть старослужащие, а местные, одного призыва. Но суть от этого не меняется — нарушаются права солдат. Конфликт, нам кажется, имеет межэтническую природу.

Письмо 15

«<...> Охота куда-нибудь уехать и бросить всё это, уже надоело служить здесь, в ушах уже стоит этот голос про Чечню. Каждый всё время говорит и говорит одно и то же. Уже или забирали бы, или еще что-нибудь. Еще вчера отсюда приехали нерусские, тоже забодали всех, ночью спать не дают, заходят, орут “Подъем” и начинают по-своему веселиться.

Папа, ты был прав, когда говорил, из-за чего я кашлял, но то было полбеды. Не знаю, у нас какие-то разговоры ходят, отделяются некоторые, по-моему, кто-то хочет свалить домой, а потом перевестись. Я-то сбегать не буду, а вот если мама придет, поеду на неделю домой, и сам пойду в военкомат, и кое-что решу.

С первого батальона 19 чел. уже служат в Марцево и Ростове. Просто и легко это можно сделать, нужно только домой попасть. Вы не думайте что-то плохое обо мне, я просто хочу служить с русскими, а не с этими местными и дагестанцами. Говорят, что еще 150 чел. привезут дагестанцев и даже около 20 ингушат. Даже дембеля говорят, что нам здесь не жить, нужно что-то делать. Рядом часть, там вообще, по году уже прослужившие, убегают. Я своими глазами видел, как у нас одного дембеля, только приехавшего из Чечни, избивали до того, что не мог на ногах стоять. Это местные, которые здесь всего неделю. Вечером после отбоя здесь такой бардак, через забор прыгают гражданские, естественно, пьяные лезут, чтобы повеселиться и поиздеваться над русскими.

Конечно, папа, я пишу это письмо лично тебе, и ты вправе что хочешь, то с ним и сделай. Да, ты подумаешь, что мне хочется домой и т. д. Но если так подумаешь, то знай, что ты не прав, я могу отслужить и 2, и 3 года. Но с русскими. Чтобы, если получать, то знать за что, а не просто так, чтобы кого-то повеселить. Из-за этих веселий двое из 3 батальона выбросились из окна второго этажа, сейчас лежат в госпитале, а потом их увезут в Астрахань, служить на родине.

Папа, скажу тебе откровенно, но никому это не говори, а то плохо нам будет, вдруг что. 4 дня назад к нам в кубрик зашли эти чурбаны и всех избивали, сказали: “Мы вас доведем до того, что вы будете вешаться и друг друга стрелять”. Говорят,

что нам на их земле делать нечего, и что мы здесь так нужны, как колорадский жук на картошке. Ты просил, чтобы я писал правду только тебе, я и написал, но долго думал, стоит ли это делать <...>

6.07.95 г.»

Это письмо Виталия можно считать криком души. Впервые так подробно описано то, что у нас называют «дедовщиной». Но, оказалось, страдают от этого, в том числе и «деды», дембеля — старослужащие, так как виновниками являются кавказские землячества, которым не нравится присутствие русских. Лезущие через забор пьяные местные тоже не добавляют оптимизма. И, кроме того, не прекращаются разговоры об отправке в Чечню. Тревожное и грустное письмо. Мы представили, каково было читать эти строки родителям.

Письмо 16

«Здравствуйте, Папа, Мама, Игорь и Женя. Только что приехал с полигона, получил от вас письмо, за что Вам спасибо. Папа, видишь, все стараются куда-нибудь переводиться, а я здесь. Папа, ты писал что-то насчет войны, сразу говорю, что ты не прав и не прислушивайся сильно к телевизору. По телику показывают только решения правительства, а там больше бандиты и т. д. Ими правит вера, или я, короче, не знаю что, но ребята, те, что там побывали, рассказывают всё иначе. Сейчас на 1 мес. до 1 августа мы проходили переподготовку водителя, откроют классы военного водителя <...>

Не могу привыкнуть здесь и наверное никогда не привыкну. Здесь не люди, а какие-то звери, больше их никак не назовешь. До присяги и то лучше было, а сейчас невыносимо. Пока на полигон еду, вот это и мой сон, в машине можно поспать, ну и там иногда, а то и днем, и ночью на ногах. Особенно ночью: и отжимаемся, и т. д. и т. п. <...>

7.07.95 г.

Жене

Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и самое главное Женечка, потому что это письмо впервые я пишу ему <...> В армии делать нечего, пустая трата времени, и больше ничего. Я бы сейчас устроился на работу и зарабатывать бы деньги, была бы какая-то польза. Да и дома, и сено возил бы и т. д. В общем, не думай об армии, это я тебе говорю. Так же мне говорили, но у меня в голове ничего не было, и вот результат...

<...> Нас должны забрать в Чечню. И знаешь, Женя, нам дембеля сказали, что чеченцы сейчас затаились и ждут, пока приедут “духи” — неопытные мишени. Так что, кто знает, что там может произойти. Ну ладно об этом. Пока я жив, и у меня всё нормально, правда, плохо ночью, почти каждый день получаем в лоб. Так, что на ноги не можешь встать. Вот почему я тебе и не советую идти в армию <...>

7.07.95 г.»

Письмо 18

«Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Сейчас у меня много свободного времени, и я пишу вам письмо. Короче, операции не было, не

переживайте. Сегодня утром ездили в госпиталь, прошел обследование, действительно аппендицит есть, но так как госпиталь и все городские больницы забиты ранеными из Чечни, мне накололи уколов и сказали, что если сильно схватит, может и что-то будем предпринимать. Я не знаю, что они думают делать, но здесь такой бардак, что, наверное, так у меня всё и останется. Говорят — дома вылечишься, а до дома ведь еще много времени. Здесь напряженная обстановка, вчера была боевая тревога, говорят, что банды в городе сформировываются. Днем ничего нет страшного, а ночью и стреляют, и даже два БТР за эту неделю взорвали. С нашего полка была похищена машина с оружием, я не знаю сам, что здесь происходит, и почему мне выпало такое... Отношение к нам здесь как к собакам, а еще хотят, чтобы мы воевали. Это уж точно, потому что сам полковник на построении сказал, что нам выпадет самое страшное увидеть и на себе ощутить.

Все пишут рапорты, рвутся в Чечню, а я хочу просто отслужить свой срок и вернуться домой живым и невредимым. Я с Сашкой уже много говорил на эту тему, но ему хочется стать героем, но это ведь никому не надо <...> Пишите как у вас дома дела, чем занимаетесь, передавайте привет соседям. С наилучшим пожеланием Виталик. Пишите.

13.07.95 г.»

Письмо 19

«Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя. Пишу письмо с такой новостью, с санчасти сегодня выписали, ну изредка побаливает. Ничего, дали таблеток, сказали, что ничего страшного. Папа, Мама письма пишите на этот же адрес, но не приезжайте и посылки не шлите — так как 20 июля мы уезжаем, вроде бы на 4 месяца в Чечню, со старшиной нашим, который приехал оттуда за нами. Вы не беспокойтесь — там за всю войну еще ни один сапер не погиб. Я буду водителем на “Урале”, это он пообещал. Ничего, мама, я отдам долг родине и вернусь живым и невредимым, и вы еще будете мною гордиться. Конечно, я не прав, что пишу вам такое письмо, но я думаю, что вы должны знать <...> Ладно, буду заканчивать, не переживайте, пожалуйста, я буду думать головой, как вы меня учили <...> До свидания. Пишите.

15.07.95 г.»

Здоровьем Виталия врачи не стали заниматься серьезно, но самая тревожная новость для родителей — в первый раз Виталий пишет об отправке в Чечню. Правда это, как мы обнаружили, читая письма далее, не в последний раз ложная тревога.

Письмо 21

«Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женечка! Пишу вам письмо с такой новостью и даже не знаю, как сказать, потому что здесь то одно говорят, то другое, и так всё время меняется, постоянного ничего нет. Короче мы уже собрали вещмешки и остальное обмундирование, собрались ехать, и тут ком. полка начал орать и сказал, что если раньше ноября хоть один молодой солдат уедет в Чечню не по своей воле, то он отдаст под трибунал любого офицера. Так

что я опять точно не могу сказать, когда мы поедем. Вы не беспокойтесь и не переживайте, я постараюсь здесь в этом полку остаться служить. <...>
19.07.95 г.»

Командование запретило посылать молодых солдат в места боевых действий. Поездка Виталия в Чечню откладывалась. Мы представили чувства солдат, которые стоят в строю, и тут орет комполка и поездка отменяется. Но «по своему желанию и сейчас уезжают». Может быть, большие потери российской армии в чеченской войне и были вызваны тем, что молодые солдаты, доведенные до отчаяния, но ничему еще толком не обученные, отправлялись на войну по своему желанию и гибли там?

Письмо 24

«<...> Ну что еще, тех, кто нас обижал, посадили куда-то на губу на 10 суток, а потом куда-то увезут, так что уже немного легче стало жить. Обед сейчас у нас очень хороший, такой, как я вам уже писал, каждый день картошка, ну сами понимаете, хоть и не чищенная, но зато вкусная и молодая. Арбузы здесь уже созрели, здоровые, рябые, но мы только на них смотрим и слюни вытираем.

Сегодня с утра ходили вдвоем с пацаном за 7 км от нашей части, относили старлею домой телеграмму и потом назад, зато по городу нагулялись, по базару шли, нас то семечками угощали, кто персик даст, кто сигарет, так что лучше ходить по двое, чем всей ротой. Оказывается, здесь тоже есть добрые люди <...>

24.07.95 г.»

Письмо примечательно тем, что наконец-то понесли наказание те, кто издевался над солдатами. Также Виталий обнаружил, что если солдаты выходят в город небольшой кампанией, то местное население их жалеет.

Об этом же вспоминает сослуживец Виталия Григорий Г.: «Вообще местное население к нам, солдатам-срочникам, хорошо относилось. Можно было совершенно спокойно по вечерам, и даже ночью, по городу ходить, местные не трогали, часто угощали чем-то, хуже немного относились к солдатам-контрактникам, к офицерам — к кому как».

Постепенно Виталий освоился в части, научился радоваться небольшим «подаркам судьбы» — кто-то поделился содержимым посылки, друзья-химички сделали фотографии «просто чисто по-дружески», земляк был в наряде по столовой и угостил, дали «Урал», почти новый.

Письмо 28

«Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! <...> Многие там дома химичат, делают вызовы, телеграммы, заверенные РВК [районным военкоматом — А. Б., О. С., О. Ш.], конечно, многие и уезжают домой, вот парень тоже с нашей роты поехал домой в Волгодонск, у него избил брата, и лежит в больнице, он показал ротному вызов и тот его отпустил. Ха, но потом он к нам подошел и просто засмеялся, и сказал, что у него вовсе и нет никакого брата,

говорит, не знаю, что там выдумывают! Но уехал в отпуск, все ему только завидуют. Ну что ничего не поделаешь, нам ротный сказал, что как прослужим месяцев восемь, отпустит в отпуск и то, если ему что-то дать в виде, например, бутылки коньяка там, или еще что-то. А если родители приезжают, то так же договариваются и забирают на 10 дней, под свою ответственность. К нам приехало уже 8 дембелей, 2 из них уже сидят на губе. А остальные нормальные пацаны, говорили с нами, рассказывали про Чечню, они там с декабря были, очень много чего знают. Ну ладно, буду пока заканчивать, пишите, как у Вас дома, что там с сеном, достаете, наверное, потихоньку, и как себя ведет Маячок, он, наверное, меня уже забыл, а я по нему скучаю, сейчас бы сесть на него и проскакать по полю. Ну, передавайте всем привет и сами не забывайте, пишите почаще! До свидания!

03.08.95 г.»

Письмо 29

«<...> 27 сентября мы уже будем считаться полугодичниками, так как приказ будет, уже станем “слонами” [на армейском сленге — солдаты, прослужившие полгода, — А. С., О. С., О. Ш.], обещают перевести. Потом уже начнут молодых везти, так что может жизнь пойдет лучше, мы уже никому не нужны будем. Старлей обещает сделать некоторых сержантами, но я не буду, не хочу за кого-то отвечать и командовать. Лучше ходить самому по себе и не о чем не думать, чтобы не было никаких проблем, тем более я водитель, зачем мне лычки.

Ну ладно, буду заканчивать. Как вы там, не болеете ли вы? Пишите!

05.08.95 г.»

Письмо 30

«Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Сегодня получил от Вас письмо и сразу же пишу ответ. Деньги я все получаю, но только когда улаживаете конверт, то напополам не сгибайте, а старайтесь всунуть целым или кончик загибайте, я все равно, если что, проглажу. А то он выделяется и могут подумать, что деньги.

Конечно, не хотелось бы вам это писать, но, думаю, может, будет интересно узнать. Это первое горе и первый человек, который погиб в Чечне с нашей роты. Он ушел с миноискателем и нарвался на мину, ему оторвало ногу и откинуло в сторону, а там другая, и насмерть. Дело в том, что ему оторвало палец, и он лежал в госпитале, а потом был у нас целую неделю. Хороший пацан, веселый, много чего нам рассказал интересного, мы его потом проводили в Чечню, и вот такой результат! Очень жалко, ну, наверное, такая у него судьба. Ну ладно об этом, это одни расстройства.

Лучше я напишу вам о себе немного, сейчас целыми днями в гараже нахожусь — делаю свою машину, старлей сказал, если до конца недели сделаю, то отпустит в увольнение в воскресенье и даст денег на мороженое. Это он такой щедрый, потому что он уходит в дивизию, а нам ставят молодого лейтенанта, только с учебки. А машина ему нужна, ехать в Мин-Воды перевозить вещи, а командир полка сказал, только на ротной машине <...>

7.08.95 г. Пишите почаще, и всем привет!»

Письмо 33

«Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! <...> Здесь в армии такая скукота. Эту армию можно пройти за 2–3 месяца, тем более так, как мы служим. Нас здесь ни один “слон” и даже дед не трогает. А дембеля приезжают из Чечни, ну и начинают выделяться, чтобы мы им носили жрать, ну а мы отказываемся, они кого-нибудь ударят, ну а потом, естественно, домой едут побитыми.

Мама, и еще напишите, точно ли вы вложили деньги в посылку, и куда именно вложили, а то почему-то я их там не обнаружил <...> Я вам говорю, мне здесь очень много чего хочется, но не надо же на меня так тратиться, если вдруг я в чем-то буду сильно нуждаться, я напишу, а пока вроде бы нормально, охота просто сладкого чего-нибудь <...>

13.08.95 г.»

Из интервью с Григорием Г.: «Солдатская служба — однообразная, солдат каждый день одно и то же делает, один день на другой похож, событий ярких мало. В столовой другой компот дали — разговоров на неделю. Вот солдат пишет письма домой — а писать и как бы не о чем, пустые они, эти письма. О чем там солдату писать, не о чем, я не находил новостей».

Виталий, в отличие от Гриши, новости находил, но временами и он жаловался на скуку армейской жизни. Отношения с «дедами» складывались по-разному, видимо, солдаты, не объединенные в землячество, страдали от дедовщины по-прежнему.

Письмо 36

«<...> У меня все отлично, есть небольшие новости. Вчера 20 августа вывели из Чечни наш 503 полк, колона пришла утром, а нас водили их встречать на Ингушскую границу. Мы были знаменный взвод 12 человек с автоматами, и я с полковым знаменем в руках. Нас снимали на телевидение, и возможно покажут в новостях 1 канала, потому что корреспонденты специально приехали из Москвы. Мы были одеты в камуфляж и попросили старлея, чтобы он сфотографировал... <...> Колона пришла очень большая, более 300 видов техники, потом, когда они всю технику ставили на поле и ушли на построение, то нам приказали шманать по машинам и доставать все виды оружия и боеприпасы. Но мы заодно себе набирали, я тушенки, сахару, сигарет и даже 1 банку сгущенки. Потом посадили нас со знаменем на БТР и повезли в полк впереди колоны. Классно было, и наши саперы 9 человек приехали, но они в середине сентября уедут обратно, потому что наша рота и 1 МСБ оставили там, говорят, что очень много работы. Но мы туда уже не поедем, так что не волнуйтесь, всё теперь отлично <...>

И привет большой моему Маячку, он мне сегодня приснился, будто бы меня в армию провожает, плачет и говорит: “Скорей возвращайся!”. Хотя наоборот, если ты, папа, помнишь, я в сарае утром плакал, не знаю почему. Я всё время как-то аж был рад, что в армию иду, и вот утром, не знаю почему, не смог выдержать и заплакал, понял, что расстаюсь с родным домом <...> Еще вышлите, если можно, мне носки, а то мои уже порвались, я тут покупал <...>

21.08.95 г.»

Полк вывели из Чечни, но не полностью. О том, что Виталий считался одним из лучших солдат, говорит то обстоятельство, что именно ему поручили нести полковое знамя.

Письмо 37

«<...> Ну, а у меня все так более-менее, скучно, делать нечего, да и бывает, как задумаешься о доме, сразу охота домой, но я стараюсь меньше задумываться. А так нормально, наш полк вывели из Чечни, но только на 1 месяц, а в конце сентября — начале октября опять уезжают. Ну не знаю, может, а даже, скорее всего, мы с ними уедем, потому что в октябре мне уже пойдет пятый месяц, а в роте полугодничников всего 14 человек, остальные вот-вот должны уволиться. Ну что, тут уж ничего не поделаешь, все кто оттуда приехал, говорят, что намного там лучше, чем здесь. Короче, я об этом писать пока не буду, проживем — увидим. Конечно, сейчас стало уже похуже в роте, чем было. Сейчас у нас и “дедушки” есть и “слоны”, короче говоря, слегка и “летаем”, и работаем побольше, ну ничего, через 2–3 недели их должны уволить.

Пап, если бы вы только знали, до чего уже надоела эта армия, уже ничего не охота, быстрее бы домой, но до этого еще конечно очень далеко <...>
29.08.95 г.»

Письмо 40

«Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женья! <...> У нас сейчас в полку очень много народу, вывели пол полка из Чечни и вот теперь теснота. В столовой по 2–3 раза накрывают. Вот до 15 октября весь полк полностью уезжает опять назад. Это они были на временном отдыхе, чтобы набрать силы, потому что в октябре они будут брать г. Аргун и г. Бамут, потому что их уже не могут никак взять даже ВОВ и МП [военно-воздушные войска (десантники) и мотопехота — А. Б., О. С, О. Ш.]. Но вы заранее не расстраивайтесь и не переживайте, потому что я и сам еще не знаю, поеду или что. Но по-моему, я возможно останусь здесь, потому что я ком.тр.отделения. В батальонах такие уже сержантами ходят, может, и я буду сержант, но знаете, честно говоря, мне хочется прийти домой рядовым, как уходил. А вообще пригодится дома, кто знает, что дальше будет, вдруг пойду в милицию, а с какой-то должностью можно легче устроиться. Но мне как-то больше хочется работать шофером, желательно на КАМАЗе, ну короче говоря, будет видно, как отслужу <...>

5.09.95 г.»

Письмо 43

«Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женья! <...> Сейчас у нас полк стоит в двух местах, даже в трех: в Чечне под Шали и в Ингушетии на границе с Чечней, там блок-посты, ну и здесь во Владикавказе. Так что кто его знает, может, где-то из этих трех мест я попаду, а может, и нет. Лично мне охота остаться или в части, или вообще уехать с Осетии в Россию, но это не мне судить, просто понадеюсь на лучшее <...>

16.09.95 г.»

Письмо 46

«Привет из Владикавказа! Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женья! Пишет вам “слон” российской армии рядовой Зайцев Виталий.

У меня все нормально, вот 27 сентября перевели в “слоны”, хоть и звездочки от бляшки остались на задку, да ничего страшного, закон в армии есть закон, теперь я уже считаюсь, что прослужил полгода. Ну ладно об этом, вот на днях нас втроем забрали работать в город в офицерский дом, мы там рыли яму. Но представьте, как все-таки мы отдохнули там, во-первых, рядом драмтеатр, разговаривали с артистами, да вот сам дом офицеров 1870 года, снаружи он не очень уж и красивый, а вот когда мы вошли внутрь — обалдели. Весь пол паркет и красные дорожки везде, даже как-то неудобно было по ним ходить в сапогах. И так все мраморное, раскрашено, висит люстра, начиная от потолка третьего этажа и заканчивая 2–3 метра от пола 1-го этажа — это между лестницей, которая идет по кругу. Потом нас накормили в офицерском ресторане, у нас тоже такой красоты нет. Дали хинкали по 15 штук, с хлебом и пепси 2 бутылки 1,5 л на троих с пирожными, а еще и музыка, день прошел очень отлично <...>

28.09.95 г.»

Письмо 50

«Владикавказ. Здравствуйте, Мама, Папа, Игорь и Женья! <...> Мне дома так хотелось посмотреть на БТР, на танки и т. д., а теперь и ночью снится, как всё уже надоело, ничего не хочется, лишь бы быстрее 2 года пролетело, да и домой, устроюсь на работу и т. д.

Пока я несую службу и ничего не вижу, кроме желтого забора. Вот как домой буду ехать, если есть дома что-то желтое, лучше перекрасить (шутка).

Пап, представь, с первого батальона осталось всего-то навсего с десятков солдат, в том числе и Сашка, но его пока нет, а всех вчера и сегодня направили в район БД [боевых действий — А. Б., О. С., О. Ш.]. Ну конечно, и Сане это же предстоит, где-то через недельку, две остальные уедут, потому что должны в 20-х числах октября уже везти молодых, а значит, оставят только сержантов, ну, естественно, дагестанцев. К нам в роту молодых чел. 5 всего возьмут, а то остальных только с учебки моего призыва. Насчет того, поедем ли мы туда или нет, пока молчат, никто ничего не знает, наших дембелей и то 17.10.95 увезут, им ведь добавили еще полгода, хотя они и пробыли в Чечне по 8 месяцев с самого начала.

Вообще-то знаете, как мне слишком даже повезло с армией, в учебке не был, устава не видел, я имею в виду уставщину, дедов тоже очень мало, и то все свои, да и с дагами [дагестанцами — А. Б., О. С., О. Ш.] в ладах. Тем более, 90% в полку (я имею в виду во Владике, не в Чечне) моего призыва, так что сами все проблемы легко решаются. Конечно, со снабжением у нас очень туго, денег не платят, мыло-рыльные тоже не дают, ну и с формой тоже очень плохо. Короче говоря, немного в голове если есть ума, то всё сам достанешь. Вот сегодня вечером себе буду каблук перебивать, тоже ведь сам достал <...>

У нас похолодало сильно, горы уже все побелели, снежные, красивые, уже и солнце как-то не греет, ну, скоро уже ведь зима, будем, наверное, грязь месить, тут вообще говорят, снег если и выпадает вниз, то недолго держится, в основном грязь, горы лесные уже темные стоят.

Представьте, что здесь сильно надоедает, так это вертолеты, это почти так, как у нас дома вечером, сидишь на лавочке, и комары летают, и здесь так же, туда-сюда летают, и днем и ночью нет покоя. Ну тут-то ведь регион такой.

Ну ладно пока обо мне и об этой армии, лучше немного поговорим о доме. Как дела дома, вот получается так, вы больше хотите знать, что в армии у меня, а мне наоборот, что делается в родных краях <...>

11.10.95 г.»

Письмо 52

«Здравствуйте, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя. С наилучшими пожеланиями к вам Ваш сын Виталий. Получил позавчера от Вас письмо, но всё некогда было написать ответ, сейчас у нас эти проверки идут, понаприезжало генералов, так что работы валом.

У меня всё нормально, жив, здоров, чего и вам желаю. Насчет отпуска я точно ничего сказать не могу, я с ротным неоднократно уже разговаривал, но он пока молчит, говорит, что как с пустыми руками идти к командиру, ну, он имеет в виду, что ни телеграммы нет, ничего, а у нас 8 человек в отпуске, так что может командир и без уважительной причины и не отпустить. А так, чтобы в гражданке за свой счет, боится брать на себя ответственность, потому что он должен идти на повышение, станет капитаном, вот и не хочет залететь. С другим лейтенантом я тоже говорил, он-то не против, но тоже без подписи командира роты не обойтись ведь.

Вот такие-то дела, я тебе, папа, говорил сразу, как договориться со ст. лейтенантом, а ты не сделал, и вот мне-то он, наверное, не доверяет. И лучше то, что ты хотел предложить ротному, отнести в военкомат, они бы послали в наш полк телеграмму, и здесь бы уже всё, официально отпуск, билет туда и обратно, всё бы без всяких проблем бы сделали. А так надеяться на что-то, по-моему, без толку, потому что они тоже любят, чтобы всё было выгодно для них. От меня-то ничего не зависит, я прошу, и не раз уже, но пока никаких изменений, всё оставляют на потом <...>

23 ноября колонна идет в район, может, и нас всунут туда, наша техника тоже в списках стоит. Короче говоря, буду стараться остаться здесь.

Пап, у бабы Симы мы всё забрали со Славкой, деньги я ему передал, я уже бабке вещмешок картошки дал, мы в наряде по столовой были, так она нас чаем напоила с пирожками и печеньем. Вот завтра пойдем в наряд, может быть, опять что-то ей отнесу. Короче говоря, в обиде бабку не оставил, в армии всякого добра хватает <...>

24.10.95 г.»

Виталий хочет поехать во внеочередной отпуск и описывает свои разговоры с командирами. Примечательно также упоминание о бабушке Симе.

Из рассказа матери Виталия Надежды Петровны Зайцевой: «Виталию много приходилось в карауле стоять, в том числе на вышке. Оттуда он видел двор через дорогу от КПП, где жили одинокие старики. Он изо дня в день наблюдал за ними, видел, что помощи им нет, и жалел их. Когда они ездили в колхоз на работы, он брал с поля то немного картошки, то луку. А куда их в части деть? Вот машина с солдатами подъезжает к воротам части, тормозит, пока их открывают, а Ви-

талий успевае́т бабушке за забор о́кнук кинуть. И так каждый раз. Пона́чалу бабушка удивля́лась, потом поняла, поймала его как-то и говорит: “Ты хоть перекусить или на чай забегай ко мне”. Так и подружились. Мы ему посылки, бандероли отпра́вляли сначала на часть. А он мне писал в письме: “Не надо мне, мама, старшие все забирают”. Ну, а потом я додумалась. Узнала адрес этой бабушки и туда отпра́вляла посылки сыну, да и ей тоже подарочек от себя. Он там чувствовал себя как дома. Звонили часто, он по телефону на переговорах рассказывал».

Письмо 58

«<...> У меня всё нормально, сейчас навезли молодых, даже один с Кургана есть и с Таганрога, а еще их привезут в наш полк 560 человек. Куда их девать будут, даже и не знаю! Высылаю так же адрес бабы Симы, на всякий случай, мы с Андреем часто у нее бываем, как в наряд по столовой ходим, так что-нибудь ей и относим, а она нам то картошки поджарит, то масло, то еще что-нибудь. К Андрею приезжали родители и там жили и меня с собой в увольнение брали. Вот мы и сфотографировались с ним.

Мам, я не знаю, Вы знаете про Сашку или нет, он сейчас в госпитале лежит, ногу подстрелили со снайперской винтовки. Он ведь как с дому приехал, на следующий день в Чечню на вертушке улетел. Ну, я не знаю точно, но, по-моему, там ничего серьезного нет, просто один лох чистил винтовку. А она как-то выстрелила, и Сане в ногу.

Сейчас мы все в ожидании Б. Ельцина, что же он подпишет приказ о 1,5 года службы или нет. Ну что у меня пока, наверное, все, буду заканчивать письмо свое <...>

20.11.95 г.»

В письме 59 от 22.11.95 нас заинтересовал ответ Виталия на сообщение о том, что Маячок проиграл соревнования: «...кто на нем ездил, и если не первое место, то кто на нем был не наездник, а так просто... Лично когда я на нем сижу, то ни один конь района не обгонит, не раз уже проверено». Так и видится лихой всадник на горячем коне, которого не может обогнать ни один конь района!

Виталий договорился о встрече Нового года: «Мы будем с Андреем встречать бабы Симы. Мы уже с ней говорили, да и с ротным тоже. Так что если всё нормально будет, то встретим по-человечески».

Служба стала труднее. В письме 64 от 5.12.95 он пишет: «...сейчас свободного времени почти нет. Начался учебный период и теперь нас стали гонять, то тревога, то еще что-нибудь, да и занятия теоретические с утра до обеда идут. А после обеда куда-нибудь работать отпра́вляют».

Письмо 71

«Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женья! Получил от Вас письмо и сразу же пишу ответ. Но у меня времени сейчас мало. Я очень сильно занят. Теперь я водитель на Урале и вечно на выезде, то на блок-посты, то еще куда-нибудь, и вот так идет мое время, все за рулем. Но это лучше, чем где-то работать. Так я хоть в городе побываю, и курить есть, в общем, можно, что хочешь, делать. Да я и шел-то в армию водителем.

А мы с 31 по 1.01 стоим в карауле <...> Ну, ничего, мы за нашу получку всего накупим, и с ротным в карауле будем встречать, ну, может, хоть постреляем, да по ракетнице пустим <...> Вообще у нас ротный классный мужик, но вот с Нового года, может, где-то в феврале, идет на повышение, а на его место станет другой, с тем-то уж так не погуляешь. Да и он, наверное, всех загонит в Чечню, потому что не раз уже пытались, но ротный не пускал. Ну, это будет видно, мне как-то всё равно, просто там весь в грязи и вши заедят <...>

Мама, ты спрашиваешь, где полк находится. Сейчас в Алхан-Кале, но будут передвигаться к Бамуту, и еще куда-то дальше, не знаю, но это не важно, я просто ответил на ваш вопрос <...>

Мам, недавно приснился сон, как будто отпустили в отпуск, и всю ночь снилось, как приехал, и остальное. У меня сны так подробно не снились еще, вот как целые 25 суток дома гулял, потом пришел к Вам на работу прощаться, Вы плачете, а я вас успокоил и вышел за ворота, и сам расплакался. Потом уехал, и снится, приезжаю в часть, лег спать, а потом кто-то кричит: “Подъем, рота!”, и я просыпаюсь, уже по-настоящему, а у меня по-настоящему уже мокрая подушка. Не знаю, к чему этот сон, и почему я во сне плакал. Но зато как дома, правда, побывал, вот даже не могу это описать, как будто бы всё по-настоящему было. Это за 7 месяцев первый раз такое, даже домой когда тянуло, не было ничего подобного <...>

29.12.95 г.»

Письмо 72

«Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женья! Сегодня решил написать Вам письмо, да заодно выслать фотку, но я сначала не хотел ее домой отсылать. Потому что она мне не нравится, я улыбнулся не так, как надо, потому что солнце в глаза ослепило, и вышло плохо. Но потом подумал, и всё же решил отослать.

Мам, еще вам сообщаю, что посылку получил. Меня б. Сима на КПП вызвала, и я, когда пришел домой, то она уже сама ее получила, а принес ее какой-то майор, ну просто помог. Мама, она передает Вам большой привет и благодарит за подарок. Когда я ей подарил от вашего имени, то она от радости аж расплакалась и расцеловала меня. Оказывается, что она всю жизнь мечтала о таком платке, говорила, что и сына, и деда просила купить, и так и не получилось. Ей хотелось с золотистыми нитками, и вот вдруг подарок. Ну а за посылку вам огромное спасибо, пришла она 31.12.95 г., как раз вовремя. Ну, мы на Новый год были в карауле, а потом 2 числа пошли с Андреем и посидели на “славу”. Колбасу домашнюю немного проварили, потом поджарили, и классная получилась. Рулет вот понравился, бабушка Сима сварила чай, и мы со сгущенкой и рулетом похавали классно. Ну а в роту тоже принесли конфет, немного печенья. И еще даже осталось полпосылки, и колбаса копченая. В общем, числа б еще сходим. Бабуля нас встречает очень хорошо, тем более, что сейчас дед болеет, приходим, хоть поговорим, проведем. В общем, нам там всегда рады <...>

Ну ладно, буду пока заканчивать, уж пора идти к машине, надо под охрану сдавать. Передавайте привет всем! Пишите чаще. До свидания. Ваш сын Виталий.

3.01.96 г.»

Письмо 74

«Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женья! Сейчас занят машиной, время вообще летит быстро. Я даже не знаю, что и писать, все по-старому, полк, правда, наш не вывели, а наоборот, усиливают. Не знаю почему, но может быть, это связано с событиями в Кизляре. Вы, наверное, про это уже слышаны <...>
17.01.96 г.»

Примечательно сообщение о влиянии Кизлярских событий — полк усиливают. Об этом мы нашли сведения в интернете: «В январе 1996 г. боевики Радуева перенесли боевые действия за пределы Чечни и захватили около 2 тыс. заложников в дагестанском городе Кизляре... Перенос войны на территорию соседней республики был шагом по распространению конфликта, превращению его в региональный».

Письмо 77

«Привет из Владикавказа! Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женья! С наилучшими пожеланиями к Вам ваш сын и брат Виталий. В первых строках своего письма сообщаю, что я жив, здоров, чего и вам желаю <...>

Напишу немного о своей службе, а хотя и писать-то нечего, все время с машиной, ну, конечно, бывает много интересного, особенно в пути. Хорошо, конечно, водителем, но вот одно плохо, утром бегаешь с путевым листом, подписываешь, а потом воду таскаешь в машину, пока прогреешь, весь замерзнешь, но зато как натоплю кабину, вот тогда и считай отдых. И так каждый день, но мне лично нравится на машине. Я уже к ней привык, не знаю, как буду увольняться, жалко Урал передавать салабону будет.

Вот что мне не хватает в кабине, так это магнитофона машинного. Пап, когда деньги появятся, вышлите мне на магник, или, может, сами достанете, то посылкой вышлите. Я-то могу за месяцок насобирать солярки и продать, и взять магник, но надо ведь за что-то и курить покупать и т. д. Так что если будет возможность, возьмите, пожалуйста, хотя бы самый дешевый.

Папа, буду с вами откровенным, но только не переживайте. Сейчас наш полк готовят к чему-то серьезному, никто не знает. Вот в конце февраля идет большая колонна в район. И вот самое главное, что все те, кто на полгода больше прослужили от меня, их в апреле будут увольнять, а моего призыва всего 3 водителя, а машин в роте много. И так как издали у нас указ, кто призван П.1994 и был более 6 месяцев в Чечне, не поедут больше. Вот может нам и придется ехать, да не может, а наверняка, это даже ротный сказал. Сейчас все даже в парке бывает, ночуют, готовят технику. Так что если что, то я напишу Вам, я и так уже сколько держался здесь, пацаны моего призыва уже больше половины там были. Ну а что, если прикажут, на то я и солдат, а тем более водитель <...>

1.02.96 г.»

Письмо 78

«<...> Через полтора месяца я буду и черпак [на армейском сленге — солдат, прослуживший год, — А. Б., О. С., О. Ш.], а там три месяца и “дед”. Время летит

быстро, потом уж и домой. Папа, если думаешь когда-нибудь высылать посылку, то лучше на б. Симу, потому что на нашей почте последнее время грабят, пацаны приходят получать, а она уже вскрыта, и попробуй что-нибудь скажи, крику будет. А до б. Симы нормально всё приходит, ну, так что-нибудь киньте для нее. Только я не знаю, как вы хотите слать посылку, когда сами пишете, что нет ни работы, ни денег, ни корма для хозяйства. Вот за это-то я больше всего беспокоюсь.

Папа, знаешь, а ты неправ насчет того, что “отдыхай, сынок, от наших проблем”. Я бы лучше дома работал, чем тут служить. Только не подумайте, что я жалею, нет, я просто делаю маленькую поправку. Я давно уже ко всему привык, это как частица жизни <...>

Мам, у нас в столовой сейчас изменения, теперь сам на поднос что хочешь, кладешь, и садишься есть, всё автоматически, по-новому сделано. Ну что еще, про Чечню ничего писать не буду, я думаю, что эта тема ни к чему не нужна. Я жив, здоров, чего и вам желаю. В отпуск не пускают, сказали, что на 2 месяца раньше срока всех будут увольнять, отпуск только по семейным <...>

4.02.1996 г.»

Письмо 82

«Здравствуйте мои дорогие мама, папа, Игорьь и Женя! Пишет вам ваш сын и брат Виталий. Получил сегодня от вас письмо и сразу же решил написать ответ. У меня всё нормально. Вы только не переживайте, пишу прямо из санчасти. Позавчера был смотр техники, и вот на днях должны уже были поехать в поле. А у меня поднялась температура, и я пошел в санчасть, там меня послушали, померили температуру — 38,9, и сделали заключение — острый бронхит. Сейчас сильно кашляю, и болит грудь. Сказать если честно, нас старшина немного погонял. Пришел пьяный утром и заставил в одних кальсонах бегать по городу, а потом под холодный душ. Может, поэтому и заработал бронхит. Возили с утра в госпиталь, сделали снимки. А наши пацаны стоят в поле, 20 февраля уезжают в район Шатой 50 км от Грозного. Ну а мне придется здесь пока полежать. Но тут совсем не плохо. Всё время спишь, разбудили — поел и покурил, и опять спишь. У меня постельный режим, температура теперь 37,4. Ничего страшного. Мама, вы так в письме про посылку написали, что у меня и настроение упало. Я же писал, что если у вас с финансами сложно, не старайтесь мне сделать хорошо, а себе плохо. Меня здесь хоть немного обеспечивают, а вы за свой труд всё зарабатываете. И всё же огромное спасибо за все, что для меня делаете во время моей службы <...>

Нам уже выдали жетоны, они занесены в компьютер, все наши данные. И ротный заставил вытащить с патрона пулю (разрядить) и вложить в патрон свои данные и вшить один в сапог, а другой в штаны на пояс. Теперь можно не бояться. <...>»

Виталий обводит жетон и делает приписку:

«Личный номер ..... Эти титановые штуки висят на шее вместе с крестиком и с обратной стороны: в/ч ... 503 полк».

Письмо 85

«<...> Вот нашлась свободная минута, и я решил вам написать. Извините, что я так долго не писал, но на то были причины, ну подробно описывать всё

не буду, а коротко расскажу далее. Первым делом сообщаю, что я жив, здоров, чего и вам желаю, в общем за меня не переживайте, лишь бы у вас было всё нормально, а я как-нибудь проживу. Ну, вам, наверное, не стоит писать о Чечне. Если смотрите телевизор, то наверняка слышали о 58-й армии, это наша армия, и, к сожалению, наш второй батальон всё время обстреливают, особенно когда ехали через Ингушетию. Мама, я вчера только приехал из района и насмотрелся за неделю такого, что останется в памяти на всю жизнь. Наш полк стоит в Дачном, это 1,5 км от Бамута. Мама, если бы только вы видели, что там творится, этого и врагу не пожелаешь. Представьте. Ввели 3-й батальон, в котором почти все молодые осеннего призыва, их загрузили вещмешками и бронниками, и дали команду брать деревню, а они с машин прыгали и падали, не хватало сил и смелости идти дальше, какие с них воины, а офицеры (шакалье) их избивали и заставляли лезть под пули. Этого не передать, да и кому это нужно знать, солдат — это песчинка в море. К деревне мы везли полные машины солдат, а обратно в четверть меньше. Так что не верьте ничему, что показывают по телевизору, это всё ерунда. Вот 20 марта, а может, и раньше опять поедет, уже и 1-й батальон пойдет. Мне-то что, я водитель, привез и уехал, так что ничего страшного, зато осенью домой <...>

Ну ладно, пока, буду заканчивать свое письмо, может, больше пока и не получится написать, но вы пишите обязательно, когда буду приезжать, читаю <...>

Ваш сын Виталий.

11.05.96 г.»

Очень важное письмо: Виталий рассказывает о военных событиях, о том, как неподготовленных молодых солдат гнали в бой: «К деревне мы везли полные машины солдат, а обратно в четверть меньше». Виталий делает вывод: «...солдат — это песчинка в море».

Наше внимание привлекли строки письма, где рассказывалось о проезде через Ингушетию. Формально эта республика не считалась воюющей, но солдаты и там подвергались опасности: «...наш второй батальон всё время обстреливают, особенно когда ехали через Ингушетию».

Родители беспокоились о Виталии, особенно о том, чтобы в военных условиях он не стал алкоголиком. В нашем поселке есть достаточно примеров, как спивались бывшие воины-«афганцы». Опасность была реальной.

Из воспоминаний Григория Г.: «Спирта там было — завались! Водка как разменная монета — многое в бутылках измерялось. А еще в каждом дворе виноград растет, местные вино делают. Там его пьют как воду и руки им моют. Такого вкусного вина еще поискать надо, больше нигде не пробовал. Многие солдаты пили. Но Виталий был водителем дежурной машины. Это очень ответственно, в любой момент поднимают — езжай. Он классный был водитель. Но и когда его пить ребята приглашали, он не соглашался: “Я водитель дежурной машины, мне нельзя”».

Виталий много ездит, объехал почти всю Чечню: «Сейчас полк в Самашках, но на днях переедет в Шали. Короче, где только не были: и в Бамуте, и в Грозном, и в Ханкале, и Шали. Исколесил я все на Урале». Он успокаивает родителей, радуется тому, что ему осталось мало служить, что он поедет в отпуск.

Письмо 88

«<...> На днях получил от Сергея М. письмо, и он пишет, что его родители ему говорили, что папа сильно поседел. Папа, Мама, пожалуйста, вас прошу, за меня не переживайте, я всё время это твержу вам. Я прослужил уже год, и ты папа, знаешь, что это началось самое лучшее время в армии. А то мне становится не по себе, что мне здесь очень хорошо, а дома за меня так волнуются. Пройдет время, и вернусь домой живым и здоровым. Я давно уже ко всему этому привык. Так что не волнуйтесь так, а лучше отдыхайте без меня. Знаете, вы не правы были, когда сказали, чтобы я вам обо всем писал, это же для вас хуже, просто вы всего не понимаете. Лучше, когда я с армии приду, сядем за стол, и я очень много интересного расскажу. Вот это самый лучший выбор. Ну ладно об этом.

Еще раз прошу — не беспокойтесь за меня. Пишите почаще, как дома дела, как хозяйство, погода, как Игорь, Женя? Жду ответа. Виталий.

13.05.96 г.»

Письмо 90

«Привет из Владикавказа! Здравствуйте мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! С огромнейшими пожеланиями к вам Виталий. Получил сегодня 24.05.96 г. посылку, за что я даже не знаю как вас и благодарить. Вы знаете, что сбывлась моя мечта, особенно магнитофон. Я, как только открыл посылку, чуть не упал от радости. Вот в воскресенье теперь отметим, как следует, мой день рождения с музыкой. Бабе Симе платок и шоколадку подарил, она пообещала накрыть стол. Вам передает привет и очень благодарит за подарок. Мама, папа, я так переживаю за вас, что вы так потратились, а как сами теперь живете? <...>

Все-таки, если бы я знал, что ради меня вы продадите телку, я бы не просил ничего, как-нибудь обошелся бы, еще раз вам большое спасибо за все, что вы для меня делаете.

Ну ладно. До свидания! Пишите чаще! Ваш сын Виталий».

В письме Виталий очень благодарит родителей за посылку. Родители всё же смогли прислать магнитофон.

Письмо 92

«Здравствуйте мои дорогие мама, папа, Игорь и Женя! Пишу письмо с Шатойского ущелья. Ну, вы не переживайте, у меня всё отлично, жив, здоров, чего и вам желаю.

Сейчас находимся в горах, и я нашел свободное время и решил написать Вам письмо, да сейчас идет уже целую неделю дождь, так что свободного времени валом. Сюда летели на вертолете, в общем, здесь нормально, вокруг горы, леса, короче говоря, природа красивая. Да вот не знаю, когда Вы получите это письмо, может, числа 12–13 только поедет во Владик взводный, он захватит письма <...>

Мама, пишите почаще письма, а то делать нечего, хоть письма почитать.

Высылаю заодно и фотки. На одной я в Ханкале в ожидании вертолета, а на другой уже со своими друзьями в Шатойском ущелье, сзади землянка и техника.

Сейчас дембеля увольняются, а водителей больше нет, вот меня и послали. Как долго здесь буду я и сам не знаю. Но как приеду во Владик, я сразу Вам позвоню. Не переживайте, здесь спокойно, не стреляют пока перемирие, изредка наши САУшки [самоходные артиллерийские установки — А. Б., О. С., О. Ш.] стреляют, километров на 15–20 по деревне, прямо отсюда, а так нормально. Как подсохнет, наверное будем переезжать дальше, ну я на машине, так что мне легче. У нас тут есть свой палароид, часы, даже ковры в землянке. Кормят плоховато, сухари и каша, кое-когда дают консервы. Но едим и мясо, это уже сами на промысел ходим.

Ну ладно, пока буду заканчивать письмо. Пишите почаще на тот же адрес, а там первой отправкой мне передадут письма. И не переживайте, все-таки можно понять, ребята здесь уже пробыли больше года, им пора домой, так что, что поделаешь, надо так надо, сейчас уже не то, что было весной. Сейчас спокойно.

Ну ладно, до свидания, Ваш сын и брат Виталий!
8.06.96 г.»

Виталий все-таки попал в Чечню. Он оказался в Шатойском ущелье. Мы рассматриваем фотографию с «Полароида», снимок не очень четкий, но хорошо видны зеленые горы вокруг. Добирались на вертолетах. Идут дожди, а солдаты живут в палатках. Пока перемирие, но как долго оно продлится?

Письмо 93

«<...> Находимся пока в Шатое, ходят слухи, что в течение недели, возможно, пойдем под Грозный, ну это еще не точно, да и не возможно. Потому что ущелье все заблокировали духи, и мы навряд ли пройдем, а другой дороги больше нет, так что, наверное, рисковать командование не станет. Подвоз продуктов закрыли, все на вертушках, и то 1-2 раза в неделю, ну жить можно. Короче, страшного ничего нет, а то Вы опять начнете переживать за меня.

Да, обстановка серьезная, но большинство пацанов гибнет по своей дурасти. То гранату ковыряют, то патроны, в общем, одним словом, ума нет. Тем более что сейчас навезли молодых, а им всё интересно. Вот и гибнет много. У нас пехоту уже назвали не мотострелки, а самострелки, такие вот дела.

А за меня не беспокойтесь, нас обучали 1,5 месяца по взрывному делу, и т. д. Короче говоря, мы же спецподразделение, и просто так бы не были здесь. И то, что говорят, что сапер ошибается один раз, не правда. Сапер не может ошибаться, проверено практикой, тем более, на войне мы не разминировем, а уничтожаем все мины. Так что можете не волноваться. И вообще, я уверен в себе и даю слово Вам, что вернусь домой живым и здоровым. Ну ладно об этом, а то на эту тему можно писать целый день. Машина моя пока стоит, ездим на БТРе, вообще я к своему Уралу привык, что, наверно, тяжело будет передавать его молодому. Где-то в конце сентября уже придет нам замена. В общем, как 6 месяцев будет, так я и домой двину, наверное. Надоела уже армия!!! Домой уже охота. Даже не верить, что подходит службе конец. До приказа осталось 43 дня. Так что надеюсь, что Новый год буду встречать дома.

Да, я долго смеялся, когда вы посчитали меня на фотке за Рембо, был бы сейчас фотоаппарат, я бы выслал Вам фотки, даже не представляю, за кого Вы меня посчитали бы сейчас... Мне, бывает, кажется, что я вообще попал в какое-то

кино. В общем, можно считать, что для меня служба прошла очень хорошо (не считая начала). Но лучше, чтобы Женя не прошел то, что попробовал я. Сейчас это никому не нужно. И я думаю, то, что мне было очень плохо и тяжело, и то, что я видел, особенно здесь, никому не надо, да никто об этом никогда и не узнает. Я сам не знаю, почему я здесь и кому от этого хорошо, а кому плохо?? Это единственное для меня непонятно, для чего это всё, кажется даже, что это просто длинный сон. Ну, мне кажется, что Вы просто, наверное, меня не поймете. Один раз смотрел телевизор, и говорили о Шатое, мне даже стало очень обидно, когда говорят, что ВВ контролирует ситуацию. Здесь на протяжении всех гор нет совсем ни МВД, ни ВВ, ни ВДВ, где же эти так называемые крутые войска. Только мы для них зарабатываем славу, потому что они числятся здесь, а про нас давно все забыли. Нас просто как бы здесь нет. Ну ладно, буду заканчивать свое письмо. Еще раз прошу, не переживайте за меня.

14.08.96г.»

Надпись внутри конверта:

«Привет с высот чеченской земли. Виталий».

Письмо 95

«<...> Недавно были выборы [президентские выборы 1996 г., на которых основная борьба развернулась между действующим президентом Б. Ельциным и лидером коммунистов Г. Зюгановым, — А. Б., О. С., О. Ш.], в связи с этим президент России сделал всем служащим в горячих точках небольшие подарки на сумму около 200 тысяч.

- 1) 3 кг. конфет (разного сорта)
- 2) 2 пачки печенья
- 3) 2 пачки чая (Индия)
- 4) 2 банки сгущенки
- 5) 2 банки шпротов (консервы)
- 6) 20 пачек сигарет (Космос)
- 7) Одна банка сосисок
- 8) Зажигалка (бензин)
- 9) 2 бутылки 1,5 л сока

и поздравление, которое я Вам высылаю на память. Но все же я за него не проголосовал, а проголосовал за Зюганова, правда, кто он такой, я и сам не знаю. Напишу немного о себе. Как я уже писал, у меня все нормально, дела идут хорошо. 19.06. началась 100-дневка (это значит, 100 дней до приказа об увольнении в запас). Теперь я уже “дед”.

Но Вас, наверное, больше всего интересует обстановка в нашем районе. Днем и ночью спокойно, не стреляют. Почти каждую неделю приезжает на переговоры “мулла” (старейшина). С местными жителями пока конфликтов никаких не возникло. Часто бываем в поселке, они там живут, как ни в чем ни бывало <...>

22.06.96 г.»

Письмо очень интересное. Сообщается о продуктовой подарке солдатам, воюющим в горячих точках. Нас удивили цены того времени — этот набор стоил, по оценке Виталия, около 200 тысяч! Он был рад набору, описывает даже марки

и указывает, что чай из Индии. Но, несмотря на это, Виталий рассказывает, что на выборах «проголосовал за Зюганова, правда, кто он такой, я и сам не знаю».

Интересным документом нам показалось и обращение Президента. Именно в нем приведены слова, которые могли бы стать ответом Виталию и другим солдатам на вопрос, зачем они воюют: «для восстановления конституционного порядка и законности в республике, защиты граждан Чечни и всей России от бандитов и террористов». Но, к сожалению, слова эти не наполнились для солдат смыслом. Виталий шутит, обводя подпись Б. Ельцина и пытаясь воспроизвести ее: «Борькина подпись подделана мною».

Письмо 97

«Привет из Чечни! <...> Ну ладно, напишу пока о себе. У меня все отлично, здоровье нормальное. Сейчас на машине, тем более единственный Урал остался в роте, который в Чечне, так что мне “везет”. Мама, папа, Вы не переживайте, я здесь как на курорте. Природа, рядом родник, ниже озеро, так что и покупаться можно. Сейчас погода хорошая, солнце, загорать можно. Тут и землянка есть, кормят плоховато, сухари или спиртованный хлеб, ну, в основном, сами готовим, и еще плохо, караул каждый день стоим, ну, это ничего, ведь сами себя охраняем. Музыка есть, короче, мне здесь нравится. Сейчас с селом Шатой мирный договор, так что страшного ничего нет. Да и старшина у нас хороший. Если до августа не выведут полк, то, скорее всего, здесь буду до зимы, а потом, может, домой, а нет, так видно будет. Вы знаете, как я мечтал побывать в горах, и вот, можно сказать, мечта сбылась. <...>

Может быть, нас скоро сменит 20-я Волгоградская дивизия, но лучше побыть 6 месяцев, и домой <...>
10.06.96 г.»

Виталий «мечтал побывать в горах, и вот, можно сказать, мечта сбылась». Лучше бы он поехал в горы по туристической путевке, чем исполнить свою мечту с автоматом в руках. Солдаты по-прежнему стоят под Шатоем, но, по-видимому, в другом месте. В роте остался единственный «Урал», из чего можно сделать вывод о больших потерях. По горам передвигаются на НТЛБ или БТР. Отношения с местными жителями испортились, в село уже не ходят, но всё же еще действует перемирие.

Письмо 98

«<...> Нахожусь я сейчас под Шатоем. Мама, вы, наверное, по телеку видели, про Шатойское ущелье, так что не буду обманывать Вас. Где мы стоим, всё нормально, а 3 км от нас в горе выше стоит банда духов, но там и авиация бомбит, и наша артиллерия, и пехота окружила, так что ничего страшного. А то мы смотрим по телеку у танкистов какую-то передачу, и показывают Шатой, и можно подумать, что тут горы с землей ровняют...

Мы стоим в тылу дивизии, и никто на дивизию не сунется, так что не переживайте там. Сейчас тут поспевают яблоки, так что мы спускаемся за фруктами.

Так что воюет пехота, а мы делаем добро и нашим, и духам, снимаем мины и ставим вокруг лагеря растяжки сигнальные. Есть специальное отделение, которое ходит в горы, с разведкой, и второе отд-е с пехотой. Ну, а водители только по

своему желанию. Но стоит сходить на 2 суток в горы, то можно потерять 5–6 кг своего веса. Так что лучше посидеть в лагере <...>

До свидания! Ваш сын и брат Виталий. 24.07.96 г. Если можете, высылайте конверт, а то не в чем отправлять, и бумаги нет».

Вложение в письмо:

Выписка из приказа командира войсковой части №.....

«29»04 1996 г. г. Владикавказ

«О снятии автомобиля с кратковременного хранения и закреплении водителя за автомобилем» (далее текст справки).

На другой стороне справки — рисунок горы. Надпись: «в память о машине, на которой очень много проехал, почти всю Осетию исколесил».

Из воспоминаний Григория Г.: «Стояли под Шатоем. Я попал туда вместо парня, которого отпустили в отпуск, на замену приехал. Стоим мы на горе, внизу село, а выше нас артиллерия наша же. Один очень страшный момент пережил под Шатоем. Спим в палатке, врывается взводный и прикладом по ногам будит солдат: “Вставайте! Обстрел! Быстро в окопы!” Шел дождь, и наши, и боевики затеяли перестрелку через долину. С одной стороны над нами наши стреляют по боевикам, с другой боевики по нашим. Летит из САУ снаряд 5 секунд, а мы сидим в окопах под дождем, видим в темноте, как он светится, гадаем: пролетит, а может, не долет? Тогда и на нас упасть может. Всю ночь просидели. Очень было страшно».

По телевизору, действительно, показывали Шатой, бои вблизи села. И хоть Виталий со своим взводом стояли в тылу дивизии, было достаточно опасно.

Виталий пишет, что они спускаются за фруктами. Из воспоминаний Григория Владимировича Г. мы узнали об этом подробнее: «Там террасами все располагается, в том числе сады заброшенные, заросло травой по пояс и выше. Среди травы мины-растяжки, и наши, и не наши. Свои-то мы знали, на день убирали, а на ночь ставили, чтобы “ветром не надуло”. А ночью там никто и не ходит — в траве в темноте даже фонарик не поможет мину заметить. Вот август наступает. Видим, яблоки созрели (а может, и не созрели, кто знает?). Просим командира — можно за яблоками сходить? Командир может сказать: “Сегодня нельзя, завтра пойдете”. Идем завтра. Осторожно в траве подбираемся к яблоням, мины ищем. Вволю яблоч поели, и никто не пострадал».

Но некоторые вещи Виталий, как нам кажется, осуждает: «Под Ведено были, прочесывали села, так намародерничали себе всякого барахла. Сплю на ковре, укрываюсь одеялом и на подушке. В машине большой ковер, начиная от лобового стекла, по потолку вниз и до самых педалей управления. Короче говоря, с жиру бесимся...»

Но пойти против друзей Виталий не мог, тем более что «офицеры такие же люди, как и мы, так что все это как в порядке вещей».

В интернете мы нашли информацию, что это было характерно не только для части Виталия. «Крайне низкий уровень дисциплины среди военнослужащих, а также их плохое материальное обеспечение явились причинами многочисленных преступлений против имущества граждан. Следует, однако, отметить, что большинство жалоб и обвинений было направлено против военнослужащих ВВ и сотрудников МВД РФ» (Россия — Чечня: цепь ошибок и преступлений. <http://memo.ru/hr/hotpoints/chechen/itogi>).

Письмо 99 (без конверта)

«Здравствуйтесь, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Наконец-то получил Ваши все письма и сразу же отвечаю. Сразу пишу, что у меня все нормально, жив, здоров, чего и Вам желаю. Мама, Вы написали действительно плохую новость, что Женя погиб. Я представляю, какое это для т. Наташи горе. Мама, только я не знаю, как он погиб. Вы ничего не написали, там ведь в Асиновской сейчас спокойно. Если что знаете, то, пожалуйста, напишите. Я, как прочитал письмо, заплакал.

По-прежнему находимся под Шатоем, пока всё спокойно, короче говоря, всё нормально. Погода плоховатая, дожди идут. В карауле ночью стоишь, промокнешь до ниточки, ну, у нас печка, так что можно просушиться. Питаемся нормально, сейчас сплю в машине, потому что палатка течет. Ну, у меня в машине как в комнате, уютно. Хоть купаемся, а то вши (бельевые) до этого заедали, теперь нормально. Короче, всё отлично.

Служить интересно. Вчера стоял в карауле ночью, и все 2 часа с автомата с Седым стреляли в зеленку (в лес). Правда, потом полдня чистили их, но отстояли спокойно. Да к нам-то никто и не подойдет, вокруг везде мины и растяжки сигнальные. Так что спим спокойно, не переживайте. Но конечно, от крепкого сна давно отвык, ну а что поделаешь, дома отосплюсь.

Мама, Вы спрашиваете точно, сколько мне служить. Я отвечаю, что если правительство не обманет, к Новому году буду дома. Ну, а там видно будет. Вообще не обижайтесь, но об увольнении я не сообщу Вам, а сделаю сюрприз, приеду домой, а вы и знать не будете. Ну, проживем — увидим.

Вы пишете, что очень плохо с работой и финансами. Это, конечно, очень плохо. Ну, ничего, мне сейчас платят 66 т. в один день, полевые, плюс 37 — зарплата. Не удивляйтесь, это серьезно. Дембеля увольнялись, получили миллионы. Сейчас же официально солдаты в Чечне не числятся, а только контракты, ну, а платят одинаково. Извините, что такой почерк, но пишу на темную, потому что утром надо отослать <...>

23.45 ч. 27.07.96 г.»

Это письмо пришло через неделю после того, как привезли гроб с останками Виталия Зайцева в Матвеев Курган. Конверт где-то потерялся в суматохе. Больше всего Надежда Петровна жалеет, что сообщила в письме о гибели под Асиновской Евгения Артамонова, или Женьки Артамона, как часто в письмах звал его Виталий: «Я, как прочитал письмо, заплакал». Надежда Петровна считает, что, может быть, если бы она не написала, то Виталий бы уцелел. Виталий обещает вернуться к Новому году, успокаивает родителей. В ответ на жалобы родителей (к этому времени практически вся семья была безработной, отцу удалось найти только временную работу), Виталий обещает приехать с большими деньгами. Не дождалась ни сына, ни денег.

Письмо 100 (Написано на обрывке фотобумаги)

«Привет из Шатоя. Здравствуйтесь, мои дорогие Мама, Папа, Игорь и Женя! Пишет вам сын и брат Виталий. Вот выдалась возможность отослать Вам письмо, и я сразу же решил не терять ее.

В первых строках сообщаю, что у меня всё отлично, жив, здоров, чего и вам желаю. У меня всё здесь нормально. На улице жара стоит, целыми днями не вылезим из душа или из леса. Пospели яблоки, так что едим и варим компот. Внизу стоит деревня Борзой, но спускаться туда запрещено, так что сидим на вершине горы. Питаемся нормально, не жалуясь. Ну ладно о себе, как у Вас дома дела? Пишите почаще. Чем занимаетесь, заготовили кормов на зиму или нет. Ну ладно, буду заканчивать, письмо писать некогда, сейчас едем на разминирование, ну, это сейчас обычное дело. Извините, что немного написал. Да и писать-то не о чем. Вы там не переживайте за меня, всё нормально. Конвертов, если можете, вложите в письмо. Ну ладно, до свиданья. Ваш сын Виталий».

Это письмо попало к Зайцевым через 4 года. Виталий передал его Григорию, когда тот уезжал во Владикавказ. Григорий сразу не смог его отослать, и тут пришло известие о гибели Виталия. Тут уж Григорий и вовсе не решился отослать письмо. Но судьба распорядилась так, что Григорий женился и переехал жить в наш поселок, к тому же поселился на соседней улице. Письмо не давало ему покоя, он все время думал о нем. И, наконец, решился и отдал его родителям Виталия.

Это последнее письмо, написанное рядовым Виталием Зайцевым.

* * *

О похоронах Виталия Зайцева мы узнали из газетных статей: «Привезли его 24 августа 1996 года в цинковом гробу. Но мы до сих пор не верим, что его нету, ведь мы его мертвым не видели, а только заключение: «Взрывная травма с полным разрушением тела за исключением нижних конечностей» (Книга памяти «Комсомольской правды» 23.01.1997).

«Как это случилось, мы точно не знаем, известно лишь, что был он на задании вместе с лейтенантом. Выстрел из гранатомета прямо в кабину... Как можно такое пережить? День и ночь мы плачем за нашим дорогим сыночком. Кто-то же ответит за эту кровавую бойню?! <...> Похоронили мы нашего дорогого Виталика 25 августа в родном поселке Матвеев Курган на аллее Славы» (Зайцевы Надежда Петровна и Николай Иванович «Рядовой Виталий Зайцев» в Книге памяти «КП-на-Дону», 21 февраля 1997 г).

Недалеко от Виталия похоронен и прапорщик Евгений Артамонов.

Похороны Виталия Зайцева собрали его друзей, соседей, добрых знакомых, одноклассников, друзей по училищу. Стало видно, сколько людей хранят о нем добрую память. Улица была запружена людьми.

Уже после похорон родные получили фотографии Виталия и письмо от командования роты:

«Уважаемые Николай Иванович, Надежда Петровна.

Пишет Вам командир взвода ст. л-т П... Руслан Анатольевич. Считаю своим долгом выслать фотографии вашего сына. Мы очень благодарны Вам за Вашего сына, он был хорошим человеком, добросовестным солдатом. Извиняемся, что не смогли уберечь Вашего сына, но мы будем помнить его.

С уважением командир роты. *(Подписи нет)*.

29.08.1996 г.»

Пришло письмо от бабушки Симы из Владикавказа:

«26 октября 1996 года.

Здравствуйте, уважаемые родители Виталика Коля и Надя. Получила от вас письмо, которое очень ждала. Вся наша семья выражает вам наше соболезнование по поводу трагической преждевременной гибели дорогого Вам сына Виталия и нам знакомого солдатику, к которому мы очень привыкли и он нам стал как родным.

Дорогая Надя, мы его проводили. Я за него молила Бога, чтобы с ним ничего не случилось, но война безжалостна. Я вам хочу написать наш последний разговор. Просто чтобы вы знали, что я слышала из его уст. Когда я получила посылку от вас, вызвала его, он так был рад, сказал, что эта посылка к его дню рождения. Разбирал посылку, читал письмо, на глазах вижу слезы, позвал меня и говорит: “Бабушка Сима, ведь это только мама может сделать такое приятное ко дню рождения. Сколько же мне радости она сделала, ведь мне 19 лет исполнилось”. И следующие слова: “Как вернусь домой, стану перед мамой на колени и буду целовать ее руки, и попрошу прощения за свои грубости, которые ей когда-либо сказал, буду во всем слушать родителей, не закурю ни одной сигареты и стакан не поднесу к губам своим”. Я накрыла им стол, он пригласил троих солдат, сидели долго, слушали музыку, потом остались ночевать Виталик и друг Андрей.

Дорогая Надя, вы спрашиваете, какие вещи оставил Виталик у нас: 1. Магнитофон, талисман-зажигалку, часы, военную форму и письма, а фотографии не оставлял, может, где в письмах лежат. Он очень дорожил вашими письмами и просил меня их сохранить, так говорил: “Буду хранить их до конца своих дней”. Я всё собрала в коробку, которая весит примерно 5 с лишним кг, так что бандероль не получается. Высылать надо посылкой. Вы узнайте на почте, сколько будет стоить пересылка. И надо же оценить посылку в такую сумму, сколько стоит магнитофон, часы, а то вдруг может пропасть. Мне хочется, чтобы до вас все дошло благополучно. Я очень переживаю за магнитофон, много раз приходили солдаты, и нагло требуют его вещи. Я не отдала им. Напишите, когда погиб Виталик, и где его похоронили, или доставили его тело домой?

Письмо получилось большое, хотела написать меньше, здоровье наше неважное, дедуле моему сделали операцию на глазу, ограничен в ходьбе. Поднять можно от силы 2 кг. Я тоже еле хожу, ноги отказывают, упала во дворе, разбилась, сильно кружится голова. Не доедаем, пенсию не получали за три месяца, других доходов нет. Кое-что продаем за бесценок, заготовок никаких на зиму нет. Не знаю, как жить будем. Просто не знаем, кому себя отдать, свое домовладение. Так трудно жить. Извините за откровенность, мне некому высказать свое горе. Вся моя родня живет в Л-де, в Брянске. Там, наверное, тоже трудно. Я очень буду ждать вашего письма, и как можно буду стараться скорее выслать вам вещи Вашего сыночка. Пусть будет память о нем.

С приветом Серафима Иль. и Виктор Петр.».

Здоровье бабушки Симы ухудшилось. Смерть Виталия стала ударом и для нее. Мы думаем, что эта почти родственная привязанность к «знакомому солдатику» была для одиноких стариков светлым пятном в их жизни, и когда Виталий погиб, то они переживали не меньше, чем если бы он действительно был их внуком.

Вместе с Виталием погиб и лейтенант. О нем вспоминает Григорий Г.: «Взводный был нам почти ровесник, закончил институт с военной кафедрой, был какой-то инженер, и его призвали на 1 год по его воинской специальности. Он нам как брат был, старался авторитет заработать хорошим отношением с солда-

тами, разговаривал с нами. Человечный был. Он вместе с Виталием погиб. Тоже орденом посмертно наградили».

В поселке с уважением относятся к памяти о павших. Есть два памятника — один в Мемориале Славы, с фамилиями всех погибших жителей района в Афганистане и Чечне, в том числе и Виталия Зайцева, другой — БТР на окраине поселка. Мы ходили в музей, видели там экспозицию с материалами о Виталии Зайцеве. Там же есть и папка, где хранятся вырезки из газет со статьями о нем. Помнят о нем и в школе № 3.

Всего в ходе первой чеченской войны Россия потеряла более 5 тыс. человек убитыми, 16–18 тыс. ранеными, более 700 военнослужащих и милиционеров, оставшихся в плену и числившихся пропавшими без вести.

Служили в Чечне три товарища

Валерия Швец

г. Углич, Ярославская обл.

научный руководитель О. Г. Ефимова

По данным угличского военкомата, куда я обратилась, в Чечню были призваны 196 угличан. Двое из них — Дмитрий Муравьев и Андрей Харламов — не вернулись. Они были награждены орденами Мужества посмертно и похоронены на Чурьяковском кладбище. Недалеко от их могил есть еще одна. На мраморном постаменте симпатичное улыбающееся лицо молодого человека. Под фотографией имя — Рыжов Игорь Леонидович и две даты: 3.07.1976 — 26.12.1998.

Игорь тоже проходил срочную службу в Чечне и вернулся оттуда живым. Что же могло произойти в жизни молодого парня, если, выжив в чеченском аду, он всё же умер? Трагическая случайность или последствия войны? Вот это мне и захотелось выяснить.

По просьбе моего руководителя Ольги Глебовны Ефимовой, я встретилась с мамой Игоря Еленой Александровной.

В армию Игорь пошел по собственной воле. У него была возможность, как сейчас говорят молодые люди, «откосить». В 14 лет во время одного из хоккейных матчей на Игоря упали игровые ворота, что привело к серьезной черепно-мозговой травме. Но он искренне верил, что именно в армии мальчишки становятся настоящими мужчинами и пройти армию — дело чести каждого юноши. Я считаю, что немаловажную роль здесь сыграло и то, что два его деда были участниками Великой Отечественной войны и в семье Рыжовых часто вспоминали об их славном военном прошлом.

В армию Игоря призвали 15 ноября 1994 года. Попал он в ОДОН (отдельную дивизию особого назначения) имени Дзержинского. 6 мая 1995 года в звании младшего сержанта был переброшен в Чечню.

В Чечне Игорь, если судить по временному отрезку, был немного — чуть меньше 4 месяцев с 6 мая по 1 сентября, но впечатлений хватило на всю его оставшуюся короткую жизнь. Правда о небольшом кусочке войны, выпавшем на его долю, он вспоминать не любил и никому об этом не рассказывал. Даже его лучший друг Игорь Соловьев, также прошедший Чечню, почти ничего не знает о том периоде жизни своего друга.

Но сохранился дневник, который младший сержант Рыжов вел в Чечне. Елена Александровна не разрешила мне сделать с него ксерокопию, так как в дневнике имеется много ненормативной лексики, но я всё же смогла переписать некоторые записи. События Игорь описывал ежедневно, правда очень коротко и лаконично (может быть, не всегда было время). Приведу некоторые выдержки из его дневника:

«31.05. Поехали на “передовую”. Там опасно. Постоянно стреляют. Сидим в БТР, высовываться нельзя.

1.06. Ура! Продвинулись на 4 км вперед. Хотя какие-то новые ощущения, сме-на пейзажа, хотя он здесь почти везде одинаков.

4.06. Пошли в наступление. Заняли высоту 762 м. Разбили основную Дудаевскую теле-радио станцию.

13.06. Укрепились на высоте, стоим на поляне. Сказывается постоянное напряжение, нужно быть начеку.

15.06. Сидим на позиции, вечером бухали.

16.06. Мучает похмелье. Весь день спим и загораем.

25.06. Пошли в наступление, закрепились на высоте.

27.06. Ездили в разведку по деревням, привезли хавки, местные дают, не все, правда, но некоторые нас жалеют.

30.06. Получили благодарность от комбата за проведенную операцию. Приехали в лагерь на отдых и на общем построении мне присвоили звание “сержант”. Готовимся брать Ведено.

2.07. Закрепились в Ведено, получил легкое ранение в ногу, было больно, осколок достал сам пассатижами.

3.07. День рождения!! (уже 19 лет!)».

«Уже 19 лет!» — пишет в своем дневнике Игорь. Конечно, он кажется себе уже совсем взрослым — он солдат, да еще на войне. И с гордостью пишет о своем ранении, не зная тогда, что вскоре получит еще одно.

Вот что рассказала его мама Елена Александровна: «9 июля 1995 года в 5 часов утра в поселке Бельта начался бой между чеченскими боевиками и российскими военнослужащими. В БТР, на броне которого находился Игорь, выстрелили из гранатомета. Сын получил осколочное ранение в спину (осколок остановился в 7 см от сердца), на вертолете был отправлен в госпиталь во Владикавказ, где ему оказали первую помощь, а на следующий день самолетом переправили в Оренбург. Как только я узнала, что мой мальчик ранен и где он находится, то сразу же поехала к нему».

В госпитале Игорь пробыл совсем недолго, всего две недели. Ранение посчитали не тяжелым, да и организм у Игоря был молодой и, как он думал тогда, здоровый.

А орден Игорю вручили уже после демобилизации. В конце июля 1997 года его вызвали в Угличский военкомат, поздравили и без всякого торжества отдали коробочку с орденом Мужества.

Я попыталась поточнее выяснить, за что Игорь Рыжов получил награду и обратилась в военкомат. Ответ сотрудников военкомата меня крайне удивил. Мне сказали, что никакой формулировки с орденами не присылают, наградили и наградили. Как же так? Даже во время Великой Отечественной войны солдатам давали ордена и медали «за мужество и героизм, проявленные в бою», «за уничтожение живой силы противника», «за спасение товарищей» и т. д. Так почему же в современной России военные чиновники и командиры не считают нужным направить в военкомат сопроводительное письмо с парой фраз, за что же солдата наградили орденом или медалью? Лично мне это не件но.

После госпиталя Игоря не отпустили даже в отпуск, а отправили служить в Реутово Московской области. Но, направляясь в часть к новому месту службы, проездом Игорь вместе со своим сослуживцем Сергеем смог на 2 дня заехать домой в Углич. Тогда еще ничего не предвещало беды...

После демобилизации Игоря Рыжова из армии здоровье его резко ухудшилось. Однажды, во время работы на домашнем участке Игорю стало плохо, закололо сердце, стало трудно дышать, невозможно было поднять левую руку. Его положили в Угличскую районную больницу, но лучше ему не становилось. Тогда

его направили на обследование в Ярославскую областную больницу. Там определили, что у молодого человека порок сердца.

И, скорее всего, что в армию Игорь пошел уже будучи больным человеком, да еще принимал участие в боевых операциях, был в постоянном напряжении. Странно, конечно, но факт, что перед призывом в армию Игорю, как и остальным призывникам, не обследовали сердце, не сделали кардиограмму. В медицинских документах значится: «Здоров. К службе в рядах вооруженных сил РФ годен». Снимать показания кардиографа у призывников в военкомате начали только после смерти Игоря, да и то недолго.

Год назад из армии вернулся мой старший брат Владимир. Я спросила у него, как он проходил медицинскую комиссию перед призывом и делали ли ему кардиограмму сердца. Он ответил, что нет. Сказал, что просто померили давление и пульс и послушали фонендоскопом сердце.

Я считаю, что одна из самых серьезных проблем нашей армии — это формальное отношение к здоровью призывников. Военкомату нужно набрать необходимое количество молодых людей — и он набирает. Любой ценой. Особенно остро этот вопрос стоит в российской глубинке. Я убеждена, что совсем немного молодых людей из сел и деревень или из совсем маленьких городков ездят в областные центры обследовать свое здоровье. В молодости над этим не задумываешься, не болит ничего — да и ладно. Значит врачам, работающим на призывных пунктах, нужно быть более внимательными при обследовании, чтобы не пропустить болезнь.

А болезнь Игоря продолжала прогрессировать.

После обследования в областной больнице стало ясно, что помочь Игорю выжить может только пересадка сердца. Связались с Москвой, куда в срочном порядке отправили все анализы. Игорь был поставлен в очередь на операцию, ему дали инвалидность 1-й группы. Операция стоила тогда 60 тысяч рублей, но инвалидам 1-й группы ее делали бесплатно.

Игорю становилось всё хуже. Он почти не выходил из дома, так как подняться даже на 2-ой этаж мог с трудом. Спал почти сидя, подложив под спину подушки, иначе начинал задыхаться. Сердце Игоря увеличилось в размерах настолько, что грудную клетку просто выперло. Такое явление называется «бычья сердце».

24 декабря 1998 года Игорь своими ногами пошел на стадион болеть за свою хоккейную команду. Сидя неподвижно на трибуне, Игорь простудился. У него снова поднялась температура, он стал задыхаться. Пришлось вызвать «скорую помощь», которая увезла его в больницу. Через день, ранним утром 26 декабря, Игоря Рыжова не стало.

Если бы ему успели сделать операцию, он был бы жив и сейчас. Этих «если» великое множество: если бы в военкомате перед призывом в армию было проведено полное обследование, то, возможно, болезнь удалось бы выявить в самом начале; если бы Игорь не попал в Чечню, а отправился служить, например, в Подмосковье, то не было бы резкой перемены климата и постоянного стресса от сознания постоянной опасности; если бы не было ранения, если бы не осколок, недалеко от сердца; если бы после службы солдат, чьи души и тела истерзаны Чечней, отправляли на полное квалифицированное обследование; если бы...

Беседуя с другом Игоря Рыжова Игорем Соловьевым, я узнала, что он тоже проходил службу в Чечне в течение года. Призвали его на полгода позднее, чем Рыжова, — 3 марта 1995 года. В Чечню был отправлен с Кантемировской дивизией.

Его рассказ меня просто потряс. «О Чечне никто из нас, прошедших ее, рассказывать не любит, потому что ничего хорошего там не было, а иногда было просто паршиво. Вспоминать очень тяжело. Я был участником многих боевых операций. Мы стояли на разных базах: Шали, Курчалой, Ведено, Агишты. На базах жили в блоках по 10–15 человек. Самыми тяжелыми считались штурмы города Грозного (1 января 1995 года, 5 марта 1995 года, 6 августа 1996 года), так как боевики дрались за свою столицу насмерть, да и были гораздо лучше обучены. У нас в основном были солдаты срочной службы, контрактников мало, а у них много профессиональных солдат. Хотя в 166 горно-штурмовой бригаде, где я проходил службу, я был один “срочник”, остальные контрактники, но это была большая редкость.

На операции мы выходили колонной (около 100 машин). Первой обычно идет разведка, она докладывает, где базируются боевики, а уже затем выступает пехота. В пунктах, где много мирных жителей, мы старались обходиться без тяжелой техники или обходили эти поселения. Постоянно передвигались с одного места на другое. Долго стоять на одном месте было опасно. Вернешься на базу и опять дней на 30–35 в полевые условия. Обмундирования было недостаточно, оно быстро приходило в негодность. Приходилось добывать самим. Я, например, покупал сам себе на рынке кроссовки после зимы, так как в сапогах было очень жарко, ноги потели и начинали преть, могли появиться язвы. Футболка у меня тоже была с рынка, а сверху тельняшка и китель. На голове носили платки (они не сваливаются): один защищает лицо от пыли, когда идешь в колонне, другой на голове».

Факт самостоятельной добычи одежды во время службы в армии меня тоже удивил. Неужели страна, которую они защищают, не могла обеспечить солдат нормальным обмундированием по сезону? По-моему, такого нет ни в одной армии мира.

«Все очень скучали по дому, ждали писем. Многим ребятам давили на психику горы, — рассказывает Игорь Соловьев. — Кормили на базах хорошо. Но когда стояли на постах, например, неделю закрывали ущелья, то нам выдавали сухой паек только на 3 дня, а потом еду добывали сами. Иногда меняли у местных жителей обмундирование на мясо. Бывали случаи мародерства. Трудно было доставлять пищу и воюющим солдатам. На высотах еду варили сами. Тушенку разогревали прямо на горячих моторах БТР. На посту стояли по очереди — 2 часа спишь, 2 часа стоишь. Одному на посту стоять было нельзя, также как и технику по одной единице не выпускали, только колонной, опасно.

Местное население относилось к нам по-разному. С некоторыми жителями общались хорошо, меняли в селениях на баранов медикаменты, тушенку, подсолнечное масло. А вот неожиданных поступков со стороны детей боялись. Они в любой момент могли, например, кинуть гранату. Поэтому близко к постам и базам их старались не подпускать.

Я принимал участие в штурме Грозного 6 августа 1996 года. Сначала с ходу взяли городскую больницу, потом мост через реку Сунжу и стадион “Динамо”, где впоследствии убили А. Кадырова. Я получил осколочное ранение в голову, один осколок вытащили, а второй остался. Несколько дней пролежал в госпитале. А штурм Грозного продолжался до 26-го августа. Ребята рассказывали, что трупы тогда увозили самосвалами. Всем убитым и тяжелораненым давали орден Мужества.

29-го августа, после переговоров генерала Лебеда, нас вывели из Чечни».

Я спросила у Игоря о приблизительном количестве погибших в его части. Вот что он ответил: «За год, что я служил, в части погибло примерно 150 человек, а из бригады приблизительно 500–600 человек, точнее сказать не могу. На всех базах была большая палатка — морг. Но далеко не все солдаты погибали в боях. Некоторые пьяными падали с брони, их было не видно в пыли и они попадали под колеса идущих следом машин. А водки там было очень много. Без водки там можно было сойти с ума, она помогала забыться. Никаких развлечений не было, ни книг, ни кино. Солдаты пили вместе с офицерами, там были все равны. Случалось, что пьяные солдаты ссорились и убивали друг друга, там ведь у всех боевое оружие, а порядка и дисциплины нет.

Но больше всего мучила грязь. В полевых условиях мы жили в землянках, покрытых брезентом, по 6–10 человек. Мылись редко, так как воды было очень мало, ее привозили только для питья и приготовления пищи. Примерно раз в полтора месяца приезжала специальная машина, которую называли пропарочная, в которой мы и мылись. От грязи у солдат заводились вши, мы по утрам ловили их друг у друга, по 200 штук. Часто мыться можно было только на базах, да в реке Аргун, хотя вода в ней очень грязная и течение сильное. Но всё равно с конца марта мылись в реке».

После разговора с Игорем Соловьевым я выделила для себя еще две большие проблемы чеченской войны. Первая — отсутствие дисциплины в армии, отсюда пьянки, драки и случаи бессмысленной гибели военнослужащих. Вторая — неустроенный быт, что также негативно сказывалось на психике солдат. Как можно исполнять свой воинский долг голодному, обовшивевшему со стертymi ногами солдату? Не о службе он тогда думает, а о том, что бы поесть, как бы помыться и где бы достать обмундирование.

На прощание Игорь сказал, что войну в Чечне считает абсолютно бессмысленной и нелепой.

Побеседовать с еще одним ветераном чеченской войны, Романом Гавердовским, мне удалось лишь спустя 3 года после нашей первой с ним встречи. Роман долго отказывался говорить о своем прошлом. Его можно понять. Война — это всегда трагедия и боль. Но когда я стала собирать материал об Игоре Рыжове, Роман стал более откровенным и рассказал о своей жизни вообще и службе в Чечне.

Роман закончил девять классов средней школы № 5 города Углича в 1992 году. До 1994 года учился в ПТУ № 35 на электрика и 30 мая 1994 года был призван в армию. Роман с обидой говорит о том, что ему не дали доучиться всего один год, отсрочку в то время можно было получить с большим трудом, а у них не было ни богатых родственников, ни влиятельных знакомых. Хотя Роман всё же успел получить второй разряд электрика.

Новобранцев привезли в Ярославль на распределительный пункт и уже вечером 30 мая поездом отправили в Москву, а потом посадили на машины и отправили за 12 км от Москвы в дивизию им. Дзержинского или, как ее называли солдаты за дедовщину, «дикую дивизию».

Полтора месяца Роман проходил курс молодого бойца. В дивизии был полк охраны президента, который использовали для охраны Белого дома во время путча в 1991 году, а также для охраны стадионов во время футбольных матчей и концертных площадок. Однажды в дивизию приехал президент России Борис Николаевич Ельцин, но молодых бойцов, одетых в робу, на встречу с ним не пустили. Получается, что для того, чтобы просто увидеть президента, нужно быть

«при параде». Всем солдатам срочной службы платили по 40 рублей в месяц. Это пособие солдаты между собой называли «ельцинским» и на него можно было купить всего лишь блок недорогих сигарет.

«1 января 1995 года у нас был сбор, и всех отправили в Чечню. Как раз в то время там начались масштабные боевые действия. Добирались трое суток поездом. Под Моздоком всех разместили в палатках по 30 человек. Солдаты в основном были русские, а также якуты и украинцы. Перемена климата на многих повлияла пагубно, некоторые, особенно северяне, гнили, на теле появлялись язвы. Спасались мазями».

Во время разговора бывший солдат часто замолкал, иногда с трудом подбирая слова. Было видно, что этот разговор дается ему нелегко.

«Мы служили в РМО — роте материального обеспечения. Боевики понимали, что успех боевых действий во многом зависит от обеспечения солдат пищей, поэтому нас иногда обстреливали. Однажды почти в упор нас обстреляли два танка, изрешетили все палатки и печи, но к счастью, в тот раз обошлось без человеческих жертв. В небо сразу поднялись наши “вертушки” (вертолеты) и танки отошли».

Роман рассказал, что бои были частыми, а обстрелы почти ежедневными. Приходилось ему участвовать и в боевых действиях в Грозном. На Грозный пошли из Моздока в январе 1995 года.

Всего Роман принял участие более чем в 10 боевых операциях. Друзья говорили, что он везучий, так как ни разу не был ранен.

«Однажды меня посадили в зиндан, — вспоминает Роман. — Зиндан — это глубокая земляная яма. Спускали туда по лестнице, затем лестницу убирали, а яму закрывали решеткой. Дважды в сутки в яму спускали пищу и воду, которая быстро нагревалась и становилась тухлой. Кроме меня в этой яме были черные свержки, которые больно кусались и не давали сидеть на месте. Приходилось всё время двигаться из угла в угол».

На вопрос, за что он очутился в зиндане, Роман ответил, что он был пьяный и вовремя не подал комбату (командиру батальона) завтрак. Тот стал кричать на солдата, а затем приказал посадить в земляную яму.

Слово «зиндан» знакомо мне с детства из восточных сказок. В этих сказках красавицы гурии — пери (волшебницы) спасали своих возлюбленных из темных земляных зинданов, куда те были посажены злыми дэвами (сказочными чудовищами). Но это было так давно, несколько веков назад, да еще и в сказках. У меня в голове никак не укладывается мысль о том, что в наше время, в цивилизованной стране молодого парня за совершенный проступок (неважно за какой) можно на несколько дней посадить в яму, как в средние века. Мне страшно подумать о том, что могло бы случиться, если бы в этом районе в это время начались боевые действия. Очень сомневаюсь, что о солдате Романа Гавердовском в суматохе вспомнили бы. И тогда он бы просто погиб от пули, бомбы, разрыва снаряда или был бы взят в плен. А родителям в таком случае написали бы: «Ваш сын, как настоящий российский воин, погиб смертью храбрых», или что там еще писать в таких случаях полагается? И, может быть, наградили бы орденом Мужества. Посмертно... А чье тело покоилось бы на угличском кладбище под именем Романа Гавердовского, неизвестно.

Когда я просматривала подборку газеты «Известия» с материалами о чеченской войне за 1994–1996 годы, то наткнулась на цикл статей о братских могилах

и неостребованных трупах солдат, которые невозможно опознать, так как они изуродованы, а на их опознание на уровне генетической экспертизы у российских властей нет денег. Это ли не проблема?! В России есть деньги на многое, например на устройство различных конкурсов и фестивалей, на проведение шоу-программ, но почему-то не хватает средств на то, чтобы мать, которая отдала государству самое родное, самое дорогое, что имела в жизни — своего ребенка (подчас единственного), могла хотя бы похоронить его, оплакивать и доподлинно знать, что это могила ее сына.

А проблема «дедовщины» в армии? Практически всем, кто проходил службу в вооруженных силах, пришлось испытать ее на себе. Дедовщина, к сожалению, была и в Чечне.

Из рассказа Романа: «Был у нас прапорщик по кличке Колобок. Любил над солдатами издеваться, особенно над молодыми: бил, оскорблял, заставлял часами стоять неподвижно, нелепые приказания выполнять. Не все могли это вытерпеть. Однажды в части произошло ЧП: пятеро молодых солдат, не выдержав издевательств, ночью ушли к чеченцам. Несколько дней о них не было ничего слышно. А однажды ночью Колобок исчез и больше о нем никто не слышал. Ходили слухи, что за ним приходили чеченцы. Вскоре двое сбежавших солдат вернулись. Что с ними было дальше — не знаю, знаю только, что их арестовали как дезертиров, увезли в Москву и там судили».

Мне очень хочется верить, что сбежавших и вернувшихся солдат судили не слишком строго. Оказаться на войне для «домашних» мальчиков совсем непросто, а терпеть издеательства от своих же, тем более старших по званию, от тех, кто учить и защищать должен, порой просто невыносимо.

Во время нашего разговора Роман сказал, что за время его службы в их части погибло всего лишь 20 человек. По меркам многомиллионной России и войны в Чечне эта цифра, может быть, и невелика, но за этой цифрой стоят 20 несчастных семей, потерявших своих родных.

Во время разговора Роман не один раз произнес фразу: «Сами чеченцы, то есть мирное население, не хотело войны, у всех ведь дети, семьи, но некоторые из них, в конце концов, озлобились, хотя поначалу относились к нам очень доброжелательно».

На вопрос, что он думает о чеченской войне, Роман ответил: «Я искренне считаю эту войну бессмысленной и глупой. Вот мой дед, который воевал в Великую Отечественную войну, хотя бы знал, ради чего кровь проливает. А мы не знали, за что воюем. И ради кого. Я думаю, что деньги там большие крутились. И оружие продавали иногда наши офицеры чеченским боевикам. Такое и в нашей части было. И ради этого солдаты гибли, калекami оставались. И не только тело раненое было, но и душа. Я ведь много лет о той войне никому не рассказывал. Особенно один случай запомнился, когда из-за того, что кто-то сигнальную ракету не вовремя выпустил, русские в темноте русских обстреляли. И убитые были и раненые. Случай замяли, а осадок мерзкий до сих пор в душе остался. Наверняка ведь так не раз было».

Подтверждением слов Романа о том, что Чечня губит души и действует на психику, стал рассказ одноклассницы Гавердовского Надежды Гавриловой. Вот что она рассказала: «Иду я однажды по улице, а навстречу мой одноклассник Рома Гавердовский, он недавно из армии вернулся. Смотрит на меня, а глаза пустые. Я подошла, поздоровалась, а он вместо приветствия сказал: “Надя, я из

Чечни!» и пошел дальше. Я поняла, что он еще не отошел от пережитого, он всё еще там, воюет в Чечне».

Да, пережитое в Чечне не прошло для Романа даром. Изобилие водки во время службы (Роман подтвердил слова Игоря Соловьева, что пили часто, страх и напряжение снимали) привело к тому, что вернувшись в Углич и не найдя приличной работы, Роман стал выпивать и однажды в состоянии опьянения устроил драку, за что был приговорен к 2,5 годам лишения свободы.

Одна из самых главных, на мой взгляд, проблем нашей армии заключается в том, что солдат, вернувшийся из так называемой «горячей точки», остается один на один со своими проблемами и трудностями. Он становится не нужен государству, по приказу которого воевал. Во всем мире, в любой стране, для таких солдат существуют реабилитационные центры, в которых они в течение нескольких месяцев получают медицинскую и психологическую помощь.

Сейчас много говорят о патриотизме, о любви к своей Родине, своему государству. Так и хочется задать вопрос: «А почему я должна любить государство, которое не любит своих граждан?»

Просматривая материал о чеченской войне в интернете, я нашла еще одно четверостишие, которое пронизано болью. К сожалению там не указан автор, возможно, это бывший солдат, прошедший Чечню.

Состраданья не ждем от правителей, партий и судей,
Но хотелось бы знать, кто, куда и зачем нас пошлет?
Не пристало нам быть на ролях бессловесных орудий,
Выполняя приказы, которых не отдал народ.

Командировки на войну (письма папы из Чечни)

Мargarита Барыкина
с. Плесс, Пензенская обл.
научный руководитель Т. В. Меркушина

Я родилась и живу в селе Михайловка (это в 2 километрах от села Плесс).

Я знала, что мой папа был в командировке в Чечне, но говорил об этом редко и неохотно. И вдруг я нашла письма, которые папа писал маме из Чечни, из той самой командировки. Раньше об их существовании я даже не подозревала. Вот и захотелось мне провести собственное «расследование». А значит, найти факты и свидетелей происходивших в Чечне событий конца XX — начала XXI века, выяснить мотивы поездок в командировки на войну моего отца и других моих односельчан. И сравнить их воспоминания — «показания» — с тем, что можно найти о чеченских событиях в современных СМИ.

«ПАСПОРТ» МОЕЙ СЕМЬИ

Наша семья появилась в 1992 году. Сейчас наша семья — это мама, папа, я и моя старшая сестра Вика.

Глава семьи — мой папа Евгений Николаевич Барыкин — родился 7 мая 1972 года в селе Михайловка Мокшанского района Пензенской области. В 1987 году он закончил Плесскую школу и поступил учиться в Мокшанский совхоз-техникум.

В 1991 году успешно его закончил и решил дальше получать высшее образование в Пензенском инженерно-строительном институте. Захотел стать инженером-строителем, а скорее всего, тогда ему просто хотелось стать городским жителем. Многие сельские девчонки и мальчишки поступают в городские вузы, просто чтобы пожить городской студенческой жизнью в общежитии, о которой столько говорят те, кто уже перебрался в город. И вообще в семье отца высшее образование считалось залогом того, что дальнейшая жизнь будет обеспеченной и намного более комфортной, чем жизнь в селе.

Когда папа учился на 3 курсе института, он женился на маме, Елене Анатольевне, которая была моложе папы на год и училась заочно.

Через год, в 1993 году, родилась моя старшая сестра Вика, а в 1995 году я — Margarита. Так получилось, что молодой инженер-строитель Евгений Барыкин после окончания института был семейным человеком с двумя детьми и безработной женой. Нужно было срочно искать работу, которая смогла бы прокормить молодую семью. Оказалось, эта задача была почти невыполнимой.

В 1995–1996 гг. совхоз «Плесский» уже доживал последние годы. Зарплаты не выплачивали месяцами, больше половины работников уволили без всяких выходных пособий, а устроиться на работу молодому специалисту, да еще по специальности, было вовсе нереально. В город с двумя маленькими детьми мои родители ехать побоялись. Не было квартиры, постоянной работы. Получить квартиру, как молодой специалист, папа тоже не надеялся, их не предоставляли даже крупные строительные предприятия.

Тогда в Мокшанском РОВД требовались участковые милиционеры.

Мой папа в институте посещал военную кафедру и после окончания учебы получил военный билет и звание младший лейтенант запаса. Несмотря на то, что папа в армии не служил, его взяли на работу в РОВД в 1996 году на должность участкового инспектора.

Зимой 1997 года его отправили на специальное обучение в Пензенский центр подготовки кадров для МВД РФ.

Я-то думала, что его учили хотя бы год. Но курсы были всего 6 месяцев, и молодой участковый инспектор должен был приступить к своим обязанностям в Плесской администрации. Все «премудрости» своей должности пришлось ему узнавать прямо на практике, никто скидку на отсутствие стажа не давал. Мой отец был должен отвечать за порядок в нескольких деревнях. Служебной машины ему не дали, и пришлось ему объезжать вверенную территорию на рейсовом автобусе или «на своих двоих»! И мобильной связи тогда тоже не было, даже телефоны были всего в нескольких домах в трех селах из девяти!

Ему пришлось сразу столкнуться со всеми «прелестями» сельских драк, семейных потасовок и даже преступлений, скидок на неопытность никто не делал. На вопрос «как же ты справлялся?» отец ничего не рассказывает подробно, говорит только: «как мог» и «как умел».

Я заметила, что в разговорах между собой многие жители ругают милицию, говорят, что она ничего не делает, чтобы порядок навести.

Мне всегда бывает обидно это слышать. Ведь я вижу, как отец устает, когда возвращается с работы, как переживает мама, когда ему звонят в любое время суток и просят прийти «на вызов». Как мы с сестрой несколько раз не поехали с ним куда-то отдыхать, просто не видели его дома целыми днями, потому что его неожиданно вызывали на работу.

Сам папа тоже обижается на отрицательные высказывания в адрес милиционеров, говорит, что везде есть плохие и хорошие работники, умные и глупые начальники. Среди его сослуживцев есть люди, которые получили ранения или погибли на работе. Он сам несколько раз попадал в рискованные ситуации. Нам с сестрой ничего, конечно, не рассказывали, но мы видели, как волновалась мама и бабушка с дедушкой.

Весной 2009 года папа получил повышение по службе. Он теперь работает начальником отдела участковых уполномоченных Мокшанского ОВД, получил звание майора милиции. Мы надеялись, что он теперь будет чаще и больше бывать дома, но, конечно, свободного времени у отца не прибавилось.

ЧТО ПРОИСХОДИЛО В ЧЕЧНЕ

С 2001 года работников Мокшанского РОВД отправляли в командировки в Чечню. Вторым потоком решил поехать в такую командировку и мой отец. Он был там с 21 января по 27 апреля 2002 года. За командировку в Чечню отец был награжден нагрудными знаками «За службу на Кавказе», «За верность долгу», «За отличие в службе» и «Участнику боевых действий».

Мне сразу же захотелось узнать, что же это за командировка такая, если за нее дают боевые знаки отличия, и почему папа не очень охотно отвечает на вопросы о том, что ему пришлось делать в Чечне. Почему мама вспоминает эти 4 месяца 2002 года как «страшный сон», когда она постоянно боялась остаться вдовой

с двумя малолетними детьми (нам с сестрой тогда было 7 и 9 лет) или что отец получит тяжелое ранение? Он ведь в командировку поехал, а не на войну? Были ли в нашем селе или сельском совете еще участники событий в Чечне? И что там происходило?

Со своими вопросами в первую очередь я пошла к родителям, стала рассматривать фотографии, которые отец привез из Чечни. Но родители информации дали немного, считали, что я еще до откровений «не доросла», а может просто старались меня от чего-то оградить. А от чего? Стало очень интересно.

Я решила найти в интернете информацию о чеченских событиях и об участии в них пензенских милиционеров, таких как мой папа.

ПОПЫТКА РАЗОБРАТЬСЯ

Я обратилась в Плесскую сельскую администрацию. Ее сотрудница дала мне информацию о том, что с 1994 г. в военных действиях в Чечне из жителей Плесской администрации участвовали 18 человек.

Из них: служили по контракту — 7 человек, служили, находясь на срочной службе в армии, — 6 человек, были в служебных командировках — 5 человек.

Я пыталась выяснить причины, по которым эти люди участвовали в военных действиях в Чечне, и вот что мне ответили:

— «моего желания никто не спрашивал, я тогда был солдатом срочной службы» — 6 человек (третья часть от общего числа);

— откровенно ответили: «поехал, чтобы заработать деньги» — 5 человек;

— «это была служебная командировка, я не мог отказаться» — 2 человека;

— «это была служебная командировка, но я мог отказаться» — 3 человека;

— «думал, что еду бороться с террористами» — 2 человека.

Из 18 человек третья часть (6 человек) вообще мало себе представляла, что их ждет в Чечне. Считаю, именно они подвергались наибольшему риску и получили не только психологические травмы, но и ранения. Думаю, частушка

Сюда приехал молодой,
а домой пришел седой.
Навоевался до отрывки,
врут про войну все книжки, —

именно про них.

Эти люди участвовали в военных действиях, хотя многие не понимали, за что они там воюют. Они просто выполняли приказ.

Только 2 человека из 18 считали, что едут на борьбу с террористами, а значит, были готовы и к риску, и к потерям. Хотя один из них говорил, что не думал, что придется воевать с местными жителями, представлял себе террористов как специально обученных военных. Когда участвовал в зачистках, видел подростков и молодых женщин среди арестованных членов бандформирований и не мог поверить, что они способны убивать наших солдат и офицеров. Поверил только тогда, когда вечером ему прострелил ногу подросток, а на вопрос «за что и почему?» ответил: «отомстил за брата».

Меня поразил случай, рассказанный участником военных действий в Чечне Андреем Геннадьевичем Кожевниковым: «Этот чеченец целый месяц покупал

нам продукты, и вообще выполнял мелкие поручения за наши деньги, мы его не просили особенно, он сам вызвался. Говорил, что нужно кормить семью, деньги нужны. А потом оказалось, что все это время он держал в своем подвале таких же, как мы, солдат, бывших срочников. Он хотел их продать боевикам. Пришли его арестовывать, а у него дома четверо малолетних детей. Отца уводили, а дети смотрели на нас, как волчата, даже страшно было вспоминать их взгляды...»

Наверное, таких ситуаций было много, отношения с местным населением у российских солдат складывались по-разному, по воспоминаниям очевидцев.

Все участники военных действий в Чечне из 18 опрошенных нами говорят, что эти события повлияли на их дальнейшую жизнь. По-другому стали относиться к ценности самой жизни, к понятиям «враг — друг».

Вообще, я заметила, что все, даже мой отец, отвечая на вопросы о Чечне, отводят глаза. У них меняется голос, глуше становится. Откровенничать многие не только отказываются, но вообще раздражаются, когда их заставляют вспоминать те события.

Александр Иванович Шмелев (1962 г. р.), мой земляк, в 1984 году служил в Афганистане, с 1986 г. работал в Мокшанском РОВД, потом в УВД г. Пенза. С 2001 года он участвовал в отборе контрактников для командировок в Чечню. Александр Иванович мне сообщил, что всех контрактников для себя он делил на две группы: «фанатов» и «работников». «Работники» — те, кто едет за заработком, не особенно задумывается, кого будет убивать, среди них были участники нескольких командировок. Они меньше других погибали и были ранены. «Фанаты» — просто ничего больше не умеют, кроме как воевать, или твердо уверены, что борются с бандитами-террористами, чувствуют себя героями. Они могли бы воевать и за меньшие деньги. Среди них больше потерь, именно они тяжелее переносят ранения. По мнению А. И. Шмелева, таких на его памяти было меньше. Из 19 командировок пензенских милиционеров и ОМОНовцев он участвовал в формировании 12, значит, имеет опыт общения с этими людьми.

Вот результаты моего опроса:

- 3 человека остались работать (а 2 пришли на работу) в органах МВД, они не считают время, проведенное в Чечне потерянными для себя, говорят, что получили боевой опыт. Но вот снова туда ехать сейчас не хотят, говорят, что поедут, только если получат такой приказ.
- 8 человек (почти половина) не имеют постоянной работы в данный момент (и это не связано с сокращением и экономическим кризисом), не имеют (или потеряли) семей, пьют. Среди них есть люди, получившие ранения в Чечне. Они не считают себе борцами с террористами, говорят, что их подставили, потому что послали воевать неподготовленными. Никто из них не хотел бы попасть туда снова, даже уже имея опыт действий в такой ситуации. О своих командирах говорят пренебрежительно или вообще отказываются их обсуждать. Почти все говорят, что командный состав тоже был плохо готов к действиям в обстановке войны с местным населением.
- 5 человек устроили личную жизнь, занимаются тем чем (бизнесом, работают на предприятиях, у частных предпринимателей), своим участием в военных действиях в Чечне не гордятся, говорят, что риск погибнуть был реальным. Видели своих товарищей и ранеными и убитыми. Сами они не пострадали физически. Но все говорят, что долго не могли адекватно себя

чувствовать в домашней обстановке. Им часто снилась война, они кричали во сне и пугали близких. На предложение поехать снова служить по контракту, отвечают категорическим отказом. В их семьях тема их военных командировок мало или почти не обсуждается. Со мной (может быть, в силу моего возраста) они тоже не были особенно откровенны.

От подробного разговора отказались 10 человек (больше половины), причем реагировали резко отрицательно. Говорили, что ничего интересного сообщить не могут и не хотят вспоминать. Удивлялись, что меня это интересует.

Фотографии я смогла использовать только из своего семейного архива (может быть потому, что все 8 человек, которые были участниками первой чеченской компании, говорили, что делать снимки там было некогда и никому, а может быть, просто не хотят их показывать).

Во время опроса я столкнулась с проблемой: почти все участники опроса (и мой отец тоже) очень неохотно говорили о своих впечатлениях, больше половины категорически отказались, чтобы их анкетные данные вообще мною упоминались. На мои вопросы отвечали односложно, подробности приходилось прямо «выуживать». Мне это было непонятно, ведь я не интересовалась военными секретами!

После общения с участниками военных действий в Чечне мне еще больше захотелось сравнить впечатления своего отца от командировок на войну с тем, что я узнала из других источников. Я брала интервью, задавая одинаковые вопросы, поэтому могла сравнить их ответы. Наиболее подробно и откровенно смогли мне ответить только 4 человека из опрошенных.

Их воспоминания я буду цитировать в этой работе.

НА ВОЙНУ

Выше я уже писала о том, что мой отец, Евгений Николаевич Барыкин, работая в Мокшанском РОВД, был в командировке в Чечне с 21 января по 27 апреля 2002 года. Эта командировка была второй для мокшанских милиционеров. Впервые мокшанские милиционеры в составе отряда пензенских милиционеров поехали в Чечню в 2001 году.

«Командировки на Северный Кавказ за последние 10 лет стали привычной частью работы российских милиционеров. Несмотря на успехи в деле установления порядка и мира в Чеченской республике, по-прежнему сохраняется необходимость в поддержке федеральных сил сводными отрядами МВД. 12 декабря рядом с базой ОМОН руководство УВД и пензенцы провожали в дорогу 68 милиционеров», — прочитала я в сообщении информагентства Regions.ru от 12.01.2010. Значит, и сейчас в них есть необходимость?

Мой отец поехал в командировку в Чечню по собственному желанию. В его отряде пензенских милиционеров было 20 сотрудников УВД.

Мама и другие родственники отнеслись к его желанию ехать в Чечню отрицательно, уговаривали его не ехать. Их можно было понять, мама оставалась с двумя малолетними детьми на руках. А родители отца, мои бабушка и дедушка рисковали потерять единственного сына. Беспокоило их и то, что уже побывавшие в Чечне люди говорили о реальной опасности не только ранения или смерти, но и попадания в плен или в заложники. У нас в сельской глубинке вообще рассказывали ужасы. Может быть, реальные, а может, придуманные «стра-

шилки». Многие им верили, потому что не имели реальной информации и даже не представляли, где ее взять. Например, моя мама хотела узнать, что ожидает мужа в готовящейся командировке, и только еще больше расстроилась от собранных слухов. В ведомстве отца с женами милиционеров не общались, только их мужьям сообщили, что нужно купить за свои деньги для поездки. Отправление в Чечню проходило в Пензе на площади у областного УВД. Официальных речей было мало, на прощание с родственниками дали несколько минут. Автобусы были с жесткими сидениями, совсем неудобными для долгого путешествия, но папа говорил, что «милиционеры к комфорту непривычны».

Отец рассказал, что никакого специального обучения они перед командировкой не проходили, пришлось надеяться на жизненный опыт и везение. Оружие с ними было табельное, на месте выдали автоматы и бронежилеты. Кстати, бронежилетов на всех не хватало, их носили посменно. Как будто чеченцы собирались стрелять по милиционерам только в специально отведенное время!

Мало того, обмундирование для поездки были вынуждены купить они сами на пензенском базаре за наличные деньги. Им только выдали отличительные нашивки МВД РФ, которые они сами пришивали на новую форму. До места назначения их везли на автобусах двое суток, с двумя пересадками. В дороге остановки делали очень редко, спешили к месту назначения. Во время поездки не разрешали звонить домой, да особо и неоткуда было. Они прибыли в поселок Алханюрт Улус-Мартановского района в 7 км от Грозного через двое суток.

Отец говорил, что особенно его поразил пейзаж: «Утром был туман, а когда он рассеялся, мы просто обалдели от красот вокруг: гора Казбек, синее небо, яркая зелень». Он запомнил, что рядом было расположено село Лермонтово, названное в честь нашего знаменитого земляка-поэта, который там служил.

Жить им пришлось не особенно комфортно. В развалинах какого-то промышленного здания установили армейскую палатку на 20 человек. Спали на раскладушках. По ночам было холодно. Те, кто уходил в наряд, свои одеяла отдавали спящим. Спали в одежде, палатка обогревалась походной печкой. Самые лучшие места располагались рядом с печкой.

Готовили еду сами, по очереди. Папа говорил: «Главное, чтобы еды было много, и она сразу заполняла желудок, чтобы еще долго там перевариваться». Из продуктов им выдавали консервы, крупы, чай, сахар, макароны. На местном рынке можно было купить любые продукты и местного производства, и привозные. Не было проблем с приобретением спиртного и сигарет, с предметами личной гигиены и бытовыми вещами. Некоторые сослуживцы отца даже форму себе на местном рынке покупали, когда понадобилась.

Отца и его сослуживцев удивляло, что товары на местном рынке продавались с этикетками российских производителей, а вот российских милиционеров в командировку отправить полностью экипированными государственные структуры не могли, а может быть, просто не захотели. Спиртное и сигареты сослуживцы отца покупали и местного производства, и российского, и иностранного. Начальство не приветствовало распитие спиртного, но и особенного контроля за употреблением не вело. Сами же военные объясняли их употребление «потребностью успокоить нервы».

Из расположения отряда старались никуда не выходить. Были случаи, когда российские раненые пропадали. Но среди сослуживцев отца раненых и убитых не было. Так он говорит. В течение четырех месяцев несения службы они зани-

мались контролем паспортного режима на посту, проверкой транспорта на дороге, участвовали в зачистках и рейдах.

Во время рейдов и зачисток отряд старался не рассредоточиваться на местности на маленькие группы. Боевиков лицом к лицу отцу пришлось видеть уже пойманными или на расстоянии выстрела в прицел снайперской винтовки. Кроме того, отец говорил, что часто среди пойманных боевиков они узнавали людей, которых видели в обычной одежде среди местного населения, на базаре, например. Отец говорил, что их могли подстрелить из фугаса во время движения машин по дороге или они могли подорваться на mine во время зачисток и рейдов.

На вопрос, было ли ему страшно, говорил, что новые ощущения перевешивали страх, а может быть, просто меня пугать не хотел своими ответами. Он участвовал в выдаче местным жителям новых паспортов. Сначала обходил дома, собирал сведения, а потом разносил паспорта. По домам ходили группами. Местные жители часто говорили с моим отцом на своем языке, принимали его за чеченца, говорили, что внешне очень похож. Однажды его просто остановили на улице и стали стыдить, что он своих предал (так ему потом перевели), но он ничего не понял, «потому и испугаться не успел».

Когда я читала его письма маме, я увидела, как он скучал по дому. Было приятно читать, что особенно скучает о нас, своих дочках, просит прислать наши фотографии. Он вспомнил, что фотографии нужно было иметь маленького размера, чтобы они умещались в кармане. Оставлять их в расположении части и на видных местах запрещали. Может быть, боялись, что семьи могут каким-то образом пострадать. Когда ходили звонить по телефону на почтамт, старались, чтобы никто не слышал номер, по которому звонили домой, тоже в целях безопасности родственников.

Отец рассказывал, что с родными можно было связаться только по переписке. Позвонить разрешалось раз в две недели из Урус-Мартана с почтамта. Но туда попадать было трудно, не отпускали. Кроме того, дозваниваться было трудно, связь была плохой. В письмах о том, чем они занимаются в командировке, не писал, рассказывал потом, что «настоятельно не рекомендовали родных пугать и расстраивать». Проверяли ли их письма, он не знает, но их отправляли через офицеров по несколько штук сразу. Мама получала письма на почте, конверты были обычными, только с потертыми краями.

За время командировки в окружении отца не было убитых и раненых. Может быть, их отряду везло? Все остальные очевидцы событий, которые давали мне интервью, о потерях рассказывали. А может быть, отец просто не хотел меня пугать рассказами о раненых и убитых?

После окончания командировки обещанные деньги отцу выплатили через несколько месяцев. Они очень помогли нашему семейному бюджету. Думаю, что и деньги были одной из причин того, почему отец согласился поехать в эту командировку, хотя он об этом мне не говорил. На вопрос, хотел бы он еще поехать в чеченскую командировку теперь, папа отвечает: «если прикажут и нельзя будет отказаться». На вопрос, вспоминает ли он о том времени, отвечает: «конечно, рад бы не вспоминать, а не получается». Когда я пыталась выяснить, о каких неприятных моментах он вспоминает, говорит: «тебе лучше вообще не знать».

О тяжелых воспоминаниях, связанных с чеченскими командировками, мне рассказывали другие участники моих опросов и интервью. Я взрослый человек, живущий в этой стране, и хотела бы знать правду, пусть и неприятную.

«КОМАНДИРОВКИ НА ВОЙНУ» — НЕ ПАПИНА ВЕРСИЯ

Андрей Кожевников и Сергей Сомов (фамилия изменена по просьбе опрашиваемого) участвовали в военных действиях в Чечне раньше моего папы, служили с 1999 года в мотострелковых войсках. Они участвовали в рейдах, зачистках, сопровождали колонны с военными грузами, охраняли военные и гражданские объекты, то есть несли почти ту же службу, что и мой отец. Их отряд располагался рядом с городом Буйнакск в сельской местности, и был сформирован из солдат-срочников, которые проходили службу в Дагестане в 1997–1999 гг. Контрактов с ними не подписывали. Предложили хорошую по тем временам зарплату. Кожевников и Сомов были людьми неженатыми, разрешения ни у кого не спрашивали, решили заработать. Дома постоянного места работы тогда еще не было, а родственники отговорить их просто не имели возможности. Никакого спецобучения они тоже не получили и были вынуждены приобретать опыт в боевой обстановке. Им объясняли, что ничего тяжелого им делать не придется, правда, о том, что будет очень опасно, им тоже не сообщили.

Занесло меня сюда
за деньгами длинными.
Лишь бы шкура уцелела
милая, родимая.

Это одна из частушек, которые сохранились у Сергея Сомова. Их записал их старшина, когда вверенным ему солдатам приказано было к какому-то (они уже не помнят) празднику приготовить импровизированный концерт. Мне кажется, такие частушки могут быть иллюстрацией моих впечатлений от услышанного от очевидцев этих событий.

На место расположения части Кожевников и Сомов с сослуживцами ехали поездом и машиной неделю. И в пути, и в месте дислокации их кормили плохо. Причем их раздражало, что за деньги можно отлично поесть. Командир во время рейдов и зачисток делал вид, что не замечает, как его подчиненные забирали у местного населения продукты, что, наверное, сказывалось на их отношении к российским солдатам. Были и случаи откровенного мародерства после зачисток и со стороны солдат, и со стороны местного населения. А на местном рынке можно было купить продукты в армейских упаковках с разворованных складов.

Когда они прибыли на место несения службы, оказалось, что им никто не приготовил место для жилья. Несколько дней спали в наспех установленной палатке, которую охраняли часовые. Все боялись, что часовые уснут на ночном дежурстве, потому что в таких случаях были нападения. В отличие от папы, который говорил, что среди них не было раненых и убитых, Кожевников и Сомов вспоминали, что больше половины их батальона были ранены и убиты. Тяжелораненых увозили в Махачкалу и в Ростов, а убитых отправляли домой родственникам. Когда я спрашивала, было ли страшно, Сомов ответил так: «Сначала везде мерещились враги, а когда я неделю “работал” на погрузке трупов наших ребят, которых на родину отправляли, вместо страха появилась злость на всех, на жизнь, на власть. Вообще хотелось орать и крыть всех матом».

Первые дни, по воспоминаниям Кожевникова и Сомова, всё раздражало: неустроенный быт (не было нормальной возможности умыться и сходить в туа-

лет), командир у них был неопытный, после военной кафедры в институте, еда плохая, да и ее не хватало, пришлось притираться друг к другу, почти все были незнакомые, добавлялся страх, что из-за угла тебя «пристрелят просто так, потому что ты в форме российской армии»:

Написал письмо домой,
что воюю здесь — герой,
а письмо от слез промокло,
как бы только здесь не сдохнуть.

После первой палатки переехали в вагончик, потом снова в палатку, были дни, когда вообще спали, где придется, лишь бы отоспаться. В таких случаях старались по очереди спать, так было безопаснее.

В город можно было ходить только с офицером после зарплаты (считалось, что без денег там делать нечего), по собственному желанию ходить запрещалось. Но в их отряде был солдат, который бегал тайно на свидание к девушке, с которой познакомился в городе. Во время такого свидания его тяжело ранили, увезли в санчасть в Ростов, больше от него не было вестей.

Письма домой заставляли писать командиры, чтобы родные не волновались, самим писать не хотелось, особенно после тяжелых боев с большими потерями. Но домой, вспоминают, тянуло очень, особенно в первый месяц. Просто хотелось всё бросить и убежать. Тех, кто был не женат, не имел детей, посылали в самые рискованные ситуации, оправдываясь перед ними дикой фразой: «вас дома никто не ждет», как будто не было родителей, родных!

Больших денег за службу в Чечне они не заработали, получали зарплату, большую часть которой тратили там же на необходимые вещи. По возвращению домой премиальных тоже не получили.

Когда я спрашивала про геройские поступки, на меня смотрели с откровенным сожалением.

Мои респонденты вспоминают, что неделю после возвращения домой просто отсыпались, отъедались и лежали, «тупо глядя в потолок». А еще их злили вопросы типа «ну как там?», «какие там террористы?» Говорят, что хотелось только материться в ответ, потому что были уверены, что их могут понять только люди, получившие такой же опыт, что и они.

Когда я спрашивала об отношениях с местным населением, отвечали, что все складывалось по-разному. Были конфликты, когда виноватыми были обе стороны.

Больше всего их поражали местные дети со взрослым взглядом, злым или вообще каким-то стеклянным, ничего не выражающим. Когда своими глазами видели разрушенные дома и общественные здания, не верили, что всё можно быстро восстановить.

Через несколько лет очевидцы вспоминают свои командировки на войну так, как будто только вчера оттуда приехали. Одни не хотят говорить вообще, другие соглашаются рассказать только то, что считают достойным внимания. Не на все вопросы отвечают охотно.

Может, просто еще не так много времени прошло, чтобы они могли посмотреть на себя и события со стороны. А может, не хотят вспоминать «некрасивую правду».

* * *

В интернете я прочитала сообщение от 12 января 2010 г. информагентства «Интерфакс-Поволжье» о том, что отряд пензенских милиционеров в количестве 60 человек вернулся домой после 6 месяцев командировки. Половина из них не имели опыта работы в горячих точках. «Обстановка в этом регионе Северного Кавказа хоть и стабилизируется, но террористам по-прежнему удается совершать вылазки...»

Поняла, что снова привезли с собой участники событий «груз человеческих трагедий и печальных воспоминаний». И снова у каждого из этих воспоминаний будет своя правда, свое отношение к тому, что происходит в Чечне. Никто не может мне ответить, когда на Кавказе установятся мир и порядок и не потребуется больше жертв.

Все очевидцы событий понимают, что на территории Северного Кавказа происходят военные действия, в которые вовлечены местные жители, а жители других регионов становятся их заложниками, потому что принимают участие в военных операциях, конца которым пока не видно.

Я поняла, что мне необходимо продолжить работу и опросить вынужденных переселенцев из Кавказского региона, для того, чтобы получить «взгляд с другой стороны», если я хочу действительно понять, что там происходило и происходит. Ведь я разговаривала только с представителями силовых структур, а у них «своя правда».

Мне было печально узнать, что многие совсем еще молодые мужчины, прошедшие через горячие точки, не нашли себя после службы, опустили. Конечно, их вина в этом есть, но те, кто их послал туда, тоже несут ответственность за покалеченные судьбы.

«Тише! Я сына встречаю...»

Надежда Данилова

г. Братск, Иркутская обл.

научный руководитель Л. Н. Корюкина

Титры. Фильм «Бегущий за ветром». Режиссер — Марк Форстер.

В классе царит тишина. Американские подростки с глазами, полными ожидания объяснений увиденного, смотрят на меня, студентку по обмену из России, и Лиду Зафар, чеченку, которая уже шесть лет живет в Соединенных Штатах. Кино о войне в Афганистане и ее последствиях произвело сильное впечатление на всех присутствующих в классе. Режиссер изобразил советских солдат варварами, которые разрушили жизни тысячи людей.

«Неужели все было именно так?» — эта мысль не давала мне покоя. Но вместо того чтобы что-то объяснять своим одноклассникам, я повернулась к Лиде и задала ей вопрос: «Чечня. Ведь там тоже была война. Ты застала ее, ты видела, что там происходило. Всё было именно так, как в этом фильме? Русские солдаты вели себя с вами так же, как режиссер изобразил их поведение в Афганистане? Вы тоже ненавидите русских?» Ответ был краток: «Да». Лида рассказала классу о том, что пришлось пережить ей и ее семье в годы войны. Их дом был разрушен, им пришлось нелегально пересекать границу, чтобы попасть в Москву, а потом улететь в США. Винит девушка в случившемся только русских: «Они пришли и сломали всё». В ее памяти простые ребята, солдаты, навсегда останутся воплощением зла и разрушения... Но так ли это? Варвары ли те молодые парни, которые за год войны старели на десять лет, или заложники ситуации, вынужденные подчиняться приказу?

Через три месяца после этого я вернулась домой, в город Братск Иркутской области. Тот разговор с Лидой Зафар не давал мне покоя, поэтому я решила разобраться, что происходило в Чечне. Разрушила ли та война жизни только чеченских семей? Что чувствовали русские матери, когда встречали сыновей в цинковых гробах? Как военные события девяностых годов в Чечне повлияли на судьбы молодых братчан? Какими они росли, о чем мечтали? По каким причинам стали участниками боевых действий в Чечне?

Можно долго спорить о том, можно ли было не начинать военные действия, но факты от этого не изменятся: в 1994 году российская армия численностью в 40 тысяч солдат вошла на территорию Чечни.

На войну крайне редко забирали детей высокопоставленных чиновников и генералов. Как правило, в Чечне служили выходцы из простых российских семей. В горячие точки попадали призывники, контрактники и военные врачи. Кого-то из них обязали воевать, потому что они проходили срочную службу в рядах вооруженных сил РФ, кто-то хотел улучшить материальное положение своей молодой семьи, получить квартиру, кто-то мечтал о подвиге. Причины, по которым оказались молодые люди в Ичкерии, были разные. Но далеко не всем было суждено вернуться домой.

Среди тех, над чьими цинковыми гробами плакали матери, были служащие и из города Братска, который расположен в тысячах километров от Чечни.

Виктор Анатольевич Капитанов

Виктор Анатольевич родился 17 июня 1968 года в леспромхозе в Красноярском крае. Когда ему исполнился год, родители переехали в Братск. Город тогда был совсем молодым (построен в 1955 г.) и перспективным. Капитановы получили квартиру и без проблем устроились на работу: Альбина Федоровна, мама Вити, стала оператором по учету выработки в почтовом отделении, а отец — бульдозеристом в управлении механизации. В Братске, где в то время было много таких же молодых семей, жизнь «кипела». Капитановы благодарили судьбу за то, что она занесла их именно в этот сибирский городок.

13 декабря 1975 года в семье Капитановых родился еще один сын, Константин. Младшему брату, как и старшему, пришлось самому «опробовать» вкус войны в Чечне. Правда, к счастью, жизнь Кости сложилась менее трагично: он вернулся домой, смог адаптироваться в новой России и создал семью.

Из рассказа Константина, младшего брата Виктора: «Я невероятно рад тому, что судьба связала меня с замечательной девушкой. У нас двое детей: Вика (8 лет) и Настя (11 лет). Семья — самое настоящее счастье. Чечня дает мало хорошего; чтобы забыть весь тот ужас, с которым ты там столкнулся, требуется много времени. Без родных, без любимых людей мне было бы гораздо труднее вернуться к нормальной жизни и больше не видеть в снах раненых и убитых».

У будущих солдат были самые обычные советские родители. Воспитывались Виктор и Костя так же, как и большая часть их сверстников, некоторые из них потеряли свои жизни там же, где и Виктор, — в Чечне...

Могла ли в 70-х годах XX столетия Альбина Федоровна предположить, что ее сыновья пройдут через ужасы войны за «сохранение государственной целостности и неприкосновенности России»?.. Конечно, нет, ведь какая мать думает об этом, смотря на то, как растут ее дети?

Из рассказа Константина (брата погибшего Виктора):

«Когда передо мной стал выбор: ехать или нет в Чечню, я согласился. И потому, что брат собрался туда, и потому, что сам был романтиком. Казалось, что воевать за Родину — проявить мужество. Думал, вернусь домой с медалями, гордый за себя и свою Родину, выполню главный долг перед Отечеством. Молодой был, глупый...»

Анализируя рассказы матери и брата, можно прийти к выводу: многие мальчишки во времена СССР считали себя людьми неполноценными, ущербными, если только не проходили службу в армии.

Окончив 8 классов школы № 37, Виктор поступил в ПТУ, где в течение трех лет учился на слесаря по ремонту оборудования. В 1986 году Виктор отправился в армию, где два года служил в танковых войсках под Читой.

Из воспоминаний матери: «Витя армии не боялся, поэтому отслужил нормально. Мне он никогда не жаловался на порядки или дедовщину. Ему повезло, что он служил в тогда еще Советской Армии. Всё-таки она сильно отличалась от российской».

Историческая справка. Время службы Виктора, с 1986 по 1988 год, стало началом перемен в жизни советских людей. Горбачев ввел новое понятие для обозначения общественно-политического процесса — «перестройка». Впервые он употребил его 8 апреля 1986 года во время своего визита на Волжский автозавод в Тольятти: «Начинать надо прежде всего с перестройки в мышлении и психо-

логии, в организации, в стиле и методах работы. Скажу откровенно, если мы сами не перестроимся, я глубоко убежден в этом, то не перестроим и экономику, и нашу общественную жизнь в духе решений съезда. Но в таком случае мы не справимся и с поставленными задачами, масштабы и новизна которых беспрецедентны». Страна находилась в предкризисном состоянии: уменьшилась выручка от экспорта нефти, наукоемкое производство отставало от мировых темпов развития, а в 30% сельского хозяйства было убыточным. Люди ждали чего-то нового, многие видели необходимость в переменах.

До Сибири реформы всегда доходили медленно, поэтому тогда политика Горбачева еще не сильно сказалась на службе молодого пехотинца. В 1988 году Виктор вернулся домой, где его ждали мать и младший брат Костя. Но долго в Братске он оставаться не мог. Причиной тому была и безработица, охватившая тогда большую часть Сибири, и боль, нанесенная предательством девушки, которая не дождалась Виктора из армии и вышла замуж за его друга.

Из воспоминаний матери: «Он вернулся из армии, поклонился здесь немного и решил, что надо уезжать. И я его поняла. В то время молодому парню было совершенно нечего делать в этом городе, который начинал разваливаться. И я не хотела, чтобы из-за меня сломалась его жизнь».

К тому времени отец Виктора, разведясь с его матерью, уехал жить в Витебск, куда и отправился наш герой. Но в Белоруссии он прожил всего год. Времена были трудными для всех, поэтому он вернулся домой, чтобы помочь матери. Уже в 1991 году Виктор женился: связал свою жизнь с Натальей, которая через несколько лет существенно повлияла на его решение служить в Чечне...

«Поженились они в 1991 году, когда в стране начался бардак!» — вспоминает Альбина Федоровна. В 1993-м у пары появился сын Саша. Весь период начала 90-х ассоциируется у Альбины Федоровны с ужасными переменами в стране, которые кардинально изменили жизнь молодой семьи.

Из воспоминаний матери: «С жильем было очень туго, поэтому молодожены жили вместе с родителями Натальи. Постоянные ссоры, непонимание... Всё это давило и на нее, и на него. И ладно бы люди просто не понимали друг друга. У них, как и у многих других, совершенно не было денег. А ребенка воспитывать надо было».

Начало 90-х стало тяжелым временем не только для семьи Капитановых. В новой России начался передел собственности. Кто-то умело воспользовался критической ситуацией в стране, а кто-то, как Виктор, искал возможные способы выжить.

Виктор устроился работать в компанию Бийской спецавтоматики. Зарплату он получал очень маленькую и думал, как поменять свою жизнь.

В это время младший брат Виктора, Константин, уже служил в армии.

Из рассказа Константина: «10 января 1994 года я попал в танковую учебку под Читой. До апреля прослужил там, а потом был отправлен в Гусиноозерск. Нам говорили, что называется наш полк 39 Мотострелковым Иркутским Казачьим полком миротворческих сил быстрого реагирования. Помню, меня так удивило это название, что я сразу запомнил его на всю жизнь».

В 1995 году Виктор отправил запрос в Калужское военное училище. Ему пришел положительный ответ. Сын Альбины Федоровны уже был готов ехать и получать именно то образование, о котором всегда мечтал, на что Наталья сказала: «Ты можешь отправляться, но ждать я тебя не буду». Слова жены изменили всю

дальнейшую судьбу будущего бойца: он не поехал в Калугу, но в январе 1995 года заключил контракт с войсками РФ на поездку в Чечню... Это решение мужа Наталья не стала оспаривать.

И вот в мае того же года Виктор отправился в первую командировку.

Из рассказа Константина: «Когда я узнал, что Витя едет в Чечню, не задумываясь, принял решение тоже туда отправиться. Страху никакого не было. Не знал я тогда, на что шел.

Служил я в составе медицинского пункта полка. Сначала были небольшие учения в Свердловске, а уже оттуда меня и многих других солдат отправили в Чечню. 21 января 1995 года я оказался в Грозном.

Не скажу, что мои впечатления от увиденного в Чечне были приятными. Вот говорят, что армия, война прибавляют мужественности. Не совсем это так. На войне страшно. Сначала очень боишься за жизнь, потом борешься с остатками страха, а потом... меланхоличное отношение ко всему происходящему: тебе уже без разницы, что будет дальше.

Я был командиром отделения сбора и эвакуации раненых. Из-за хорошего почерка всегда заполнял журнал, в который вносились сведения об умерших солдатах. За 4 месяца моей службы причины 35 из 70 смертей были объяснены как «неосторожное обращение с огнем». Всем понятно, что на войну не отправляют тех, кто автомат не умеет в руках держать. Истинная причина этих смертей — сведение личных счетов между служащими...»

Под влиянием военных действий, постоянного напряжения и непонимания того, ради чего русские и чеченцы стреляют друг в друга, у некоторых солдат возникали серьезные проблемы с психикой: любая мелкая ссора могла вывести из себя и заставить взять оружие для расправы со служащими из собственного полка. Такое нередко случается тогда, когда воюющие не понимают происходящего и перед ними нет высокой цели освобождения своего Отечества от оккупантов, когда, говоря словами Л. Н. Толстого, в них отсутствует «скрытое чувство патриотизма».

Историческая справка. «Анализ поведения солдат и офицеров в экстремальных условиях войны, в том числе в Афганистане и Чечне, обращает внимание на то, что наряду с реальным героизмом, взаимовыручкой, боевым братством и другой относительно позитивной атрибутикой войны, грабежи и убийства, средневековые пытки и жестокость по отношению к пленным, извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к типичным явлениям для любой из воюющих армий, как только она ступает на чужую землю противника», — пишет российский врач и психолог М. М. Решетников в статье «Психопатология героического прошлого и будущие поколения» (http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=8661).

Костя вернулся домой в мае 1995 года, Витя же приехал только в июле. Оба сына Альбины Федоровны сильно изменились. Война поменяла не только выражение их лиц, но и внутреннее восприятие мира.

Из воспоминаний матери: «Нет у меня слов, чтобы описать мою радость, когда они вернулись. Оба приехали серьезные и задумчивые. Витя стал больше уважать Костю. Они уже были не просто младшим и старшим братом. Война их как-то сблизила».

Виктор, в отличие от Кости, был «солдатом-контрактником». Возможность служить и получать за это деньги появилась у российских солдат именно в 90-е годы XX столетия.

Историческая справка. Вот что о «контрактниках» пишет историк Борис Соколов в статье «Российская армия в 90-е. Победы и поражения», опубликованной на сайте «Уроки девяностых»: «В 90-е годы в российской армии появились первые солдаты-контрактники, однако это обстоятельство, к сожалению, ни в малейшей степени не привело к повышению ее боеспособности. В условиях, когда зарплата офицеров-профессионалов была крайне низкой, такой же оставалась и зарплата контрактников. Ведь не могли же рядовые или сержанты получать больше лейтенантов и капитанов. Контрактники были в основном из числа безработных или, в лучшем случае, из слесарей-сантехников, и по уровню своей подготовки, а также мотивации к добросовестному и умелому несению службы несильно отличались от призывников».

Именно из-за плохой подготовки многих ребят, служивших в Чечне, очень высоко ценились такие солдаты, как Виктор, которые отслужили два года в Советской Армии. Им чаще всего приходилось выполнять самые ответственные задания.

Наталья мужа не дождалась. Виктор был одинок, ему было тяжело находиться дома после того, что он видел в Чечне. Он чувствовал, что оставил там «своих». В Чечне воевали его друзья, а он не знал, как ему продолжать жить здесь. И он принял решение снова отправиться на войну. В сентябре 1995 года Виктор вновь оказался в Грозном.

Константин же возвращаться в Чечню не хотел. Он хотел устроить свою жизнь здесь, на «гражданке», в Братске, что у него получилось, пусть и далеко не сразу.

О том, как проходила война, Альбина Федоровна узнавала лишь из газет и теленовостей. Сын почти не писал. Да и нельзя ему было рассказывать про какие-либо военные действия.

Из воспоминаний матери: «Я получала от него мало писем. Он отправлял весточки, но как-то очень редко. Может, не хотел расстраивать... А если и писал, то чаще всего всё ограничивалось скупыми строчками: “Жара невероятная. Дела вроде нормально... Вот и все. Писать больше не о чем”».

Из тех немногочисленных писем, которые Альбина Федоровна получала от сына, ей особо дорого последнее, отправленное им 31 октября 1995 года:

«Здравствуйте, Мама, Баба и Костя.

Вчера отпечатал фотки, а сегодня пишу письмо, чтобы их отправить. Новости вам расскажет телек, который вы, наверное, смотрите сами.

Здоровье отличное, кормят хорошо, здесь жарко. Новый Год, наверное, встречу здесь. Командировка, наверное, затянется.

До свидания, Витя».

В словах Виктора чувствуется сухость и неуверенность. Никто не мог сказать определенно, когда закончится война и что будет дальше. Отсюда и частое употребление Виктором слова «наверное». Не хотел он никого обнадеживать.

Нет в этом письме надежд на победу, нет никакой уверенности — есть только ожидание. И с таким настроением воевал не только Виктор. Из писем многих других солдат можно понять, что они ждали не столько победного конца, сколько окончания срока своей службы.

Мать Виктора ждала сына домой, переживала и постоянно проверяла почтовый ящик. Но в ноябре, когда в Братске уже стояла холодная зима, в двери дома Альбины Федоровны постучался почтальон. Пришла телеграмма: Вити больше нет. Он погиб 18 ноября 1995 года при сопровождении представителей ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Виктору два раза выстрелили в голову: первый был сделан из автомата снайпера, скрывавшегося в ущелье, а второй — из проезжавшей мимо машины.

Привезли мертвого Виктора 29 ноября. Его бабушка каждый день спрашивала дочь о том, где Витя. Альбина Федоровна решила, что Варвара Николаевна не перенесет смерти внука, поэтому попросила Наталью, чтобы гроб привезли к ней. Бывшая жена Вити дала свое согласие.

Из воспоминаний матери: «Мне тяжело говорить о похоронах сына. Нам помогали. Я помню, что приезжал человек из его части. Люди, которые работали со мной, также оказали большую помощь. А потом началась другая жизнь. Полгода после его смерти я существовала. А еще его бабушка всё задавала вопросы о том, когда же он вернется... На работе кто-то относился с пониманием, а кто-то... Не было у них такого горя. Как им понять? Не спрашивайте. Было тяжело. Без Кости я бы вообще этого не пережила».

Из рассказа Константина: «После смерти брата стал жалеть, что не вернулся в Чечню. Такое ощущение, что оставил там что-то, что что-то не сделал. Казалось, я тут живой, а он... Его уже не вернуть, поэтому я делал всё, чтобы матери было легче пережить смерть Вити».

Через маленькое отверстие в цинковом гробу мать могла видеть лицо Виктора. Смотрела на его закрытые веки, перебинтованную голову и не верила, что это случилось именно с ним.

Из воспоминаний матери: «Один сон приснился мне. Стоит у подъезда. Я его начала упрашивать вернуться, а он мне: “Я не хочу. Здесь тяжело, но я останусь”. Мне казалось, что он все равно где-то живой».

Вот соболезнование, присланное матери от ОБСЕ:

Коменданту Чеченской Республики
Генералу Великанову Геннадию Сергеевичу

Уважаемый Господин Генерал,

В связи с трагической смертью сержанта Виктора Капитонова, погибшего 18 ноября 1995 года на посту у здания Миссии ОБСЕ в Грозном, Группа Содействия ОБСЕ в Чеченской Республике выражает глубокое соболезнование родным, близким и друзьям погибшего.

От имени Группы Содействия ОБСЕ
полковник Карлос Рей.

Из рассказа Константина: «Только лет пять назад я почувствовал, что Чечня “отпускает”. Думаю о ней всё меньше. Но смысла в войне не вижу. Конечно, только единицы понимали, за интересы каких людей мы воевали. Что хорошего дала мне Чечня? Научился окопы в асфальте рыть. У меня есть статус ветерана боевых действий. Сейчас я работаю инженером, поэтому денег мне хватает,

и моя семья живет хорошо. Но такое редко случается. Многие ребята, которые служили в Чечне, так и не смогли жить после войны».

Почему среди ребят, отслуживших в Чечне, есть такие, кто так и не смог адаптироваться в мирной жизни после войны? Они увидели смерть, они знают, что такое сидеть в окопах по несколько часов. Сильнейшее напряжение «ломало» человека и разрушало его психику. Из памяти солдат никогда не сотрется то, что они видели на Кавказе.

Историческая справка. «По свидетельству многих, на фронте человеческая смерть со временем воспринималась как обыденное явление, чувство отчаяния и невосполнимости потери притуплялось. Психологическая разрядка наступала уже потом, и тогда случайные события из мирной послевоенной жизни вызывали в памяти болезненные ассоциации с тем, что пришлось пережить в войну» (Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке — исторический опыт России. http://modernlib.ru/books/senyavskaya_elena/psihologiya_voyni_v_xx_veke_istoricheskii_opit_rossii/read).

О войне Альбина Федоровна говорит так: «Зачем же была эта война? Кому она нужна? Не знаю. Но точно не нам, тем матерям, которые потеряли своих сыновей навсегда. Тем, кто их отправлял туда, не понять нас. Ведь на войну не ехали дети генералов».

Сейчас Альбина Федоровна живет одна. Костя заботится о ней. Альбина Федоровна старается регулярно посещать встречи матерей, чьи дети погибли в Чечне. По ее словам, общение с людьми, у которых похожее горе, как-то облегчает непоправимую боль.

Дмитрий Леонидович Бурнин

Еще одна обычная семья. Еще одна жизнь, которая оборвалась на чеченской земле...

Димка, как называет его мама Лилия Михайловна, родился в 1976 году в обычной молодой семье города Братска. Леонид Дмитриевич, его отец, работал электриком на ЦРМЗ (Центральном ремонтно-механическом заводе). Мама Дмитрия занимала должность телеграфиста в почтовом отделении. В семье Бурниных было еще двое детей: Юра и Саша. Воспитывались мальчики в любви и заботе. Дети считались самым главным счастьем семьи.

Из воспоминаний матери: «Будучи средним ребенком, Дима общался и с друзьями старшего брата, Юры, и младшего, Сашки. Когда мы переехали из своего дома в квартиру, число гостей ничуть не уменьшилось! Юрка читал книжки в своей комнате, а его одноклассников всё время развлекал Димка. Он был душой компании. Я иногда даже называла его домовенком. Яркий, светлый и очень жизнерадостный мальчик. Вся детвора в округе знала нас. И все это только из-за Димки».

Школьные годы пролетели для Дмитрия очень быстро. Он и сам не заметил, как уже в 1992 году оказался на собственном выпускном. Дима не отличался особой прилежностью в учебе, но был хорошистом и без проблем поступил в Братский технический университет на факультет информатики и математики, где проучился два года до ухода в армию.

Дима был абсолютно здоров, обладал крепкой физической силой, поэтому понимал, что армии ему не избежать. Желания «откосить» не было.

Из воспоминаний матери: «В детстве он любил кирзовые сапоги и пилотки. У него даже футболки любимые были цвета хаки. Играл в солдатиков, “стрелял” из игрушечных пушек. Димке нравилось всё, что было хоть как-то связано с армией».

И вот в 1994 году он уходит со второго курса университета, чтобы скорее отслужить в армии 2 года, а потом вернуться к учебе. Отправили Дмитрия в Шелехов, где он прослужил до зимы 1996 года...

Из воспоминаний матери: «Мы приезжали к Диме часто. Но уже после первого свидания с сыном, я поняла, что он больше не мой... Ты его вырастила, воспитала, а потом он — их. Он принадлежит государству, которое тебя как мать ни во что не ставит. Дима пошел в армию абсолютно здоровым. В армии же он похудел на 11 килограммов!

А однажды мы приехали... Димка был весь в синяках. Я понять не могла, что случилось... А он не объяснял. Среди его друзей был паренек, родом из Новосибирска, которому мы всегда привозили сигареты, конфеты еще что-нибудь. Ведь его родственники далеко все... Так вот мы сидели с ним в красном уголке, и я задала ему вопрос: “За что? Ну вот за что его могли так сильно побить?” И он мне ответил: “А за то, что разговаривает не так, как все, — без матов”».

Служба в армии ее сыну далась очень нелегко: он, как никто другой, столкнулся с «дедовщиной». На фотографиях, сделанных матерью солдата, видны синяки от побоев, на лице Дмитрия можно прочесть только усталость и боль.

Дедовщина, которая и раньше была в армии, в 90-е годы приобрела широкий размах и жестокие формы.

Историческая справка. «Несмотря на переизбыток в армии офицеров, порядка в ней стало значительно меньше. Причина заключается в том, что финансировать вооруженные силы России стали во много раз хуже, чем во времена СССР. В то же время уволить большинство из тех, кто уже выслужил полную пенсию, не было реальной возможности. Ведь согласно действовавшему законодательству, увольняемых в запас или в отставку бесквартирных офицеров (а таких среди потенциальных военных пенсионеров было едва ли не большинство) требовалось обеспечить жильем. Средств на строительство или покупку офицерского жилья катастрофически не хватало. Вот и приходилось многим офицерам, уже выслужившим пенсию, оставаться на службе в ожидании воделенной квартиры. Наличие такого большого числа сверхштатных офицеров еще больше затрудняло повышение зарплаты всему офицерскому корпусу.

Поэтому многим офицерам приходилось подрабатывать охранниками, грузчиками на железнодорожных станциях, вышибалами в кабаках и т. п. А многие инициативные и думающие офицеры ушли на гражданку, чтобы попробовать себя в бизнесе или попытаться найти свое место в бизнес-структурах. Те же, кто остался в армии, зачастую относились к своим обязанностям спустя рукава (да и порой не имели времени на исполнение своих обязанностей по военной службе из-за необходимости искать дополнительные заработки). Офицеры в своих частях появлялись редко, фактически переложив всю заботу о поддержании дисциплины в частях и подразделениях на старослужащих и тем самым негласно поощряли “дедовщину”» (Соколов Б. В. Российская армия в 90-е. Победы и поражения).

Уже во время службы Дмитрия российская армия обнищала. В армии теперь трудно было стать настоящим мужчиной и сохранить чувство собственного до-

стоинства: там выживал сильнейший. Многие солдаты таких отношений не выдерживали и даже были готовы, скорее, отправиться проходить службу в Чечне, чем оставаться в своей части... Так потом и поступил Дмитрий.

По словам Лилии Михайловны, в армию нельзя было ехать без «подачек» и подарков начальникам части.

Из воспоминаний матери: «Даже чтобы увидеть сына, я иногда должна была кому-то привезти подарок или заплатить. Больно мне. Больно и тяжело от одной мысли, что ему приходилось там переносить. Мы привозили еду и вещи не только Димке. Ребята, к которым не могли приехать родители, просили нас купить им сигарет, конфет или еще чего-нибудь. Всех их было жалко. И как им откажешь? Мы были только рады помочь».

Несмотря на нелегкую службу в армии, Дмитрий не потерял любовь к жизни за полтора года службы. Но взгляд его потускнел. Мир ему не казался уже столь светлым и ярким.

31 декабря 1995 года. Семья Бурниных, как и многие другие российские семьи, готовилась к Новому Году. Но веселья в ту ночь не получилось... Как потом выразился сам Дима, весть о том, что его отправили в Чечню, стала «ложкой дегтя в бочке меда их праздника».

В Чечне уже год шла война. Страх и ужас овладели матерью Дмитрия. Она даже предположить не могла, что Диму смогут забрать в Чечню. Ведь это так далеко от сибирского города Братска!

Беседы с родителями погибших убеждают в том, что отцы и матери, находясь далеко от Чечни, где проходили военные действия, серьезно не задумывались о том, что происходило в Ичкерии в это время. Они и предположить не могли, что их сыновья окажутся в эпицентре событий. И только после всего, что пережили, приходили к понимаю того, что, живя в одном государстве с людьми других национальностей, нельзя остаться в стороне от чьих-то проблем.

Многие сибиряки узнавали о событиях в Чечне только из сводок новостей. Мало, кто боялся этой войны, пока она не коснулась их семей...

Из воспоминаний матери: «Я пошла на рынок, чтобы купить хоть что-то к праздничному столу. Вернулась домой часом позже с одними бананами в руках. Я ни о чем не могла думать. Мне было страшно».

Дмитрий старался успокоить семью. Он писал: «Да что вы переживаете? Я тут постараясь устроиться в отдел документов. Я хорошо владею компьютером. Им нужны такие люди. Всё будет хорошо. Здесь не то, что армия! Намного лучше...».

В 3695 воинской части Дмитрий служил младшим сержантом. Он часто писал семье письма, в которых чувствуется тревога, надежда на то, что время будет идти быстрее, что он скоро снова окажется дома...

Из писем Дмитрия:

«У меня всё нормально. Жив, здоров, настроение нормальное. Погода здесь такая, что не разберешь: зима здесь, весна или осень. Работы хватает всем, просто так в роте посидеть трудно. И это хорошо, потому что время летит быстрее и голова занята. Ну когда появляется свободное время, сразу начинаешь думать о своих, о родных. Думаешь, когда тебя уволят. Мы здесь всего месяц. Время вроде пролетело быстро, но кажется, что здесь я уже месяца три» (9 февраля 1996 года).

«У меня всё нормально. Жив, на здоровье не жалуясь. Скучновато только. Телевизор смотрим мало, да еще бывает, что не хватает напряжения — он глохнет.

Да и то центральные каналы ловятся неважно, а местные — почти полностью на чеченском языке. Хорошо хоть фильмы показывают. Короче, новости почти не слышим. Что сейчас творится в стране, мы не знаем» (27 января 1996 года).

Ребята были изолированы от внешнего мира. Всё внимание солдат сосредотачивалось на том, что происходило непосредственно с ними в Чечне. Никакой психологической разгрузки, лишь ожидание окончания службы.

Из писем Дмитрия: «Ну а так-то теперь в Грозном стало значительно спокойнее. К тому же рядом с нашим полком, метров через 300–400, стоит еще один, так что к этой “сладкой парочке” почти никто не лезет. И то, это почти: вчера какой-то пьяный дед, местный чеченец... пьяный в стельку, грудью пер на наш пост. Ничего, положили его на землю, доложили в дежурку... В результате этот старый “хрыч” заночевал у нас в бане, а утром, отоспавшегося, отпустили. Не полк, а вытрезвитель. Как бы мужику не понравилось у нас» (14 мая 1996 года).

Дмитрий был настолько оптимистичным человеком, что, даже находясь в условиях войны, мог по-доброму смеяться над происходящим вокруг. Это жизнелюбие и помогало ему самому сохранять спокойствие и внушать через письма родным уверенность в том, что он вернется живым.

В письмах домой Дмитрий называет себя и российских солдат оккупантами, вторгшимися на территорию Чечни. Именно таким он себя ощущал, так как даже мирное население Ичкерии воспринимало российских военнослужащих как врагов и относилось к ним достаточно враждебно.

Из писем Дмитрия:

«Чувствуешь себя, как захватчик на оккупированной территории. Не очень приятно» (Дата не указана).

«Все-таки если раньше у меня было ощущение, что находимся в разрушенном городе на оккупированной нами территории, то теперь ощущение, что мы в Ленинграде или Москве сразу после войны: кругом банды...» (14 мая 1996 года)

Из воспоминаний матери: «Для меня эти полгода были страшными. Я не знала, как он там, что с ним происходит. Еду утром на работу, думаю только о нем. Мысленно защищала его, боялась, как никогда в жизни».

Все переживания, все мучения, через которые прошли матери ребят, отслуживших в Чечне, невозможно изложить на бумаге: эти женщины знают, что такое страх и душевные муки. Думали ли об этом те, кто отправлял молодых парней на смерть?..

Ведь эта война за «суверенность России» сломала не одну сотню судеб.

Конечно, Дима, вся его семья и тысячи других российских матерей ждали конца войны. И вот в мае 1996 года Борис Ельцин прилетает в Чечню...

Историческая справка. 27–28 мая 1996 года в Москве прошла встреча российской и ичкерийской (возглавляемой Зелымханом Яндарбиевым) делегаций, на которой удалось договориться о перемирии с 1 июня 1996 года и обмене пленными. Сразу же после окончания переговоров в Москве Борис Ельцин вылетел в Грозный, где поздравил российских военных с победой над «мятежным дудаевским режимом» и объявил об отмене воинской обязанности.

Из воспоминаний матери: «Дима писал: “Мама, мы ждали этого перемирия. Да, Ельцин приезжал. Только за пределы аэропорта он навряд ли выходил. С нами он не встречался. Не знаю, стоит ли говорить о смысле этого перемирия”. После этих слов и я перестала сильно надеяться на скорый вывод российских войск из Чечни».

Что изменило это перемирие? Русские солдаты не могли стрелять в чеченцев. Но война-то всё равно продолжалась... А в семье Бурниных в то время близился праздник: 9 июня — последний день службы Дмитрия. Все ждали его домой.

Жарким вечером того самого 9 июня Дмитрий со старшим сослуживцем отправились в город. Оба были с оружием. К ним подъехала машина с чеченцами, которые попросили продать им автоматы, на что сослуживец Дмитрия ответил грубостью. Горцы не стали долго разбираться... Они расстреляли солдат.

Именно так звучит версия о смерти сына, рассказанная Лилии Михайловне офицером, сопровождающим гроб ее сына. Но никакого официального документа о том, как погиб Дмитрий, она так и не получила.

Из воспоминаний матери: «Эта телеграмма. Я вообще ничего не помню после того, как прочитала ее. Если бы не собрались все родственники, если бы не дети, если бы не муж, я бы “ушла” за сыном. Кто не чувствовал этого, не поймет. И дай Бог, чтобы не поняли...

Ваш сын Бурнин Дмитрий Леонидович героически погиб 9.06.96 Грозном при исполнении воинского долга о прибытии гроба с телом будет сообщено дополнительно командир в/части 3695 Карпович

В день, когда привезли Димино тело, в нашем доме были все. Вой и плач вокруг. И вот летит тот вертолет... Я поняла, что это он, что он летит домой. Противна мне стала грусть. Я даже радость внутри почувствовала. Ведь это он, Димка! “Тише! Я сына встречаю”, — сказала я всем. И вышла на улицу».

Лилия Михайловна живет, но с болью в сердце, которую уже ничем не залечить. Не видит она смысла в этой войне и не понимает, почему у нее и тысячи других матерей отобрали сыновей.

«Однажды, уже после смерти Дмитрия, я смотрела поздравление Ельцина всех женщин с праздником 8 Марта. Как он смел? Как он смел говорить нам, женщинам, судьбы которых он разбил: “Поздравляю вас, дорогие мои?”» — со слезами на глазах спрашивает Лилия Михайловна.

Сергей Валерьевич Козлов

Кроме Дмитрия Бурнина, из 3695 части не вернулся домой еще один призвник из Братска — Сергей Валерьевич Козлов, который восемь с половиной месяцев, в период с мая 1995 по январь 1996 года, служил в Чечне.

Родился Сергей 23 ноября 1976 года в городе Вихоревка Братского района. Рос восприимчивым, добрым и эмоциональным ребенком, увлекался музыкой, мечтал стать музыкантом, сам освоил игру на электрогитаре. В детстве его называли «очкариком»: у Сергея почти не видел правый глаз.

Но все же в восемнадцатилетнем возрасте он сам изъявил желание служить в войсках Российской Федерации.

Окончив 9 классов, поступил в музыкальное училище г. Братска на отделение игры на саксофоне. Сергей подавал большие надежды, но продолжить обучение не смог из-за возникших материальных трудностей при покупке инструмента. Долгое время он вместе с матерью, Галиной Петровной, копил деньги, чтобы приобрести саксофон, но из-за инфляции суммы хватило, как говорит Галина Петровна, «только на мундштук от него».

В 17 лет бросив училище, Сергей устроился на низкооплачиваемую работу в городе Вихоревка, что находится рядом с Братском.

25 декабря 1994 года Сергея призвали в армию, оказался он в учебке в городе Ангарске.

Первое письмо Сергея домой: «Приехал на службу 25.12.1994 поздно ночью, попал в город Ангарск, в войска МВД. Сейчас мы находимся в карантине...»

В мае 1995 года он оказался в Чечне, а 30 января 1996 года погиб при исполнении воинского долга в г. Грозном.

Находясь в Ичкерии, очень скучал по матери, ласково называя ее в письмах «мамулька», «мамулечка», просил писать почаще, жаловался на то, что ее письма почему-то не доходят и на постоянное недосыпание. Наверное, чтобы не огорчать мать, о военных действиях не писал.

Даже на войне Сергей о любимом увлечении не забывал. Из письма Сергея домой: «С музыкой я не завязал. Здесь бренькаю потихоньку» (10 сентября 1995 года).

Во врачебном свидетельстве о смерти отмечается, что смерть наступила в результате «множественных огнестрельных, пулевых ранений, сквозных ранений в груди с повреждением сердца, бедра, с переломом бедренной кости».

Мать-одиночка, Галина Петровна Козлова, после гибели сына осталась совсем одна. Ни мужа, ни ребенка... Еще одна трагично сложившаяся судьба как результат войны в далекой Ичкерии...

Из воспоминаний Галины Петровны: «Я была одна дома, когда мне принесли телеграмму о смерти сына.

Звонок в дверь. Я открываю. “Вам телеграмма, распишитесь”. Что за телеграмма? Родственников у меня дальних нет... Я расписалась, взяла телеграмму. Открыла ее... и как закричу! Весь подъезд слышал мой вопль».

Извещение

Ваш сын, водитель химзвода, младший сержант Козлов Сергей Валерьевич 1976 года рождения, погиб при исполнении воинского долга в республике Чечне, город Грозный.

(Основание: извещение командира воинской части 3695. г. Ангарск от 5 февраля 1996 года, № 16)

Одинокая, но сильная женщина смогла не только перенести смерть сына, она сумела заново полюбить эту жизнь. Галина Петровна занимается спортом, общается с интересными ей людьми и с радостью принимает гостей.

Как и все матери, Галина Петровна не ожидала получить такую весть. Первый год после смерти сына жизнь ее будто стояла на месте. Но она нашла в себе силы жить дальше и не озлобиться.

Алексей Александрович Леуткин

Двадцатисемилетнего Алексея Леуткина смерть настигла в момент, когда он оказывал медицинскую помощь своему сослуживцу...

Родился Алексей 26 сентября 1973 года в Братске. Его семья мало чем отличалась от многих молодых семей нашего города и страны.

Из воспоминаний матери: «Первое время вместе с родителями мужа мы жили в маленьком доме с кривыми окошками. Я работала фельдшером в городской больнице № 2, а отец Леши — инженером-электриком. Нам на все хватало. Я бы даже сказала, что жизнь была интересной и разнообразной».

Леша был талантливым и разносторонним мальчиком: он много времени уделял чтению книг, изучению естественнонаучных дисциплин, занимался фотографией, писал стихи и прозу.

Из воспоминаний матери: «Самым страшным наказанием для него было не читать. Однажды я разозлилась на него и сказала, чтобы ничего из художественной литературы не брал в руки! Прихожу с работы, а он лежит на диване с книжкой... выкрутился из ситуации и вместо художественной взял научную. Он не мог жить без книг».

Классный руководитель Леша, Светлана Николаевна Слободчикова, вспоминает его как очень эрудированного, интеллигентного и чуткого молодого человека: «С его классом мы часто ходили в походы. Леша очень любил биологию, поэтому знал название почти каждой травы в лесу! С ним всегда было интересно общаться. А снимки наших “путешествий”, которые делал Леша, — единственная память тех замечательных дней!»

В 1990 году Алексей окончил школу № 41 города Братска. Полный уверенности в своих силах, он поехал в Иркутск поступать на педиатра в медицинский институт. Ему не хватило лишь нескольких баллов, чтобы попасть на специальность, о которой он когда-то сильно мечтал. Не унывая, Алексей вернулся домой и весь год проработал медбратом в городской больнице № 2.

Из воспоминаний матери: «Однажды Леша зашел в какую-то палату, и один из пациентов спросил: “Вы и есть доктор?” — “Пока что нет...” — важно ответил тот. Он всегда знал, что надолго в нашей больнице не задержится и обязательно реализует себя как высококвалифицированный врач».

И Алексей добился своего. Уже в 1991 он стал студентом Саратовской военной академии. Учился он на лечебном факультете на отделении хирургии.

В январе 1996 года Алексей приехал домой специально, чтобы жениться на Юлии, которая впоследствии родила ему дочку Диану и вместе с ней ждала мужа домой...

Из воспоминаний матери: «День их свадьбы, 11 января, я до сих пор считаю одной из самых счастливых дат в жизни нашей семьи. Времени на приготовление и приглашение гостей у нас совсем не было. Свадьба была “склеена” за 3 дня! И всё прошло очень хорошо».

В 1997 году Алексей окончил академию. Первое время он работал в Гусиноозерске. Как и многие другие матери, Людмила Капитоновна не думала, что ее сына могут отправить в Чечню. Она узнавала о событиях в Грозном только из новостей и даже не предполагала о том, что ее сын может быть отправлен в горячую точку.

Из воспоминаний матери: «У меня и мысли не было переживать по этому поводу. Как кого-то из Сибири могут отправить в такую даль? Оказалось, что могут... После смерти Алексея я общалась с его подругой, которая вместе с ним училась и приезжала к нему на свадьбу. Сама она из Петербурга. Так вот, по ее словам, военных врачей из больших городов в Чечню очень редко посылали. А вот из группы моего сына... отправили всех!»

В 1999 году Алексея и многих других военных врачей поставили перед выбором: или служба в Чечне, или 5 лет в магаданской тюрьме за неподчинение приказу...

22 сентября 1999 года Алексей уехал в Чечню. Сначала он попал в Моздок, а оттуда его отправили в Шали.

И уже 19 января 2000 года Людмила Капитоновна узнала, что сын не вернется домой живым.

За годы службы в Чечне Алексей Леуткин спас жизнь не одному солдату. Ему приходилось выполнять сложнейшие операции в экстремальных условиях. «Уже после смерти Леши ко мне приезжали его сослуживцы, Роман и Руслан. Они рассказывали о том, сколько людей благодарны моему сыну за то, что он своими руками спас их», — вспоминает Людмила Капитоновна.

Алексей делал все, чтобы родственники не волновались и не переживали. В его письмах много юмора, описаний местности, но совсем нет боли или обиды. Сколько сил требуется человеку, чтобы в условиях войны сохранить человечность и не потерять надежду на лучшее?!

Из воспоминаний матери: «Когда читала его письма, невольно улыбалась. Он рассказывал и о том, как его налысо обривали, и о том, как красиво в Чечне, но никогда не упоминал о боях или перестрелках. Только если вскользь, как факт того, что там на самом деле идут военные действия».

Из писем Алексея:

«Простите, что долго не писал и не звонил — не было возможности. Стоим в Чечне. Возле Горагорска (километров 30 от Грозного), почта ходит редко.

Полк, точнее, его управление с несколькими спецподразделениями и охраной долго стоял в лощине под селением Кирово. Там нас посетил Путин и остался доволен. Приезжала и Матвиенко, заходила в наш МПП (медицинский перевязочный пункт), тоже осталась довольна и наострила на нас отдел медицинского снабжения в Моздоке, так что в госпиталь мы возим теперь только тяжелых больных. Их, слава Богу, мало. Раненых практически нет, всего двое из 1600 человек. Да и возить нет особого желания: дороги — в поле, машина далеко заметна. Наверное, через два-три дня перейдем на авиатранспортировку.

Пять суток, с 16-го по 21 октября, я провел во втором арtdивизионе нашего полка. Они стоят под Первомайским и изо всех сил лупят по нему. Оттуда же хорошо виден Грозный. Его почему-то пока не трогают. Днем дорога на Грозный пустынна, зато ночью фары только и мелькают. Стреляем по ним, а утром сталкиваем в кювет сгоревшие машины. Сразу успокаиваю: мирных жителей еще никого не убили.

За голову нашего командира боевики обещают 10 тысяч долларов. Раньше дешевле было» (31 октября 1999 года).

«Развернули мы собственную баню, полностью оборудовали автоперевозочную, запустили обогреватели. Теперь полный порядок. Но из-за того, что стоим мы на вершине, ветер обдувает со всех сторон. Почти все простыли.

Из Бурятии пришла гуманитарная помощь: спортивные шапки и теплые свитера. Теперь все щеголяют в них. А от постоянной слякоти спасают резиновые сапоги. Все прикалываемся: приедем домой и к жене в постель — в одежде и с оружием, потому что не расстанемся с ним никогда.

Надеюсь, к Новому году мы вернемся, но ходят слухи, что можем задержаться до марта.

Около 40 боевиков взяли в плен. Все почему-то как на подбор — жирные, мордатые, лысые, в кожанках и темных очках, а лапы в перстнях. Так что насмотрелся я на них...

Юленька! Не беспокойся, я никогда не променяю вас с дочкой на войну, сколько бы мне ни предлагали. Я бы и на эту не поехал, но у меня, можно сказать, не было выбора» (Письмо без даты).

В письмах и Леуткина, и Бурнина невозможно не заметить желания солдат быстрее оказаться дома. Если бы они понимали значимость происходящих событий, то у них, думаю, по крайней мере было бы желание довести дело до победного конца.

Из писем Алексея: «По снегу соскучился — сил нет! И ненавижу сырость. Милые мои, как же я мечтаю с вами увидеться! Почти каждый вечер представляю, как я выйду из вагона на заснеженный перрон, увижу вдалеке вас, брошу сумки, подбегу к вам, обниму вас обоих, расцелую изо всех сил, а дальше... Дальше всё будет ужасно хорошо» (Ночь с 6-го на 7-е января 2000 года).

Даже в условиях военного ада солдат может остаться человеком, сохранить способность к состраданию. Алексей не раз доказал это на своем примере. Однажды на его глазах у беременной чеченки начались схватки. Недолго думая, военный врач из Сибири оказал ей необходимую помощь.

Из воспоминаний матери: «Когда мой сын написал мне о том, что принимал роды у чеченки, я по-настоящему гордилась им. Ведь помогать своим просто, а чужим... не каждый решится».

Из дневника Алексея:

«6 октября.

Из центральной районной больницы Грозного пропавшего лейтенанта направили в военный госпиталь Моздока. По пути, по словам сопровождающего, лейтенант умер. Во время вскрытия трупа в госпитале обнаружилось, что у него отсутствуют печень и почки. Донор? А сопровождающий уже уехал...

<...>

А еще меня чуть не пристрелил мой же шофер, молодой солдат-срочник. Когда я выходил из госпиталя, он ждал меня у КПП. Я подошел к машине слишком быстро, и в лицо мне уткнулся ствол автомата. Слава Богу, парень узнал меня, а то могло быть и хуже».

Анализируя действия шофера Алексея, понимаешь, что, живя в постоянном страхе, человек порой перестает контролировать свое поведение: он подчиняется рефлексу самосохранения. Когда такой солдат чувствует опасность, начинает действовать быстро, но необдуманно — им правят эмоции.

Время шло... Алексея ждали домой, а он продолжал нести службу. И вот 2000 год...

5 января товарищи поздравляли Алексея Леуткина с присвоением ему звания капитана. Накануне в расположение части приезжали братчане, которые доставили из Сибири новогодние подарки для военных. Среди тех, кто доставлял подарки, был отец капитана — Александр Сергеевич Леуткин. И встречу Нового года на войне с отцом Алексей Леуткин воспринял как добрый знак. Он охотно рассказывал о своих планах на будущее: сын увлекся полевой хирургией и намерен был специализироваться по ней и учиться дальше. Алексею было всего 26 лет, он рассчитывал, что многое еще успеет сделать. А уже 15 января 2000 года в Аргунском ущелье на высоте 950,8 начался бой, в котором и погиб Алексей Леуткин...

Хирург был вместе с остальными 39 бойцами, чтобы оказать медицинскую помощь в случае необходимости. Этот бой не забудут матери многих солдат, ведь после него только 17 из 40 бойцов остались живыми. Алексей Леуткин, который во время перестрелки спасал жизнь молодого солдата, был сражен пулей снайпера в голову.

Из воспоминаний матери: «Всё черное. У меня только такие воспоминания от года после смерти сына. Он снился мне. Часто. Всё время просил не считать его мертвым».

Во время похорон дома у Леуткиных постоянно звонил телефон, но как только кто-то брал трубку, на другом конце провода ничего не было слышно... Людмила Капитоновна пыталась узнать, откуда шел вызов, но на телефонной станции ей сказали, что приборы не могут этого определить. «От этой мистики я чуть не сошла с ума. Если бы не Юля и вся родня, друзья, Лешины сослуживцы, перенести все это было бы гораздо труднее», — вспоминает Людмила Капитоновна.

На вопрос о том, как Людмила Капитоновна относится к войне, она, не задумываясь, отвечает: «Никому она не была нужна. Только Ельцину. Он свое получил, а мы, матери, потеряли самое дорогое. То, что никогда и ничем не заменить, — наших сыновей».

Алексея Леуткина помнят в нашем городе. В его честь в школе № 41 открыт музей и установлена мемориальная доска. Но возможно ли этим восполнить все то горе, которое принесла война семье Леуткиных и тысячам других российских семей?..

Александр Александрович Воскобойников

Два братчанина: Алексей Леуткин и Александр Воскобойников — погибли в бою в Аргунском ущелье 15 января 2000 года. Казалось бы, на войне, где служили ребята отовсюду, невозможно было встретиться солдатам из одного маленького сибирского городка. Оказывается, в Чечне и такое было...

Александр Воскобойников родился 13 июня 1980 года в городе Ейске Краснодарского края. В Братск семья Саши приехала в 1990 году, когда мальчик учился в третьем классе. Причиной переезда стала погода на Черноморском побережье. Из-за сырости Александр постоянно болел, в Сибири же состояние его здоровья значительно улучшилось.

С 1990 года по 1995 год семья Воскобойниковых жила в Червянке, одной из деревень, расположенных недалеко от Братска. Мама Саши, Ольга Владимировна, работала поваром в местной столовой, а ее муж, Василий Александрович (отчим будущего бойца), — пожарником. В 1995 году Воскобойниковы переехали в Братск. Ольга Владимировна устроилась гардеробщицей в школе № 45, а Василий Александрович стал работать водителем в автотранспортном предприятии.

Из воспоминаний матери: «Если скажешь Саше не ходить никуда — он будет терпеливо ждать разрешения играть или гулять. А когда ему было пять лет, он настолько отличался своим примерным поведением от остальных мальчишек, что порой мне казалось: он был гораздо старше своих лет.

Мы всегда учили его быть настоящим мужчиной, уметь постоять за себя, но других просто так никогда не обижать. С шестнадцати до восемнадцати лет он даже занимался кикбоксингом.

В школе же мой сын учился довольно хорошо, но не отличался особой прилежностью».

Самыми интересными предметами для послушного и сильного Саши стали история, география и биология. Александр много читал. Из-за его сильного увлечения армией, боевыми искусствами и историческими сражениями «Война и мир» Л. Н. Толстого стала у него любимой книгой.

Окончив 8 классов в 1995 году, Саша решил уйти из школы. Он поступил в учебный комбинат на специальность автослесаря, где пручился всего несколько дней. Воскобойников не видел смысла в дальнейшем получении образования, поэтому решил работать водителем вместе с отчимом в АТП-2.

И вот настал 1998 год. Александру скоро 18. Перед ним стоит выбор: идти в армию или воспользоваться связями родителей, чтобы «откосить». Но Саша твердо решил служить. Он планировал связать свою будущую жизнь с армией, хотел стать военным.

Выбор Александра пойти в армию и в дальнейшем связать свою жизнь именно с военным делом можно объяснить не только его патриотизмом и желанием стать настоящим мужчиной, но и тем, что на момент его совершеннолетия в российской экономике наступил дефолт. Пришли времена, когда простому молодому парню было трудно найти работу, может, именно поэтому многие и были рады уйти в армию.

14 июня 1998 года, на следующий же день после своего совершеннолетия, Александр отправляется служить — отдавать свой долг Отечеству.

Из воспоминаний матери: «Сашка всегда говорил: “Я буду настоящим мужчиной, если пойду в армию!” Мы все были абсолютно спокойны, когда провозжали его служить. Мы даже радовались этому. О войне в Чечне я знала, но совсем не думала, что Сашку могут туда отправить. Горцы ведь так далеко от нас!»

Служба у Александра проходила спокойно, ровно, как он писал, «нормально». Ольга Владимировна сильно не переживала, потому что Саша довольно часто писал. Он хорошо знал армейские порядки, поэтому дедовщина его не коснулась. Конечно, он скучал по дому, но в армии ему было тоже неплохо. После возвращения из Кубани в 1999 году Ольга Владимировна получила от Саши очередное письмо, которое не предвещало ничего плохого...

Письмо Александра Воскобойникова:

«Привет из Бурятии!

Здравствуйте, дорогие папа, мама, Люба и братик Димка. С большим приветом ваш Сурик. Служба у меня идет нормально, только домой охота — караул. Еще немного осталось, уже домой готовлюсь, собираю все помаленьку. Ужас закончился три дня назад, полевой выход, жили в палатках. Учения были, стреляли, бегали, короче, занимались всякой фигней. Ну вы как все отдохнули в отпуске? Чем сейчас занимаетесь? Напишите, как там на Кубани. Мама, когда вы писать будете письмо, вы фотографии вышлите свежие. Мама, папа, я напишу вам, что мне нужно, вы передайте, если сможете, Витьке всё. Вы встретьте его нормально, он классный пацан» (Дата не указана).

Саша готовился к поездке домой, он был занят обычными для армейской жизни делами, с нетерпением ждал встречи с родными. Кто же знал, что тот самый Витя принесет в дом Воскобойниковых страшную весть? «Саня в Чечню уехал», — всё, что передал знакомый сына Ольге Владимировне.

Из воспоминаний матери: «И ведь сначала сам он нам не писал о том, что уже в Чечне, не хотел расстраивать. А когда наконец-то признался, у меня истерика началась, я сразу в военкомат побежала, где мне сказали: “Долг Родине надо исполнять!” Страшно, конечно, страшно мне стало. Что там с ним? Как? С того дня я каждый вечер смотрела все новости и очень внимательно слушала о событиях в Чечне».

Решение Александра служить в Чечне сильно повлияло на состояние Ольги Владимировны и всех членов ее семьи. Каждый переживал за Сашу по-своему. Особенно тяжело было Димке и Любе, младшим детям Воскобойниковых, которые очень ждали возвращения Александра домой.

Из письма Александра Воскобойникова:

«Привет из Чечни!...Мама, вы спрашиваете, как я сюда попал. Я же написал, что наш полк отправили сюда, нашего мнения не спрашивали. Вы сильно не переживайте за меня, мы этих ваххабитов мочим в путь, они такие же люди, как и все остальные. Наш полк чеченцы называют “звери”. Нас на камеру снимали, когда мы брали Урус-Мартан. По радио передают, что Урус-Мартан будут сегодня брать, а мы два дня его уже бомбим, короче, врут.

Сейчас мы стоим около Грозного, федералы взяли город в кольцо, сейчас перемирие» (Дата не указана).

По событиям, которые описывает Александр, можно заключить, что это был декабрь 1999 года. По словам Саши, СМИ лгут о датах захвата Урус-Мартана, что можно объяснить тем, что телевидение, радио и пресса боялись говорить о победах до тех пор, пока они не были подтверждены специальными органами. Но ведь главная цель СМИ — рассказать людям о последних новостях, может, именно поэтому день захвата очередного села, города или точки «переносился» на другое время.

В строках, написанных Александром матери, нетрудно заметить его агрессивность и злобу по отношению к боевикам. Воскобойников не зря служил в полку, название которому чеченцы дали «Зверь».

Уже 15 января 2000 года Александр погиб. Четыре дня его тело не могли вынести с поля боя из-за постоянных обстрелов в Аргунском ущелье. Только в ночь с 19 на 20 января российским солдатам удалось это сделать. Мать о смерти сына узнала только 28 января.

Из воспоминаний матери: «И за что нам такое наказание? Я долго не могла поверить в его смерть. Любашка, Димка, его сестренка и братик, очень переживали. Всем было тяжело. Но надо было жить дальше... Вот и живем. А Санька всё равно с нами, в наших сердцах. А похоронили мы солдата 1 февраля 2000 года».

За время службы в Чечне Александр Воскобойников был удостоен звания сержанта и был награжден медалью Суворова. Но стоила ли эта награда жизни молодого и жизнерадостного парня?..

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ АРМИЯ...

«Они пришли и сломали всё», — так о русских солдатах говорила Лида Зафар, чеченка, которая сейчас живет в США.

После встреч с матерями, чьи слезы по погибшим в Чечне сыновьям не смогло осушить ни одно выраженное Б. Н. Ельциным соболезнование, я поняла, что мы, русские, войной в Ичкерии «сломали» многое не только в горах Кавказа.

160 тысяч человек погибли в результате двух чеченских «кампаний». А ведь у каждого не вернувшегося домой солдата была мечта, планы на будущее. Кто знает, если бы не было этой «необъявленной» войны, то, наверное, Алексей Луткин стал бы высококвалифицированным врачом, которому без опаски можно бы было доверить свою жизнь, Сергей Козлов смог бы всё-таки купить себе саксофон и радовать игрой маму, а Виктор Капитанов и Александр Воскобой-

ников стали бы настоящими защитниками Отечества и врагами преступников, Дмитрий Бурнин дарил бы людям свет своей доброй души, стал бы прекрасным мужем и отцом...

Анализируя письма солдат, рассказы их матерей и исторические документы, можно выделить четыре основные причины, по которым ребята оказались в Чечне:

— тяжелая экономическая ситуация в стране: рискуя собой, контрактник мог прокормить семью;

— прохождение срочной службы («Наше мнение не спрашивали», как писал маме Саша Воскобойников); призывники, военные врачи — все те, кто давал присягу, были вынуждены проходить службу в «горячей точке»;

— бегство от дедовщины;

— чувство патриотизма, желание отличиться: некоторым хотелось, как и младшему брату погибшего Виктора Капитанова, Константину, «вернуться домой с медалями».

Страшно становится, как представишь, что совсем еще юных, не готовых ни психологически, ни физически к боевым действиям солдат бросали в пекло сражаться с опытными боевиками.

Живя в условиях войны, зная, что пуля может поразить тебя в любую минуту, многие молодые ребята, чья психика не была готова к тем потрясениям, которые им пришлось пережить, становились озлобленными по отношению к врагу. А ведь большинство этих «врагов» были просто гражданами одной страны — России.

Но были в Чечне и те, кто, как Дмитрий Бурнин и Алексей Леуткин, ощущали себя «оккупантами» на чужой территории. Такие солдаты понимали, сколько горя они принесли мирным жителям, поэтому сохраняли чувство сострадания по отношению к чеченцам, которые не принимали участия в военных действиях. «Сразу успокаиваю: мирных жителей еще никого не убили», — писал Алексей Леуткин.

Российские солдаты неодинаково вели себя на войне, поэтому назвать их всех варварами нельзя, так же как и нельзя считать, что все они в Чечне проявляли гуманность и благородство по отношению к «противнику».

Многие из них считали себя патриотами. Сергей Козлов, который из-за сильной близорукости правого глаза был не годен к военной службе, сам настоял на том, чтобы его взяли в армию. «Приказ есть приказ, его не обсуждают», — говорил он матери. Пройдя службу в армии, испытал на себе унижение дедовщины, оказавшись в самом пекле, кто-то из них изменил свои взгляды на происходящее в стране.

Всех военнослужащих объединяло желание скорее оказаться дома. Ни один солдат из Братска не писал о победном исходе войны — все ребята считали дни до конца их «командировки». Непонимание того, что происходит, кто какие интересы имеет в Чечне, непоследовательность приказов вызывали у некоторых солдат негативное отношение к тем, от кого зависит их пребывание в Ичкерии. «Если этим маразматикам ничего не взбредет в голову, то дома буду уже к маю», — надеялся Дмитрий Бурнин.

Работа над темой убедила меня в том, что наша армия стала «рабоче-крестьянской». Те, у кого не было «связей», чьи родители и сыновья считали военную службу обязанностью каждого, и оказались в Чечне.

Страшным испытанием для матерей (и всех близких) было отсутствие информации в то время, когда сыновья воевали в Чечне. Все письма вначале приходили в Ангарск, а затем уже пересылались родителям. «Они же были в командировке, именно так нам, матерям, говорили», — рассказывает Галина Петровна Козлова.

Ужасным горем стало известие о смерти сыновей, сама встреча их дома. Еще более страшным испытанием для матерей стала жизнь после того, как они похоронили своих детей. Продолжать жить — это свидетельство постоянного проявления воли, мужества и терпения. О многом говорит тот факт, что матери три года после ухода сыновей не могли надевать цветные платья.

Им пришлось столкнуться с равнодушием тех, кто отправлял телеграммы с извещением о гибели бойцов. Работники военкоматов часто оставались в стороне от горя матерей и отцов.

«Я была одна дома, когда мне принесли телеграмму о смерти сына.

Звонок в дверь. Я открываю. “Вам телеграмма, распишитесь”. Что за телеграмма? Родственников у меня дальних нет... Я расписалась, взяла телеграмму. Открыла ее... и как закричу! Весь подъезд слышал мой вопль. А она вручила телеграмму и ушла...» — говорит Галина Петровна.

Поражает равнодушие к горю женщин «властей» на местах и руководителей предприятий, где они работали. Галине Петровне Козловой нечем было помянуть сына на 40 день после его смерти: ей не выдали зарплату за несколько месяцев, ее еще и сократили на работе. «Как живу? ... В 90-е годы меня сократили. Никаких поблажек не было для меня. С Вихоревки такая “счастливая” мать была я одна!» — с иронией и со слезами на глазах вспоминает она.

С той же горькой иронией некоторые из матерей замечают, что они еще по сравнению с другими находятся в лучшем положении: их сыновья «опознаны», похоронены на родной земле. «Захаровы похоронены под колышком, под номерком, в Москве, а мне-то ведь привезли домой», — со слезами говорит мать погибшего Сергея Козлова.

Матери верят в то, что смерть их сыновей не была напрасной. По словам Ольги Владимировны Воскобойниковой, Людмилы Капитоновны Леуткиной и Галины Петровны Козловой, когда их сыновей отправляли в Чечню, эта война казалась им страшной, но не бессмысленной: нужно было сохранить единство страны.

Но в то же время ни одна из них не может согласиться с тем, что уничтожение мирных жителей и молодых солдат, разрушение городов и сел может быть залогом будущей благополучной жизни.

Смена власти, тяжелое экономическое и политическое положение в стране, проводы сына в Чечню, получение телеграммы о том, что он больше не вернется... Тысячам русских матерей пришлось пережить все это в 90-е годы. Десять лет... Сколько горя принесли им эти десять лет...

«Хотя и говорят, что время лечит, но нет... Сейчас не так остро ощущаешь боль, но душа до сих пор болит», — говорит Галина Петровна.

Происходившее в Чечне стало настоящей трагедией для России. Две войны, начиная с 1994 года, принесли стране, ее народу одни лишь потери и страдания.

Подвиг матери

Татьяна Смирнова

г. Пермь

научный руководитель Е. С. Поварницына

...Матери, матери! Зачем вы покорились дикой человеческой памяти и примирились с насилием и смертью? Ведь больше всех, мужественнее всех страдаете вы в своем первобытном одиночестве, в своей священной, звериной тоске по детям. Нельзя же тысячи лет очищаться страданиями и надеяться на чудо.

В. П. Астафьев «Пастух и пастушка»

Татьяна Георгиевна Ильючик, чья история описана в этой работе, искала в Чечне своего сына, рядового 81 мотострелкового полка. Владимир пропал в городе Грозном при штурме железнодорожного вокзала. Вместе с другими родственниками и матерями — их было около 100 человек, она испытала все ужасы этой войны.

Эта женщина, моя родная бабушка, пробыла там 5 лет, но сына так и не нашла. Я выбрала эту тему, зная, что моя работа очень важна для нашей семьи.

31 декабря 1994 года при штурме железнодорожного вокзала города Грозно пропал рядовой солдат Владимир Михайлович Ильючик. Татьяна Георгиевна, его мать, после многочисленных и безрезультатных походов в военкомат сама поехала на поиски сына.

Первая поездка была в составе группы, доставлявшей гуманитарную помощь в Грозный. Ей руководил военный комиссар области, генерал А. В. Самойлов. Группа остановилась в Моздоке на аэродроме и пробыла там 2–3 дня. Моздок был выбран как наиболее безопасный на то время город. В аэропорт привезли тела с фронта, но Татьяну Георгиевну к ним не пустили. Она хотела остаться на более длительный срок, но это было невозможно, генерал Самойлов нес полную ответственность за каждого из членов группы и должен был доставить всех до Перми. Вернувшись, она начала готовиться уже к самостоятельной поездке, оформила на заводе отпуск без содержания, собрала немного денег и отправилась на поиски сына.

17 апреля 1995 года состоялась первая независимая «командировка». Татьяна Георгиевна приехала в город Моздок и остановилась в одном из привокзальных «вагончиков для беженцев». В этих вагонах располагались местные жители, когда ездили получать пенсию в Ставрополье, но не успевали добраться домой до наступления темноты и поэтому оставались на ночь там. Это был обычный плацкартный вагон, с жесткими сиденьями, верхними и нижними полками. Татьяне Георгиевне пришлось поселиться там, ведь снимать жилье было дорого, а за место в вагоне не нужно было платить.

Питание было очень скудным, на неделю Татьяна Георгиевна брала 200 грамм соленого сала, бульонные кубики, которые делились на 4 части, вермишель бы-

строго приготовления, хлеб и много чеснока, так как в городе ходили разные пищевые инфекции, а чеснок дезинфицировал организм. В обед она иногда ходила в столовую, чтобы поесть суп, но потом перестала, полпорции в столовой не давали, а целая порция была для нее слишком дорогой.

Новости о солдатах они узнавали в аэропорту: «С утра мы, все матери, собирались и шли на аэродром Моздока, чтобы узнать хоть какие-то новости. Там был представитель федеральной службы, вот он нас информировал об обстановке в Грозном». В сам Грозный практически не пускали, так как там шли боевые действия. Можно было пойти только до блокпоста города Ханкалы, там выходил военный с папкой и говорил, кто значится в списках погибших. Военные вообще поначалу были против приезда матерей в Чечню, особенно в первые месяцы, и никакой поддержки в жилье, питании, в теплых вещах не оказывали.

В Моздоке, кроме Татьяны Георгиевны, оказались такие же, как и она, матери, искавшие пропавших сыновей, около 30 человек. Жили они в основном в городском техникуме, где в спортзале стояли кровати. За это место платили 6 рублей в сутки. Ножки этих кроватей были опущены в банки с водой, для того чтобы ночью крысы не залезали на кровать, а падали в банки.

Через некоторое время появилась информация, что в Грозном, в аэропорте «Северный», в гостинице живут другие матери. И те, кто искал пропавших в Моздоке, стали перебираться туда же, потому что до Моздока информация о происходящих событиях практически не доходила. В 1995 году Татьяна Георгиевна тоже переехала в гостиницу аэропорта.

«Мы двинули на Грозный потихоньку. Я первый раз приехала туда на автобусе, ПАЗике, одна старушка оставила мне адрес. Она со мной в вагончике ночевала, да и оставила адрес на всякий случай. Пока я в автобусе ехала, вроде было не так страшно, а когда в Грозный прибыла, вышла из автобуса, все разошлись в разные стороны, кругом всё горит, сплошной дым, неба не видно, чеченская речь, мне стало жутко, я разрыдалась. Но реветь было некогда, надо было добраться до дома старушки, а с 6 часов вечера — комендантский час. Начала спрашивать, как доехать, да больше пешком шла с людьми, автобусы ломаются. Вот так и добралась, переночевала, а там и на «Северный». Вот и начался мой пятилетний путь по Чеченской республике и Кавказу».

В этой гостинице была комната около 12 кв. м, в ней стояло 8 двухъярусных кроватей и жило 16 человек. Иногда количество менялось, те, кому не хватало места, спали на полу. Матерей, приехавших искать своих сыновей, становилось всё больше, а следовательно, и возможностей тоже больше. Нужно было добираться до Ханкалы (в этом поселке размещалась российская военная база, из которой в основном осуществлялось командование чеченской операцией), вся информация была там. До этого поселка ехали на КАМАЗах, которые везли на Ханкалу гравий для строительства дороги. Уезжали рано утром, а обратно в Грозный в 16 часов, потому что в это время машины возвращались обратно; если не успеть к назначенному сроку, то приходилось оставаться там. Это было очень опасно, ночью вводили комендантский час и начинались боевые действия.

Поиски вели всеми возможными способами. «Каждый знает, где его сын пропал, — оттуда и тянешь ниточку. Сначала выспрашивали хоть какую-то информацию, носили с собой пачки фотографий. По деревням бродили — может быть, кто-то узнает. Напролом шли в отряды боевиков... Опасно ли? Всякое бывало: и мины рядом рвались и под обстрел попадали... В какой еще стране матери соб-

стенноручно разгребают землю и перебирают косточки, везут их в сумках на исследование? А мы бесконечно роемся в том, что осталось от наших ребят, — и в Ростове, и в Чечне. Как-то поднимали захоронения 16 человек: я сама каждого пересмотрела. Если бы мне раньше сказали, что я это буду делать, ни за что бы не поверила...» (Из пермской областной независимой газеты «Звезда». 3 ноября 1998 г.).

С самого начала Чеченского конфликта была организована официальная группа розыска, но она находилась в Москве, а в саму боевую точку никто не выезжал, и, естественно, поиск практически не осуществлялся, пополнялись лишь списки пропавших без вести и отвечали родственникам солдат, что в списках погибших не значится. Матери смогли потом добиться, чтобы командование направило в Грозный представителя группы розыска военнопленных и пропавших без вести.

Примерно с 1996 г. начали приезжать офицеры для поисков, сначала на 45 дней, но это было катастрофически мало, так как за такой срок можно было успеть только прочитать полный список пропавших без вести. Обычно с базы офицеры выходить боялись — убьют. А матерям нужно было знать, что стало с их детьми, и результаты такой работы никого не устраивали. Тогда срок пребывания офицеров увеличили до 3-х месяцев. Матери тоже вели поиск пропавших, а результаты часто были лучше, чем у группы розыска.

Во-первых, матери ходили по деревням и селам, расспрашивали местных жителей, а население доверяло им больше, чем военным, и давало более точную информацию. Во-вторых, когда боевики спускались с гор, матери ходили к ним в штаб. Информации было очень много, но из нее нужно было выбирать правдивую, потому что многие путали, забывали, а некоторые ввали, но из этого потока можно было составить логически связанную цепочку, и если кто-то говорил, что где-то захоронен солдат, то матери сообщали группе розыска. Организовывалась комиссия по эксгумации, и ехали на раскопки, найденное тело отправляли на опознание.

«А мы, матери, ходили по своим направлениям, где у кого потерялся сынок, собирали сведения. У нас у всех с собой были пачки фотографий (ксерокопии) наших сынков, чтобы могли показать, может кто где видел... На блокпост в Ханкалу приходили так называемые посредники, желающие за определенную плату помочь матерям. Но многие, конечно, ввали, а иные и правду говорили. Вот матери Коюковой Валентине Демьяновне из Ростова-на-Дону чеченец очень доходчиво объяснил, что он пастух и однажды пошел в лес, а там увидел разбитую машину, решил снять с нее целые запчасти и обнаружил там тело российского офицера. Он тело передал нашим военным, а они отправили его в Ростов-на-Дону в Судебную медицинскую лабораторию (СМЛ) на опознание. Так мать нашла своего Сереженьку и похоронила его дома... Был случай, когда матери из Ульяновска Мельниковой Маше нохчи клялись, что ее сына бросили в колодец в районе площади Минутка. Нашли мы этот колодец, тоже была организована группа по эксгумации. В колодец спустился чеченец, представитель МЧС из Грозного, сказал, что там никого нет. А мать не верит, посредники так уверяли, что там ее сын. Тогда стали туда кидать камушки, слышен был стук камня, и вроде мать убедилась, что ее обманули...»

Было еще много случаев поиска пропавших, матери приходили к боевикам, показывали фотографии, а один из их командиров сказал, что этого парня он сам

лично убил и оставил там же. Поехали в указанное место, спрашивали местных жителей, они обычно хоронили тела убитых, раскапывали и отправляли в СМЛ в Ростове. Братские могилы также раскапывали и осматривали, «хотя там только можно было по зубам определить. Брали палочку и смотрели зубы, ведь мать знает, какие зубки у ее дитя. У кого-то коронки были, у моего Вовика был сколот передний зуб, у кого-то пломбы были...» Это было их основное дело — искать тех, кто убит или в плену. Поражает то, что чем дальше находились эти женщины там, тем им становилось в какой-то степени легче, когда они находили хоть что-нибудь, даже не целые тела, а хоть какие-нибудь останки. Эмоциональное и физическое напряжение, постоянная неизвестность о судьбе ребенка и страх за свою жизнь настолько истощали тело и душу, что хоть какая-нибудь определенность, пусть и самая печальная, приносила облегчение.

Кроме сильнейшего нервного напряжения, которое чувствовалось везде и всюду, приходилось преодолевать серьезные трудности в быту.

Тяжело было с чистой водой. Утром набирали по 1,5 литра воды на человека и это количество нужно было распределить на мытье и стирку. Питались скудно, складывали деньги и на них покупали зелень и еще что-нибудь, на что хватало средств. Матерям помогали представители ФСБ и разведчики, они иногда приносили консервы. В конце 1995 года матерей приписали в солдатскую столовую МВД, тогда стало полегче. В комнате появилась электроплитка, она была маленькой, но на ней стали готовить пирожки и даже пельмени.

Важной частью быта были гадания и пение. На Кавказе вечера длинные, темнеет рано, а электричества часто не было, и чтобы как-то «скоротать время и не свихнуться», думая о своем горе, матери пели песни и плакали. Часто целые вечера матери пели «Ромашку», «Оренбургский платок» и другие песни. Играли в карты и очень много гадали, на игральные и географических картах, кольцом, по гороскопу, чтобы хоть каким-то способом получить информацию. Смысл гадания на кольце заключался в том, что если кольцо вращается по часовой стрелке, то сын жив, а если против — то мертв. Парадокс был в том, что у всех кольцо вращалось по часовой. Желание матерей найти сына живым было настолько велико, что кольцо не могло устоять под напором их эмоций.

Особую роль играли сны, после каждой ночи матери друг другу всегда рассказывали о снах, не приходил ли свой или чужой сын во сне, не подсказал ли, жив он или мертв и где надо искать...

«С нами была мама из Волгограда, Чиндрова Люда, искала сына Алешу, в Ростове была, по Чечне бродила, ничего не получалось. Много раз приходил к ней сын и говорил какие-то две цифры одинаковые, а запомнить она их не могла. Так все и порешили, что в Ростове, наверное, лежит тело. И 16.06.95 г. его опознали под № 66. Вот и две одинаковые цифры».

Одна мама, Федорчук Анна, опознала тело своего сына в ростовской лаборатории, вызвала мужа, а он не признал тело, всем хотелось живого найти. Потом этот солдат пришел во сне к сестре этой женщины и сказал: «Тетя Надя, пусти меня!», а она ему говорила, что домой иди к маме и папе, мальчик сказал: «Меня папа не пускает». Через некоторое время его опознали окончательно, забрали домой и похоронили.

«По сну мамы из Саратова Тарунтаевой Маши: ее сын ей сказал: “Мама, к нам Вовка Ильючик пришел”. Так что мой сынок тоже погиб... Как говорят о без вести пропавших, он не умер, он просто “не пришел”...»

Впереди был еще долгий и трудный путь слез и печали, но приходилось жить и подстраиваться под чужую культуру и быт.

Носили в основном чеченские платья-халаты, которые везли из Турции, и платки, кончики которых свисали вперед. Нужно было быть похожими на чеченских женщин. Брюки старались не носить, потому что в Чечне на женщине они считались вульгарной одеждой, а если ходили по городу без платка за спиной начинался рокот недовольства и возмущения. Если вели переговоры с боевиками, нужно было встать, когда заходит мужчина, и они вставали, ведь «со своим уставом в чужой монастырь не лезут».

Только 6 месяцев спустя матери перебрались в Ханкалу. Именно здесь можно было узнать больше информации и поделиться своими сведениями с военными. Командование выделило две квартиры в доме, где до войны жили семьи офицеров и обслуживающий персонал, это были однокомнатная и двухкомнатная квартиры. В однокомнатной квартире жило 8 человек, а в двухкомнатной 12, временами приезжали еще матери, кроватей на всех не хватало, спали на полу. В этих квартирах были такие же двухъярусные «солдатские койки», столы, старые табуреты и стулья. Ночью по полу бегали крысы, часто из-за боев не было света и отопления, поэтому осенью и зимой было холодно и сыро. А климат на Кавказе не самый благоприятный, летом очень жарко, нередко температура достигает +40 градусов, а зимой дует промозглый, сырой ветер, который продувал всё: одежду, стены домов. И в холодное время года одежда не просыхала, возникали разные простудные заболевания, особенно мучились с зубными болями и кашлем.

«Я спала у окна, — вспоминает Татьяна Георгиевна, — и стелила под себя телогрейку, которая зимой промерзала, голову укутывала шалью, на ноги шерстяные носки, в общем, утеплялись кто как мог».

Матерей прикрепили к столовой федеральной базы. Кормили там плохо, вот примерный рацион: каша с килькой, суп с килькой, вермишель с килькой и чай, это была стандартная солдатская пища на то время. В целом все осталось по-прежнему, изнурительные поиски, походы по деревням, чтобы узнать что-то новое, требования от командования более тщательных поисковых работ и поездки в СМЛ для опознавания очередных вагонов с телами, с тайной надеждой найти хоть кого-нибудь.

Опознавание в СМЛ было тяжелым и трудным. Поначалу никто туда ехать не хотел, но к 1995 г. пришло понимание того, что ехать все-таки нужно, ведь кто-то там лежит. По одному в морг не ездили, ездили по 5–6 человек, поддерживали друг друга как могли. В Ростов-на-Дону летали на вертолетах, в основном из Ханкалы. Летели молча, читали молитвы, ревели. По Чечне вертолет летел низко, чтобы не сбили, дверь была открыта и около нее сидел боец с автоматом. «Так мы летали каждый раз, охранял боец, а мы молились. Нам больше некого было просить, кроме Бога, на него вся надежда и вера».

Каким будет этот поиск, никто тогда не понимал. Матерей посадили в комнату, поставили видеокассету, на ней были сняты тела солдат, тела были такие, какими их нашли на улице, и у каждого тела высвечивался номер, особые приметы, если они вообще были, ведь часто было так, что тело было условно опознаваемо, или не опознаваемо вообще. Мать, увидев кого-то похожего на своего сына, выписывала в свою тетрадь номер тела и особые приметы, передавала их эксперту, тогда тело мыли и обрабатывали, потом женщины группой шли на опознание. Это повторялось не по одному кругу. Потом приехал эксперт из

Санкт-Петербурга, переработал весь материал заново, выявил множество ошибок в группах крови, формулах зубов (особенности зубов), росте и т. д. Матери стали пересматривать всё по новой, и опять кто-то находил своих, а кто-то нет... Иногда приходилось самим искать в вагонах тело с нужным номером.

Одновременно составлялся банк данных на неопознанные тела. С родителей брали отпечатки рук, ног и пальцев. Делалось это очень примитивным способом: мазали краской, проводили стеклянной бутылкой и отпечатывали на бумагу. Процедура занимала по полдня, так как качество отпечатков было плохое и приходилось повторять по многу раз.

После этого все возвращались в гостиницу, кто шел, а кого вели под руки, а кому-то скорую вызывали. Затем снова летели в Ханкалу, искали там, потом обратно в Ростов-на-Дону, и так много лет.

«Меня часто до сих пор люди спрашивают: “Ты не жалеешь столько потерянных лет, всё напрасно, ты же так и не нашла сына?” Отвечаю: “Нет, не жалею! Сын выполнил свой воинский долг. Я выполнила свой материнский долг, прошла дорогами, по которым ходили родные ноги”». Сынок мой Ильючик Владимир Михайлович награжден орденом Мужества посмертно».

Война как таковая закончилась, но осталось множество печальных последствий. Не одна семья осталась без сына, мужа, брата — это печальный итог любой войны.

Описанная здесь история основана на воспоминаниях очевидца тех событий, воспоминания подкреплены фото- и видео-файлами, документами из домашнего архива. Конечно же, она не является счастливой, но в ней еще не поставлена точка. Из разных источников известно, что Владимир Ильючик выжил при штурме вокзала в Грозном, есть фотография из газеты, на которой Татьяна Георгиевна узнала сына, а фото было сделано после событий 31 декабря 1994 года. Более того, в СМЛ № 124 сохранился банк данных, который сегодня никто не разрабатывает.

Сегодня семьи погибших защитников Отечества объединяются в общественные организации и их деятельность не прекращается.

В 2000–2001 гг. в Подмосковье на Богородском кладбище, по инициативе родственников погибших и по решению Правительства РФ и при содействии губернатора Московской области Б. В. Громова, был выделен участок для воинских захоронений. На нем произведено 266 захоронений останков военнослужащих, погибших на территории Чеченской Республики, личности которых не удалось установить. Перед захоронением были произведены мероприятия для продолжения идентификационных исследований.

Установлены личности 129 захороненных, по желанию родственников останки 34 военнослужащих оставлены на Богородском кладбище, 81 перезахоронены на родине.

Сегодня на воинском участке Богородского кладбища осталось 144 захоронения неопознанных воинов.

Ежегодно 25 сентября по инициативе общественных организаций «Боевое братство» и «Эхо войны» совместно с Министерством обороны РФ и Администрацией Ногинского района на Богородском кладбище проводится День Памяти погибших с приглашением родственников пропавших без вести военнослужащих из 64 регионов России.

«Расскажи мне боль свою, солдат...»

Ольга Попова

п. Ярега, г. Ухты, Республика Коми

научный руководитель И. А. Козлова

МОИ ПОИСКИ

Когда мне предложили участвовать в конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век», я долго думала, какую тему мне выбрать.

Однажды теплым осенним вечером, гуляя с друзьями, я рассказала им о предстоящем конкурсе. Они предложили мне написать что-нибудь об армии, зная, что мне нравятся люди в военной форме. Мне показалось интересным их предложение, но про что или про кого именно писать, я еще не знала.

Спустя некоторое время я услышала, совершенно случайно, о парне, который недавно умер. Он был ранен в Первой чеченской войне. И я решила про себя: вот о ком я буду писать.

Для начала я решила поехать в военкомат и в редакцию газеты «Ухта».

В военкомате мне посоветовали обратиться к военкому, что я и сделала. Но военком отказался дать мне какой-либо материал. Я спрашивала, сколько на данный момент ребят из Республики Коми служат в Чечне, на что он мне ответил: «Это военная тайна. Война еще не закончена, поэтому я не имею права давать какие-либо сведения. Если вам что-то нужно, обратитесь в ФСБ за разрешением. Когда оно будет, тогда уже мы поищем то, что вас интересует, в архивах». Я поняла, что мне тут никакой информации не дадут. Особенно в мою память врезалась фраза, которую он произнес. Эти слова и были моим первым потрясением в столь тяжелой работе: «А зачем тебе писать про Чечню? Писала бы про “Курск” или Афганистан. УМИРАЛИ И ТАМ, И ТАМ — НИКАКОЙ РАЗНИЦЫ!»

Как это никакой разницы? — подумала я и ушла с большой болью в душе и возмущением. А уходя, услышала: «.Если кто-то из семей погибших увидит твою работу, зацепится за какое-нибудь неправильно сказанное слово, то они могут подать в суд, и тебя могут арестовать, хотя ты и молодец и занимаешься хорошим делом».

После этого я плюнула на всё и решила продолжать, как бы трудно ни было и чем бы это для меня ни обернулось.

После военкомата я пошла в редакцию газеты «Ухта». Там я обратилась, по совету мамы, к Нине Всеволодовне Дубовицкой. Я объяснила, по какому вопросу пришла.

Дубовицкая сказала, что можно еще обратиться в горздрав, Центр реабилитации, но это — в Сыктывкаре. Я не стала туда писать запрос. Если уж не могут дать информацию на месте, то, я думаю, Сыктывкар ее тем более не даст. Тогда я стала обращаться к знакомым и друзьям, которые вернулись из Чечни, но мне все напроць отказывались давать интервью, говоря, что не хотят вспоминать этот ад.

Оставалась последняя надежда — ехать в ФСБ, так как никакая другая тема меня больше не интересовала и писать я ни про что, кроме Чечни, не хотела. Чем чаще мне отказывали, тем больше хотелось написать. Не зная наперед, получится или нет работа, я решила довести дело до конца.

Скрестив пальцы, я поехала в ФСБ. Приехав, я дала свидетельство о том, что я участвовала в первом конкурсе «Человек в истории». Меня попросили подождать, пока напечатают разрешение для военкома. Несколько минут спустя в холл вышел молодой человек, который брал у меня документы, и сказал, что ФСБ и военкомат не имеют никакого отношения друг к другу и ФСБ не может ни запретить, ни разрешить военному предоставить мне хоть какую-то информацию.

Все надежды были разбиты, и вдруг я вспомнила про того раненого парня.

Я побежала к подруге, которая мне про него говорила. Это оказался ее дальний родственник. От нее я смогла узнать только имя, фамилию и поселок, в котором он жил.

Я приехала в поселок Водный и пошла по адресу, который мне дали.

Постучала в дверь, и мне открыла худенькая, убитая горем пожилая женщина. Если честно, то я даже не знала, как себя с ней и вести. Общаться было трудно, но чем ближе мы знакомились, тем больше понимали друг друга и легче был наш диалог.

Я вошла в дом. Мне навстречу выбежал маленький мальчик, на вид года два с половиной. Он весело дергал бабушку за рукав, прося у нее что-то.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Маму Васи я называла просто — тетя Валя. Она приготовила для меня пару фотографий Васи, некоторые документы, письма.

Вот что мама Васи мне рассказывала: «Забрали сына 23 декабря 1993 года в Самаре. Отправили в армию, затем мы получили одно письмо. 2 января 1995 года сына отправили в Чечню». Эти короткие фразы прозвучали как приговор. Мама Васи продолжала: «Родился Вася 13 июня 1975 года. Он очень любил лес, речку, рыбалку, походы».

Вася было стал заниматься плаванием, но у него начала развиваться астма и пришлось этот вид спорта бросить. Тренер по плаванию был очень огорчен, узнав, что Вася уходит из плавания. Он даже не хотел его отпускать, был против. Но Вася не бросал спорт. Ближе к старшим классам он начал заниматься лыжами. Вася отлично с ними справлялся, да и было в кого: много хороших привычек он перенял от отца. Когда он ходил заниматься на лыжню, множество девушек приходили на него посмотреть. «Девчонки Ваську любили, говорили, что не идет, а “порхаёт”», — говорит папа. Он до сих пор называет сына так, как будто Вася еще жив. Родители не верят в то, что произошло. «У Васи была великолепная фигура», — говорит сестра. Он сам себя вылечил от астмы. Его кумиром был актер Ван Дамм, он во многом подражал ему. Учился Вася хорошо, закончил одиннадцать классов. Получал грамоты.

Пришло время идти в армию, но появилась девушка, и Вася стал откладывать службу, хотя знал, что этот долг он должен выполнить. Впоследствии Вася пошел в армию, хотя мог сказать, что у него астма. Мама говорит, что если бы пошел сразу, то в Первую чеченскую не попал бы.

Из разговоров с тетей Валею я поняла, что Вася был физически развит, крепок духом, любил маму, друзей. Да и вообще любил жить. Я смотрела и перебирала его фотографии. Улыбающийся, веселые глаза, прямая спина... А что с ним стало?

Внимательно слушая свою собеседницу, я невольно стала рассматривать комнату Васи. Именно в ней мы разговаривали. Стол, кровать, книги... Ничего лишнего, всё очень просто и скромно. На стене Васины фотографии. Здесь он с друзьями, а вот снимок, где он после соревнований по лыжам. И всегда улыбается! А рядом на стене висят плакаты его кумира Ван Дамма. Он мечтал быть таким, как он...

От таких размышлений у меня мурашки пробежали по коже.

ПИСЬМА

Очень много можно узнать о человеке из его писем.

В декабре 1993 года Васю отправили в армию, вскоре получили от него письмо (от 24.12.1993): «Дивизия недавно выведена из Германии, всюду идет строительство военного городка, общежитий, казарм. Строят в основном турецкие рабочие и стройбатовцы, но, возможно, нам тоже придется поучаствовать. После присяги нас раскидают по полкам (по 3–5 человек). Меня пока приписали в танковый полк водителем КАМаза...»

22 февраля 1994 года пришло еще письмо: «...Кормят вполне сносно, уже потихоньку отвыкаю таскать из столовой хлебешек, хотя раз на раз не приходится... Поздравил нас заместитель полка, сказал, чтобы нас обеспечили поездкой в город. Во время увольнительной (местной) отпросился я кое-как на три дня к дяде Боре. Отмылся, побрился, отдохнул, сходил с Борей и Пашкой в баню к его знакомым на Завьялово. Это ни с чем несравнимо, мне аж самому захотелось построить такую баню, если, конечно, будет такая возможность!!! ... Ты бы, мам, сняла бы с книжки хоть немного, я ведь не могу постоянно просить у дяди Бори, и без того совестно, я ведь им и так доставляю немало хлопот. Сколько уходит на то, чтобы меня прокормить... На этой неделе нас вот уже в третий раз переформировали... Нам сегодня обещали праздничный концерт вечером. Поздравляю отца и Саню, а также пацанов с нашим праздником, желаю здоровья, счастья, успехов, а также всего самого лучшего. Еще одно пожелание парням: НЕ ДАЙ ВАМ БОГ СЮДА ПОПАСТЬ...»

Каждая мать переживает за сына, если ей приходят такие письма. Как можно спокойно жить, зная, что твой сын голодает в армии. Хорошо, что поблизости жил знакомый. А как не переживать, если знаешь, что одежды, сколько положено по уставу, у него тоже нет?

Письмо от 10 февраля 1994 года: «По закону нам положено 4 формы одежды, а у нас одна! — рабочая... Местным здесь лафа, каждую неделю ходят по три дня в увольнения, ходят в носках, шарфах, не перерабатывают...»

Мама Васи понимала, что в армии не всегда бывает легко. Но, главное, приходят письма. Значит, жив. Но эти письма были еще цветочками по сравнению с теми, которые тете Вале предстояло получить.

Письмо от 2 марта 1994 года: «Я еще не писал, наверное, что мой 723-й полк входит в состав миротворческих сил ООН... Не исключена возможность того, что нас могут отправить в “горячие точки”, но это еще толком не известно, хоть и ходят слухи об отправке в Молдову и Армению. Но я особо не верю в это, так что вы не волнуйтесь... Передайте привет Лене [девушка Васи] и парням. Ваш сын, защитник Отечества».

Как после этого известия можно было жить спокойно? Мать Васи не находила себе места, ждала весточки от сына, которую получила 13 марта: «Дали нам

нового ротного. Теперь лафа наша кончилась. В столовую строевым ходом, а не «стадом». Целый день порядок наводить заставляет. Дал задачу постираться за два дня, хотя прекрасно знает, что воды нет. Вчера вечером, как только приехал, сразу постирал всё, что можно было. Х/б то уже высохло, а вот за бушлат боюсь — с него еще течет. Придется на себе сушить... Пригласили к нам 200 человек «молодых», 50 из Коми. Попался с Водного только один — Путинцев Пашка...»

Так Вася познакомился еще с одним водником, которого мне, к сожалению, найти не удалось. Из следующего письма, которое подтвердило слова Васиной мамы, я узнала, что парней из этой части везли на войну совсем неподготовленными. Остались живы лишь те, кому повезло.

Из письма от 22 марта 1994 года: «Солдатский привет от водителя БэСэ-Ла высшей категории. Чтобы было понятно, разьясню: БОЛЬШАЯ СОВКОВАЯ ЛОПАТА. Еще не было такого дня, чтобы я обходился без этого инструмента... Достал куртку-афганку. Думаю выслать отцу, так как она ему пригодится в лес или на работу таскать, а я себе найду... Нашел себе наконец-то сапоги, хоть не новые, один кушавь просит, но носить можно... Отбой у нас частенько не в 10:00, как положено, а в 11:00, если не позже. Но зато подъем всегда в 6:00 — 1 минута на построение. Если кто-то не успеет, будем летать два-три раза по 45 сек... Привет Ване Сурогину и Андрюхе, а также всем парням, что остались — СЧАСТЛИВЧИКАМИ!»

Следующее письмо Валентина Викторовна получила 13 апреля 1994 года: «...Целую неделю ждали мы приезда командира округа... Используют нас пока как дешевую рабсилу... Когда в части лазит кто-то из «шишек», дают на обед плов и рисовую кашу, да и порции прибавляют. По праздникам обычно лимонад и кушечек пирожного (на два укуса)...»

Да, праздников наши солдаты явно не ощущают. И не только там, где служил Вася. Так во многих частях в России.

17 августа 1994 года тетя Валя получила еще одно письмо: «...Целую неделю ждали мы приезда командира округа, навели идеальный порядок, но он так и не приехал. А завтра прилетает командарм, значит, всю ночь будем драить казарму (а может, с подъемом вместо зарядки)... Был в прошлое воскресенье в городе (первый раз за два месяца). Ездил вместе со Славкой. Мороженого, фанты объелись: молока теперь и то попить в радость, а котлет я уже восемь месяцев не видел. Эх, как домашнего хочется! Эта перловка с пшенной да овес уже в рот не лезут. Белого хлеба и масла уже тоже два месяца не видели (видимо, из-за полевой кухни). Зарплата улетает за три дня или за одно увольнение. НО ЭТО ВСЁ ЕРУНДА, СКОРО ДОМОЙ ПРИЕДУ — ОТОРВУСЬ ЗА ВЕСЬ ГОД-ТО!!!... Завтра суббота. ПХД. Опять полы с мылом драить. А потом будем в нарды резаться или в шахматы играть: библиотека у нас прямо на этаже (4-м): письма строчить, а большинство — дрыхнуть (это теперь у меня любимое занятие после еды)... А ты, мама, не болей, постарайся меньше болеть и не переживай за меня, не надо...»

Оказывается, переживать за Васю стоило, так как его отправили в Чечню, где его ранило осколками мины в правое полушарие мозга, после чего он промучился пять с половиной лет и умер, не превратив свои мечты в реальность, не «оторвавшись» после армии и не построив дачу с баней. Последнее письмо от Васи пришло 26 октября 1994 года: «Здравствуйте, дорогие мои мама, отец, дедушка с бабушкой и Оксана с Сашей. Извините, что так долго не писал, но так уж получилось. У меня

всё нормально. Живем с парнями весело. Сейчас я пишу из Черноречья, так как недавно нас отправили сюда на стрельбы и для повышения боевой подготовки. Сколько мы здесь пробудем, не знаю, может, месяц или больше, посмотрим. Потом поедem в Тоцкий, там более подготовленные полигоны и тренажеры. Вообще, будем стрелять и водить днем и ночью, бегать и так далее.

Постоянного адреса я пока дать не могу, так как мы будем ездить с места на место и еще не знаю, вернемся ли в Чайковский.

Ну вот и всё, надо идти на обед, а потом опять занятия. Как там дедушка, как мама? Не переживайте за меня, не надо. Поздравляю вас всех с Новым 1995 годом! Желаю вам крепкого здоровья, удачи, побольше смеяться и поменьше грустить, счастья и успехов во всем. Ваш сын Василий».

На этом письме страдания Васи и закончились, и начались страдания и горести Валентины Викторовны.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА НА ВОДНЫЙ

Через неделю я опять приехала в ставшее мне уже знакомым место, хоть и была я там всего один раз. Открыв калитку и постучавшись в дверь старого перекоsobоченного дома, я стояла и ждала, когда мне откроют дверь, и думала, как, не рана маму Васи, попросить сводить меня на его могилу. Через несколько минут я стояла уже в коридорчике дома, где жил Вася с мамой после ранения. Маленькая комнатка, желтые крашеные стены, черно-белый телевизор, диван, на котором сидит бабушка с внуком. В этой комнате, как ни странно, я сразу успокаивалась, отдыхала душой. Эти стены хранили в себе теплоту и ласку.

Рассматривая еще раз Васины фотографии, я услышала вопрос тети Вали: «Где дядя Вася?» — спросила она сквозь слезы у внука, который держал дядину фотографию. На что малыш ответил с непонимающей улыбкой: «Дядя Вася улетел на небо», — и начал тыкать своим маленьким пальчиком вверх.

Наконец тетя Валя собралась, и мы пошли на кладбище. По пути мы продолжили разговор, и я узнала, как разворачивались события. Тетя Валя говорит, что про ранение Васи узнала через знакомую. Она сидела дома, ей позвонили в дверь. Вбежала, как сумасшедшая, женщина с газетой в руках и с криком: «Валя, посмотри, тут же Вася, твой сын!» И вправду, в газете было фото Васи. Оттуда она узнала, что Вася находится в Московском центральном военном госпитале. «Там он пролежал четыре месяца, два раза был в реанимации», — вспоминает тетя Валя.

На следующий день тетя Валя и Васина сестра Оксана собрали вещи и поехали в Москву. Для каждодневного доступа к Васе сестра устроилась в госпиталь санитаркой. Когда женщины увидели Васю, он не был похож на себя. Перед ними лежал скелет со скрещенными на груди руками, глазами, смотрящими в никуда, открытым ртом. Вася был парализован, у него была температура под 40, которую врачи не могли сбить. Сырые простыни, которыми накрывали Васю, высыхали за считанные минуты. Вообще, его можно было назвать «живым трупом». Врачи говорили, что он скоро умрет. Надежды никакой не было. Но мать не хотела терять сына, она верила, она надеялась.

С появлением мамы Вася стал поправляться, появились проблески в сознании, произошло настоящее чудо. Тетя Валя использовала только народную медицину: ягоды, травы и прочее. Врачи были шокированы тем, что не могли ничего

сделать, а какая-то маленькая женщина за три дня просто оживила парня. Василина девушка тоже приезжала в Москву, долго плакала. Через небольшой промежуток времени Васю забрали домой. Его привезли в ухтинскую больницу, которая находится в Шуда-Яге. Там Васе поставили аппарат для санирования легких, для того чтобы он мог дышать. Провели через нос трубку, с помощью которой его кормили, вводя в нее из шприца пищу. Он пробыл там до 15 сентября 1995 года. Там же дали свидетельство о болезни.

Наконец Васю привезли домой. Но и дома надо было продолжать лечение. Для этого нужны были большие деньги. Ничего не оставалось делать, как дать объявление в газету. На просьбу о помощи откликнулись многие...

«Много людей помогли деньгами и вообще моральной поддержкой. Писали в основном матери погибших солдат», — говорит тетя Валя.

Вот письмо от 20 февраля 1996 года: «Здравствуйте, дорогая Валентина. Пишет Вам незнакомая Вам женщина. Прочитала Ваше письмо в “Семье”. Там много исповедей о тяжелой жизни, о трагических обстоятельствах. Так хочется Вам помочь. Ваша боль засела в душу, не дает покоя. Как Вы там? Как Ваш мальчик? Чем бы я смогла Вам помочь? Я так Вам сочувствую. Крепитесь и боритесь за сына. У меня двое сыновей, поэтому, наверное, мне Ваше горе так понятно. Как сделать так, чтобы наши “цари” не делали “пушечным мясом” наших сыновей? Напишите, пожалуйста, ответ. Жду. С уважением Лузвьянко Елена».

Писем приходило очень много, шли также переводы. Тетя Валя всем отвечала и всех благодарила.

31 января 1996 года пришел первый перевод от Галины Ивановны.

«Здравствуйте, уважаемая Валентина Викторовна! Я думаю, что, когда вы получили мой перевод в сумме 100 тыс. рублей [это по старым деньгам], подумали, от кого и зачем. Я прочитала маленькую заметку в “Труде” и в память о своем сыне решила помочь. Он трагически погиб пять лет назад. Пришел с армии и через шесть месяцев погиб. А перед рождеством он мне и мужу каждый день снился и, получив пенсию (я уже как два года на пенсии), решила послать вам скромную сумму. Хоть скорее бы эта проклятая война закончилась. Ведь от Грозного живем в 260-ти км. Живем в постоянном напряжении. Особенно после того, как наш город “прославился” на весь мир. Вот и всё, желаю вашему сыну скорого выздоровления, а вам здоровья, терпения, чтобы поднять его на ноги. С уважением к вам Галина Ивановна».

Такие письма приходили тете Вале. Так при помощи и поддержке посторонних людей лечили Васю.

Да, мы живем в сложное время: деньги, власть, смерть, слезы... Но я даже представить себе не могла, что в такое жестокое время еще есть люди, которые могут любить и помогать тем, кто рядом или даже далеко, но нуждается в помощи. Да, я слышала раньше об этом, смотрела по телевизору... Но всё это не было прочувствовано мною так, как когда я читала эти письма, эти бесконечно трогательные письма...

Наконец мы пришли на кладбище. Я положила на могилу пару гвоздик. Вася лежит рядом со своими бабушкой и дедушкой. Тетя Валя начала жаловаться, что воруют цветы с венков. Я не могу понять, какими надо быть людьми, чтобы это делать. Господи, какая это низость — обкрадывать кладбища.

На кладбище тетя Валя мне сказала, что Вася ей говорил, будто смерть преследует его и ходит за ним по пятам. «Вот она его и настигла, — промолвила тетя

Валя, еле сдерживая слезы. — Неправду говорят, что Вася ничего не понимал, он всё понимал. Он слышал меня одну. Всё говорили его глаза. Когда я долго не приходила, его глаза мне говорили: “Мама, почему ты так долго не приходишь?” Он меня прекрасно понимал. Некоторые родные даже иногда злились: “Почему он тебя узнает, а нас нет?” Последней зимой [для Васи] мы с ним сидели и смотрели в окно. Я видела, что мой сын чувствует себя с каждым днем все хуже и хуже. Мы оба чувствовали, а может, даже и знали, но не хотели в это верить, что конец близок. И тогда я ему сказала: “Сынок, я хотела бы, чтобы, вдруг если случится [они оба знали, о чем идет разговор], — только летом. Летом тепло, цветочки, земля теплая, солнышко...” Он повернулся и плотно закрыл глаза, говоря этим, что полностью согласен со мной. Он всегда закрывал глаза, если был согласен. А если нет, то пытался качать в разные стороны головой. Так что ты не верь, что он ничего не понимал», — повторила мне тетя Валя.

Наступило лето, Вася стал совсем плохой, и 10 июля 2000 года он скончался, промучившись пять с половиной лет.

Начало темнеть, нам пора было возвращаться. Мы шли молча. Каждая думала о своем. Мама Васи, наверное, вспоминала прошлое, а я все шла и размышляла, как у этой хрупкой женщины хватило сил и терпения в течение пяти лет видеть своего сына таким, каким он вернулся с войны.

Я договорилась о встрече с Васиной классной руководительницей. На полпути мы с мамой Васи встретили Нину Григорьевну Южно.

БЕСЕДА С НИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ

Нина Григорьевна — учитель истории. Двадцать восемь лет проработала директором воднинской средней школы. В 2000 году исполнилось пятьдесят лет ее школьной трудовой деятельности. Нина Григорьевна по сей день работает в школе.

«Вася в 1982 году пошел в первый класс, а в 1992 году закончил одиннадцать классов. Закончил школу “хорошистом”, с четырьмя пятерками по предметам: физическая культура, обществознание, информатика, труд. По труду учился на автоделе, получил категории “А” и “В”. Вася хотел поступать после школы в Омское училище МВД на отделение следователя. Из-за долгих раздумий не успел оформить документы, поэтому пришлось идти в армию. Был скрытным, не любил, когда о нем говорили. Хоть плохое, хоть хорошее. Хотя, в принципе, плохого о нем сказать ничего нельзя. Всегда пользовался успехом у девушек. Очень любил природу, охоту, ягоды, грибы, как и отец. Их всё время видели, как они ходили вместе. Учителя навещали Васю после травмы. Он узнавал их голоса, начинал плакать. Пенсия у Васиных родителей очень скудная, можно сказать, что эти люди брошены государством [имеется в виду пенсия по инвалидности]. Приходилось помогать, кто как мог. Смерть шла с Васей в ногу, следовала за ним. Ему даже гадала цыганка, что Вася умрет молодым», — рассказывает Нина Григорьевна.

«Маму очень его жалко, ведь она болеет сахарным диабетом, да к тому же сердечница. Она ему очень помогла. Если б не она, он бы, наверное, после ранения столько не жил. Мать его лечила народной медициной».

Мы сидели с Ниной Григорьевной, и, рассматривая классные фотографии, она вспоминала, как весь класс ходил на Параськины озера. Поднимались в вер-

ховья реки Ухты на лодках. Вместе ходили на посевные работы. Класс был очень дружный. Это было видно и в то время, когда Вася был болен. Друзья и одноклассники не оставляли его. Вот только девушка его оставила. И по сей день друзья ходят на могилу к Васе.

После нашей встречи по дороге на остановку я встретила сестру Васи, и мы с ней разговорились, она рассказала еще кое-что...

РАЗГОВОР С ОКСАНОЙ

«В госпитале мне было очень трудно, там столько ребят, я даже несколько раз падала в обморок. Мама получила квартиру, — говорит Оксана, — но с Васей жили в старой. Там поселок старый, спокойно, сосновый бор. Васю на прогулку можно было выводить.

Мы получили новую трехкомнатную квартиру, когда ранило Васю, но денег практически нет за нее платить. У мамы есть льгота, она платит за себя одну на 50% меньше за квартиру, и всё. Других льгот не дают, говорят, что Вася умер дома, а если бы он умер на войне, тогда бы считалось, что он погиб, а так как его только ранило, а умер дома, значит, никто ничего никому не должен. Совсем недавно нам еще принесли медаль Жукова, а ведь прошло уже довольно-таки много времени. С похоронами нам помогли, было много народу, поминки были большие...

Мне кажется, что Вася умер из-за нас. Мы очень устали и со временем потеряли веру. Папа уже чуть ли не напрямую при нем начал говорить о смерти. Мой брат начал никнуть и, в конце концов, угас. Конечно, для нас эти пять лет были не жизнью, а мучением. Ну что теперь сделаешь... Теперь Вася покоится. Пусть спит с миром», — рассуждала сестра. И добавила: «Оль, когда мы справляли праздники, мы Васю никогда не прятали, он сидел на почетном месте во главе стола, и все были согласны с этим... Вот так. У меня сейчас у самой растут два сына. Я уже сейчас за них боюсь. Денег нет, чтобы можно было освободить их от армии. Я не знаю, что со мной будет, когда их заберут. Хоть они еще и маленькие: одному два с половиной, а второму и года нет, я всё равно переживаю. Ну ладно, мне пора, да и у тебя скоро автобус уйдет...»

На этом наш разговор с Оксаной и закончился.

ЗЕМЛЯКИ-СОСЛУЖИВЦЫ

В Ухтинской газете «НЭПлюс» 10 августа 1995 года была напечатана статья о Василии Пивоваре «АУ, ЛЮДИ! Идущий на смерть не может приветствовать вас...»

Да, действительно, Василий не может больше приветствовать людей.

«Два маленьких осколка перевернули жизнь обыкновенного паренька с Водного, сделал его инвалидом. 324 тысячи “инвалидных” и бессознательное состояние, бессонные ночи родителей и напрасные надежды...

Он не мог двигаться, и прогнозы на его излечение были пессимистичны. “Только чудо”, — говорили врачи. Но мама Васи Валентина Викторовна верит. И живет этой верой. «Я ему говорю: “Васек, у тебя еще есть силы терпеть?” Он мне показывает — пальцами шевелит, ресничками. Так мы с ним понимаем друг друга».

В этой статье приводился рассказ Дмитрия Кошеленко, служившего вместе с Васей. Мне удалось с ним связаться, и вот что он мне рассказал: «Призывали нас вместе в декабре 1993 года. Год служили в Чайковске (276-я танковая дивизия). Когда отправляли в Чечню, обманули так же, как обманывали и других ребят. Говорили: посылают на учения, но уже 23 декабря в полку знали, что нас ждет Чечня. Согласия не спрашивали, добровольцев не вызывали. Так на второй день нового года мы оказались в Моздоке. Мотострелковая рота, в которой мы служили с Василием, базировалась в больничном городке на левом берегу Сунжи. Что и говорить, было тяжело, хотя сами парни, отвоевавшие в Чечне, не любят вспоминать подробности. Сначала не давали чеченским боевикам переплывать через реку, патрулировали улицы. Пострелять пришлось», — вспоминает Дима.

«Мы, как земляки, старались всегда и везде держаться вместе, поддерживали друг друга. Он о маме всё вспоминал, волновался за нее, — говорит Дима. — 19 января с утра выпал снег. Было холодно и сыро. Роту подняли, объявили задачу: занять позиции на заводе “Красный молот”. Отделения распределили по боевым экипажам. Вася оказался в седьмом, а я в восьмом. Ждали, когда атакуемые с другой стороны чеченцы сами полезут в капкан.

Не получилось. Чеченцы ударили первыми. Я в это время находился на ПРП [передвижном разведывательном пункте — *О. П.*], услышал только сообщение по радиации: “Идет бой, есть потери, требуется поддержка”. После этого связь оборвалась. Я не могу вспомнить, сколько длился бой. Может, часы, может, минуты. Потом поредевшая рота построилась в больничном городке. Стояли и молчали. Ко мне подошел парень и сказал: “У тебя друга ранили”. Я не мог поверить, не хотел поверить. Позже выяснилось, что Васю достал минометчик. Солдаты быстро погрузили его в машину и отправили в госпиталь. Один осколок попал Васе в висок, второй — в колено. Он уже тогда ничего не мог говорить, но всё понимал. Пытался помочь ребятам, когда несли его к машине. О дальнейшей судьбе Василия я узнал уже здесь, в Ухте».

* * *

Я считаю, что этот кошмар давно пора прекратить. Сколько можно? Гибнут невинные ребята. Жены остаются без мужей, а дети без отцов. Матери теряют сыновей. Многие приходят изувеченными до такой степени, что им впору завидовать погибшим ребятам, приходят психически больные. У меня разрывалось сердце, когда я смотрела видеозапись, которую высылаю вам, да и не только у меня — у моих знакомых, друзей, родственников и близких людей. А ведь Вася не один такой. Сколько их... Неужели мы можем всё оставить как есть? Неужели никто ничего не сделает? Эта война не должна быть для нас бездонной пропастью. Я верю, что мы можем это изменить. Я не знаю, но что-то должно произойти.

На этом я закончу свою работу, которая напоминает длинное письмо с войны.

Я не знаю, как вы воспримете то, что я сделала. Может быть, не одобрите, может, скажете, что не мое дело. Поверьте мне, я никого не обвиняю. Просто мне захотелось поделиться тем, что произвело на меня огромное впечатление, захотелось показать тем, кто был там, что их помнят. Жил простой парень, учился, пошел служить в армию, воевал, получил ранение, а затем долгая борьба с болезнью и страшное слово «смерть»... И никто, кроме родных, не знал о нем. Почему же такая несправедливость?

Мадонны России

Алексей Кулябин

г. Братск, Иркутская обл.

научные руководители М. Э. Матвеева, А. М. Хван

9 мая 2009 года в Музее боевой и трудовой славы школы № 18, где я учусь, состоялось открытие Арки памяти в честь воинов, погибших в Великой Отечественной войне и в необъявленных войнах нашей современности (Афганистан, Чечня). Тогда меня поразили лица совсем молодых ребят, погибших во время конфликтов на Северном Кавказе. Некоторые из них были старше меня всего на два-три года. Они до сих пор для меня остаются юными, почти сверстниками, а ведь они ровесники моей мамы.

После того запомнившегося посещения музея у меня возникло сразу много вопросов: Что это за война в Чечне? Каковы ее причины? Как парни, только что отслужившие в армии, попали в самое пекло этой необъявленной войны? Почему в мой небольшой город Братск, расположенный в тысячах километрах от Кавказа, в 1990–2000-х годах стали прибывать цинковые гробы? Обо всем этом я не мог знать, так как когда началась война, меня еще не было на свете, а в период Второй чеченской войны мне было всего три года.

Тему исследовательской работы подсказала Алла Михайловна Хван, создатель нашего школьного музея. Она предложила мне прочитать рассказ писателя Василия Гроссмана «Сикстинская мадонна». Читая рассказ, я обратил внимание на описание лица ребенка. Оно кажется взрослее, чем лицо матери. «Таким печальным и серьезным взором, устремленным одновременно и вперед и внутрь себя, можно познавать, видеть судьбу. Их лица тихи и печальны. Может быть, они видят Голгофский холм, и пыльную каменистую дорогу к нему, и безобразный, короткий, тяжелый, неотесанный крест, который ляжет на это плечико, ощущающее сейчас тепло материнской груди...» Прочитав этот абзац, я представил икону Пресвятой Девы Марии с маленьким Иисусом Христом на руках. Она мне хорошо знакома — не раз видел в церкви (я крещеный). И эти два произведения: икона Божьей Матери и картина Рафаэля слились для меня воедино. Мне стало понятно, что писать надо про матерей, потерявших сыновей на войне.

К первоначальному сбору материала о ребятах, погибших в Чечне, изучению литературных источников о двух войнах в Чеченской республике я приступил, когда заканчивал восьмой класс. С тех пор я встречался с семьями погибших и изучал видеofilьмы, связанные с судьбами наших героев, детские поделки-подарки мамам, письма, фотографии солдат, сохранившиеся у родителей.

РОССИЯ — КАВКАЗ. УЗЕЛ ПРОБЛЕМ

Приступая к работе, я нашел на карте Чеченскую Республику, чтобы определить ее географическое расположение на территории Кавказа и значимость на политической арене. Ведь судьбы героев моей работы связаны с чеченскими войнами нашего времени. Конфликт начался в Чечне, расположенной в окружении Дагестана, Осетии, Ставропольского края. В рассказах матерей погибших воинов, газетных вырезках, литературных источниках при описании боевых

действий постоянно встречаются названия городов, сел, других населенных пунктов, расположенных вне Чеченской Республики: Кизляр, Моздок, Владикавказ, Майкоп, Буденновск, Нальчик, Буйнакск, Махачкала...

На карте можно увидеть, что Чеченскую Республику окружает нескольких административных территорий: Ставропольский край (Буденновск, Майкоп), Северная Осетия (Моздок, Владикавказ), Грузия (тот же Владикавказ, начальный пункт Военно-грузинской дороги), Дагестан (Махачкала, Кизляр, Буйнакск). Таким образом, рамки территориальных конфликтов за много лет противостояния России и Чечни значительно расширились, а узел проблем становился туже. Кавказ никогда не жил спокойно, постоянно подвергался набегам, нашествиям со стороны других государств, вероятно, по причине своего географического расположения: выход сразу к трем морям; богатые месторождения полезных ископаемых.

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И НОВАЯ РОССИЯ

Реально Первая чеченская война началась за три года до ее официального объявления и была спровоцирована событиями августа 1991 года, когда распался Советский Союз. Власть в Грозном взял в свои руки Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН) во главе с Джохаром Дудаевым, бывшим генералом Советских ВВС. В октябре 1991 года он был избран президентом Чеченской Республики, провозгласившей себя независимым государством. Части бывшей Советской армии в начале июля 1992 года покинули территорию Чечни, оставив оружие и боеприпасы в Грозном. В короткий срок Дудаев сформировал боеспособную армию. Российские спецслужбы для борьбы с дудаевским режимом начали создавать отряды оппозиционеров из числа тех, кто не поддерживал нового президента. На территории ЧР стали возникать постоянные столкновения между боевиками Дудаева и оппозиционерами, что вызывало недовольство политикой президента Чечни.

Недальновидность политиков привела к противостоянию России–Кавказа. Указом президента Ельцина от 11 декабря 1994 года на территорию ЧР были введены подразделения войск МВД и Министерства обороны Российской Федерации. В Указе говорилось, что действия правительства вызваны угрозой целостности России, безопасности ее граждан как в Чечне, так и за ее пределами, возможностью дестабилизации политической и экономической ситуации. Документ завершал призыв Ельцина: «Воины России! Знайте, что выполняя свой долг, защищая целостность нашей страны и спокойствие ее граждан, вы находитесь под защитой Российского государства, его конституции и законов». Так началась Первая чеченская война (1994–1996 гг.).

31 декабря 1994 года начался штурм Грозного.

Не вызывает сомнения, что сами народы и Чечни, и России были против этой войны. Б. Карпов и О. Смирнов, авторы книги «Внутренние войска. Кавказский крест», предельно ясно высказали свое отношение к войне: «Войны развязывают политики, а гибнут солдаты». При этом властные и политические структуры нарушают законы, изданные ими же самими. Так А. Арбатов, депутат Государственной думы, считает, что война в Чечне в 1994–1996 гг. осуществлялась вне правового поля, так как военная сила использовалась на своей собственной территории против своих собственных граждан без согласия Совета Федерации.

Трагические события в городах Буденновске, Кизляре, селе Первомайском, показали несостоятельность действий российского правительства. Авторитет России в глазах мировой общественности падал. В самой России усилились требования общественности прекратить военные действия в Чечне. В апреле 1996 года был убит Дудаев, но военные действия продолжались. В августе 1996 года чеченские бандформирования фактически вновь захватили Грозный. В этих условиях Ельцин принял решение о проведении мирных переговоров.

30 августа 1996 года в городе Хасавюрте (Дагестан) были подписаны мирные соглашения, по которым предусматривались полный вывод российских войск с территории Чечни и проведение в республике всеобщих демократических выборов. Решение по статусу Чечни откладывалось на пять лет.

Итог: по официальным данным в Чечне погибло 70–80 тысяч мирных жителей, ставших жертвами обстрелов и бомбардировок. За время Первой чеченской войны погибли и пропали без вести 6 тысяч (по другим данным — 10 тысяч) российских военнослужащих, пограничников, милиционеров и сотрудников службы безопасности. Среди погибших наши земляки-братчане: Д. Бурнин, К. Гончаров, В. Капитанов, С. Козлов, А. Керющенко, Е. Иванов, А. Ловицкий, С. Осипов, И. Рябов, М. Шамарданов, Е. Яцишин.

Вторая чеченская война началась в августе 1999 года, после вторжения отряда экстремистов под командованием Шамиля Басаева из Чечни в соседние районы Дагестана, и тогда действия федеральных сил получили в России широкую поддержку.

В первые недели начала двух чеченских кампаний военные действия широко освещались в официальной прессе, но настоящую правду о событиях в Чечне и на Кавказе общество узнавало из очерков, сообщений, записей честных корреспондентов, собиравших материал в тяжелейших условиях боевых действий.

ПЛАЧ ПО СЫНОВЬЯМ. ВСТРЕЧИ С МАТЕРЯМИ

Войну в Чечне называют «Чеченской кампанией». Но война она и есть война: взрывы, слезы, стоны, кровь, потеря близких и вечная боль. А еще долгое ожидание объявления мира.

Все эти переживания известны матерям города Братска. Сдерживая слезы, эти мужественные женщины рассказывают нам о жизни своих сыновей, раскладывают семейные альбомы, достают реликвии, которые они бережно хранят: именные медальоны, форменные береты, почетные грамоты от командования, ордена и медали, кубки за спортивные достижения, письма.

Сейчас эти женщины поддерживают друг друга, работают в Комитете солдатских матерей, участвуют в работе конференций, встречаются с журналистами, школьниками, поддерживают друг друга в трудную минуту, просто собираются за чашкой чая. Но что пришлось им перенести за 12–15 лет после трагического известия, как жили, как сложились их судьбы? Об этом шел наш нелегкий разговор с мамами, потерявшими своих сыновей на этой непонятной Чеченской войне.

«А знаете, как тяжело доставлять “груз 200” — цинковый гроб?»

С погибшим товарищем вроде вот сидели вместе в одном окопе... А его уже нет.

Везли мы Колку (Николая Смирнова — А. К.) домой, в Волгоград. Был он призван на полгода раньше, но не в отряд спецназа, а в спецподразделение “Тайфун”.

К нашему призыву их уже раскидали по отрядам. Так мы и познакомились. Попал он к нам в отряд “Росич”. В Чечню вместе ехали, почти пол-Ичкерии прошли вместе. Погиб Колян, прикрывая нас под Шали. Посмертно он был награжден орденом Мужества.

Нас встретили в местном военкомате и направили к матери. На пороге стояла красивая черноволосая женщина. Ни думала ни гадала она, что за дела привели нас к ней. А тут мы внесли “цинк” — гроб с Колей. Она вошла следом. И мы ужаснулись, когда взглянули на нее: перед нами стояла абсолютно седая женщина, постаревшая в одно мгновение на наших глазах. Мы его похоронили, а мама осталась одна...

Бывало и того хуже: родители хотели нас порезать, убить. Но мы такие же солдаты, как и их дети.

Теперь для некоторых из них мы стали родными сыновьями. Почти для всех...

Вечная память ребятам, погибшим на Кавказе».

Эти строчки принадлежат Роману Ермакову, нашему земляку, участнику чеченской войны.

Общее количество воинов, ранее проживавших в Братске и Братском районе и погибших в Чечне — 24.

1. Бурнин Дмитрий *младший сержант*
2. Воскобойников Алексей *сержант*
3. Гончаров Кирилл *рядовой*
4. Балкаров Сергей *рядовой*
5. Жданов Андрей *капитан*
6. Захаров Виктор *рядовой*
7. Иванов Евгений *рядовой*
8. Идашин Владимир *лейтенант СОБР*
9. Капитанов Виктор *старший сержант*
10. Керющенко Алексей *рядовой*
11. Кириченко Иван *старший сержант милиции*
12. Козлов Сергей *младший сержант*
13. Лазарев Сергей *рядовой*
14. Леуткин Алексей *капитан медицинской службы*
15. Ловицкий Алексей *рядовой*
16. Мейнцер Андрей *рядовой*
17. Орленко Юрий *полковник МВД*
18. Осипов Сергей *матрос*
19. Погосьян Леонид *рядовой*
20. Рябов Игорь *рядовой*
21. Сосковец Алексей *рядовой*
22. Шамарданов Михаил *рядовой*
23. Щербашин Юрий *старший лейтенант*
24. Яцишин Евгений *сержант*

В нашем городе живут матери, потерявшие сыновей разных воинских званий: от рядового до полковника. От мам, с которыми мы встретились, мы узнали

о судьбе рядового оператора-наводчика Евгения Иванова, сержантов Дмитрия Бурнина, Евгения Яцишина, старшего сержанта Александра Воскобойникова, капитана медицинской службы Алексея Александровича Леуткина и старшего лейтенанта МВД Юрия Анатольевича Щербашина, полковника МВД Юрия Григорьевича Орленко. Мама старшего лейтенанта милиции Владимира Михайловича Идашина, к сожалению, скончалась за несколько месяцев до начала наших поисков, о нем рассказал отец, Михаил Степанович Идашин.

Евгений Владимирович Иванов

По страницам газет:

«...А с ноября от них не было никаких вестей. Куда только мать ни писала и ни звонила. По телевизору стали показывать войну в Чечне, но не верилось, что дети могут оказаться именно там. А в это время рядовые операторы-наводчики БМП Евгений и Михаил Ивановы оказались в самом пекле. В Грозном стреляли из-за каждого угла. Но Ивановым везло. Их даже представили к награде за взятие аэропорта “Северный” в ночь с 13 на 14 января».

Рассказывает Галина Алексеевна Иванова, мама Евгения:

«У мальчишек 21 июня был день рождения, а 22 надо было идти в армию. Собрались гости, а Женя им велел, чтобы потом и встречать его из армии они тоже все пришли.

Сначала Женя и Миша служили в Даурии. Письма шли плохо: или вовсе не доходили, или приходилось долго ждать. Да и позже, из Чечни, с письмами было не лучше. На перевалочной базе в Моздоке я видела, как военнослужащие заставили солдат сжигать письма. Один мешок был с солдатскими письмами, другой — с письмами от родителей.

Когда Женю ранили, я заболела, хотя еще ничего не знала про ранение. У меня просто не было сил, даже могла на улице потерять сознание, ходила на уколы, вот такой у меня был упадок сил! А потом мне позвонили из военкомата и спросили, когда я буду дома. Я ответила, что схожу на уколы и приду. Даже не подумала о плохом. Когда пришла домой, муж уже рвал и метал. И я все поняла... Женю брат-близнец Миша вытащил из боя под Шали. Мише сказали: “Он будет жить, возвращайся в часть”. Женю довели санитарные БМПэшки. Как потом сообщили из воинской части, он умер в госпитале от кровопотери — ранение было в живот.

...Я сама забирала тело Жени из Ростова. Сначала собирался ехать мой муж. Уже сложили вещи, но на выходе сказал: “Если я кого-нибудь не убью, я не вернусь”. Решила отправиться сама. Со мной поехал сопровождающий из военкомата. При опознании мне показали несколько гробов, все [в них] уже были одетые. Женя был на себя не похож: уж очень худой. Потом была панихида. Меня туда не пустили, сказали: “Вы не выдержите”.

Помню, что около криминалистической лаборатории в Ростове много мам ходило с фотографиями, разыскивая своих сыновей. Тогда я подумала: “Мне, наверное, еще повезло”. Позже я познакомилась с солдатом Алешей из Иркутска, он возвращался домой. Мы с Ростова до Москвы вместе ехали, а потом поразному. Я его подкармливала, денег дала. Своих денег у него вообще не было. Я еще помню, что в аэропорту искала и спрашивала: “Где груз 200?” Потом сознание потеряла. Когда очнулась, вижу, сидит рядом со мной мужчина старенький

в белом халате и массирует мне точку на большом пальце. Потом он, видимо, назначил мне какое-то лекарство. Помню, как у медсестры округлились глаза: “Это же много, а ей далеко лететь”. Когда прошли в самолет, нам показали наши места с левой стороны. Я сказала: “Здесь я не хочу сидеть”. Мне поменяли место. Смотрю в иллюминатор, машина вывозит гроб, я опять потеряла сознание.

Дома меня встретил Миша со словами: “Мама, прости, я не уберег его. Мы мечтали, что будет всё по-другому: вернемся домой, а ты нас обнимешь и скажешь: “Мои солдатики”. Папа был дома. День похорон помню плохо. Помню только, как в окошечко [гроба] смотрела на Женино лицо, оно чистенькое такое было, и Женя как будто улыбался. Потом наступило такое безразличие, что Миша сказал: “Мама, ты мертвого Женю больше любишь, чем нас живых” (есть еще младший брат).

Дальше жила как во сне. Даже не помню, как ходила на работу. Очнусь, а я на кладбище. Вижу, уже ночь, звезды. Муж, когда меня не было дома, сразу ехал на кладбище меня забирать. На работе меня понимали. Не было квартала, чтоб я не брала больничного. Бывало, лежу, встать не могу, а Миша говорит: “Нарожала детей, вставай, не лежи. Говори с нами, хоть попинай что-нибудь”. Помню, как наступило лето, и я всё это лето проходила в черном. Белые блузки с тех пор вообще не покупаю.

А потом через 6 лет умер Миша. Еще через 2 года умер их отец. Сейчас занимаюсь дачей. Выращиваю цветы. Если бы ни эта красота, не знаю, как жили бы дальше. Только ей и спасаемся».

Евгений Михайлович Яцишин

По страницам газет:

«4 апреля 1996 года бандиты активизировались в районе села Гойское и семи ближайших к нему населенных пунктах, и там вновь развернулись боевые действия федеральных войск с применением авиации и артиллерии. Над Гойским зенитной ракетой “Стингер” боевикам удалось сбить российский истребитель СУ-25. Один за другим вырастали кусты взрывов, свист и визг пуль. Надо было выстоять, выдержать, ведь на его хрупкие плечи и плечи его друзей-однополчан легла непростая боевая задача: во что бы то ни стало выбить из села боевиков. Женя был командиром БМП, и надо было выполнить поставленную боевую задачу. Раздается команда: “В атаку!” — Женя в числе первых бежит к цели. Рвутся снаряды, слышны крики, стоны раненых. В этом бою Женю смертельно ранило в живот. Собрав последние силы, он успел заскочить на бронетранспортер. Когда оставшиеся бойцы вернулись в расположение своей части, Женя был уже мертв» (Ю. Баландин).

Рассказывает Татьяна Васильевна Бурганова, мама Евгения:

«Женя с детства был очень послушным. С 14 лет он мне во всем помогал. Даже дом достраивал: РСУ только сруб установил. Мы с ним по гороскопу одного знака, и поэтому у нас во всем было взаимопонимание. Он меня всегда жалел, был очень отзывчивым. Как-то на свадьбе у брата я загрузила, сидела одна. Женя это сразу же заметил и пригласил меня на танец. После окончания школы поступил в Тулунский совхоз-техникум. Учился очень хорошо, в дипломе у него только 4 и 5. После окончания техникума его призвали в армию. Сначала служил в Кяхте. Когда я приезжала в воинскую часть, мы покупали много сладостей, он их всем раздавал. После учебки Женя был уже со званием сержант.

Потом стало известно, что его отправляют служить в Чечню. Об этом узнала первая моя мама, Женина бабушка, и сказала мне: “Наших тулунских в Чечню отправляют”. Я не поверила. Я же в Кяхте до этого была, мне сказали, что ни в какие “горячие точки” их не отправят. Видимо, надо было мне письменное подтверждение взять.

Письма приходили регулярно, но с разными штемпелями. Вывозили их с территории воинской части и вообще из Чечни все, кто выезжал на дембель, или раненые, потом они из своих городов эти письма и отправляли».

Из письма Евгения Яцишина:

«Наш полк стоит в километрах 40 от Грозного. Как сюда попал, рассказывать долго. Еще в Кяхте вечером мне сообщили, что переводят в другую часть, а ночью увезли в Гусиноозерск. В Кяхту пришли списки на конкретных людей, в том числе и на меня. Нужны, видимо, были специалисты БМП. В Гусинке была жесткая подготовка, вставали в 6 утра, и на полигон. Весь день там шли стрельбы. В полк возвращались часа в 2–3 ночи и сразу же в постель. Так 1,5 недели. Но там нам сразу сказали, куда отправят».

Все письма Евгения написаны ровным красивым почерком. В них он пишет родным о том, что российские солдаты часто ездят в Ханкалу (это пригород Грозного) и сам Грозный за продуктами. В марте сыро, то туман, то дождь. Поэтому в палатках холодно по ночам и надо заготавливать дрова. Еще о том, что конверт объели мыши, «тут их видимо-невидимо». В канун праздников Евгений не забывает поздравить родных и близких и просит о нем не беспокоиться. Почти во всех письмах обещание, что в июне будет дома.

Рассказывает Т. В. Бурганова (продолжение):

«Когда Женя погиб, мне официально никто ничего не сообщил. А его друзья, наши земляки, своим родителям давно уже написали про его гибель. Женщины [их матери] видят, что я хожу спокойная, ничего не знаю. Они решили всё узнать сами, поехали в военкомат, но и там им ничего сказать не смогли. Стали запрашивать Кяхту. Там ответили, что “в Чечню мы никого не отправляли, мы его отправили в командировку в Зауральский округ”. А оказывается в Зауралье (вроде бы в Свердловске) самолет только сел, постоял на полосе и отправился дальше. Так и оказались они ничьи. За потери в Чечне никто не хочет отвечать.

Женя в тот последний бой не должен был идти, он перед этим отстоял на дежурстве. До этого тоже был бой, и погибли парни из соседнего подразделения. И вот в связи с этим отправили подразделение Жени, не дав им даже небольшой передышки».

Говорит Вячеслав Черных, земляк Жени, свидетель его последнего боя:

«Да, это было ужасно! 1 апреля 1996 года нам объявили, что боевые действия прекращены указом президента, война окончена. Мы ликовали, радовались, как малые дети, тому, что пришел конец этому кошмару. И вдруг 4 апреля в 2 часа дня нас неожиданно бросили на штурм села Гойское. Наш третий батальон находился в резерве, поэтому я только наблюдал со стороны за ходом боя. Стрельба, стрельба, пальба, взрывы, крики. Авиация стала бомбить село и его окрестности. Дудаевцам удалось подбить один наш самолет. Жертв было очень много».

Из письма Е. Н. Савина, старшего техника роты (22.07.1996):

«Ваш сын <...> добровольно согласился участвовать в боевой операции по освобождению от бандформирований населенного пункта Гойское. 4 апреля 1996 был жестокий бой. Наш батальон при поддержке танков предпринял по-

пытку взять штурмом ферму, расположенную на окраине Гойского, являющегося опорным пунктом боевиков. <... > Пехота, высадившись из БМП, вела наступление пешим строем, при подходе к позициям боевиков ваш сын Евгений заскочил в десантный отсек БМП. По этой машине боевики открыли интенсивный огонь из стрелкового оружия и гранатометов. С письмом посылаем Вам имеющиеся у нас его личные вещи».

Рассказывает Т. В. Бурганова (продолжение):

«Он получил огнестрельное пулевое ранение в живот с повреждением внутренних органов. Пулька оставила на теле маленькую точку, размером с родинку. Женя БМП догнал в бою, мальчишки [солдаты] его затащили в машину. И эта пулька со смещенным центром, пока он бежал, ему все кишки переворачивала. И он от боли, видимо, и умер. На видео-документах, которые нам в морге показали, заметно, что сигарету он буквально сжал зубами. Вообще опознать его в морге было трудно, так как на себя не был похож: был очень крупный, видимо, отекавший. Мы его опознали по родинкам, еще на коленке был шрам с детства: когда-то в речку прыгал с плота и поранился. В морге всю работу выполняли солдатки: переодевали, доставали из рефрижератора. Еще при жизни наших солдат в Чечне крестили, в гробу они уже были обряженные, под покрывалом, с ленточкой на голове. И справку дали:

Справка

выдана в том, что в деревянном транспортновочном ящике находится деревянный гроб, в который вложен оцинкованный запаянный гроб с телом погибшего (умершего) военнослужащего воинской части в/ч 61931

Яцишина Евгения Михайловича.

Далее гроб доставили самолетом из Ростова до Иркутска и на поезде от Иркутска до Тулуна. На гробе пишут не фамилию, а просто номер, как на товарном ящике (гроб обит деревянными досками). Вот я за этим гробом везде следила, чтоб не перепутали, до всех дверей сама провожала. Ждала, когда двери закроются, только тогда шла на свое место. Делала все автоматически, слезы льются, но стараюсь не опускать заплаканных глаз с гроба с Жениным телом.

В кабинетах я кричала, у меня даже была истерика. Военные начальники сидят, голову опустили. Из всех военачальников благодарить нам надо Щербакова, начальника спецлаборатории в Ростове. Он всё организовал для родственников: во время нашего приезда уже была компьютерная база. А до нас этого не было. Нам приходилось встречаться с такими людьми, которые приезжали в Ростов уже по несколько раз, чтоб найти своих погибших сыновей или хотя бы что-то узнать о них.

Я считаю, что это несправедливая война. Наши мальчики просто выполняли воинский долг. Друг гибнет, чувство взаимовыручки побеждает. Женя мог бы отказаться от поездки в Чечню еще в Кяхте, у него была температура 39. Другой мальчик тоже приболел, так смог не поехать.

После похорон я магнитофон включала всю, на полной громкости слушала все Женины любимые песни. Люди, наверно, думали: “Ничего себе, сына похоронила и музыку слушает”. Женя сам музыку любил, на гитаре играл. Он был рослый, красивый, талантливый.

Все эти годы он мне снился и сейчас снится. Снится маленьким. От горя отвлекают только заботы. В заботах беду легче пережить: то переезд, то ремонт, то внуки в гости приходят.

Женя из Чечни нам писал: “Мама, я в июне всё равно буду дома”. Так и получилось: я в июне его и привезла. Погиб в бою под селом Гойское 4 апреля, опознала я его 29 мая. Хоронили в июне. Так и получилось, как писал: “В июне всё равно буду дома”».

Читая письма Евгения, слушая его маму, я понял, что к войне не были готовы ни руководство армии, ни правительство. Об этом говорят факты: отвратительные бытовые условия, отсутствие нормального обмундирования. Приказы по ведению боевых действий были нечеткие. Солдаты сами по ходу боев принимали решения. Но самое тяжелое — это как мамы, отдавшие своих сыновей навстречу трагической судьбе, сами отправлялись в дальний долгий путь за своими погибшими сыновьями.

Юрий Анатольевич Щербашин

По страницам газет:

«6 декабря в Грозном автомобиль “Урал”, в котором офицеры сводного отряда УВД Иркутской области ехали на совещание, был подорван радиоуправляемым фугасом. Юрий Щербашин получил тяжелейшее ранение в голову, но еще 4 дня он и военные медики боролись за жизнь. С ноября 1996 по январь 1997 Юрий Щербашин в составе сводного отряда Иркутской области проходил службу в Дагестане в период первой чеченской кампании. Его преданность служебному долгу и присяге отмечена нагрудными знаками “За отличную службу” и “За отличие в службе” второй степени. С декабря 1999 по март 2000 стал участником второй. Был представлен к награждению орденом “За заслуги перед Отечеством”, но Отечество потеряло своего сына, так и не успев вручить ему заслуженную награду. В честном бою ему трудно было найти равных, но война выбивает лучших из наших рядов» (Некролог в газете «Знамя»).

Рассказывает Нина Петровна Щербашина, мама Юрия:

«У нас дружная семья. В семье росло трое детей. Юра учился в 15 школе. Во время учебы занимался спортом: боксом, карате.

Позже стал студентом Восточно-Сибирского института МВД РФ, учился он очень хорошо. Как раз только-только сессию сдал и поехал в последнюю командировку в Чечню. С женой к этому времени уже разошелся. Раньше в Казахстане служил в группе захвата, по всему Союзу ездил. Это были 91–92 годы. В 1995 году Толя, брат, привез его в Братск, а семья там осталась. Юрины дети уже взрослые: сыну 25 лет, а от первой жены дочери уже 29 лет.

Как-то во время одной из первых командировок в Чечне была зачистка местности, российские и чеченские милиционеры разоружили 500 человек бандитов. Боевики Юру уважительно называли “Черный ворон”, и позывной у него такой же был, и песню он такую пел.

Шел 1996 год... А мы тогда держали скот и жили на даче. Юрочка приехал в конце февраля, мы его даже не узнали: он был совсем седой.

18 ноября 2000 года Юра в Чечню поехал в третий раз, командировка должна была продлиться до 8 марта. Юра был снабженцем по вооружению. 3 декабря, в четверг, он позвонил: “Мама, всё хорошо, не беспокойся”. Он всегда с почты звонил в одно и то же время по четвергам (сотовых телефонов у них тогда не было). А тут назначенный день прошел (очередной четверг, 10 декабря), а звон-

ка нет. Мы с мужем еще ничего плохого не предполагали. (Потом оказалось, что Юра был ранен 6 декабря, а 10 декабря умер).

А дня через два звонок в дверь. Открываем, а на площадке стоят человек пять в милицеской форме. Кто-то из них спрашивает: “Здесь Щербашины живут?” От них мы узнали, что Юра ранен. Раненого, его в четыре медпункта возили. На первом пункте сделали перевязку и сказали: “Увозите быстрее, а то придут чеченцы и зарежут”. И то же самое на двух других пунктах. Только на четвертом медпункте оставили, где он уже спокойно полегал. Потом повезли во Владикавказ на попутных машинах. Там он и умер. А вот если бы сразу в течение 12 часов сделали операцию, он был бы жив. Это уже потом нам врачи сказали. Я думаю, он бы выдержал, он ведь никогда не болел, спортом занимался. В 8 месяцев отец его ставил на вытянутой руке, и он стоял, как оловянный солдатик.

В том, последнем, бою Юра сам сел на пулемет, а молодого товарища посадил в кабину: у того должен был родиться ребенок, и Юра его оберегал от опасности. Накануне мы дома в эту ночь (с 6-го на 7-е) почему-то до 4 часов утра не спали, всё вспоминали свою жизнь, всю молодость. Это, наверное, тогда и произошло. А потом несколько дней мы не могли точно ничего узнать. 12 декабря я звонила сама лично в больницу, врач сказал: “Я вам соболезную”. А до этого звонили то из Москвы, то из Иркутска: то жив, то погиб. Сначала, еще когда думали, что жив, на отца, Анатолия Тихоновича, взяли билет во Владикавказ. А когда выяснилось, что погиб, поехало начальство. Из Владикавказа гроб забирали начальник УВД А. А. Григорьев и Шкаев. Если бы поехал не Григорьев, может быть, тело вообще бы не отдали: считался бы потерянным. Мы очень благодарны ему».

Сначала я не мог поверить, что тело погибшего могли по какой-то причине не отдать родным, но потом, при более детальном изучении материалов прессы, прочитал в газете «Труд» за 21 марта 1997 года, следующую информацию: «...государству без вести пропавший “экономически выгоднее”, чем погибший. Знаете, почему? Да потому, что лишь по прошествии трех лет, да и то только через суд, пропавший без вести может быть “удостоен права” перейти в разряд погибших, и соответственно, только тогда родители смогут получить за него хоть какую-то компенсацию и положенные им мизерные льготы». После этого становится понятно, что государство заинтересовано как можно дальше отодвинуть эти сроки, а многие погибшие обретают этот бесправный «статус» без вести пропавшего.

Рассказывает Нина Петровна Щербашина (продолжение):

«Как только я узнала, что Юрочка умер от ранения, мне стало плохо, уколы делали. 21 декабря гроб привезли в управление МВД и там установили. Потом, 22 декабря, во время похорон, подвезли к дому. Народу была тысяча!

Похоронен Юра на кладбище на правом берегу [Ангары]. А мы все эти годы так и живем: спать ложишься — думаешь о нем, и встаешь — думаешь. Первое время не могла во всё происходящее поверить: как увижу на улице похожего на Юру человека, так и думаю, что это он. Сын Толя говорит: “Мама, ты же хоронила, ты же видела”. Гроб был маловат, крышка так и не закрылась. Мне даже снилось, как Юрочка мне говорит: “Мамочка, забери меня, мне так больно”. Я проснулась и думаю: “Кому же позвонить?”

Юра в этот третий раз очень ехать не хотел. Когда провожали, он три раза выбежал из автобуса, обнимал отца и спрашивал: “Папа, мы же еще встретимся?” И в самолет ИЛ-76 сядил самый последний. Сказал: “Ну, не хочу я ехать”.

Шепелев сказал: “Юра, ну, не хочешь ехать — оставайся”. — “Ну как, ребят же не бросишь” (он все лето молодых ребят перед поездкой тренировал, в горы их водил. Он же был инспектор по кадрам).

Юра был очень честным человеком. Наш сосед по даче часто менял машины. Я спросила Юру: “Ты же тоже милиционер, почему ты так не можешь?” — “А зачем же, мама, ты меня таким честным воспитала?” — так он мне ответил.

Война никому не нужна. Юра рассказывал, что оружие у русских было устаревшее, аж образца 1945 года. Патроны образца 1943 года, они и не стреляют. Это преступная война, она истребляет наших детей. Надо было быть очень глупыми людьми, чтобы ввязаться в эту войну».

Владимир Михайлович Идашин

По страницам газет:

«Ранним утром 14 марта в Братск пришла трагическая весть — чеченская война унесла жизнь еще одного братчанина — Владимира Михайловича Идашина, старшего лейтенанта, оперуполномоченного МО УБОП при УВД Иркутской области. (Он геройски погиб 14. 03. 2000 в чеченском селе Комсомольское, прикрывая пулеметным огнем своих боевых товарищей).

С органами МВД Владимир связал свою судьбу еще в 1991 году. Его коллеги дали товарищу короткую и емкую характеристику: наш парень.

В 1995 году перешел работать в Братский отдел по борьбе с организованной преступностью. В составе СОБРа весной 1996 года побывал в первой командировке в зоне боевых действий на Северном Кавказе» (И. Кириллова).

«В другой раз комсомольский отряд СОБРа межрегионального управления борьбы с организованной преступностью перебросили из Грозного для зачистки местности, где они и попали в засаду. Пуля снайпера ранила Владимира в голову. 14 марта в госпитале Моздока старшего лейтенанта Идашина не стало».

Рассказывает Михаил Степанович Идашин, отец Владимира:

«Володя у нас с женой Лидой был единственный сын. Родился он 5 января 1965 года. Жили мы тогда на правом берегу Ангары в поселке Гидростроитель в однокомнатной квартире типа общежития.

Позже мне от Братской ГЭС дали двухкомнатную квартиру в поселке Падун по улице Набережной, 25, квартира 8, в деревянном доме. Так что детские школьные годы сына прошли в Падуне. Учился Володя в школе № 13. Мальчишка он был общительный, занимался спортом: гонял футбол, катался на коньках, велосипеде, у него было много друзей. Как-то прибегают к нам Игорь Шурыгин и Димка Ткачев и говорят: “Дядя Миша, Вовка яхту строит, мы ему помогаем”. Я не поверил, а потом сам увидел — яхта настоящая, и на борту надпись: “Мистери”. Не раз наш сынок с друзьями ходил на ней в открытое море. Мать сильно переживала, ругала, а он рассмеется, обнимет ее и опять за свое. Лида сильно любила Вовку. Когда он маленький был, она его оберегала, он все больше к ней льнул. Да вот, посмотрите. Где-то в классе 3 или 4 Володя смастерил матери подарок к 8 Марта — вышил на салфетке грибок, сам сделал открытку. Наклеил фотографию Лиды и написал стишок (или это песенка):

Обниму я в марте радостно
Маму милую свою.
Дам я ей подарок праздничный
И тихонечко спою...

Пускай узнает ветер,
И звезды и моря,
Что лучше всех на свете
Мамочка моя.

Твой сын Вова

Лида хранила этот подарок как самое дорогое. Теперь ее нет...

В 1983 году Володя закончил школу. Ему исполнилось 18 лет и его забрали в армию. Отслужил два года, в 1985 году вернулся. Устроился работать в Падунскую милицию. Работать Володя никогда не отказывался. До того, как связать свою судьбу с органами МВД, он успел побывать учеником автослесаря на ЦРМЗ [центральный ремонтно-механический завод], трудился в электроцехе Братской ГЭС, в охране банка "Братскгэсстроя". В органах МВД начал работать с 1991 года. Весной 1996 года его направили в первую командировку на Северный Кавказ. Лида плакала день и ночь. Но, слава Богу, сын вернулся живым в звании лейтенанта, награжденный медалью "За отвагу". Как с Чечни вернулся, стал молчаливым. Все свободное время проводил в семье с женой и дочерью. Заходил к нам, проводывал: как мать? (она уже тогда начинала прибалывать). Вообще Володя и раньше был домашним, не связывался с плохими компаниями, не пил, не курил. Спортом занимался всегда, считался лучшим спортсменом-гиревиком России.

26 февраля 2000 года Володя снова поехал в Чечню. 14 марта был ранен снайперской пулей. В селе Комсомольское их отряд попал в засаду. Умер сын в госпитале города Моздок.

16 марта пришла телеграмма о гибели Володи, подписанная министром Рушайло. Когда эту телеграмму принесли, Лида сразу потеряла сознание, упала, я и сам еле стоял на ногах. Потом потянулись дни ожидания...

Гроб с телом Володи привезли через 8 дней. Машина подъехала к дому его семьи на улице Приморской. После похорон мы осиротели. Лида таяла, сердце стало давать сбои, большую часть времени она находилась в больнице. 28 июля в этом году она умерла от инфаркта в больнице. А я теперь остался один. Тяжело невыносимо. Зачем так: я живой, а Лиды и Володи нет? Радует внучка Лена. Она заходит, звонит, справляется о моем здоровье».

Дослушав рассказ Михаила Степановича, я попрощался, пообещав вернуть фотографии, документы, вырезки из газет через неделю. Вернуть не получилось, так как 4 января 2012 года Михаил Степанович Идашин скончался в той же больнице от сердечного приступа, в кардиологическом отделении, что и его жена, пережив ее всего на полгода...

ОБМАНУТЫЕ НАДЕЖДЫ. ПАМЯТЬ

Все мамы говорили нам о том, что их сыновья не смогли бы не поехать в Чечню.

Говорит Галина Алексеевна Иванова:

«Можно ли было спасти детей? Наверное, да. Многих сыновей родители в прямом смысле воровали. И у меня был наготове пакет с одеждой и кроссовками. Но дети мне сказали: “Если бы ты за нами приехала, то уехала бы одна. Как мы пацанов бросим?” Так сама их воспитала».

Говорит Лилия Михайловна Бурнина:

«Ну как может молодой парень при всех сказать: “Я не поеду?” Конечно же, он поехал. А в письме писал: “Трудно было отказаться. Во-первых, это значило увеличить себе срок на полгода. Во-вторых, это значило показать свой страх, что ли, типа ты сдрейфил”».

Говорит Татьяна Васильевна Бурганова:

«Мне потом мальчишки, которые из Чечни живые вернулись, сказали: “Тетья Таня, как он откажется, что он трус, что ли? Не он, так другой должен пойти”».

Говорит Нина Петровна Шербашина:

«Шепелев [командир] сказал: “Юра, ну не хочешь ехать — оставайся”. На что Юра ответил: “Ну как, ребят же не бросишь” (он всё лето молодых ребят перед поездкой тренировал, в горы их водил. Он же был инспектор по кадрам)».

Все эти факты подтверждают, что есть «человеческое в человеке», то самое, о котором говорил писатель В. Гроссман.

То, что война преступная, что людям она не нужна, говорит и отношение мирного населения обоих народов к ней и друг к другу.

Люди продолжали жить и сохраняли человеческие отношения. Когда мама Жени Яцишина поехала искать сына, она не знала, где в Чечне сможет остановиться. Еще в Братске знакомые дали адрес чеченской семьи, где ее могли бы принять. Потом, уже позже, с этими людьми она встречалась и в Братске. Людмила Капитоновна Леуткина рассказала, что ее сын Алексей на войне помогал не только военным, но и гражданскому населению. Однажды у местной женщины роды принял. Она боялась родить раньше времени и не согласилась уехать с беженцами. В селе остались одни старики (аксакалы). И помочь ей больше никто бы не смог. Ему за это подарили ковер, который повесили в военной палатке.

Но больше всего меня поразил рассказ Галины Алексеевны Ивановой. Мне кажется, он очень ярко говорит об отношении народов к этой войне и друг к другу.

Рассказывает Галина Алексеевна Иванова:

«Когда я поехала забирать тело Жени, в Ростове жила в гостинице. В это время со дня гибели Жени уже исполнилось 9 дней. В тот день я вышла на улицу, ко мне возле гостиницы подходит молодой парень, черноволосый, высокий, и спрашивает: “Вам, наверное, помощь нужна? Вы что-то ищете?” — “Я ищу телефон [автомат]”. Он мне показал. Я, наверное, поговорила, и он, видно, слышал (у меня были провалы в памяти, я многое не помню). И он встал передо мной на колени сказал: “Вы можете делать со мной что угодно, я чеченец, я уехал из Чечни, чтоб не воевать. У меня всех убили: родителей, жену, детей, я один остался”».

Я уже упоминал, что с началом ввода войск в Чечню президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин выступил с обращением к воинам:

«Сегодня, 11 декабря 1994 г., на территорию Чеченской республики введены подразделения войск Министерства внутренних дел и Министерства обороны Российской Федерации. Действия Правительства вызваны угрозой целостности России, безопасности ее граждан как в Чечне, так и за ее пределами, возможностью дестабилизации политической и экономической ситуации...»

Воины России! Знайте, что, выполняя свой долг, защищая целостность нашей страны и спокойствие ее граждан, вы находитесь под защитой Российского государства, его Конституции и законов.

Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль

11 декабря 1994 года».

Как видим, президент гарантировал, что все участники находятся под защитой Конституции. Почему же у родителей осталось чувство, что их обманули? С трудом добились права на пенсии, нет обещанных званий и наград погибшим сыновьям?

Рассказывает Ольга Владимировна Бушуева:

«После гибели Саши нам сказали, что льготы родителям никакие не положены. Я же знала, что должна быть льгота, поэтому, можно сказать, что добилась ее только тогда, когда сама добралась до Москвы.

Погиб Саша в январе, а удостоверение, дающее право на льготы, дали только через 10 месяцев. Я в то время не работала, так как другие дети были еще маленькие. Пенсию по возрасту мне дали, как положено в Братске, в 50 лет, и стали вместе с пенсией по возрасту выплачивать пенсию по потере сына. Получается, что удостоверение о гибели сына получила в 40 лет, а выплачивать стали в 50. Добавили 7 338 рублей к основной пенсии. У Саши было звание — старший сержант. Медаль Суворова дали еще при жизни. Сейчас выплачивают за сына 8 339 рублей».

Среди общих документов у О. В. Бушуевой находится извещение от 8 февраля 2000 года: «Извещаю Вас с прискорбием о том, что Ваш сын сержант Воскобойников Александр Александрович погиб смертью храбрых при выполнении Правительственного задания по ликвидации бандитских формирований в ходе противотеррористических операций в Чечне. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии (пособия) и предоставления льгот, установленных законодательством РФ. Военный комиссар Падунского района г. Братска подполковник А. Казанцев, начальник 4 отделения подполковник С. Перельгин».

Значит, всему виною чиновничьи проволочки.

Рассказывает Нина Петровна Щербашина:

«Юра говорил, что перед боем их спросили: “Кто хочет звание, а кто награду?” И он сказал: “Звание я заработаю, дайте награду”. И ни награды, ни звания. Позже президент Владимир Путин приезжал в Хасав-Юрт, подарил командирские часы. А орден “За заслуги перед Отечеством” так и не дали. Сын три раза ездил в зону боевых действий, я думаю, что заслужил».

Рассказывает Татьяна Григорьевна Орленко, сестра Юрия Орленко:

«Мама сейчас проживает с внучкой и правнучкой в однокомнатной квартире (это моя дочь и внучка). Эту квартиру я ей купила на собственные деньги 12 лет назад, никакой помощи от государства в приобретении жилья мы не получили. Сразу после гибели брата звонили, интересовались, помогли установить телефон (тогда трудно было с установкой, были очереди, правда, саму установку мы оплатили). После потери мамой паспорта помогли с восстановлением. Как-то две девочки из отдела кадров МВД пришли поздравить с праздником. Потом десять лет мы были никому не нужны. Вспомнили только сейчас, к годовщине ввода войск в Чечню. В январе этого года исполнится уже десять лет, как Юра погиб».

Из письма Г. А. Ивановой командиру в/ч 61931:

«Мои сыновья-двойняшки выполняли Правительственное задание в Республике Чечне, верные воинской присяге, с января 1995 г. по 6 марта 1995 г. Иванов Евгений Владимирович, по 13 марта Иванов Михаил Владимирович. 5 марта Евгения под Шали ранило, а 6-го он умер от ран. В мае 1995 г. Евгения наградили орденом Мужества, посмертно.

По рассказам Михаила (второго сына) о Чечне, он был дважды представлен к наградам. Но при жизни он так и не дождался награды. Умер 24 марта 2001 г. Если Михаил представлен к награде, значит, где-то же есть архивные записи, которые могут это подтвердить.

То, что я хочу, ради памяти сына, это очень мало по сравнению с тем, что я на старость лет осталась без сыновей, без радостей, без мечты, без надежды и веры, без денег, без помощи, без смысла жизни...»

Родители продолжают жить: воспитывают внуков, занимаются дачей, собираются ежегодно 11 декабря на встречах памяти ввода войск в Чечню. Говорят, что всё время мысленно оглядываются на своих детей и думают, понравилось бы это сыну или нет.

Мы искренне благодарны тем, кто не отказывается встречаться со школьниками и рассказывать снова и снова о своих детях. Оказывается, говорить о пережитом могут не все: мы получали и отказ от встречи. Но сейчас точно знаем: прожитое время для родителей ничего не отодвинуло, не затмило. Анатолий Тихонович Щербашин, рассказывая нам о сыне, признался: «Невозможно разбередить рану, так как она и не заживает: ложишься ночью спать — думаешь о нем, утром просыпаешься — думаешь о нем». И так уже многие годы, больше десяти лет, в 24 семьях наших земляков.

О конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век»

Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» проводится Международным обществом «Мемориал» совместно с Союзом краеведов России, Международным благотворительным фондом им. Д. С. Лихачева и Кафедрой региональной истории и краеведения Российского государственного гуманитарного университета с 1999 года.

В жюри конкурса входят известные российские ученые, писатели, общественные деятели. Все эти годы, с момента основания конкурса, бессменным председателем жюри был выдающийся историк, краевед, действительный член Российской академии образования Сигурд Оттович Шмидт (1922–2013). С сентября 2013 года жюри конкурса возглавляет писательница Людмила Улицкая.

Цель конкурса — способствовать сохранению исторической памяти и сближению поколений. Его задача — привлечь школьников к изучению российской повседневности, региональной и семейной истории.

Молодые люди находят темы и материалы для своих работ, записывая рассказы о прошлом, работая в региональных архивах и школьных музеях, изучая семейные фотографии и документы.

Работу школьников направляют педагоги – учителя школ, руководители краеведческих и исторических кружков.

За пятнадцать лет существования конкурса в архиве Международного «Мемориала» собрано более 35 тысяч исторических работ. Около трети из них пришло из региональных центров. Остальные — из малых городов и деревень.

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов опубликованы в четырнадцати сборниках на русском языке. Это «Человек в истории. Россия — XX век» (2000, 2001, 2002, 2003), «Время местное, прошедшее» (2006), а также семь тематических сборников: «Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников» (2004), «Цена победы: Российские школьники о войне» (2005), «Мы все с одной деревни: Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» (2006), «Полустертые следы: Российские школьники о еврейских судьбах» (2006), «Как наших дедов забирали: Российские школьники о терроре 30-х годов» (2007), «Круг семьи и колесо истории: Российские школьники о судьбах своих семей» (2008), «Пути следования: Российские школьники о миграциях, эвакуациях и депортациях XX века» (2011), «Верх по реке времени: Российские школьники об истории XX века» (2012), «По крупнякам: Российские школьники об истории XX века» (2013).

На немецком языке был издан сборник лучших работ нашего конкурса «Russlands Gedächtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten» («Память России. Молодые открывают забытые страницы биографий», издательство Edition-Koerber-Stiftung, 2004). В том же издательстве в 2006 году вышел сборник «Unruhige Zeiten» («Смутные времена»), включающий работы российских и немецких школьников, победителей конкурсов «Человек в истории. Россия — XX век» и аналогичного немецкого конкурса. Сборник «Быть чеченцем» переведен на немецкий («Zu wissen, dass du noch lebst», издательство «Aufbau», 2007), норвежский («Å være tsjetsjener Vitnesbyrd fra krigens barn», издательство «Humanist forlag», 2006) и итальянский («La Cecenia dei bambini. I giovani raccontano la tragedia del Caucaso», издательство «Einaudi», 2007) языки.

Конкурс проводится при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Филиала «Фонд Фридриха Науманна за свободу» (Германия) в Российской Федерации, Фонда Кёрбера (ФРГ).

С 2001 года конкурс входит в сеть европейских исторических конкурсов Eustory.

Адрес оргкомитета конкурса:

127051, Москва, улица Каретный Ряд, 5/10

Тел. 495 699-65-04

E-mail: konkurs@memo.ru

www.urokiistorii.ru/konkurs

САЙТ «УРОКИ ИСТОРИИ»

В мае 2009 г. был открыт сайт «Уроки истории» (www.urokiistorii.ru). Это консультационный и методический портал для подготовки исторических исследований, дискуссионная площадка для обсуждения проблем отечественной истории. Сайт освещает актуальные события, касающиеся современного состояния культуры памяти и исторической политики, развития исследований истории XX века.

На сайте размещены сборники работ участников конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», информация о российских и международных конкурсах, выставках, аннотации учебников, книг и научных статей, рецензии на фильмы, теле- и радиопередачи, затрагивающие историческую тематику.

Жюри конкурса

Людмила Евгеньевна Улицкая

председатель Жюри конкурса
писательница, Москва

Даниил Александрович Гранин

писатель, Санкт-Петербург

Александр Юльевич Даниэль

директор программы «История инакомыслия в СССР»
Международного «Мемориала», Москва

Сергей Аркадьевич Иванов

историк, профессор НИУ ВШЭ, Москва

Ирина Владимировна Карацуба

историк, доцент МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Александр Валерьевич Кобак

исполнительный директор Международного благотворительного фонда
имени Д. С. Лихачева, Санкт-Петербург

Владимир Фотиевич Козлов

заведующий кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ,
председатель Союза краеведов России, Москва

Ксения Андреевна Ларина

журналист, обозреватель радиостанции «Эхо Москвы», Москва

Мария Александровна Липман

главный редактор журнала Pro et Contra, Московский центр Карнеги, Москва

Александр Давидович Марголис

генеральный директор Международного благотворительного фонда спасения
Петербурга-Ленинграда, Санкт-Петербург

Арсений Борисович Рогинский

председатель правления Международного «Мемориала», Москва

Никита Павлович Соколов

шеф-редактор журнала «Отечественные записки», Москва

Ирина Лазаревна Щербакова

председатель Оргкомитета конкурса, Москва

Ирина Евгеньевна Ясина

вице-президент фонда «Либеральная миссия», Москва

пишет вам ваш сын и брат...

человек, общество, армия в работах российских школьников

Редактор Ирина Щербакова
Корректор Николай Гладких
Верстка Жанна Махмутова

Международное общество «Мемориал»
127051 Москва
Малый Каретный переулок, 12
e-mail konkurs@memo.ru
www.urokiistorii.ru/konkurs
Телефон 495 6507883

Подписано в печать 21.04.2014
Формат 60x90 1/16
Гарнитуры Charter, FranklinGothicBook
Объем 10,25 условных печатных листа
Бумага офсетная
Печать цифровая
Тираж 300 экз.
Заказ № ИПО050
Типография УНОПРЕСС
Москва, Малый Калужский переулок, 15, строение 11